

18+

12

навых
историй
о настоящей
любви

Ли
Бардуго

Кассандра
Клэр

Дженни
Хан

Вероника
Рот
и другие...

Вероника Рот

**12 новых историй о
настоящей любви (сборник)**

«АСТ»

2016

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

Рот В.

12 новых историй о настоящей любви (сборник) / В. Рот —
«АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-103644-7

Кассандра Клэр, Холли Блэк, Вероника Рот, Лев Гроссман и другие написали чудесные истории о лучшем чувстве на земле. И теперь у вас есть двенадцать прекрасных, чтобы влюбиться эти летом. Озеро, где плавает серебристый морской змей или школьный стадион, карнавал ужасов или спа-курорт, город, в котором остановилось время, или фуникулер, – влюбиться можно где угодно. Главное, чтобы это произошло летом!

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-103644-7

© Рот В., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Ли Бардуго	6
Нина Лакур	24
Либба Брэй	41
Франческа Лиа Блок	65
Стефани Перкинс	75
Тим Федерли	96
Вероника Рот	112
Джон Сковрон	131
Брэнди Колберт	157
Кассандра Клэр	176
Дженнифер Э. Смит	194
Лев Гроссман	214
Благодарности	235

12 новых историй о настоящей любви

Сборник

Summer Days & Summer Nights. Twelve Love Stories

Copyright © 2016 by Stephanie Perkins

«HEAD, SCALES, TONGUE, TAIL» Copyright © 2016 by Leigh Bardugo

«THE END OF LOVE» Copyright © 2016 by Nina LaCour

«LAST STAND AT THE CINEGORE» Copyright © 2016 by Libba Bray

«SICK PLEASURE» Copyright © 2016 by Francesca Lia Block

«IN NINETY MINUTES, TURN NORTH» Copyright © 2016 by Stephanie

Perkins

«SOUVENIRS» Copyright © 2016 by Tim Federle

«INERTIA» Copyright © 2016 by Veronica Roth

«LOVE IS THE LAST RESORT» Copyright © 2016 by Jon Skovron

«GOOD LUCK AND FAREWELL» Copyright © 2016 by Brandy Colbert

«BRAND NEW ATTRACTION» Copyright © 2016 by Cassandra Clare,

LLC.

«A THOUSAND WAYS THIS COULD ALL GO WRONG» Copyright ©

2016

by Jennifer E. Smith Inc.

«THE MAP OF TINY PERFECT THINGS» Copyright © 2016 by Lev

Grossman

© П. Киселева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Посвящается Джерроду – моему лучшему другу и истинной любви

Ли Бардуго

Голова, чешуя, язык и хвост

Голова

Об Анне-Ли Саперстейн и о том, почему она приехала в Литл-Спиндл, ходило множество слухов, но Грейси особенно нравилась версия про жару.

В 1986 году лето в Нью-Йорке выдалось таким невыносимо жарким, что все, кто мог себе это позволить, поспешили уехать из города. Тротуары плавились от жары, одного мужчину нашли мертвым в ванне, а у его волосатых колен плавал электрический вентилятор. Городская электросеть то и дело отключалась, мерцая, как облепленный мошками фонарь. В Верхнем Ист-Сайде, в квартирах над булочными, кулинарными, универмагами «Вулвортс» и гастрономами «Ред Эппл», люди спали поверх простыней, посасывали завернутый в носовые платки лед и шире распахивали окна в надежде на дуновение ветра. Вот почему, когда жаркой июльской ночью Гудзон вышел из берегов и отправился на поиски приключений, окно в спальне Рут Блонкси, подпертое помятой обувной коробкой, оказалось открытым.

В тот день Рут гуляла с друзьями в Риверсайд-парке, ела лимонный лед и щеголяла новым сарафаном цвета спелой хурмы. Вообще-то это была старая ночнушка, которую она собственноручно перекрасила, потратив две пачки краски и добившись весьма неоднозначного результата. Уже несколько дней подряд обещали дожди, но небо все еще тяжело нависало над городом вздувшимся пузом туч и отказывалось разродиться. Покрываясь испариной, Рут перегнулась через перила, глядя на вспучившуюся поверхность реки, тусклую и темную под затянутым тучами небом. У нее возникло жутковатое ощущение, что вода тоже посмотрела на нее.

Вдруг с маленькой розовой ложечки в руке Рут скатилась капля мороженого, холодным язычком лизнув ее запястье, и тут Марва Эллсбург окликнула ее:

– Пойдем в «Джейбис» смотреть пластинки!

Рут слизнула лимонную каплю с руки и перестала думать о реке.

Однако той ночью, когда она проснулась на скомканных и мокрых от пота простынях, ей сразу же вспомнилось то липкое прикосновение. Она уснула в одежде, влажный сарафан прилип к животу. Тело под ним пылало от смутных воспоминаний о речном боге – мускулистой фигуре с серой кожей в сине-зеленую крапинку, грациозно лавировавшей в бурном потоке сна. На губах остался привкус недавнего поцелуя, а голова кружилась, будто она слишком резко вынырнула с большой глубины. Уши у нее заложило, и немало времени утекло, прежде чем это прошло, а в нос ударил знакомый мшисто-металлический запах мокрого бетона. Наконец она сообразила, что за звук доносится сквозь открытое окно: дождь размеренно барабанил по предраассветным улицам. Небо наконец разродилось.

А девять месяцев спустя Рут родила дочку с глазами цвета речного ила и волосами-водорослями. Когда отец выгнал Рут из дома, выкрикивая вслед проклятия на польском и английском и бросаясь угрозами в адрес пуэрториканца, с которым Рут ходила на бал в предпоследнем классе, Анна-Ли Саперстейн приютила ее у себя, невзирая на злобное кудахтанье соседей. Анна-Ли работала в круглосуточной прачечной самообслуживания. Никто толком не понимал, когда она спит, поскольку в любое время дня и ночи ее можно было застать сидящей с кроссвордом в свете флуоресцентных ламп, под шум и жужжание стиральных машин. Джоуи Пас-тан однажды нагрубил ей, когда у него кончились четвертаки, и потом клялся, что сушилки злобно на него зарычали. Так что никто не удивился, когда Анна-Ли поверила Рут Блонкси. А когда, стоя в очереди в кулинарии «Гитлиц», Анна-Ли врезала отцу Рут полуфунтовым сверт-

ком только что купленной тонко нарезанной солонины и заявила, что от речных духов не убежишь, никто не решился с ней спорить.

Дочка Рут наотрез отказывалась от молока и пила только соленую воду, а ела исключительно устрицы, моллюсков и речных раков, которые приходилось целыми ящиками доставлять в тесную квартирку Анны-Ли. Впрочем, судя по всему, это пошло ей на пользу: зеленоглазая малышка превратилась в девушку сногшибательной красоты. Однажды, переходя Амстердам-авеню, она попала на глаза сотруднику модельного агентства и вскоре стала знаменитой моделью, прославившись своими пухлыми чувственными губами и русалочьей пластикой. Она купила матери пентхаус на Парк-авеню, на стены которого они повесили картины, изображавшие пустынные цветы и пересохшие русла рек. Анне-Ли Саперстейн они подарили кругленькую сумму, которая позволила ей бросить работу в прачечной и перебраться в Литл-Спиндл, где она открыла закусочную «Дэйри Квин».

Такова была одна из версий появления Анны-Ли Саперстейн в Литл-Спиндл, и Грейси она казалась вполне логичной. С чего бы еще Анне-Ли выписывать французский и итальянский «Вог», если она в жизни не носила ничего, кроме задрипанных синтетических платьев и сандалий с носками?

Поговаривали, что Анна-Ли обладает неким особым знанием. Вот почему Донна Бэйквелл отправилась к ней в то лето, когда ее терьера сбила машина и она плакала не переставая, даже во сне, по дороге в продуктовый за консервированной фасолью или отвечая на телефонный звонок. Звонившие ей слышали на другом конце провода лишь рыдания и всхлипы. Однако разговор с Анной-Ли каким-то образом сотворил то, чего не сумели добиться врачи и таблетки, и слезы Донны наконец иссякли. Поэтому же и Джейсон Майло, который не мог отделаться от мысли, что бывшая жена прокляла его новенький пикап, отправился однажды ночью в закусочную к Анне-Ли. И именно поэтому, когда Грейси Мишо увидела в озере Литл-Спиндл нечто, удивительно похожее на морское чудовище, она тоже обратилась к Анне-Ли Саперстейн.

Грейси сидела на берегу в небольшой бухточке, которую считала своим личным убежищем: это была небольшая выемка в скалах с южной стороны озера, которая, казалось, никого больше не интересовала. Для любителей позагорать там было слишком тенисто, а столов для пикника и веревочных качелей, на которые туристы летом слетаются как мухи, там не было. Она бросала камушки в воду, изо всех сил стараясь не ковырять ссадину на коленке, чтобы ноги хорошо выглядели в джинсовых шортах, которые она укоротила в свой четырнадцатый день рождения, но, услышав всплеск, все же не смогла удержаться. Из-под воды один за другим показались три бугорка, образовавшие миниатюрный блестящий горный хребет. Потом они исчезли, а за ними мелькнул – Грейси отказывалась верить собственным глазам – самый настоящий хвост!

Грейси попятилась к соснам и с трудом поднялась на ноги. Сердце бешено стучало в груди. Она ждала, что водная гладь снова расступится и на песок выползет нечто гигантское и чешуйчатое, но ничего не произошло. Она ощутила во рту солоноватый привкус крови: прикусила язык. Она сплюнула, вскочила на велосипед и принялась отчаянно крутить педали, устремившись по бугристой тропинке к главной дороге, а потом с грохотом промчалась через весь город.

Впрочем, путь был недлинный: городок-то был всего ничего. Мини-маркет, автозаправка с единственным в городе банкоматом, ветеринарная клиника, несколько сувенирных магазинчиков и старый бизнес-клуб, превратившийся в библиотеку после того, как десять лет назад затопило библиотеку в соседнем городе Грейтер-Спиндл. В Литл-Спиндл не было ни такого оживленного трафика, ни такого скопления нарядных домов, как в Грейтер-Спиндл: лишь скромные коттеджи в аренду да одна захудалая гостиница. Несмотря на большое озеро

и вполне годные земли вокруг него, люди почему-то предпочитали держаться подальше от Литтл-Спиндл.

Издали озеро выглядело довольно симпатично, посверкивая в просветах между соснами голубыми сполохами и яркими отблесками солнечного света, отражающегося от водной глади. Но по мере приближения к нему настроение начинало ухудшаться, а у кромки воды становилось совсем мрачным. Можно было уговорить себя пройти по пляжу, покачаться на качелях из старой крыши, но стоило отпустить веревку и зависнуть на долю секунды над водой, становилось абсолютно ясно, что это чудовищная ошибка и что, погрузившись под воду, ты исчезнешь навсегда. И что это озеро – не озеро вовсе, а жадная зловещая пасть. На некоторых этот эффект вроде бы не действовал, но многие отказывались и пальцем коснуться воды.

Единственным местом, где дела круглый год шли хорошо, была закусочная «Дэйри Квин», хотя всего в нескольких километрах находилась еще одна такая же. Почему Анна-Ли решила открыть свое дело в Литтл-Спиндл, а не в Грейтер-Спиндл, оставалось загадкой для всех, кроме нее самой.

В тот день Грейси не отправилась напрямик в «Дэйри Квин» – во всяком случае, не сразу. Она доехала до самого дома, бросила велосипед во дворе и уже взялась за ручку входной двери, как вдруг спохватилась. Эрик и ее мама предпочитали проводить воскресные дни на заднем дворе, разлегшись на пластиковых шезлонгах и держась за руки, как пара морских котиков на лежбище. Они оба допоздна работали в больнице в Грейтер-Спиндл и все выходные посвящали любимому хобби – сну.

Грейси замерла, протянув руку к двери. Ну что она скажет матери? Своей усталой матери, которая выглядит встревоженной даже во сне? Там, у озера, Грейси на мгновение снова превратилась в маленькую девочку, но ведь ей уже четырнадцать. Нужно самой во всем разобраться.

Она снова села на велосипед и медленно, задумчиво поехала куда глаза глядят. Уверенность в том, что она видела, то, что видела, постепенно улетучивалась, будто ее выпаривало солнце. Что же она видела на самом деле? Может, это была рыба? Косяк рыб? Но, видимо, подсознание само вело ее куда нужно – доехав до «Дэйри Квин», она свернула на парковку.

Анна-Ли Саперстейн по обыкновению сидела за столом у окна, разгадывая кроссворд, рядом с ней стояла вазочка с подтаявшим арахисовым парфе. Грейси плохо знала Анну-Ли, но любила слушать рассказы о ней, а мать часто посылала ее позвать старушку на ужин.

– Она старая и одинокая, – говорила мама. – Ей будет приятно.

Мама размахивала пальцем у нее перед носом, будто дирижируя невидимым оркестром, и приговаривала:

– Никому не нравится одиночество.

Грейси старалась не закатывать глаза. Правда старалась.

А теперь она уселась на жесткое красное сиденье напротив Анны-Ли и спросила:

– Вы знаете что-нибудь про Иджи-Пиджи?

– И тебе не хворать, – проворчала Анна-Ли, не поднимая глаз от кроссворда.

– Извините, – смутилась Грейси. Она хотела уже рассказать про свое странное утро, но вместо этого спросила: – Как ваши дела?

– Пока не померла. Ты причесываться не пробовала?

– А толку-то, – Грейси попыталась собрать блестящие черные волосы в хвост. – Мои волосы не поддаются дисциплине.

Она немного помолчала и снова задала вопрос:

– Так что насчет чудища в озере?

Грейси знала, что она не первая, кто утверждает, будто видел в озере *нечто*. Было несколько случаев в шестидесятые и семидесятые, хотя, по словам мамы, дело было в том, что тогда все поголовно баловались наркотой. Городской совет даже попытался превратить

эти слухи в туристическую достопримечательность, дав чудищу ласковое прозвище Иджи-Пиджи и изобразив дружелюбного лупоглазого морского змея на табличке «Добро пожаловать в Литтл-Спиндл». Трюк не сработал, но очертания чудища при въезде в город можно было различить до сих пор, а пару лет назад кто-то пририсовал ему гигантский фаллос. Три дня, пока городские власти не заметили непристойное изображение и не велели его закрасить, казалось, будто Иджи-Пиджи совокупляется с последней буквой «л» в слове «Спиндл».

– Ты про Лохнесское чудовище? – спросила Анна-Ли, глянув на Грейси сквозь толстые стекла очков. – Да у тебя, похоже, солнечный удар.

Грейси пожалала плечами. Она всю жизнь так и жила – от одного солнечного удара до другого.

– Я про наше чудище в озере. – На Лохнесское чудовище оно было не похоже: форма совсем другая. Скорее уж похоже на ту придурковатую змеюку на табличке.

– Спроси того парня.

– Какого?

– Не знаю, как его звать. Из отдыхающих. Приходит сюда каждый день в четыре, за мороженым в вишневой глазури.

Грейси скривилась.

– Вишневая глазурь – мерзость!

Анна-Ли наставительно потрясла ручкой перед лицом Грейси.

– Зато продается хорошо.

– Как он хоть выглядит?

– Тощий. С большим фиолетовым рюкзаком. Белобрысый.

Грейси разочарованно откинулась на спинку сиденья.

– Илай?

Грейси знала большинство ребят, которые приезжали отдыхать в Литтл-Спиндл. Почти все они общались между собой. Родители приглашали друг друга на барбекю, а подростки передвигались по городу шумными стайками на велосипедах-внедорожниках, ездили на озера, тусовались в закусочных, а ближе к Дню труда заходили в сувенирные лавки, чтобы купить кепку или брелок. Но Илай держался особняком. Похоже, его семья снимала дом где-то с северной стороны озера, потому что каждый год в мае можно было видеть, как он шагает по главной дороге на юг в полосатых шортах, которые ему явно велики, выцветших кедах «Ванс» и с фиолетовым рюкзаком за спиной. Он заходил в библиотеку и торчал там целыми днями в одиночестве, а потом снова взваливал на плечи свой рюкзакище и тащился обратно, как гигантская белобрысая гусеница, а по дороге непременно заглядывал в «Дэйри Квин» – как теперь выяснилось, за мороженым в вишневой глазури.

– А что с ним не так? – спросила Анна-Ли.

Объяснить было трудно. Грейси пожалала плечами.

– Да просто он мерзкий какой-то.

– Живое воплощение вишневой глазури?

Грейси рассмеялась, но тут же пожалела об этом, заметив, как Анна-Ли смотрит на нее поверх очков.

– Можно подумать, ты у нас городская знаменитость. Тебе бы не помешало завести парочку новых друзей.

Грейси принялась теревить необработанный край недавно обрезанных шортов. Да есть у нее друзья. Моузи Эллен – нормальная девчонка. И Лайла Брайтман. Ей есть с кем сидеть в столовой, и есть кому подождать ее перед первым звонком.

Вот только Моузи и Лайла жили в Грейтер-Спиндл, как и большинство ребят из школы.

– Да и что этот Илай может знать про Иджи-Пиджи? – спросила Грейси.

– Так ведь он целыми днями торчит в библиотеке, разве нет?

Пожалуй, в чем-то Анна-Ли была права. Грейси постучала пальцами по столу, скovyрнув облупленный сиреневый лак на ногте большого пальца. Ей вспомнилась история про речного бога и зеленоглазую девочку.

– Так вы раньше ничего подобного не видели?

– Да я ручку у себя под носом с трудом вижу, – проворчала Анна-Ли.

– Но если человек видел чудище – настоящее, я имею в виду, – то у него, наверно, с головой не в порядке?

Анна-Ли узловатым пальцем поправила очки на носу. Карие глаза за ними влажно поблескивали.

– Чудища – они повсюду, цигеле, – сказала она. – Всегда полезно знать их по именам. – Она сунула в рот ложку подтаявшего мороженого и причмокнула. – А вот и твой дружок.

Илай Кадди стоял у стойки, ссутулившись под тяжестью рюкзака, и делал заказ. Проблема была не в том, что Илай предпочитал проводить время в помещении, а не на улице. Грейси смущало не это. Дело было в том, что он никогда ни с кем не разговаривал. А еще в том, что он всегда казался каким-то мокрым. Одежда как будто липла к его тощей груди. Казалось, если коснуться его кожи, она тоже окажется влажной.

Илай уселся за столик на двоих и подпер раскрытую книжку рюкзаком, намереваясь почитать за едой.

«Да кто так ест мороженое?» – подумала Грейси, наблюдая, как он аккуратно откусывает по чуть-чуть. Тут ей вспомнились странные очертания в озере. «Это просто игра света», – настаивал разум. «Нет, чешуя», – твердило сердце.

– А что такое «цигеле»? – спросила она у Анны-Ли.

– Козочка, – ответила та. – Давай, козочка, вперед.

А почему бы, собственно, и нет? Грейси вытерла руки о шорты и двинулась к столику Илая. Она чувствовала себя смелее, чем обычно. Может, потому, что не имело никакого значения, что она ему скажет? Даже если она выставит себя полной дурой – ну кому он расскажет?

– Привет, – сказала Грейси. Илай моргнул и поднял на нее глаза. Она не знала, куда девать руки, поэтому уперла их в бока, но потом забеспокоилась, что выглядит, будто собирается пуститься в пляс, и опустила их.

– Тебя Илай зовут, да?

– Ага.

– А я Грейси.

– Я знаю. Ты в сувенирном работаешь.

– Ой, – удивилась она. – Ну да.

Летом Грейси подрабатывала по утрам в сувенирной лавке – в основном потому, что хозяйка, Хенни, жалела ее и позволяла приходить и протирать пыль с товаров за пару долларов в час. Но разве Илай к ним когда-нибудь заходил?

Он выжидающе смотрел на нее. Грейси пожалела, что не придумала заранее, что будет говорить. Объявить, что она верит в чудищ, было все равно что показать кому-нибудь свою коллекцию плюшевых игрушек, сидящих в рядок на постели. Это значило признать: «Я все еще ребенок. Я все еще боюсь чудовищ, которые могут схватить тебя за ногу и утащить в бездну».

– Знаешь Лохнесское чудовище? – выпалила она.

Илай приподнял бровь.

– Лично не знаком.

Грейси пошла напролом.

– Как ты думаешь, оно правда существует?

Илай аккуратно закрыл книгу и посмотрел на нее очень серьезными и очень голубыми глазами, все плотнее сдвигая брови. Ресницы у него были такие светлые, что казались серебряными.

– Ты что, просматривала мою библиотечную карточку? – спросил он. – Это федеральное преступление.

– Что? – теперь Грейс уставилась на него во все глаза. – Нет, я за тобой не шпионила. Просто спрашиваю.

– А, ну хорошо. Вообще-то я не уверен, что это преступление.

– Да что ты там такое смотрел, что боишься, как бы другие не увидели? Порнушку?

– Тоннами, – тем же серьезным тоном ответил он. – Столько, сколько смог раздобыть. Ваша библиотека невелика, но подборка там весьма изысканная.

Грейси фыркнула, а Илай слегка улыбнулся.

– Ладно, извращенец. Анна-Ли сказала, что ты можешь знать что-нибудь про Иджи-Пиджи и всякое такое.

– Анна-Ли?

Грейси мотнула головой в сторону столика у окна, за которым нервного вида мужчина в гавайской рубашке что-то шептал Анне-Ли, теребя в руках салфетку.

– Хозяйка.

– Я увлекаюсь криптозоологией, – сказал Илай. Заметив ее непонимающий взгляд, он продолжил: – Йети, Лохнесское чудовище, огопого ¹, вот это все.

Грейси замешкалась.

– Так ты думаешь, они все существуют?

– Статистически – не все. Но никто ведь не знал, что гигантский кальмар существует, пока его не обнаружили у берегов Новой Зеландии.

– Правда?

Илай с деловым видом кивнул.

– В Музее естественной истории в Лондоне есть кальмар длиной девять метров. И считается, что это *некрупный* экземпляр.

– Нифига себе, – выдохнула Грейси. Илай снова кивнул.

– А вот и фи́га.

На этот раз Грейси рассмеялась в открытую.

– погоди, – сказала она. – Пойду возьму себе мороженого. Никуда не уходи.

И он не ушел.

Тем летом у Грейси выработался весьма своеобразный распорядок дня. По утрам она «работала» в сувенирном, переставляя безделушки в витрине и провожая редких покупателей к кассе. А в полдень встречалась с Илаем, и они вместе шли в библиотеку или ехали на велосипедах в ее бухту, хотя он и считал, что чудовище вряд ли снова там появится.

– С чего бы ему сюда возвращаться? – сказал он, пока они сидели, уставившись на сверкающую под солнцем воду.

– Ну один-то раз оно уже появилось. Может, ему нравятся тенистые места.

– А может, оно просто мимо проплывало.

Большую часть времени они обсуждали Иджи-Пиджи. Во всяком случае, именно с него начинались все их разговоры.

– Может, ты просто рыбу видела, – сказал Илай, когда они листали книгу о североамериканских мифах, сидя под зонтиком в закусочной «Роттис Ред Хот».

– Слишком крупное оно для рыбы.

– Карпы иногда вырастают до двадцати килограммов.

Она покачала головой.

– Нет. Чешуя была другая. – Как драгоценные камни. Как раковины жемчужниц. Как облака над водой.

¹ Огопого – чудовище из индейских легенд, которое живет в канадском озере.

– Знаешь, в каждой культуре есть своя мегафауна. В Бразилии вот видели гигантскую синюю ворону.

– Никакая это была не ворона. А «мегафауна» похоже на название рок-группы.

– Дурацкая, должно быть, группа.

– А я бы вот послушала, – Грейси покачала головой. – Почему ты так странно ешь?

Илай помедлил.

– В каком смысле странно?

– Как будто собираешься писать сочинение по каждому кусочку. Ты чизбургер ешь, а не бомбу обезвреживаешь.

Но Илай все делал так – медленно, вдумчиво. Точно так же он ездил на велосипеде. Делал записи в своем синем блокноте на пружинке. Целую вечность раздумывал, что заказать в «Роттис Ред Хот», хотя в меню было всего пять позиций, которые никогда не менялись. Это определенно выглядело странно, и Грейси радовалась, что ее школьные друзья большую часть лета проводят в Грейтер-Спиндл, так что ей никому не нужно ничего объяснять. Но в то же время было что-то милое в том, как серьезно Илай ко всему относился. Любому делу он посвящал все свое внимание.

Они составили список случаев, когда люди видели Иджи-Пиджи. За всю историю города, с 1920-х годов, их набралось меньше двадцати.

– Надо сопоставить их со случаями, когда видели Лохнесское чудовище и огопого, – сказал Илай. – Проверить, есть ли закономерность. Тогда можно будет установить, когда нужно следить за озером.

– Следить, – повторила Грейси, рисуя морского змея на полях тетрадки Илая. – Как полицейские. Надо задать периметр.

– Это еще зачем?

– Ну, так копы в кино делают. Задать периметр. Оцепить территорию.

– Я телевизор не смотрю, забыла? – Родители Илая запрещали любые устройства с экранами. В библиотеке он пользовался компьютером, но дома у него не было ни интернета, ни мобильного телефона, ни телевизора. Судя по всему, они к тому же были вегетарианцами, так что, оставаясь без присмотра, Илай старался съесть столько мяса, сколько влезет. Из овощей он употреблял разве что картошку фри.

Грейси иногда задумывалась – может, он бедный, но не в том смысле, как она? Денег на игровые автоматы и лакомства у него всегда хватало, но при этом он всегда ходил в одной и той же одежде и был вечно голоден. Люди при деньгах в Литтл-Спиндл отдыхать не ездили. С другой стороны, люди совсем без денег отдыхать не ездили вообще. Грейси была не уверена, что хочет знать ответ. Ей нравилось, что они не говорят про родителей и школу.

Она взяла блокнот Илая и спросила:

– Как мы можем вести слежку, если ты не знаешь полицейского протокола?

– Не важно. Лучшие сыщики – в книгах.

– Типа Шерлока Холмса?

– Конан Дойл, на мой вкус, суховат. Мне нравятся Рэймонд Карвер, Росс Макдональд, Уолтер Мосли. Я прочитал все их книги, когда увлекался нуаром.

Грейси нарисовала пузырьки из носа Иджи-Пиджи.

– Илай, – заговорила она, не глядя на него, – ты веришь, что я что-то видела в озере?

– Возможно.

Она продолжила:

– Или ты просто подыгрываешь мне, чтобы тебе было с кем общаться?

Илай склонил голову набок, стараясь найти честный ответ, будто решал уравнение.

– Отчасти и это, – сказал он наконец.

Грейси кивнула. Ей нравилось, что он не притворяется.

– Это меня не смущает, – она вылезла из-за стола. – Ну что ж, ты будешь старым опытным копом-алкоголиком, а я – крутым новичком.

– Можно я буду носить дешевый костюм?

– А он у тебя есть?

– Нет.

– Тогда можешь носить те же дурацкие шорты, в которых ты всегда ходишь.

Они объездили на велосипедах все места, где когда-либо видели Иджи-Пиджи, добравшись до самого Грейтер-Спиндл. В некоторых местах было солнечно, в некоторых – тенисто. Одни были рядом с пляжами, другие – у скал. Никакой закономерности выявить не удавалось. Когда им надоело обсуждать Иджи-Пиджи, они отправлялись играть в скибол² или мини-гольф. Илай не умел ни того, ни другого, но, казалось, был совершенно не против регулярно проигрывать Грейси и тщательно записывать свои позорные результаты.

В пятницу перед Днем труда они перекусывали у библиотеки сэндвичами с помидорами и холодной кукурузой в початках, которую мама Грейси готовила пару дней назад. На столике для пикника была разложена карта США и Канады. Солнце безжалостно пекло в спину, и Грейси было жарко и скучно. Ей хотелось пойти на озеро и в кои-то веки просто поплавать, а не искать Иджи-Пиджи, но Илай утверждал, что еще слишком жарко, чтобы куда-то идти.

– А где-то ведь наверняка сегодня барбекю, – сказала она, разлегшись на скамейке и ковыряя ногами иссохшую траву под столом. – Ты правда хочешь провести последнюю пятницу каникул в городе, уставившись в карты?

– Да, – ответил он. – Правда.

Грейси вдруг заметила, что улыбается. Ее мама, судя по всему, стремилась проводить все свободное время в обществе Эрика. Моузи и Лайла жили в соседних домах и были лучшими подругами с пяти лет. Приятно было хоть раз встретить человека, который предпочитал проводить время с ней, пусть это и Илай Кадди.

Она заслонила глаза от солнца.

– А почитать что-нибудь есть?

– Я сдал все книги.

– Почитай мне названия с карты.

– Зачем?

– Плавать ты не хочешь, а я люблю, когда мне читают вслух.

Илай откашлялся.

– Бергхайм. Фердейл. Саскатун... – Вместе эти названия почти складывались в рассказ.

Грейси подумала было позвать Илая с собой на прощальный летний фейерверк на пляже Онека, куда она собиралась с Лайлой и Моузи, но не совсем понимала, как объяснить, почему проводит с ним столько времени, и к тому же она собиралась остаться ночевать у Моузи. Ей хотелось быть в курсе новостей, когда начнутся занятия. Это была инвестиция в предстоящий учебный год. Но когда наступил понедельник, а Илай не появился на главной дороге или у «Дэйри Квин», она почувствовала какую-то пустоту.

– Уехал твой приятель? – спросила Анна-Ли, пока Грейси лениво ковырялась в своем мороженом. Она решила попробовать вишневую глазурь, и она оказалась ровно такой же мерзкой, как ей помнилось.

– Илай? Ага. Вернулся в город.

– Он вроде ничего парень, – сказала Анна-Ли, забрала у Грейси стаканчик от мороженого и выбросила его в мусорное ведро.

– Мама приглашает вас на ужин в пятницу вечером, – сказала Грейси.

² Игра на специальном столе, нечто среднее между бильярдом и боулингом.

Но она готова была признать, что Илай Кадди, возможно, даже лучше, чем просто «ничего».

В мае следующего года, как раз накануне Дня памяти, Грейси отправилась в свою бухту на озере. В течение учебного года она не раз там бывала. Она делала там домашние задания, пока не стало слишком холодно сидеть на одном месте, а потом, с наступлением зимы, наблюдала, как на кромке воды образуется лед. Чуть не рухнула в обморок от страха, когда черная береза подломилась под весом обледеневших веток и с тяжким стоном упала в воду. И в ту последнюю майскую пятницу она хотела непременно прийти на берег и снова побросать камушки в воду на случай, если в этом дне была какая-то тайная магия или если у Иджи-Пиджи были встроенные часы. Но ничего не произошло.

Грейси зашла в сувенирную лавку, но она уже была там накануне, помогала Хенни подготовиться к летнему сезону, так что никакой работы для нее не нашлось, и в итоге она оказалась в «Дэйри Квин» и заказала картошку фри спиральками, которую не очень-то и хотела.

– Ждешь своего приятеля? – спросила Анна-Ли, листая газету в поисках кроссворда.

– Да нет, просто картошку ем.

При виде Илая Грейси охватило стыдноватое чувство облегчения. Он стал выше, и намного, но был все такой же тощий, серьезный и какой-то мокрый на вид. Грейси не двинулась с места, но внутри у нее все перевернулось. А вдруг он не захочет снова с ней общаться? «Ну и ладно», – сказала она себе. Но он оглядел зал еще до того, как подошел к стойке, и при виде нее его бледное лицо засветилось.

Анна-Ли фыркнула с подозрительно понимающим видом.

– Привет! – воскликнул Илай, подходя к Грейси. Казалось, ноги у него росли от самого подбородка. – Я нашел кое-что потрясающее! Хочешь мороженого?

И с этих слов снова началось лето.

Чешуя

Кое-чем потрясающим оказалась пыльная комната в подвале библиотеки, заваленная старыми виниловыми пластинками, проигрывателями и кучей наушников, уютно устроившихся в гнезде из спутанных черных проводов.

– Я так рад, что все на месте, – сказал Илай. – Я нашел это место перед самым Днем труда и боялся, что за зиму кто-нибудь соберется все здесь разобрать.

Грейси кольнуло чувство вины за то, что она не провела с Илаем те последние выходные лета, но в то же время ей было приятно, что он ждал, когда сможет показать ей это место.

– А оно вообще работает? – спросила она, показав на грудку стереотехники.

Илай покрутил выключатели, и загорелись красные огоньки.

– Есть контакт!

Грейси наугад вытащила с полки пластинку и прочла название: «Джеки Глисон: Музыка, картины и воспоминания».

– А что, если меня из этого интересует только музыка?

– Тогда послушаем только треть.

Они принялись складывать в стопку пластинки, стараясь отыскать самые причудливые обложки: летающие тостеры, люди в огне, принцессы-варвары в металлических бикини. Они послушали их все, лежа на полу в гигантских черных наушниках. Большинство песен были ужасны, но пара альбомов оказались очень даже ничего. На обложке альбома «Белла Донна» была изображена Стиви Никс в образе ангелочка с елочного наконечника и с какаду в руках, но они прослушали всю пластинку два раза подряд. Когда заиграла песня «Рубеж 17 лет», Грейси

представила себя вылетающей из озера в длинном белом платье, с волосами, развевающимися на ветру будто черный флаг.

Только уже на пути домой, чувствуя, как в животе урчит от голода, и напевая одну из услышанных песенок, Грейси вдруг сообразила, что они с Илаем еще ни разу не упомянули Иджи-Пиджи.

Грейси не то чтобы скрывала Илая от Моузи и Лайлы, но и не рассказывала про него. Просто не была уверена, что они поймут. Но однажды, когда они с Илаем сидели в «Роттис Ред Хот», с парковки раздался звук клаксона, и, оглянувшись, Грейси увидела Моузи за рулем отцовской «Короллы». Лайла сидела рядом на пассажирском сиденье.

– У тебя разве не ученические права? – спросила Грейси, когда Моузи и Лайла втиснулись за их столик.

– Родители не против, если я езжу только до Литтл-Спиндл. Так им хотя бы не приходится меня возить. А где это ты все время пропадаешь? – Моузи кинула многозначительный взгляд на Илая.

– Да нигде. Сувенирный, то да се, как обычно.

Илай ничего не сказал, продолжая аккуратно выдавливать кетчуп в кособокую башенку рядом со своей картошкой фри.

Они ели и обсуждали, не отправиться ли на поезде в город, чтобы сходить на концерт.

– А почему твоя семья проводит лето не в Грейтер-Спиндл?

Илай склонил голову набок, всерьез задумавшись над этим вопросом.

– Да мы как-то всегда сюда ездили. Думаю, им нравится, что тут тихо.

– Мне тоже тут нравится, – сказала Лайла. – Озеро так себе, но летом, когда в Грейтер-Спиндл сплошная суета, тут очень приятно.

Моузи закинула в рот ломтик картошки.

– В этом озере нечистая сила водится.

– Какая такая нечистая сила? – спросил Илай, подавшись вперед.

– Какая-то женщина утопила там своих детей.

Лайла закатила глаза.

– Это чушь собачья!

– А, Ла Йорона! – сказал Илай. – Плакальщица. Такие легенды везде есть.

«Ну отлично, – подумала Грейси. – Теперь будем все вместе охотиться за привидениями».

Она попыталась отделаться от щемящего чувства в животе. Убеждала себя, что не хочет знакомить Илая с Моузи и Лайлой, потому что он такой странный, но теперь уже не была в этом уверена. Она обожала Моузи и Лайлу, но всегда чувствовала себя рядом с ними немного одинокой, даже когда они втроем сидели у костра или шушукались на последнем ряду в кино. Ей не хотелось так же чувствовать себя рядом с Илаем.

Когда Моузи и Лайла отправились домой, Илай собрал их пластиковую посуду на поднос и сказал:

– Весело было!

– Ага! – согласилась Грейси с несколько наигранным энтузиазмом.

– Давай завтра поедем на великах в Робин-Ридж?

– Все вместе?

Илай нахмурил брови.

– Ну да, – сказал он. – Ты и я.

Все вместе.

Зубы

Грейси не смогла бы назвать момент, когда Илай перестал казаться мокрым, но точно помнила, когда она это заметила. Они лежали на полу в комнате Моузи, а по окнам барабанил дождь.

В то лето Грейси получила права, и бойфренд ее мамы охотно одалживал ей свой пикап, чтобы она могла ездить в Грейтер-Спиндл. А вот раздобыть деньги на бензин было уже сложнее. В Грейтер-Спиндл можно было найти работу получше, но не факт, что она бы состыковалась с маминым расписанием в больнице, так что Грейси продолжала работать в сувенирном, куда можно было доехать на велосипеде.

Литтл-Спиндл сдавливал ее со всех сторон, будто она стояла на узком берегу во время прилива и вода подступала все ближе. Все вокруг обсуждали экзамены, анкеты для колледжей и летние стажировки. Время как будто ускорялось, и все набирали скорость, готовясь стремглав устремиться в будущее по тщательно спланированной траектории, а Грейси никак не могла сообразить, что ей делать дальше.

Когда на нее нападали эти панические мысли, она шла за Илаем в «Дэйри Квин» или в библиотеку, и они вместе отправлялись в зал пластинок, выкладывали в ряд все альбомы Дэвида Боуи, рассматривая его загадочное лицо с тонкими чертами, или слушали «Рождество выдры Эммета», параллельно пытаясь разгадать все тайные знаки на обложке «Сержанта Пепера». Грейси понятия не имела, что будет делать, когда начнется новый учебный год.

Они доехали до Грейтер-Спиндл на машине Эрика без особых планов, с включенным радио и с открытыми окнами – чтобы сэкономить на кондиционере. А когда началась гроза, они устроились у Моузи, чтобы посмотреть кино.

Лайла и Моузи сидели на кровати, красили ногти на ногах и ставили друг другу разные песни, а Грейси растянулась на ковре рядом с Илаем, который читал вслух какую-то скучную книжку про водоемы. Грейси слушала не особенно внимательно. Она лежала на животе, опершись головой на руки, слушала стук дождя по крыше и негромкий голос Илая, и впервые за долгое время чувствовала себя сносно – как будто кто-то забрал жгучий узел беспокойства, который она в последнее время постоянно таскала под ребрами, и опустил его в холодную воду.

Гром грохотал почти бесперебойно, а воздух на улице казался плотным и наэлектризованным. В доме работал кондиционер, и у Грейси руки покрылись мурашками, но ей было лень вставать, чтобы его выключить или попросить свитер.

– Грейси, – позвал Илай, тронув ее за плечо босой ногой.

– А?

– Грейси, – она услышала, как он двигается, и в следующий раз он заговорил уже ей на ухо, шепотом: – У этой твоей бухты нет названия.

– И что?

– У всех самых крошечных пляжей и заливов есть названия, а у твоей бухты нет.

– Ну так давай ее как-нибудь назовем, – предложила она.

– Каменный полумесяц?

Она перевернулась на спину и посмотрела на желтые звезды, которыми был облеплен потолок Моузи.

– Ужас. Похоже на название жилого комплекса или какой-нибудь булки. Может, Архипелаг Грейси?

– Это не архипелаг.

– Тогда нужно что-нибудь красивое. Что-то, связанное с Иджи-Пиджи. Бухта драконьей чешуи? Змеиная бухта?

– Но она по форме не похожа на змею.

- Бухта звериной пасти?
- Звериная пасть? Ты хочешь отпугивать людей?
- Ну а то! Может, бухта Горбунка?
- Горбунок – это конек.
- Серебристая чешуйка? Нужно что-то свистящее.
- Типа Чешуйчатой лощины?
- Вот, то что надо!
- Только это никакая не лощина.

– Можем назвать ее «Последнее пристанище Илая», потому что однажды я тебя там утоплю. С тобой просто невозможно. – Она перевернулась обратно на живот и посмотрела на него. Он лежал, опершись на локти, а перед ним лежала раскрытая книга. У нее возникла еще одна идея, но тут же ускользнула, как рыбка, сорвавшаяся с крючка.

Моузи и Лайла о чем-то шептались, у Лайлы в телефоне играла музыка. Футболка Илая туго натянулась у него на плечах, а волосы в свете прикроватной лампы светились, как нимб. От него пахло грозой, будто молния влетела за ним в дом, будто он сплошь состоял из густых грозowych туч. И кожа его не казалась мокрой. Она будто сияла. Он держал один палец на стра-нице, отмечая место, где закончил читать, и Грейси вдруг захотелось провести пальцами по его руке, по запястью, по тоненьким светлым волоскам на предплечье. Она слегка отодвинулась, стараясь отогнать эти мысли.

Илай выжидающе смотрел на нее.

– Название должно быть точным, – сказал он с серьезным и решительным видом. Ему очень шло это выражение лица: подбородок напряженно выпячен, брови сосредоточенно нахмурены.

Грейси сказала первое, что пришло ей в голову.

– Давай назовем бухту Шлеп.

– Почему?

– Потому что такой звук бывает, когда бросаешь в воду камушки.

Глупость сказала?

Он кивнул, рассматривая это предложение, а потом вдруг расплылся в глупой, беспечной, невозможно красивой улыбке.

– То, что надо!

Дорога домой была сущим мучением: прохладный ветерок дул в открытые окна, тихо играло радио, а в груди Грейси отбивало незнакомый ритм это странное непрошеное чувство. Темная дорога расстилалась перед ними, как моток ленты. Ей хотелось скорее оказаться дома и в то же время, чтобы эта поездка длилась вечно.

Преображение Илая казалось предательством, мошеннической уловкой. Грейси считала, что Илай Кадди совершенно безобиден, и вдруг он стал казаться ей опасным. Она стала раз-мышлять, на кого бы переключить свое внимание. В девятом классе она была влюблена в Мэй-сона Ли и потащила Лайлу на пляж Окена, где он работал спасателем, в надежде, что при виде него к ней вернется рассудок. Но к сожалению, в Мэйсоне примечательным было только то, как он выглядел без рубашки. Все равно что золотистый ретривер: понятно, что симпатичный, но это еще не значит, что ей хотелось бы забрать его себе.

По утрам перед встречей с Илаем Грейси вдруг стала замирать от предвкушения. Она купила новую блузку сочного цвета занимающейся зари, тоненькие серебряные сережки в форме перышек и блеск для губ с запахом яблоневого цвета, который казался волшебным сна-добьем в розово-золотистой баночке и делал губы какими-то неземными на ощупь. «Посмотри же на меня! Посмотри так, как я смотрю на тебя».

Грейси знала, что ведет себя глупо. Если Илай и относился к ней не просто как к другу, он никогда ничем этого не выдавал. Возможно, у него даже была девушка в городе, которой он

писал длинные письма и с которой целовался на переменах. Он об этом никогда не упоминал, но ведь она никогда и не спрашивала. Раньше это как-то не имело значения. Ей хотелось, чтобы это не имело значения и сейчас.

Лето стало совсем другим: мучительной и нервной чередой взлетов и падений. Стало казаться, что мир полон роковых случайностей. В любой песне с любой пластинки Грейси слышались предзнаменования. Она заметила за собой, что пытается передать что-то через выбранные пластинки и ищет скрытые смыслы в тех, что выбирает он. Она заставляла себя проводить больше времени с Моузи и Лайлой, подолгу застревала в сувенирном, протирая и без того чистые безделушки, в попытке побороть эту новую жажду общения с Илаем. Но была ли она новой? Ведь с самого начала время, проведенное с Илаем, казалось ей теплыми песчаными островками, которые помогали ей проплыть через неприветливые воды остальной части года.

Она разрывалась между желанием что-то сказать, выразить свои чувства до конца лета, и убеждением, что этого катастрофического шага нужно избежать любой ценой. Впервые в жизни она отсчитывала дни до сентября. Если только ей удастся дожить до Дня труда, не позволив своим чувствам выплеснуться наружу, у нее будет целый учебный год, чтобы преодолеть это проклятое наваждение.

В субботу перед Днем труда Грейси и Илай смотрели прощальный салют над Грейтер-Спиндл. Они сидели рядом на капоте машины, почти соприкасаясь коленями и плечами.

– Жалко, у тебя нет телефона, – вдруг выпалила она.

– Ага. Отчасти.

– Только отчасти?

– Мне нравится весь год копить вещи, которые можно будет тебе рассказать.

«Этого должно быть достаточно, – убеждала себя Грейси, наблюдая за тем, как на его лице пляшут отблески синего и серебристого света. – Этого должно быть более чем достаточно».

Ей стало легче. Она скучала по лету, скучала по Илаю, но жить без ежедневного ожидания встречи с ним было проще. Она пошла на выпускной с Недом Миннери. Он был большой шутник и играл на трубе. Обожал розыгрыши. Носил подтяжки и полосатые штаны и показывал фокусы. Просто анти-Илай. В нем не было ни капли серьезности. Вечер вышел веселый, но Грейси начинало казаться, что веселье – не по ее части.

Она выпила достаточно персиковых шнапсов, чтобы заставить себя поцеловать Неда, после чего ее стошнило на обочине.

Ко Дню памяти она решила, что готова встретиться с Илаем, но не позволила себе пойти в «Дэйри Квин». Нельзя было допустить, чтобы это лето стало таким же. Просто нельзя. Она поехала на пляж Окена, расположилась на песочке вместе с Моузи и Лайлой и сидела там до тех пор, пока не село солнце и не развели костер. Когда кто-то достал гитару, она нашла себе место за столиком для пикника подальше от общей шумихи и уселась на скамейке с босыми ногами, закутавшись в свитер и подрагивая от холода. «Со мной все в порядке, – говорила она себе, готовясь с минуты на минуту присоединиться к остальным у костра. – Я в порядке». Но как только она увидела Илая, приближающегося к ней своим широким размашистым шагом, с подсвеченными костром волосами и с дурацким рюкзаком, все прошедшие месяцы тяжелой работы над собой испарились, словно их и не было. Как он вообще добрался до Грейтер-Спиндл? Родители теперь разрешают ему брать машину? У нее в душе занялось пламя, будто бы дожидавшееся теплой погоды, чтобы разгореться в полную силу.

Он уселся рядом и сказал:

– Ты не поверишь, что я узнал сегодня. В зале пластинок есть целая коллекция аудиокниг, помимо рождественских сборников. Это потрясающе.

Грейси заставила себя рассмеяться.

– Жду с нетерпением. – «Ты скучал по мне? Ты целовал кого-то еще? Я – да, и это было ужасно».

Она просто не могла больше этого выносить. Она не могла провести еще одно лето вот так. Это свело бы ее с ума. Надо придумать какую-нибудь отговорку – срочные дела в сувенирном, эпидемия холеры, что угодно. Она достала из кармана баночку с яблочным блеском для губ. Там уже почти ничего не осталось, но она так и не собралась купить еще. Слишком стыдно было вспоминать, о чем она позволяла себе думать, когда его покупала.

Илай выхватил баночку у нее из рук и швырнул в темноту, в озеро.

– Эй! – возмутилась Грейси. – Ты чего?

Он глубоко вздохнул. Его плечи вздымались и опускались.

– Я и так провел последние девять месяцев в мыслях о яблоках.

Тишина накрыла их словно спущенный занавес. Грейси слышала, как вдалеке переговариваются люди, как кто-то лениво перебирает струны гитары, но это было как будто в другой стране, на другой планете. Илай Кадди смотрел на нее со своей вечной сосредоточенностью, его голубые глаза в свете костра казались почти черными. Безнадежное чувство, жившее внутри нее, расправило крылья, готовое воспарить ввысь.

Длинные пальцы Илая коснулись ее лица, скользнули по затылку, заставив ее замереть. Казалось, он пытался сосредоточить на ней все свое внимание, изучить ее, как иностранный язык, распланировать, как меню. Илай целовал Грейси, как будто она была песней, и он был решительно намерен расслышать каждую ноту. Он целовал ее так, как делал вообще все: очень вдумчиво.

Вот теперь лето наконец созрело и округлилось, как спелый фрукт, как желтое, толстое и счастливое солнце, выкатывающееся из моря. Они целовались за сувенирной лавкой, на красных плюшевых сиденьях в кинотеатре, на полу зала пластинок, где висящие у них на шеях наушники заполнялись тихим шуршанием, когда заканчивалась очередная песня.

– Можем пойти к тебе, – предложила она.

– Или к тебе.

Они не двинулись с места.

Днем, когда они выходили из «Дэйри Квин», губы Илая были холодными и с привкусом вишни. Безмятежными вечерами, когда они лежали на берегу бухты Шлеп, его руки были теплыми и неугомонными. Грейси парила в своих сандалиях. Ей казалось, что она увешана брильянтами. Ее велосипед превратился в крылатого пегаса.

Но где-то в конце июля Грейси стали слышаться печальные нотки в монотонном жужжании насекомых. Хотя стояла жара, ноги у нее обгорели, а главная дорога по-прежнему была залита светом неоновых огней, она чувствовала, что лето покатилося к концу.

По ночам она слышала, как мама с Эриком смеются в гостиной под шум телевизора, сворачивалась клубочком, и тогда подступала паника. С Илаем она забывала, что ей семнадцать. Забывала про Литтл-Спиндл и про то, что ей делать дальше. Повторить историю своей мамы, если повезет. Взять кредит на машину, чтобы ездить в муниципальный колледж. Смотреть, как одноклассники разъезжаются в новые интересные места. Как жалко, что у Илая нет телефона.

Ей хотелось дотянуться до него в обступающей темноте. «Можно писать друг другу письма. Я могла бы ездить на поезде в Нью-Йорк по выходным». По ночам она размышляла обо всем этом, но днем, встречая сияющего на солнце Илая, она хотела лишь одного: целовать его ненасытные губы.

Дни и ночи растворялись, и лишь в субботу накануне Дня труда Грейси решилась сказать:

– Моузи думает поступать в Нью-йоркский университет.

Илай откинулся назад, опираясь на локти. Они лежали на пледе в бухте Шлеп, а над ними звездообразными отсветами сияло солнце в просветах между ветвями дубов и берез.

– А она сможет поступить?

– Возможно. Она довольно умная. – Илай ничего не сказал, и Грейси добавила: – Было бы здорово работать в городе.

Илай нахмурил брови.

– Конечно, – сказал он. – Хотя это большие перемены.

«Не говори ничего, – убеждала она себя. – Оставь эту тему». Но грабли лежали прямо перед ней, и не наступить на них было невозможно.

– Ты хочешь, чтобы я переехала в город?

Илай выпрямился и бросил камушек в озеро.

– Поезжай, куда тебе хочется.

Боль в ее груди казалась живым существом, хищным растением из научно-фантастического фильма, с извивающимися усиками и ядовитыми щупальцами.

– Конечно, – небрежно бросила она.

В том, что он сказал, не было ничего плохого. Ведь это всего лишь летний роман. К тому же он прав. Она должна ехать туда, куда захочет. Ей не нужно, чтобы Илай ждал ее переезда в город. Можно ночевать на диване у Моузи, пока не найдется работа. В общежитиях ведь есть диваны?

– Грейси, – сказал Илай, потянувшись за ее рукой.

Она подскочила на ноги.

– Мне надо встретиться с Моузи и Лайлой.

Он тоже встал. Солнце липло к его волосам и коже, такое яркое, что больно смотреть.

– Давай встретимся завтра пораньше, – предложил он. – У меня остался всего один день.

– Ага.

Она подхватила сумку и вскочила на велосипед, решительно собираясь уехать от него раньше, чем ее гордость выплеснется наружу и потечет по ее лицу горячими слезами. Она крутила педали изо всех сил, опасаясь, что он поедет за ней. Отчаянно надеясь на это.

На следующий день она не пошла на работу. Не то чтобы это было сознательное решение. Она просто позволила минутам утекать сквозь пальцы. К ней домой Илай не пойдет. Он ни разу не был у нее в комнате, не смотрел телевизор на диване в ее гостиной – просто торчал перед домом со своим велосипедом, пока Грейси забежала домой, чтобы взять свитер или переобуться. А она даже ни разу не видела его родителей. Потому что все это – реальная жизнь, а у них было что-то совсем другое.

«Не дури, – убеждала она себя. – Он уедет через два дня. Наслаждайся, пока можно. Развлекайся». Но Грейси не очень-то умела развлекаться – во всяком случае, так, как это делали другие. Человеку, который ей нравится, она нравится недостаточно, чтобы он хотел с ней чего-то большего, и она не могла притворяться, что это ее не ранит. Она была для него все равно что мороженое в вишневой глазури, старые книжки и пластинки на пыльных книгах – все это интересовало Илая и, может быть, даже действительно нравилось ему, но это всего лишь летнее увлечение, которое забудется, как только сменится погода.

Она читала. Смотрела телевизор. А потом выходные закончились, и она знала, что Илай уехал. И ничего страшного. Следующим летом она не будет дожидаться его в «Дэйри Квин» или в сувенирном. Она окончит школу и уедет в Нью-Йорк, в Канаду или еще куда-нибудь. Но в Литтл-Спиндл ее больше не будет.

Хвост

Спустя неделю после начала занятий Грейси пошла к Анна-Ли. Она и не собиралась туда идти, но каким-то образом все равно оказалась под флуоресцентными лампами в «Дэйри Квин».

Она не стала ничего заказывать. Есть не хотелось. Она уселась на диванчик и спросила:

– Что мне сделать, чтобы стало лучше? Чтобы не было так больно?

Анна-Ли отложила свой кроссворд.

– Надо попроситься.

– Слишком поздно. Он уехал.

– Иногда все равно помогает сказать «прощай».

– А вы можете мне сказать... он чувствовал то же, что и я?

– Ах, цигеле... – Анна-Ли легонько постучала своей ручкой по ладони Грейси. Некоторые из нас носят свое сердце на виду, а некоторые в укромном месте.

Грейси вздохнула. Неужели она правда рассчитывала, что Анна-Ли сможет ей помочь? В этом городе полно выдуманных чудищ, фальшивых ведьм и историй, в которых нет ни слова правды.

Хотя погода стояла теплая, главная улица уже опустела, а когда она свернула на узкую тропинку, которая вела к ее бухточке, ей показалось, что лес будто держит последний печальный дозор этого лета. Ее кольнуло чувство вины. Раньше, до Илая, эта бухта была безымянной и принадлежала только ей. «Где ты пропадала?» – шептали сосновые иголки.

Она прислонила велосипед к дереву на полянке и пошла к берегу. Это место больше не казалось заповедным. Моузи ведь что-то говорила про нечистую силу? Бухта казалась полной призраков, которой ей хотелось изгнать. У нее было столько хороших воспоминаний об Илае. Неужели придется изгнать и их?

И вдруг Грейси услышала звук: протяжный тихий вздох, который мог быть и дуновением ветра. И следом за ним еще один. Она посмотрела на затененную кромку берега. На мелководье лежало тело.

Она не помнила, как двигалась: в одно мгновение она еще стояла потрясенная на берегу, а в следующее уже оказалась на коленях в воде.

– Илай! – воскликнула она. – Ты вернулся! Что случилось? Что с тобой? – Он был бледный почти до синевы, на коже проступали вены.

– Не надо было ждать. Мне отведено три месяца. Таковы правила.

– Какие еще правила?

– Я хотел попроситься.

– Илай!

– Я повел себя эгоистично. Я не хотел, чтобы ты переехала в город. Я хотел ждать возможности снова увидеть тебя. Прости меня. Мне так жаль, Грейси. Зимы такие длинные.

– Илай, у меня с собой телефон. Я могу позвонить...

– Теперь я умираю, так что я могу сказать тебе...

– Ты не умираешь! – закричала Грейси. – У тебя обезвоживание или переохлаждение, – но, сказав это, она вдруг заметила, что вода теплее, чем должна быть.

– Это был я в тот день. Ты кидала в воду камушки. Ковыряла коленку. Я видел тебя всего секунду. Это был последний день мая, – его веки трепетали, то закрываясь, то открываясь. – Не надо было тебя целовать, но мне так давно этого хотелось. Это лучше, чем мороженое. Лучше, чем книги.

Тут она заплакала.

– Илай, пожалуйста, позволь мне...

– Уже слишком поздно.

– Кто это сказал? Кто?

Он едва заметно пожал плечами, содрогнувшись.

– Озеро. Мне отведено три месяца на суше. Но потом я всегда должен возвращаться туда.

В памяти Грейси живо возник тот день у озера, чудище в воде. Этого просто не может быть.

– Там, под водой, нет книг, – сказал он. – Нет слов, нет языка.

Нет «Дэйри Квин», велосипедов и музыки. Этого просто не может быть. Грейси моргнула, и очертания Илая вдруг стали расплываться. Он был отчасти человеком, отчасти чем-то еще. Она вспомнила, как Анна-Ли постучала ручкой по ее руке. «Некоторые из нас носят свое сердце на виду, а некоторые прячут в укромном месте».

Грейси оглядела пляж, заросли кустарника на краю леса. Вот он, темный бугорок в куче листвы. Она никогда не видела Илая без него, без этого уродливого фиолетового рюкзака. И в этот момент она все поняла.

Девушка бросилась за рюкзаком, упала, поднялась на ноги, схватила рюкзак и расстегнула молнию. Его нутро разверзлось перед ней как пасть. Там была куча всякого хлама: билеты на скиболл, карточки со счетом игр в гольф, розово-золотистая баночка блеска для губ. Но на самом дне сияло нечто, как скрытая за облаками луна...

Она достала из рюкзака длинную шуршащую мантию из чешуи, которая казалась бесконечной. Она была блестящая и колючая на ощупь, и на удивление тяжелая. Она потащила чешую к Илаю, волоча ее за собой по земле, спотыкаясь на мелководе. Она притянула его к себе и завернула в чешую.

– Вот, – всхлипывала она. – Держи.

– Три месяца, – сказал он. – Не больше.

– Но ведь ты пробыл здесь всего на несколько дней дольше.

– Уезжай из Литтл-Спиндл, Грейси. Освободись от этого места.

– Нет! – воскликнула она, обращаясь не то к озеру, не то в пустоту. – Мы можем договориться!

Илай схватил ее за запястье.

– Перестань.

– Забери и меня!

– Грейси, не надо.

Вода билась об ее ноги своим особым медленным пульсом, теплая, как кровь, как утроба. Она вдруг поняла, что делать. Она завернулась в чешую вместе с Илаем, не обращая внимание на то, что чешуйки царапают ее руки, а в воду капает кровь.

– Забери и меня, – прошептала она.

– Слишком поздно, – сказал Илай. Он лежал с закрытыми глазами и улыбался. – Но это того стоило.

И вдруг рука, держащее ее запястье, напряглась и отпрянула. Грейси смотрела, как она растягивается и удлиняется, превращаясь в острый как бритва коготь.

Глаза Илая распахнулись. До нее донесся запах дождевых туч, потом рокот грома, рев бурной реки. В ушах шумела вода, а тело Илая шевелилось, меняло очертания, поблескивало в тусклом свете. Он навис над ней мускулистым телом огромной змеи, со сверкающей белой чешуей, с драконьей головой и радужными плавниками, раскрывшимися над его спиной словно крылья.

– Илай, – хотела было сказать она, но звук, сорвавшийся с ее губ, был не похож на человеческий язык.

Она потянулась рукой к горлу, но руки у нее вдруг стали слишком короткими и какой-то неправильной формы. Она обернулась и почувствовала, что ее тело стало непривычно сильным. Она скользила по воде, а ее спина принимала странный изгиб.

Она увидела свое отражение в освещенной солнцем водной глади: серая чешуя, сверкающая радужными отблесками, плавники цвета сиреневых сумерек. Сияние звезд на фоне темнеющего неба. Она была чудовищна. Она была прекрасна.

И это была ее последняя человеческая мысль. Она нырнула в воду. Ее тело обвивалось вокруг кого-то. Кто же это был? Илай? В глубине ее разума эхом отзывалось другое имя, нечто более древнее и непроницаемое. Но это не имело значения. Она чувствовала прикосновение его чешуи, погружаясь в пучину озера, покоряясь власти течения. Вместе с ним.

Сердце

Когда велосипед Грейси нашли у сосны на берегу озера, Анна-Ли постаралась все объяснить ее матери. Но та, конечно, все равно вызвала полицию. В озеро даже послали водолазов. Поиски были бесплодны, хотя один из водолазов рассказывал, что его ноги коснулось нечто чересчур огромное для рыбы.

Каждое лето Грейси и Илай выходили на берег и проводили три идеальных месяца, с наслаждением ступая босыми ногами по траве и подставляя солнцу свои оголенные человеческие плечи. Каждое лето они выбирали новый город, но чаще всего ездили на Манхэттен, вместе с Анна-Ли и потрясенной мамой Грейси навещая пентхаус в Верхнем Ист-Сайде и изо всех сил стараясь не пялиться на прекрасную хозяйку с ее переливчатой, как ручей, кожей, и зелеными, как речная вода, глазами.

А с наступлением осени они отбрасывали свои имена и тела и путешествовали по водоемам всего мира. Озеро с трудом отпустило их. Оно грозило превратить их в камень и приковать к месту, но теперь их было двое, сияющих и мускулистых глубоководных чудищ, с могучими хвостами и сверкающими глазами. Их общая сила сокрушила и старые правила, и новые возражения. Они ускользнули по реке Мохок в Гудзон, проплыв мимо речного бога с его покатыми серыми плечами, и ринулись в Атлантический океан. Они встречали белых медведей в Арктике и пугали ламантинов вокруг архипелага Флорида-Кис. Свернувшись клубком, любовались на свечение медуз у берегов Австралии.

Иногда, завидев одинокого пассажира, облокотившегося на перила корабля, они позволяли себе показаться ему. Рассекая волны, они выныривали из-под воды, демонстрируя свои очертания в лунном свете, и одинокий странник замирал, разинув рот, и на миг забывал о своем одиночестве.

Нина Лакур **Конец любви**

Я не понимала, насколько рано пришла, пока не открыла дверь. Ряды пустых парт и стульев, полная тишина, и мистер Траут смотрит на меня с кафедры.

– Сколько лет, сколько зим, – говорит он. – Я получил записку, что ты будешь у меня вольным слушателем.

– Да. Хочу повторить пройденное.

– Зачем?

– Не знаю. На будущее?...

Он смеется.

– Мне этого говорить не положено, но все это вам в будущем не пригодится. Это нужно для школы. Это просто для галочки, а ты ее уже поставила. Причем идеально, если я правильно помню.

– Может, мне просто хочется почувствовать, что кое-что я умею очень хорошо. – Я захожу в класс и сажусь в первом ряду. – Может, мне просто нравится геометрия.

– Ну как скажешь, Флора. На вкус и цвет товарищей нет. Но за всю мою карьеру еще ни один ученик не проходил курс заново просто ради удовольствия. Да еще летом.

Он поворачивается к окну, из которого льется яркий утренний свет, словно доказывающий мою глупость. Но я смотрю на стопку учебников по геометрии на его столе, и, клянусь, от одного их вида у меня на душе становится теплее.

– Я могла бы их раздать, – предлагаю я.

– Конечно, – соглашается он.

Я кладу книги точно посередине каждой парты, вкладываю библиотечные карточки внутрь ярко-желтых учебников и мысленно благодарю Джессику за то, что она помогла мне это сделать. Была последняя неделя занятий, надо мной безжалостно нависала перспектива провести лето с родителями, а обе мои лучшие подруги уехали на все лето. (Рейчел работает в летнем лагере в Тахоме, Тара поехала с кузинами в Барселону.) Лето сгушалось надо мной как туман. Такая тяжесть.

– Чего ты хочешь? – спросила Джессика. Даже ее не будет здесь в каникулы. Ежедневные визиты в ее кабинет стали моей любимой частью школьной жизни. Я знала, что буду скучать по тому, как она соединяет кончики пальцев, задавая вопрос, и по растениям у нее на подоконнике, и даже по коробке с бумажными салфетками, которая стоит рядом со мной как намек, что пора расплакаться. Я сказала, что не знаю, чего хочу.

А потом добавила:

– Вообще-то я хотела бы посещать летние курсы. У меня был бы повод каждый день уходить из дома. И домашние задания, чтобы я могла сидеть у себя в комнате.

– Ну-ка, что там у нас в программе в этом году? – сказала Джессика, открывая ноутбук и глядя в расписание курсов. – Жалко, нет художественного или театрального кружка.

– А как насчет геометрии?

Джессика склонила голову набок:

– Ты разве ее не сдала?

– Я могла бы пройти заново.

Она застучала пальцами по клавиатуре.

– Тим, то есть мистер Траут, будет вести геометрию в кампусе Потреро.

Я улыбнулась. Так даже лучше. Он вел у меня геометрию в девятом классе. Именно он первым рассказал мне про оси и симметрию.

– Отлично! – сказала я, и она тут же записала меня к нему на занятия. С ней все вышло так просто, хотя ни один другой взрослый меня бы не понял.

Я закончила раздавать учебники, и мы с мистером Траутом некоторое время ведем светскую беседу. Наконец он говорит:

– Иди погуляй. Мне нужно подготовиться к первому уроку.

Я оставляю рюкзак за первой партой и выхожу в коридор. Пару недель в девятом классе я после школы ездила сюда на автобусе, чтобы потусоваться с Блейком в сквере у входа в кампус. У него была привычка стоять, приобняв меня. Мне нравилось быть загадочной девушкой из Бейкер-Хай. Ко мне подходили какие-то незнакомые ребята, спрашивали, не знаю ли я их кузенов, бывших и друзей. Я всегда отвечала «да», а Блейк обнимал меня за талию, и обычно мне это нравилось.

Тогда я так и не попала дальше сквера и теперь решила прогуляться по кампусу. Основные здания приземистые, выцветшего голубого цвета, а за ними возвышаются холмы, позолоченные летним солнцем. Я прогуливаюсь по окраине кампуса, вдоль баскетбольного поля, бассейна и административного крыла. Утро такое яркое, и я так рада возможности побыть здесь и выучить заново то, что я уже знаю. Дохожу до парковки. По лестнице к входу двигается группа ребят, и у меня перехватывает дыхание.

Они стали выше. Чуть более бесшабашными. Шумными. Трэвис останавливается и, прищурившись, смотрит на меня.

– Привет, – говорит Мими. Волосы у нее такой же длины, как раньше, только с одной стороны обрезаны покороче. Комбинезон застегнут только с правой стороны, левая лямка болтается. При виде нее мои щеки вспыхивают. – Ты же бывшая девушка Блейка.

Я с усилием смеюсь.

– Не думала, что тот месяц моей жизни навсегда определит мою репутацию.

Хоуп, милая, как всегда, восклицает:

– Флора, наконец-то мы снова встретились!

– Привет, ребята, – отвечаю я.

– Прощу, скажи, что ты на геометрию, – говорит Трэвис.

Я киваю, не в силах вымолвить ни слова. Учиться с ними в одном классе – последнее, что я представляла себе, собираясь на летние курсы. Выбирая предмет, я думала о фигурах и логике, об углах и числах, незнакомцах и анонимности. А не об этих троих, которых, я думала, больше никогда не увижу. Не об этой девушке, в чьем присутствии у меня звенит в ушах и трясутся руки. Пока мы поднимаемся по лестнице, как бы я ни старалась смотреть в другую сторону, мой взгляд неизбежно падает на голую кожу на бедре Мими, в просвете между комбинезоном и майкой.

В девятом классе, когда я тусовалась в той же компании с Блейком, я уже знала, что наши отношения долго не протянут. Хотя мне и нравилось, как он меня обнимал и как смотрел на меня. Хотя мне и нравилось быть его девушкой. Потому что уже тогда из глубин моего сердца всплывали кое-какие истины обо мне. И теперь, стоя в этом коридоре перед уроком, посещать который мне совершенно не обязательно, они всплывают снова. Потому что именно Мими Парк их и пробудила.

Тогда у нее в ушах всегда торчал хотя бы один наушник, и она часто смотрела вдаль, склонив голову набок так незаметно, что это мог заметить только тот, кто был бы совершенно ею очарован. Однажды она спросила меня, не слышала ли я какую-то песню. Я сказала, что нет, и она вынула правый наушник и аккуратно вставила его мне в ухо. Это была песня «Some

as You Are» Нирваны. Курт Кобейн был уже двадцать лет как мертв, и я слышала о нем, но никогда не слышала его музыку, а теперь он пел для нас обеих. Только для нас. Его голос звучал в ее левом ухе и моем правом. Мы прослушали всю песню, прямо при всех, и я улыбнулась и кивнула при первых же нотах, чтобы она не забрала у меня наушник, но после этого я не могла смотреть ей в лицо. Слишком много всего произошло, когда наши взгляды встретились. Я смотрела на свои «Конверсы» и обертку от жвачки, которая валялась рядом. На ее «Вансы» и желтый цветок, проросший сквозь бетон. Гитара звучала будто из-под воды. Текст был путанный и противоречивый, совсем как ощущения, когда стоишь в обнимку со своим парнем и слушаешь при этом музыку через одни наушники с девушкой, которую хочешь поцеловать.

Когда песня закончилась, она вытащила наушник из моего уха.

– Ну как тебе? – спросила она.

– Здорово, – ответила я.

И вот настало лето после одиннадцатого класса, и я вспоминаю, каково это, когда тебя выбрали из целой тусовки, чтобы вместе послушать песню. Вспоминаю, как я спросила ее, придет ли она на бал выпускников, а она сказала, что собирается в поход. Вспоминаю, как я плакала, когда рассталась с Блейком, и как жалела, что больше не будет этих послеполуденных часов в кампусе Портеро-Хай и этого всепоглощающего света, который заполнял меня всякий раз, как я видела Мими хотя бы издалека.

Мы подходим к кабинету. Они первыми переступают через порог и направляются к задним рядам. Если бы мой рюкзак еще висел у меня на плече, я бы пошла с ними и села сзади, но мои вещи лежат за первой партой. Там, где я их оставила. Пришлось бы идти через весь класс, собирать вещи, а потом идти обратно и проверять, осталась ли рядом с ними свободная парта. Не зная, нужна ли я им там – четвертый член команды, – я усаживаюсь там, где лежат мои вещи. Может, завтра все выйдет по-другому.

Мистер Траут стоит у доски. Я думала, ему нужно время, чтобы подготовиться к уроку, но вместо этого он нарисовал на доске гигантскую чешуйчатую рыбу. Когда все наконец посмотрели на него, он написал слово «мистер» прямо над рыбьим носом ³.

– Добро пожаловать на летние курсы, – говорит он, но спокойствие, которого я ждала от пребывания здесь, не наступает, потому что Мими тоже тут – сидит через пять рядов позади меня.

Вернувшись домой, я обнаруживаю, что там никого нет. Собираюсь повесить сумку на вешалку, но вдруг вижу на ней листок самоклеящейся бумаги с надписью «Оставить». Это медная вешалка с крючками в форме разных животных. Я провожу рукой по рогу носорога, по хоботу слона. Закидываю рюкзак на плечо и иду в гостиную, но повсюду замечаю записки. На часах на каминной полке написано «Продать». На портрете бабушки – знак вопроса. На журнальном столике, усеянном потускневшими кругами от кофейных и чайных чашек – «Сдать в комиссионку».

Смотрю на пол, аккуратно обхожу прищипленные к коврам записки и направляюсь на второй этаж, в свою комнату. Бросаю рюкзак. Сбрасываю сандалии. Откидываю одеяло и забираюсь в постель. Сжимаюсь в комок. Заставляю себя заснуть.

И вот снова понедельник. Мими, Хоуп и Трэвис стоят перед открытой дверью кабинета, и я стараюсь набраться храбрости и заговорить с ними. Кажется, я облажалась. Надо было сесть с ними в первый же день или хотя бы во второй. А теперь уже прошло слишком много времени, они так и не предложили мне сесть с ними, а все наши разговоры состоят в основном из «привет» и «пока».

³ Фамилия Траут (Trout) в переводе с английского означает «форель».

Но набираться храбрости мне не приходится, потому что Хоуп, заметив меня, восклицает:

– Флора, зацени татушку Мими!

Я подхожу к ним. На правом предплечье Мими красуется калифорнийский мак в натуральную величину.

– Не могу поверить, что мама тебе разрешила! – говорит Трэвис.

– Ну что сказать? Я дочь бунтарки.

– Красота! – говорю я. – Лепестки просто идеально вышли.

Я краснею, говоря это, потому что чуть не сказала, что она идеальна. Татуировка и правда очень красивая, но даже эти яркие краски бледнеют в сравнении с ее лицом, ее коленями, с тем, как она стоит сейчас перед нами, вытянув руку, без тени самолюбования.

– Я тоже хочу татуировку, – говорю я. – Уже придумала где.

Я показываю им место – на внутренней стороне плеча.

– А что там будет? – спрашивает Трэвис.

– Слово. Фраза. «Конец любви».

Мими щурит глаза.

– Это откуда?

– Сама придумала.

Это то, что причиняет мне боль. То, о чем я не могу говорить. Из-за чего просыпаюсь посреди ночи. Кажется, если бы я могла сделать что-то с этим, навсегда запечатлеть на своем теле, оно бы отпустило мое сердце.

– Похоже на фразу из песни, – говорит Хоуп. – Или из книги. Но не могу себе это представить в виде татуировки.

– Зато это будет предупреждением для других девчонок, – говорит Трэвис. – Все будут знать, что от тебя стоит держаться подальше.

Я снова краснею. Не думала, что я достаточно важная персона, чтобы меня обсуждали в Портеро-Хай. Но оказывается, это так. Поднимаю взгляд и замечаю, что Мими смотрит на меня.

– Ребята, – окликает нас мистер Траут из кабинета – возможно, это травмирует ваши хрупкие юные умы, но урок все же состоится *внутри* кабинета.

Я уже собираюсь идти за ними на последний ряд, но вижу, что там только три свободных парты, и сажусь на свое обычное место.

Сегодня мистер Траут будет рассказывать нам про многоугольники, хотя он еще этого не сказал. Но я догадываюсь, увидев фигуры, нарисованные на доске. Я знаю все названия. Треугольник, четырехугольник, пятиугольник, шестиугольник, семиугольник, восьмиугольник, девятиугольник, десятиугольник...

– Что у них общего?

– Это все геометрические фигуры? – звучат предположения. – У них прямые линии?

– Да, – соглашается мистер Траут. – А что еще?

Я записываю в тетрадь все, что знаю про многоугольники. Что они все – конечная цепь отрезков. Что у них есть стороны, и точки, в которых эти стороны соприкасаются. Что пространство внутри них называется «площадью».

Пишу про выпуклые и невыпуклые многоугольники. Про простые и звездчатые. Про равенство и симметрию, которые успокаивают мою душу. Мистер Траут говорит то, что я уже знаю. Кажется, ему скучно, но это не важно. Слова срываются с его губ, разносятся по классу, и я замираю, потому что знаю, что она тоже их слышит.

Когда я возвращаюсь домой, родители со своими самоклеящимися листочками стоят в столовой перед сервантом с посудой.

– Глянь-ка, – говорит мама, нахмурившись и показывая на сервировочное блюдо. – И о чем мы только думали?

Это блюдо они использовали постоянно, сколько я себя помню. На мой взгляд, в нем нет ничего плохого, но папа тоже хмурится и всплескивает руками.

– Ну что я могу сказать? – говорит он. – Это было в девяностые!

– В комиссионку? Ну, если ты не хочешь его оставить.

– Нет, точно в комиссионку.

Он несет блюдо к обеденному столу, который облеплен записками трех категорий. «Его», «ее» и «комиссионка». Последняя кучка самая большая и занимает почти весь стол.

– Вы хоть что-нибудь оставите? – спрашиваю я.

– О! – восклицает папа. – Привет, Флора!

Мама машет мне рукой.

– Я и не заметила, как ты пришла.

У себя в комнате я открываю учебник и начинаю делать домашнее задание, которое мне, как вольному слушателю, в общем-то не положено. Мистер Траут задал нам только задачи с нечетными номерами, но я собираюсь сделать все. Где-то на середине, когда я рисую циркулем идеальный круг, в дверь стучат.

Дверь открывается, хотя я не сказала «войдите».

– Как дела – спрашивает мама.

– Ничего. Уроки делаю.

– Сложно?

Я пожимаю плечами.

– Какой предмет-то?

– Геометрия.

Она кивает, склоняет голову набок.

– Мне почему-то казалось, что ты уже сдала геометрию.

Я не отвечаю, но ей, кажется, все равно. Она осматривает мою комнату. В груди у меня все сжимается, и я почти слышу голос Джессики, которая советует мне озвучить свои чувства.

– Есть идеи по поводу того, что ты хочешь оставить?

– Все, – говорю я.

– Мы могли бы купить тебе стол получше. Более современный.

– Мне остался всего год до колледжа.

– Ну ладно. Посмотрим, как он встанет в твоей новой комнате, а там решим.

– Я вообще-то только начала, – говорю я, показывая на учебник.

– Упс! Ну, тогда я пойду. Жду не дожусь субботы! Подруга рассказала мне про новый магазин в Беркли, можем сходить туда посмотреть.

– Ты собираешься выбирать шторы, хотя мы еще не знаем, где будем жить?

– Я уже знаю, какой стиль мне нравится. В турецком духе. Посмотрим, что там есть.

– Ну ладно, – говорю я.

– Вот и отлично. Ну, занимайся. А мы с папой начнем разбирать кладовку. Знаешь, мы неплохо проводим время, – она улыбается в подтверждение своих слов. – Так важно отпустить прошлое. Мы все время делимся воспоминаниями и смеемся. И мы выбрасываем столько ненужных вещей, это прекрасное чувство.

У меня мутнеет в глазах, но тут же проходит. Во мне с опасным жужжанием взвизгивает пчелиный рой, но я усмиряю его и говорю:

– Рада за вас. Но мне правда надо заниматься.

Я опускаю взгляд в книгу, но ничего не вижу. Сажусь неподвижно, жду, когда захлопнется дверь. Мамины шаги стихают, удаляясь по коридору. Я открываю чистую страницу в тетради и берусь за циркуль, но нажимаю слишком сильно, грифель ломается.

Откладываю домашнюю работу и открываю ноутбук. Начинаю искать ткани в турецком стиле, создаю новую папку в «Пинтересте». Подбираю рисунки и цвета, фотографии турецкой плитки для вдохновения. Выясняю, что есть разные традиционные мотивы: с животными, цветами, деревьями. В конце концов я устаю и поддаюсь уютному зову постели.

Посреди лекции о теореме Пифагора мистер Траут что-то замечает в окне. Его лицо преображается, озаряясь улыбкой. Я поворачиваюсь туда, куда он смотрит, и вижу женщину с корзиной для пикника.

– Флора, – говорит он, – сделай одолжение и закончи разбирать это доказательство. А потом переходи к следующему, – уже на полпути к выходу он оборачивается. – А потом к следующему.

Я выхожу к доске и беру маркер. Поворачиваюсь и вижу, как мистер Траут обнимает женщину. Потом она достает плед, который несла под мышкой, и раскладывает его на траве прямо под окнами кабинета.

Я заканчиваю чертеж мистера Траута, попутно объясняя, что к чему, потом поворачиваюсь к классу. Все смотрят в окно, где женщина достает из корзинки для пикника два сэндвича, завернутых в пергамент и перевязанных бантиками. Следом из корзинки появляется тарелка с клубникой и два узких бокала для шампанского. Она эффектным жестом извлекает бутылку газированной воды, что-то говорит, и оба смеются, запрокинув головы.

Мне неловко стоять у доски без дела, так что я заглядываю в записи мистера Траута, чтобы узнать, что объяснять дальше, стираю с доски чертеж и начинаю новый.

– Итак, это алгебраическое доказательство, – говорю я. – «А» в квадрате плюс «b» в квадрате равняется «с» в квадрате.

Рисую на доске большой квадрат и внутри него второй поменьше, повернутый под углом, помечаю стороны. Я даже не оборачиваюсь, потому что знаю, что никто меня не слушает. Закончив, я откладываю маркер и смотрю в окно. Мистер Траут и его подруга, вальяжно расположившись на пледе, едят и болтают, будто в парке субботним днем. Весь класс смотрит в окно, наблюдая за ними.

Кроме Мими, которая смотрит на меня.

И вдруг я вспоминаю, как в первый раз я увидела ее, когда ждала Блейка под дубом, а она раздавала листовки.

– Ты из этой школы? – спросила она. Я покачала головой. – Так я и думала. Жаль, – а потом все равно дала мне листовку.

Спустя пару недель, под тем же деревом, мое сердце заколотилось, когда я увидела ее.

– Как дела в клубе? – спросила я.

Она пожала плечами.

– Да так себе. Слишком много гетеро, слишком мало геев, а это не соответствует нашей задаче.

Рядом с ней стояли Трэвис и Хоуп.

– Нас не вини, – сказал Трэвис. – Мы просто хотели тебя поддержать.

– Да все равно. Похоже, что клубы – это не для меня, – заметила Мими.

И вот, спустя почти три года, пока наш учитель устроил пикник под окнами школы, а весь класс завороченно за ним следит, Мими поднимает руку.

– Да? – отзываюсь я.

– Почему ты ходишь на этот курс?

То ли из-за странности этого момента, то ли из-за того, что в окружении двадцати учеников, отвернувшихся от нас, кажется, что мы с Мими остались вдвоем в этом классе, я решаю ответить честно:

– Мне нужен был повод уходить из дома.

– Мы собираемся в поход, – говорит Мими два часа спустя. – Хочешь с нами?

Мы стоим на том самом месте, где мистер Траут и его подруга устроили пикник, а потом ликвидировали все его следы. Он вернулся в класс как ни в чем не бывало и отпустил нас на обед.

– Когда? – спрашиваю я у Мими.

– Завтра утром. Мы недалеко, на пляж Муир на пару дней.

– Вряд ли у меня получится, – отвечаю я. – Мне бы хотелось, но у меня другие планы.

– Вечеринка по случаю 4 Июля?

– Не совсем. Надо выбрать вещи для нового дома. С мамой.

– Очень жаль, потому что нам всем не помешала бы помощь с геометрией.

– А, так вам просто нужен бесплатный репетитор?

– Не только, – возражает Мими.

– Перемена кончилась! – кричит из кабинета мистер Траут. – И почему я должен вам об этом напоминать? У вас у всех в телефонах есть часы.

– Дерзкое замечание для человека, который устроил пикник посреди рабочего дня, – парирует Трэвис.

– Справедливо, – признает мистер Траут. – Но все равно я тут главный.

Я разворачиваюсь и иду обратно в класс.

В конце дня, выходя из кабинета, Мими протягивает мне записку. За все время нашего знакомства это второй листок бумаги, который она дала мне. Он больше, чем тот флаер – лист из тетрадки в клеточку, сложенный пополам. Там написано «На случай, если твои планы отменятся». Под текстом рисунок: палатка, пара деревьев, луна, звезды и костер. И приписка внизу: «кемпинг на пляже Муир, участок 12».

– Сперва выпьем кофе, – говорит мама. – А потом в магазин за шторами!

Она хочет, чтобы мы поехали на двух машинах, потому что у нее потом еще дела. Пока она заказывает два латте в кафе, куда мы обычно ходим, я выбираю столик и достаю ноутбук, чтобы показать ей папку с картинками, которые я выбрала.

– Так здорово! – говорит она, усаживаясь за столик. – Посмотри-ка на эту! Отличный цвет.

– Мне тоже нравится, – говорю я и листаю вниз, чтобы показать ей еще несколько похожих картинок. – Я подумала, что вообще-то это не так уж глупо – выбирать шторы, не зная, где мы будем жить. Может, это поможет нам придерживаться выбранного стиля.

– Ты у меня такая умница. Кажется, бариста назвал наши имена, – говорит мама. – Пойдем.

Мы приезжаем в салон текстиля и допиваем кофе у входа. Глядя на витрину, я понимаю, что нам будет из чего выбирать, и убеждаю себя, что мое приподнятое настроение – это хорошо и вовсе не значит, что я изменяю себе. Джессика всегда говорит, что чувства – сложная штука. Иногда они могут быть противоречивыми. И в них не всегда есть логика.

Я заглядываю в витрину, мой взгляд падает на образец ткани на стене.

– Кажется, я уже нашла один вариант, – говорю я маме.

– Где? – спрашивает она.

– Вон там, третья от нас.

Мамино лицо рядом с моим, я что-то показываю ей... Все это воскрешает какое-то забытое ощущение, из времен, которые были до того, как в моей голове возникла фраза «конец любви» и стала преследовать меня даже во сне. Мы выбрасываем стаканчики от кофе и заходим в магазин.

– А, это вы! – восклицает женщина за прилавком. – Ваш заказ у меня в кладовке.

– Какой заказ? – спрашиваю я.

Мама игриво пожимает плечами, как будто это все очень мило.

– Попалась! Я не удержалась, и заглянула сюда пару дней назад, и просто влюбилась в одну расцветку!

– А зачем тогда ты меня сюда привела?

– Нам же нужна не одна пара штор. Ну-ка покажи мне, что тебе приглянулось.

Я веду ее к стене, где висит образец, который я заметила с улицы, но вблизи ткань не такая, как я себе представляла.

– Отличные цвета! – говорит она. – Посмотри, что я выбрала, тебе понравится.

Продавщица выкладывает шторы на прилавок перед мамой. Она сине-белая с орнаментом икат – вовсе не в турецком стиле и совсем не таких теплых цветов, которые мы выбирали.

– Ну разве не прелесть? К ним бы подошел журнальный столик в деревенском стиле и кожаный диван... – Она приподнимает брови и улыбается, выжидающе глядя на меня.

– Звучит неплохо, – выдавливаю я.

– Ну и хорошо, – говорит она. – А теперь у меня для тебя сюрприз. Нам нужно еще в одно место. Поезжай за мной!

Я следую за ней по шоссе, сквозь туннель и череду пригородов. Она сворачивает в жилой квартал, я за ней. Мы паркуемся перед новеньким многоквартирным комплексом. В одной руке она держит ключ, на другой болтается пакет со шторами.

– Что происходит? – спрашиваю я.

– Сейчас увидишь! – чирикает она и ведет меня по бетонным ступенькам к красной двери. Поворачивает ключ в замке, и мы оказываемся в пустой гостиной. – Сюрприз! Добро пожаловать домой, Флора!

Внутри у меня снова взвизгивает пчелиный рой, жужжит и бьется крылышками. У меня мутнеет в глазах.

– Ты издеваешься?

Она в замешательстве смотрит на меня.

– Тебе что, не нравится?

– Сюрприз, добро пожаловать домой?! Помоги мне выбрать шторы?!

– Флора...

Но я уже разворачиваюсь и выхожу из квартиры. Сбегаю по ступенькам, сажусь в машину и, не глядя на нее, уезжаю прочь. Я сама не знаю, куда еду, но вскоре мне приходится остановиться, потому что слезы текут ручьем, застилая глаза.

Я считала, что, когда люди разводятся, им положено из-за всего ссориться. Сражаться за дом, машины, мебель. За сохранившиеся свадебные подарки. За коллекцию картин, если вы из тех людей, кто собирает картины, а мои родители как раз из них. Я думала, при разводе людям хочется сохранить кусочки своего прошлого. Что ушедшие годы все еще что-то значат.

Я хочу оставить маленький диванчик. И кружки с маргаритками. И подставки для яиц. И придверный коврик, и бабушкин портрет, и лошадку-качалку, и обои. Пианино и ковер с индейским рисунком. И свою комнату, и папу. Я все хочу, все!

– Так мы все-таки тебе нравимся! – восклицает Трэвис, когда я вылезаю из машины и ступаю с гравия на траву.

– Конечно, нравитесь.

– Но ты не сидишь с нами в классе, – говорит Хоуп. – Нам обидно.

Они развалились на ярких разноцветных складных стульях. Мими опирается о пенек ногами, обутыми в ярко-красные сандалии, тербит расстегнутую ляжку обрезанного комбинезона и улыбается мне. Я краснею, как будто снова в девятом классе. Но теперь мы обе стали старше и лучше умеем выражать свои желания.

– Я надеялась, что ты приедешь, – говорит она.

Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь легкомысленное и кокетливое, но вместо этого у меня вырывается всхлип. По щекам текут слезы. Этого я не ожидала. Я закрываю лицо руками.

– Боже мой, – говорю я. – Мне так стыдно. – Но, к счастью, я уже смеюсь и перестаю плакать.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Хоуп.

– Просто у меня был тяжелый... день? Месяц? Пара лет?

– Мы все думали, что с тобой такое. Сидишь на первой парте, ни с кем не общаешься, если не втянуть тебя в разговор.

– У тебя часто отсутствующий вид, – добавляет Трэвис.

– И грустный, – вставляет Мими. – Я помню, раньше ты гораздо чаще улыбалась.

– Родители разводятся, – говорю я. Я редко произношу эти слова вслух, разве что на приеме у Джессики. Развод – такая распространенная вещь. Ничтожная проблема по сравнению с действительно ужасными вещами, которые случаются со многими другими. Но, начав говорить, я вываливаю на них все.

– Они два года то сходились, то расходились. Пробовали пожить отдельно. Долгое время казалось, что они друг друга ненавидят, по-настоящему, лютой ненавистью. Но теперь решение принято окончательно, и ненависть прошла. Они, блин, веселятся. Папа начал насвистывать!

– Так вот почему ты записалась на геометрию, хотя сама могла бы ее вести, – говорит Мими. – А что с вашим походом в магазин?

Я качаю головой.

– Катастрофа.

– Ну что ж, – говорит Трэвис, – хоть тебе и пришлось бежать из дома, зато теперь ты оказалась в раю.

И это правда. Мы сидим посреди леса, но я чувствую запах океана. Над нами возвышаются секвойи, с ветки неподалеку взлетает стайка голубых птичек. Я смотрю, как они взмывают в небо, ныряют вниз, разлетаются и снова слетаются вместе и наконец скрываются из виду. Я поворачиваю голову и осматриваю лагерь. Две палатки, между ними аккуратно сложенные в рядок рюкзаки. Стулья расставлены вокруг костра, а рядом большой походный холодильник, обклеенный стикерами Калифорнийского национального заповедника.

Они явно профессионалы походного дела.

– Эй, – говорю я, – я так плохо подготовилась. Заскочила по дороге в супермаркет, но купила только зубную щетку.

– У меня палатка на двоих, – говорит Хоуп.

– А у меня есть запасное одеяло, – добавляет Мими.

Трэвис указывает на старенький «Вольво», который стоит неподалеку.

– У меня в машине запас толстовок, которого хватит на небольшую деревушку.

Как же приятно снова смеяться!

– Так что же заставило тебя отправиться в поход с кучкой отщепенцев? – спрашивает Трэвис.

– Почему это вы отщепенцы?

– Ну, для начала, – говорит Мими, – мы ни черта не смыслим в математике.

– К тому же мы все разных национальностей, – добавляет Трэвис. – Мими – наполовину корейка, я – наполовину мексиканец, а Хоуп вообще гремучая смесь.

Хоуп кивает с притворной серьезностью и говорит:

– Полуфранцуженка, полуголландка.

– Кроме того, – продолжает Мими, – мы, пожалуй, единственная компания в истории старших классов, в которой никто никогда не ссорился, не влюблялся друг в друга и не целовался с чужими возлюбленными.

– В походах нам уютнее, чем дома, – вставляет Хоуп.

– За последние три года мы повстречали четырех медведей, но нас так и не съели.

– А еще, – завершает Мими, – мы никогда – ни разу! – не были на школьной дискотеке.

– Почему? – спрашиваю я.

– Мы вместо этого ходим в походы, – поясняет Хоуп. – Так повелось еще с бала выпускников в девятом классе. Правда, тогда нас не отпустили одних, и родители Трэвиса поставили палатку в паре участков от нас и приходили нас проведать каждые несколько часов.

– Это мило, – говорю я.

Мими добавляет:

– А однажды, в десятом классе, мы разбили лагерь во дворе у Хоуп.

– Это была вынужденная мера, – поясняет Хоуп. – Никто из родителей не был готов идти в поход в декабре.

– Ты рыбу любишь? – спрашивает Трэвис. – Мы готовим форель в честь нашего учителя.

– Серьезно?

– Ну, вообще-то мы всегда жарим на костре форель, но на этот раз в этом есть особый смысл.

– Плохие новости на алкогольном фронте, – говорит Хоуп, расстегивая один из рюкзаков. – Удалось раздобыть только одну бутылку, да и в той на доньшке.

Трэвис изучает этикетку.

– Бурбон.

– В походах я предпочитаю чай, – говорит Мими, поднимая кружку.

– А ты взяла с собой чай?

– Тут мята повсюду растет, – поясняет Мими.

– Так ты что, просто нарвала мяты и бросила в чашку? – спрашивает Трэвис.

– Ну да.

– Гадость какая.

– Почему это? Я всегда так делаю. С чего это ты взял, что мятный чай – гадость?

– Но это же разве чай? – возражает Трэвис. – В моем понимании, чай – это сушеные листья.

Мими качает головой, широко распахивает глаза и смотрит в чашку.

– А мы даже в интернете посмотреть не можем! – говорит Хоуп.

– Возможно, мы так и не узнаем правды, – говорит Трэвис.

– А я хочу попробовать, – говорю я. – Твой чай.

Мими смотрит на меня:

– Значит, ты на моей стороне?

Я улыбаюсь и пожимаю плечами.

– Вот попробую, и узнаем.

Она встает, ставит кружку на стул и идет по тропинке к кустику мяты. Я смотрю, как она срывает стебелек.

Наливает в жестяной чайник воду из бутылки и ставит его на огонь.

– А кружка у тебя есть? – спрашивает она. Я качаю головой.

Она заходит в палатку и через несколько секунд появляется с зеленой кружкой в руках. Я не могу удержаться от мысли о том, сколько раз ее губы касались края этой кружки. А теперь коснутся и мои. Она бросает на доньшко мяту, которую сорвала для меня, заливает горячей водой и протягивает мне.

– Подожди пару минут, пусть заварится.

– Я тут подумала, – говорит Хоуп после ужина. – Насчет твоей татуировки. Если ты все-таки решишься, сделай тогда еще одну – на другой руке, с надписью «начало любви». И в зависимости от того, с какой стороны читать – справа налево или слева направо, – будет получаться, что любовь началась, а потом кончилась, либо что любовь кончилась, а теперь начнется снова.

Костер ярко пылает, освещая их лица.

– Но я думала, что любовь должна быть вечной, – возражаю я.

Трэвис вздыхает.

– Еще одна сказочка из тех, которыми нас пичкают в детстве. Ну, с другой стороны, они хотя бы счастливы.

– Ничего они не счастливы, – возражаю я. – Они просто вычеркнули свое прошлое.

Был один случай в январе прошлого года. Но мы с мамой делаем вид, что его не было. Праздники тогда состояли сплошь из стрессов и переездов. Всю дорогу до Портленда, куда мы всегда ездим на Рождество, мое сердце переполняло нетерпение: я собиралась открыться своим двоюродным братьям и сестрам, тете с дядей и бабушке. Я знала, что кто-нибудь непременно спросит меня, есть ли у меня парень – они каждый год это делают. И на этот раз я собиралась не просто ответить «нет». Меня так поглотили эти мысли, что я едва замечала, как враждебно настроены друг к другу родители. Я обратила на это внимание лишь по дороге домой, когда у меня в голове прояснилось. Они прожили вместе большую часть января, но дом превратился в минное поле: один неверный шаг, и к потолку полетят осколки снарядов или гостиную заполнит ядовитый газ.

В конце месяца папа переехал к своему другу в соседний город. Однажды я допоздна делала уроки, старалась сосредоточиться и решила, что дело пойдет лучше, если перекусить.

Мама сидела одна за кухонным столом.

– Знаешь, – ни с того ни с сего сказала она, – то, что ты решила рассказать родственникам именно сейчас, отнюдь не упростило ситуацию. Я не говорю, что ты во всем виновата, между нами и раньше было не все гладко, но этот лишний стресс, да еще на Рождество...

Я рассказываю об этом ребятам.

Мими говорит:

– Надеюсь, ты сказала ей: «Мам, это бред какой-то».

– Нет, – говорю я. – Этого я не сказала.

– Ну, надеюсь, еще скажешь.

Она делает глоток чая. Я тоже.

– Надеюсь, скажешь в ближайшем будущем.

– В самом ближайшем, – добавляет Хоуп.

– Скажем, завтра вечером, – предлагает Трэвис. – Прямо с порога.

– Погодите-ка, – говорит Хоуп. – А может, прямо сейчас?

Она встает на цыпочки и принимается размахивать в воздухе телефоном, пытаясь поймать сигнал, но тут я говорю:

– Нет, не сейчас. Точно не сегодня.

Костер начинает затухать – все еще горит, но уже не так бойко, как раньше.

Мими подливает мне в кружку кипятка.

– Ну и как тебе? – спрашивает Трэвис.

– Что?

– Чай.

– Только честно, – предупреждает Мими.

– На вкус совсем как мятный чай.

Трэвис удивленно поднимает брови.

– Ну, как скажете.

Становится слишком холодно, чтобы и дальше сидеть на улице. Я достаю из упаковки зубную щетку, откручиваю крышку на мини-тюбике зубной пасты. И тут вижу, как Трэвис выходит из палатки Хоуп со спальным мешком и подушкой в руках.

– О нет, – говорю я, – я что, твое место заняла?

– Не парься, – отвечает он. – Так даже лучше. Она вечно ко мне пристает.

– Ой, да ну тебя, – возражает Хоуп. – Ты мне как брат.

Он забирается в спальный мешок.

Мими говорит ему:

– Я бы пригласила тебя к себе в палатку, но тогда тебе придется спать буквально на мне.

– Дорогуша, – говорит Трэвис, – ты же сама знаешь, что я не хочу всю ночь слушать твой храп.

Он застегивает мешок, забравшись в него до самых бровей.

– Не задохнись там, – предостерегает Мими. – Что мы без тебя будем делать.

– Ладно, – говорит Трэвис и с головой прячется в мешок.

– У тебя есть все, что нужно? – спрашивает Мими.

Она дала мне два одеяла, а Трэвис позволил мне порыться в его машине в поисках дополнительных утеплителей. К счастью, он оказался из тех мальчиков, от которых приятно пахнет.

Я киваю.

Она говорит:

– Я так рада, что нарисовала для тебя тот рисунок.

– Я тоже.

– Ну что, увидимся утром? Ты же не передумаешь и не сбежишь, пока мы спим?

– Ни за что.

Она касается моего запястья.

– Тогда спокойной ночи.

Мы закрываемся в палатке. Как только Хоуп улеглась в свой спальный мешок, а я на свою грудку свитеров, все шорохи стихли, и я слышу лишь звуки ночи. Ветер и сверчки. Смех где-то вдалеке, на другом участке.

Хоуп шепчет:

– Мои родители развелись, когда мне было двенадцать.

– Ой! Мне так жаль.

– Мне казалось, земля уходит из-под ног. Это было ужасно. Потом я привыкла, но дом так никогда и не стал прежним.

Крыша палатки прозрачная. Я вижу луну и звезды, и слова Хоуп кажутся такой же вечной истиной, как они. Как бы люди ни старались сосредоточиться на хорошем, пытаюсь перенестись сразу в будущее, где все хорошо, правда заключается в том, что нельзя просто проскочить этот период – время, когда становится трудно дышать и ты чувствуешь себя совершенно беспомощным. Как будто кричишь, а никто тебя не слышит. Как будто счастливое будущее – миф, на который нельзя рассчитывать, и хочется только одного – бежать от всего этого.

Конец любви. Конец семьи. Ты больше не дочь двух человек, которые просыпаются в одной постели, ставят зубные щетки в один стаканчик, иногда закатывают глаза и вздыхают, иногда злятся друг на друга, но каждый вечер возвращаются в один дом и садятся за один стол.

– Нам осталось потерпеть всего год, – говорит Хоуп. – А потом у каждого из нас будет свой собственный дом.

– Ага, – говорю я.

– А пока можем ходить в походы.

Хоуп засыпает. Я лежу неподвижно и прислушиваюсь, ожидая, когда захрапит Мими. Ее палатка стоит совсем близко, но оттуда не слышно ни звука. Проходит так много времени, что я начинаю бояться, что скоро рассветет, а я так и не усну.

Делаю вдох.

«Она нарисовала мне картинку».

Делаю выдох.

«Она хотела, чтобы я приехала».

– Тут есть волшебное дерево, – говорит утром Мими. – Я хочу тебе его показать. После завтрака, конечно.

Как по волшебству возникают сосиски, картошка и яйца, которые волшебным образом одновременно оказываются горячими у нас на тарелках, хотя готовятся все на костре на одной-единственной сковородке. Мы едим молча, пьем кофе, который Хоуп варит всем по очереди. Сквозь ветви деревьев проникает утренний свет. В воздухе пахнет костром, землей и океаном, а я не могу подобрать слово, чтобы описать свое состояние. Разве что «жива».

Потом мы с Мими идем к ее машине, садимся в нее вдвоем, и я трогаю кристаллики, которые лежат у нее на приборной панели: один прозрачный, один розовый, один желтый.

– А это зачем? – спрашиваю я.

– Мама заставляет меня всегда хранить их в машине. Она считает, что они меня оберегают.

У меня нет слов. Я не представляю себе, каково это – иметь маму, которая верит в такие вещи.

– Хорошо еще, они хоть на вид симпатичные, правда? – говорит Мими, и я киваю.

Она медленно едет по проселочной дороге, которая ведет к выезду из кемпинга, останавливается, чтобы пропустить группу детей. Когда они проходят, она ждет еще пару секунд, и вскоре на дороге показывается мальчишка, спешащий за остальными. Мими улыбается.

– Так и думала, – говорит она. – Всегда найдется отстающий.

Через десять минут она останавливает машину на крутом повороте, в котором на первый взгляд нет ничего примечательного. Ни зоны отдыха, ни знака – ничего, что бы указывало, что тут стоит остановиться. Я жду, что она скажет, что мы пропустили поворот, но она выключает двигатель и смотрит на меня.

– Готова? – спрашивает она, и мы идем вперед по узкой тропинке. Она ведет меня вверх по холму, сквозь деревья и папоротники, заросли травы и диких цветов. Мы ныряем под ветки и лавируем между кустами ежевики, и вот перед нами возникает поляна, а за ней, прямо под нами, океан.

– Вот это, – говорит Мими, – мое самое любимое место в мире.

Она ведет меня к волшебному дереву. Это не секвойя, не дуб, не сосна и не клен. Я вообще раньше не видела ничего похожего. Дерево старое, это сразу видно, но не такое величественное, как секвойя. В ширину оно больше, чем в высоту. Толстые ветви раскинулись во все стороны, а ствол покрыт узлами.

Мими забирается на услужливо протянутую ветку, залезает повыше. Я касаюсь коры и нащупываю место, откуда вылезает крошечный зеленый побег.

– Я хочу рассказать тебе одну историю, – говорю я. Мими кивает.

Она напоминает мне Алису перед путешествием в Страну чудес. Я тоже забираюсь на ветку и усаживаюсь, болтая ногами. Одно неловкое движение – и можно сорваться в океан, но я уже давно нигде не чувствовала себя так спокойно и безопасно.

То самое чувство, которого я ждала от летних курсов.

– Это про меня, мою маму и наш дом.

– Я очень хочу послушать, – говорит Мими.

У меня возникает такое же чувство, как на приемах у Джессики, когда я начинаю рассказывать ей что-то и тут же задумываюсь, зачем я это рассказываю. Но, как всегда говорит Джессика, надо же с чего-то начать.

– Мы купили дом, когда я была в седьмом классе, – говорю я. – Мама давно об этом мечтала. Раньше мы жили в доме, который был вполне ничего, но не очень красивый, а маме хотелось, чтобы все было как на картинке: крыльцо, большие окна и все такое. Чтобы было место, где разбить сад, и уютные ниши, и уголки. Она их просто обожает. Я, кстати, тоже.

Мими улыбается:

– Я это запомню.

– Папа часто работает по выходным, так что мы с мамой вдвоем ходили смотреть дома, выставленные на продажу. Мы несколько месяцев искали идеальный дом и нашли его. В нем было все, о чем мы мечтали. Он стоял на красивой улице, усаженной дубами, и стоил чуть дороже, чем родители были готовы заплатить. Они предложили свою цену, хозяева согласились, и вот тогда-то мы с мамой взялись за дело.

Поднимается ветерок, и я на несколько секунд замираю, наблюдая, как колышутся ветви над нами. Пытаюсь вспомнить, как все было тогда. Когда мне каждый день хотелось проводить с мамой.

– Мы спланировали каждую комнату – цвет стен, мебель. Мы прикладывали к стенам картины, чтобы найти для каждой идеальное место. Составляли длинные списки покупок. Выбирали обои для своих ниш и укромных уголков. Мне доверили выбрать обои для уголка под лестницей. Я выбрала обои под старину, с одуванчиками на розовом фоне. Мы поставили там маленькое кресло и столик, и на долгое время это место стало моим самым любимым в доме.

– Мы прочесывали лавки старьевщиков, охотясь за антиквариатом. Посещали аукционы, скупая картины. Ходили в галереи, сетевые магазины и шоу-румы. Я узнала, как сочетать разные цвета, орнаменты и текстуры. Как ухаживать за комнатными растениями. Каждый раз, как кто-нибудь делал маме комплимент по поводу дома, она говорила: «Мы с Флорой вместе все придумывали».

А теперь они просто все выбрасывают. Все. Как будто это никогда не имело значения. А я не могу подобрать слов, чтобы объяснить, что это значит для меня.

По моим щекам текут слезы, а я даже не заметила, как заплакала. Конец любви. Конец любви.

Мими слезает со своей ветки и забирается на мою. Она берет мои руки в свои, но я чувствую, что этот жест – не просто попытка меня утешить. Это нечто большее.

– Я помню, как увидела тебя в первый раз, – говорит она. – Ты была такой счастливой, уверенной в себе. Мне хотелось сбросить руку Блейка с твоей талии и самой обнять тебя.

– Мне бы это понравилось.

– Даже тогда?

– А ты разве не видела? Кажется, рядом с тобой у меня не получается скрывать свои чувства. И никогда не получалось.

– Я догадывалась, что ты что-то чувствуешь ко мне. – Она отпускает мои руки и дотрагивается до моей щеки.

Я склоняю голову, прижимаясь щекой к ее ладони. Мне хочется, чтобы так было всегда.

– Мне хотелось поцеловать тебя, когда ты была счастлива. И хочется сейчас, когда тебе так грустно.

Но она не двигается, продолжая смотреть на меня.

– Мне тоже этого хочется, – говорю я. – Очень.

И мы тянемся друг к другу.

Я целую Мими Парк через два года после нашей первой встречи. Целую ее, хотя часто говорила себе, что скорее всего больше никогда ее не увижу. Иногда, по ночам, лежа без сна

и думая о ней, я говорила себе, что, наверное, нам не суждено быть вместе. Что, наверное, я ошиблась. То, что человек открывает тебе что-то про тебя самого, еще не значит, что ему суждено сыграть еще какую-то роль. И даже, если с первого взгляда на Мими и при каждой нашей следующей встрече каждая клеточка во мне загоралась желанием прижаться к ней, это еще не значит, что она – моя судьба. Может, это просто значит, что мне нужно нечто иное. Что мне нужна девушка.

Но теперь я на три года старше, чем тогда. Я уже целовалась с несколькими девушками. Наверное, даже была влюблена. Но ни с кем другим ничего похожего я не испытывала.

Я прислоняюсь к стволу дерева, чувствуя ее руки на своем лице, в своих волосах, на груди, на затылке. Я хватаюсь за соседнюю ветку, боясь потерять равновесие.

– Мы свалимся с этого дерева, – шепчу я, когда она прижимается губами к моей шее.

Она отстраняется. Мне хочется снова прижаться к ней. Она спрыгивает на траву, я за ней. Под нами сверкает океан. Небо голубое и ясное. А дерево действительно волшебное. Она тянет меня за собой на землю и снова целует меня.

– Мне больше не грустно, – говорю я.

Она смеется и отвечает:

– Хорошо. Это очень хорошо. Мне тоже.

– А вот и Флора с Мими! – восклицает Трэвис, когда мы возвращаемся, и от одной этой фразы, объединяющей наши имена, меня снова накрывает волна счастья.

– Пора гулять, – возвещает Хоуп.

Мими скидывает ногу:

– Но у меня с собой только сандалии!

– Да ладно тебе, – говорит Трэвис. – Маршрут не такой уж сложный.

Мы уходим в заросли секвойи, где темно почти как ночью, а воздух намного прохладнее, а потом снова выходим на солнце. Идем вдоль обрыва, где под нами шумит океан, а между камней растут цветы, и наконец выходим на самый крошечный луг, какой я только видела. Там мы садимся в кружок, чтобы отдохнуть.

Я замечаю рядом с собой несколько калифорнийских маков.

– Я бы сорвала один для тебя, если бы это не было незаконно, – говорю я Мими.

– Законы существуют, чтобы их нарушать, – она перегибается через мои колени и срывает цветок, а потом вплетает мне в волосы.

Она смотрит на меня.

– Идеально, – говорит Мими, и Хоуп поддакивает, но Трэвис, прищурившись, качает головой.

– Нужен второй для симметрии.

Он срывает еще один цветок и протягивает его Мими, а я поражаюсь, за что мне такое счастье – быть с ними. Казалось совершенно невероятным, что мы встретимся снова, да еще таким образом: на летних курсах, единственные выпускники среди кучки пятнадцатилетних.

– У меня вопрос, – говорю я.

– Какой? – спрашивает Хоуп.

– Каким образом вы все попали на летнюю геометрию?

– У нас у всех туго с математикой, – объясняет Хоуп. – Мы всегда среди отстающих.

Мими добавляет:

– Это единственный предмет, на который мы ходили вместе в прошлом семестре. Учитель нас рассадил, потому что мы все время болтали.

– И это не преувеличение, – вставляет Трэвис. – Мы просто физически не могли прекратить разговаривать.

– А потом мы стали переписываться смсками.

Хоуп качает головой:

– Это был просто ужас. Я пыталась игнорировать свой телефон, но они все время так многозначительно на меня смотрели! В конце семестра нам всем поставили двойки. Так что теперь мы ходим на летний курс и опять все вместе!

Трэвис говорит:

– Уже по второму кругу проходим одно и то же, а все равно ничего не можем выучить.

– Ребята, – говорю я, – вам просто нужно понять, что геометрия – это самое интересное в математике.

Хоуп смеется. Трэвис возражает:

– «Интересное» и «математика» в одном предложении?... Все, мой мозг отключился.

Мими проводит рукой по своей татуировке и улыбается.

– Это самое человеческое. Это связано с нашим телом, – я встаю, расставив руки. – Симметрия. Пропорции. Знаете этот рисунок Леонардо да Винчи, где человек стоит вот так? – я шире расставляю ноги и выше поднимаю руки.

– Ну да, голый мужик, – говорит Трэвис.

– По-моему, у него мужики почти всегда голые, – вставляет Мими.

– Но вокруг того нарисован круг, да? – спрашивает Хоуп.

– Точно! И еще квадрат. Этот рисунок как раз про геометрию. Геометрия в природе повсюду: когда бросаешь камень в воду и от него расходятся круги, все шире и шире. И жилки на листьях. И чешуя у рыбы. А если посмотреть на срез дерева, видно, как оно росло. А ульи! А суккуленты!

– Чего я не понимаю, – перебивает Трэвис, – так это почему они не учат нас всему этому? Как будто сами хотят, чтобы мы ничего не поняли.

– А вот я не понимаю, – говорю я, – как так получилось, что я записалась на геометрию, ожидая, что там все будет скучно и знакомо, а в итоге оказалась тут.

– Звучит как комплимент, – говорит Мими.

– Так оно и есть. – Я сажусь на свое место и мимоходом целую ее в уголок губ.

– Похоже, у нас тут кое-что новенькое, – замечает Трэвис, вскинув брови. – Когда вернемся, перенесу свой спальный мешок обратно в палатку Хоуп. Сегодня ночью я чуть не околел.

Снова смеркается. Хоуп приносит из машины укулеле. Трэвис уходит в кусты и возвращается с пучком листьев в руках.

– Я заварю чай, – сообщает он. – Особый сбор. Мята и еще кое-что.

– А мы не отравимся? – спрашивает Мими.

– Да ладно тебе, – говорит он. – От чая еще никто не умирал.

Я даже не пробую его чай, но кружка приятно греет мне руки в вечерней прохладе.

– В твою честь, Флора, сегодня я буду петь только о любви, – говорит Хоуп.

Мими разогревает овощной суп на костре и разливает в четыре миски. Каждое ее движение завораживает. Ей на палец попадает капля супа, и она слизывает ее. Она передает мне миску, и наши пальцы соприкасаются.

Она почти все время молчит, но даже ее молчание так много говорит мне. Что бывают такие моменты, как в прошлом январе. Что люди иногда ужасно поступают друг с другом, когда перестают любить. Что «конец любви» – фраза, над которой можно подумать, но не стоит делать такую татуировку. Потому что в мире есть не только записки «выбросить» или «продать» и красные двери многоквартирных домов, но и ветви деревьев, и океанский берег. Есть спальные мешки, палатки и россыпь звезд. Есть такие люди, как она. И есть человек, в которого превращаюсь я.

Завтра я поеду домой. Возможно, родители будут на меня орать за то, что я вот так сбежала. А может, улыбнутся и спросят, хорошо ли я провела время. В любом случае будет больно.

Через две недели наш дом опустеет. Потом придет риелтор и заполнит дом ничейной мебелью и картинами, чтобы казалось, будто там жила семья – воображаемая семья, у которой нет ни фотографий на стенах, ни писем на столике в прихожей, ни еды в холодильнике. В реальной жизни у нас порой бывал беспорядок. Мы не всегда сразу мыли посуду. Замачивали грязные кастрюли. Оставляли на столах ворох бумаг, а в прихожей – кучу обуви. И пылесосили не так часто, как следовало бы.

Мы не всегда были счастливы, но это всегда были мы.

Завтра я войду в дом, и нас больше не будет. Мы станем другими людьми и уже не будем связаны друг с другом так, как раньше. Я пока не знаю, как с этим жить, но знаю, что это правда.

Хоуп поет очередную песню о любви, как и обещала. Она играет не очень умело, но голос у нее чистый и приятный, и она знает все песни наизусть. Закончив, она объявляет, что ложится спать, и вскоре они с Трэвисом уходят.

Мими склоняется ко мне. От нее пахнет мятой – не зубной пастой и не жвачкой, а настоящей мятой, которая еще недавно росла на земле. Она шепчет мне на ухо:

– На самом деле я не храплю.

Я улыбаюсь. Мы поворачиваем головы, и вот уже я шепчу ей на ухо:

– Я знаю.

Мы сидим вдвоем у костра, поднимается ветер, и она берет меня за руку и ведет к палатке. Я слышу каждый звук: биение своего сердца, шуршание травы под ногами, шорох ее одежды, когда она наклоняется, чтобы открыть дверцу в палатку. И вот оно: звук расстегиваемой молнии, снизу вверх, полукругом, и снова вниз. Я закрываю глаза, хотя на улице уже темно, чтобы сосредоточиться на этом звуке. Это открывается моя жизнь.

А потом звук стихает. И мы забираемся внутрь.

Либба Брэй

Последняя смена

В последний вечер перед закрытием кинотеатра небо выглядело так, будто ему не помешал бы больничный: желто-зеленое, с темными краями, словно загноившаяся рана. Явно надвигалась гроза. По ту сторону дороги выстроились в ряд бульдозеры, как армия, сознающая превосходство над противником. В понедельник утром они перейдут в наступление и превратят старый кинотеатр «Киножуть» в горсть праха, а на его месте вырастут жилые дома, салон сотовой связи и «Старбакс». Ура.

– Кевин! Ты-то мне и нужен!

Пока я копошился под прилавком, мой лучший друг Дэйв подскочил ко мне и притянул меня к себе, держа наготове телефон, чтобы сделать селфи.

Я вздохнул.

– Не надо, а?

– Да ладно тебе, чувак. Надо запечатлеть этот момент.

– А нельзя, чтобы момент так и остался моментом?

– Тс-с. Постарайся выглядеть посимпатичнее. – Дэйв жеманно надул губы. Я сохранял свое фирменное выражение лица: нечто среднее между обреченностью и презрением, *обрезре-ние*, так сказать. Щелкнул затвор, и Дэйв отпустил меня, чтобы набрать текст.

– Хештег: #последнийвечеркиножути.

– О да, – сказал я, проверяя давление в сифонах. – Уходим с помпой.

– Вот именно! Последний вечер, – многозначительно повторил Дэйв, мотнув головой в сторону дальнего угла фойе, где предмет моих неразделенных симпатий, Дэни Гарсия, устанавливала перед дамской комнатой табличку «Грохнешься – мы не виноваты», собираясь протереть пол. Ее бирюзовые волосы были уложены в ретроприческу в стиле Бетти Пейдж и выбриты над ухом, утыканным маленькими сережками, как крошечными серебряными позвонками. Вот уже несколько месяцев я сочинял про нас с ней фильм, в котором мы сражались с разнообразными монстрами, спасали мир, а потом на радостях занимались сексом. Что подразумевает, будто у нас с ней было хотя бы одно свидание. На самом деле нет. Даже разговор об этом не заходил.

– Ну так ты созрел? – спросил Дэйв, одновременно жуя целую горсть мармеладных мишек. По подбородку у него потекла струйка разноцветной слюны.

Я поморщился и протянул ему салфетку.

Дэйв застонал.

– Неужели струсил, как девчонка?

– К чему этот сексизм? Я предпочитаю говорить, что сделал осознанный выбор в пользу малодушия.

– Ну Ке-е-евин...

– Чувак, заткнись, – я глянул в сторону туалета. Дэни зашла внутрь со своей шваброй. Дверь была закрыта. – Я это сделаю, – тихо добавил я, поправив очки на носу. – Просто... не сегодня.

Дэйв швырнул в меня двух мармеладных мишек, одного за другим.

– Да почему не сегодня?

– А?

Дэйв держал наготове третий мармеладный снаряд. Я примирительно поднял руку.

– Просто сейчас неподходящий момент.

– Чувак. Разве Линкольн ждал подходящего момента для Геттисбергской речи?

– Вообще да, Дэйв. Он ждал, когда закончится битва при Геттисберге.

– Ну и что? – Третий мишка отскочил от моей щеки и приземлился под емкостью для льда. – Суть в том, что *подходящим* момент делаешь ты сам. Сегодня последний вечер, когда ты видишь ее в такой интимной обстановке. Потом два месяца каникул, а потом она уедет в колледж, и ты будешь кусать локти на встрече выпускников, потому что она выйдет замуж за какого-нибудь татуированного рокера на «Бентли» и забудет, как тебя зовут. «Ой, ты Кайл, да? Мы вроде вместе работали? погоди, а не ты ли тот рыжий придурок, которому не хватило пороха позвать меня на свидание?»

Я просовываю тощие веснушчатые руки в рукава форменной красной ливреи, в которой выгляжу как чокнутый фанат Майкла Джексона.

– Спасибо на добром слове, Дэйв. Ты отлично умеешь подбодрить.

Дэйв пропустил мою колкость мимо ушей.

– Я пытаюсь тебя спасти от тебя самого. И от участи дрочить до конца жизни.

– Дэйв.

– Да, мой сладенький?

– Гори в аду.

– Ты такой милый, когда злишься, – проворковал он и чмокнул меня в щеку. – Хотя бы *спроси* ее.

– О чем – спроси? – Дэни вышла из туалета, вытерла руки бумажным полотенцем, скатала его в шарик и точным броском швырнула в мусорку, победно вскинув кулак, когда он приземлился в ведро.

– Э-э... Да мы тут говорили о фильме «Я ступаю по этой земле», – быстро сказал я, заливая в аппарат для попкорна искусственное сливочное масло, от одного вида которого можно отравиться.

Дэни фыркнула. Мне этот звук казался убийственно привлекательным. В моем воображаемом фильме она часто так делала. Зрителям понравится. Дэни взяла щипцы и равнодушно потыкала пережаренные сосиски, греющиеся в печке.

– Ах да. Тот фильм, который вроде как проклят? Ну конечно!

– Ты что, не смотрела «Шоугерлз»? Проклятые фильмы очень даже существуют.

Дэйв поднял правую руку.

– Факт.

Дэни закатила глаза.

– Я не про плохие фильмы, а про проклятые. В смысле, которые нельзя смотреть. Никогда. И вообще, как это Скратше умудрился раздобыть копию? Я думала, она хранится в каком-нибудь свинцовом сейфе.

Я открываю коробку пластиковых трубочек и начинаю перекладывать их в диспенсер на прилавке.

– Вот уж не знаю. А что касается проклятия, то, как утверждает наш оплот журналистской этики «Дэдвуд Дэйли Геральд», который читают целых восемьсот два человека, если только сегодня кто-нибудь не умер, во время показа «Я ступаю по этой земле» открываются врата ада. Это вроде как смесь «Волшебника из страны Оз» и «Темной стороны Луны», без наркотиков, но зато с демонами.

Дэни широко улыбнулась, и в моей голове пронеслась очередная сцена из моего фильма.

Сцена 12: Дэни и Кевин бегут по полю, заросшему люпином. На заднем плане рок-фолк-группа играет ироничную, но чувственную любовную балладу. На Дэни белый сарафан, обнажающий плечо с классной татуировкой: сакура плюс имя ее младшего брата.

– Я сделала для тебя кружку на уроке ироничной керамики, – говорит она и протягивает мне кружку из цельного куска глины, без дырки.

– Спасибо. Ироничный кофе – мой любимый напиток, – отвечаю я, и камера фокусируется на моем мужественном подбородке, покрытом сексуальной щетиной.

Наши лица склоняются друг к другу в поцелуе. Мы не замечаем, как к музыкантам приближается толпа зомби.

Очнувшись от своих фантазий, я обнаружил, что Дэни вопросительно смотрит на меня.

– Так, о чем это я... – продолжил я, покраснев. – Раз уж сегодня последний день «Киножути», может, Скратше появится тут?

Дэни взяла две соломинки и надела их себе на резцы, как клыки.

– Да он небось занят: поджаривает невинных младенцев в духовке.

Дэйв пожал плечами и щедро обмакнул начос в сырный соус.

– Это просто новая порция пищи для слухов про Скратше.

Вот уже несколько десятков лет мистер Скратше был любимой городской легендой Дэдвуда, штат Техас. Он приехал сюда в 1963 году, когда страна еще оплакивала безвременно почившего многообещающего президента, и немедленно купил обветшавший городской кинотеатр «Кинопуть», построенный еще в 1920-е годы. В течение года он превратил его в «Киножутъ» – кинотеатр, специализирующийся исключительно на ужастиках. Он был оснащен такими передовыми фишками, как система «запаховидения», сиденья с электрошоком и скелеты, падающие на зрителей с потолка на невидимых лесках. К тому же там был единственный в радиусе сорока миль 3D-экран. На премьеры фильмов народ съезжался из самого Абилина. Лично я понятия не имею, зачем затевать бизнес в Дэдвуде⁴, который вполне оправдывает свое название. Уехать куда подальше – пожалуй, лучший вариант для жителей Дэдвуда. Если, конечно, у вас вообще есть варианты.

Ну так вот.

Скратше никто не видел уже много лет, даже мы. Когда в кинотеатр набирали сотрудников, нас всех попросили заполнить короткую анкету со странными вопросами о наших мечтах, надеждах и страхах. Потом я получил по почте короткую записку, написанную очень официальным почерком: «Поздравляем, мистер Грант. Вы нам подходите. Искренне Ваш, Николас Скратше».

Его затворнический образ жизни порождал множество слухов: то говорили, что он родом из Трансильвании. То, что он из циркового городка во Флориде. Он высокий. Нет, он карлик. Священник-расстрига, практикующий нетрадиционные способы экзорцизма. В незапамятные времена убил дворянского сына и с тех пор скрывается у нас в городе. Слухов про Скратше ходили десятки, но достоверных доказательств его существования было всего три. Во-первых, кинотеатр. Во-вторых, его подпись на наших чеках с зарплатой. В-третьих, черно-белая фотография в рамке на плохо освещенной стене у лестницы, ведущей в проекторную. На ней был изображен Скратше, перерезающий ленточку в день открытия «Киножути» 31 октября 1964 года.

Мне эта фотография никогда особо не нравилась. На ней Скратше был в синтетическом костюме с искрой – из тех, которые, кажется, вспыхнут от одной спички. Но пугало меня не сомнительное чувство стиля Скратше, а его глаза. Черные, как ночь. Глядя в них, можно было увидеть только собственное отражение. Каждый раз, как я проходил мимо этой фотографии, его глаза осуждающе следили за мной. У меня вставали дыбом волосы на затылке, а все внутри наполнялось липким страхом. Эти глаза заставляли меня снова и снова смотреть в них.

Вычурная готическая люстра на потолке замигала, и свет потускнел. Скачки напряжения – одна из печально известных особенностей «Киножути». Через несколько секунд лампочки снова разгорелись в полную силу. Мы все дружно выдохнули.

⁴ Deadwood – сухостой; дерево, засохшее на корню (англ.).

– Пронесло! – воскликнула Дэни и дала мне «пять».

Мне так нравилось чувствовать мимолетное прикосновение ее кожи к моей, пусть это был всего лишь хлопок ладонями. Факт: когда проводишь большинство вечеров, прокручивая на проекторе старые ужастики, любой человеческий контакт доставляет истинное наслаждение. Звучит жалко. Что ж, это наверно потому, что я и есть немного жалкий. В жизни, как и в кино, главное найти свою нишу и работать в ней.

Наш стажер-девятник Джонни, стоявший снаружи, начал судорожно подавать сигналы, что он готов убрать бархатный шнур, за которым выстроились в очередь зрители. Джонни был вертлявым малым с ученическими правами и мерзкой привычкой пересказывать сюжет каждого фильма, который мы собирались посмотреть. В порядке мелочной мести мы с Дэйвом и Дэни притворились, что не понимаем его бурную жестикуляцию. Мы сами принялись размахивать руками в импровизированном танце, пока наконец Джонни не открыл дверь и не заорал:

– Ну эй, народ! Я их запускаю или как?

– Давай, крошка! Жги! – Дэйв сложил пальцы пистолетом и выстрелил в Джонни, который, напрягшись, рванул к веревке и принялся нервно тереть медную застежку. Дэйв вздохнул:

– Боже, храни стажеров!

– Ну вот и все. Наша последняя смена, – сказал я, наблюдая, как люди проталкиваются к входу. – Привет от уходящих в небытие.

Зале заполнился едва ли на треть. Даже в последний вечер и даже с якобы проклятым фильмом мы не смогли добиться аншлага. Неудивительно, что нас сносят. Дэйв напомнил всем выключить мобильные телефоны и начал фотографировать зрителей, которые и сами делали селфи и тут же публиковали их в соцсетях.

Я начал заготовленную речь:

– Добро пожаловать на последний сеанс в «Киножути». У нас вы получите лучшие впечатления от просмотра отборных винтажных фильмов ужасов.

– Заткнись и врубай кино! – крикнул с последнего ряда Брайан Родди. Не зря мы прозвали его Брайн Уродди.

Я сделал глубокий вдох.

– Как вы знаете, фильм «Я ступаю по этой земле» проклят...

– Ки-но! Ки-но! Ки-но! – скандировали Брайан с друзьями. Пара хипстеров вяло попытались их заткнуть, но Брайана это только раззадорило.

– Эй, Уродди, мамочка до сих пор тебе корочку с сэндвичей срезает? – У меня за спиной внезапно возникла Дэни и направила билтерский фонарик прямо в глаз Брайану.

Он заслонил лицо рукой.

– Эй ты, не слепи меня!

– Не беси меня – тогда не буду, – парировала она. – Я тебя прикрою, приятель, – прошептала она мне. От ее дыхания у меня по спине побежали мурашки.

– Все, кто работал над этим фильмом, скончались при загадочных обстоятельствах, – продолжил я. – Исполнительница главной роли Наталья Маркова повесилась в дешевом мотеле. Молодой повеса Джимми Рейнолдс погиб, врезавшись на машине в дерево. Счетчик пробега показывал шестьсот шестьдесят шесть миль.

– Божечки! – пискнула девчонка в первом ряду, хихикавшая с подружками. От них так разило алкоголем, что слезились глаза.

– Исполнитель главной роли, Алистер Финдли-Кушинг...

– Это его настоящее имя, не псевдоним! – самодовольно вставил кто-то из хипстерской тусовки местного колледжа.

Дэни прошептала:

– Википедиот.

подавив улыбку, я продолжил чуть громче:

– Алистера нашли лежащим на постели, а на полу была начерчена пентаграмма, в центре которой было прибито его сердце, – я сделал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом. – Но самое страшное не это. На смертном одре режиссер Рудольф Ван Хессе признался, что продал душу дьяволу, чтобы снять этот фильм, поэтому он может сбить с пути истинного любого, кто его посмотрит. Фильм насквозь пропитан злом. В каждом кадре сияет всепоглощающий мрак. Эта картина не предназначена для человеческих глаз!

– Как мрак может сиять? – спросил хипстер Дик.

В моем фильме он будет умирать медленно и мучительно, удушенный собственной гадкой бородкой. Я продолжил, не обращая на него внимания.

– И пусть Ван Хессе провел последние десять лет своей жизни в психиатрической клинике, это не помешало ему уничтожить все копии фильма, кроме одной, которая хранилась под замком последние пятьдесят пять лет. Эту самую копию мы и покажем вам сегодня.

– Ого! – выдохнул зал.

– Так что надевайте свои особые демонические 3D-очки и наслаждайтесь. Увидимся после сеанса – если останетесь в живых.

В зале погас свет, и у выхода я наткнулся на Дэни.

– Ой, прости! Ты в порядке? Черт, мне так жаль.

Ванильный аромат ее духов вызвал желание немедленно уткнуться лицом в изгиб ее шеи. Она дернула бровью, и я осознал, что все еще держу ее за плечо. Я отскочил подальше.

– Прости.

– Все в порядке, – сказала Дэни и вышла из зала в ярко освещенное фойе. Я секунду помедлил, чтобы прийти в себя.

– Прости, – сказал я снова в темноту, хотя сожалел только о том, что пришлось ее отпустить.

Я познакомился с Дэни в середине девятого класса. Она переехала в Дэдвуд из Сан-Антонио и оказалась со мной в одной группе на классном часе (нас делили по алфавиту, от А до Г: Дэни Гарсия, Кевин Грант). У нее тогда были розовые волосы, собранные в два хвостика, и выглядела она как человек из Большого города. К тому же на ней была футболка с группой «Бикини Килл». Я пропал.

– Привет! Классная майка! – сказал я, указав на принт.

– Боже мой! – заорала Лана Бренч. – Кевин ткнул новенькой в сиськи!

Добрых две недели меня называли исключительно мистер Сиськин. После этого мое общение с Дэни свелось строго к «привет-пока». С галерки я наблюдал за чередой ее недолговечных романтических увлечений: Пол Питерсон (известный своим убеждением, что любая поверхность подходит для скейтборда), Игнасио Агиляр (странные отношения, в основном состоявшие из смс-переписки), Марта Диксон (непродолжительный период экспериментов с ориентацией, в память о котором осталась коллекция тематических футболок), и, главный кошмар – Майк Эверетт, который расстался с Дэни за три дня до дискотеки по случаю Дня святого Валентина, чтобы пойти на нее с Талишей Грэм, а уж это просто вопиющее извращение, сродни вечеринкам в подгузниках.

А потом каким-то чудом Дэни занесло в «Киножуть».

– Решила посмотреть, что это за место, – пояснила она. – Все лучше, чем подавать картошку в «Ай да бургере».

Последние четыре месяца мы вкалывали бок о бок, каждый субботний вечер разыгрывая сцены из пошлейшего в истории подросткового романтического сериала: их пальцы случайно соприкоснулись в чане с попкорном, вот это вот все. Дружелюбно кивали друг другу, пополняя банки с конфетами. Переглядывались, споря с Дэйвом, какая экранизация Ричарда

Мэтисона лучше: «Последний человек на Земле» (мой выбор), «Человек Омега» (Дэни) или «Я – легенда» (Дэйв, питавший слабость и к Уиллу Смиту, и к немецким овчаркам). Закончив смену, мы тащились в закусочную «Айхоп», чтобы подкрепиться рыхловатыми панкейками и пережженным кофе. Сидя там со своим лучшим другом и девушкой, в которую я был тайно влюблен, я чувствовал себя вампиром: смотрел в окно на проносящиеся по шоссе редкие фуры и мечтал, чтобы рассвет задержался еще хотя бы на пару часов, продлив мое ночное блаженство.

Как только наше западнотехасское захолустье начинало озаряться предрассветными лучами, мы расходились по машинам.

– Ну, увидимся! Если, конечно, нас не прикончат во сне злокозненные демоны, – говорил я на прощание. Дэни смеялась и давала мне «пять», а я всю дорогу до дома искал объяснение этому жесту, высасывая крохи надежды из каждого движения ее пальцев. Я заходил в дом, аккуратно переступая через мамины пустые бутылки из-под водки. А потом укладывался в постель и в очередной раз прокручивал в голове свой фильм про Дэни и Кевина с неизбежным триумфально-романтическим финалом.

– И-и-и, начали! – сказал я, когда из динамиков раздалась зловещая музыка. Проходя к выходу мимо окна проекторной, я успел разглядеть на экране дрожащие начальные титры.

– А ты что же, не будешь смотреть этот шедевр мирового кинематографа? – спросил Дэйв, устроившийся на полу с мешочком травки.

– Может, попозже. – Я бросил многозначительный взгляд в сторону Дэни, но Дэйв уже был полностью поглощен скручиванием косяка, что он проделывал с мастерством олимпийского уровня.

– Лучше бы мы напоследок показали что-нибудь стоящее. Скажем, «Пункт назначения 12: на этот раз действительно последний». Вот это я понимаю – кино, – сказал он.

В отличие от меня Дэйв считал старые ужастики полной ерундой. Он не видел шарма в фонтанах крови из кетчупа и превращениях оборотней, созданных титаническими усилиями покадровой съемки. Если в фильме не было дорогуших сцен взрывов и горы трупов, Дэйв моментально терял интерес.

– И вообще, нафига приходить сюда, платить двенадцать баксов за билет, давиться прогорклым попкорном и вляпываться в жвачку новыми кедами, – продолжал Дэйв густым от дыма голосом, – если всю эту фигню можно загрузить с мобильного, сидя на толчке?

Я закатил глаза:

– Шик.

– Это будущее, чувак. А это... – Выдыхая клубы дыма, Дэйв обвел рукой тесную проекторную. – Это – кладбище.

Он протянул мне косяк, я покачал головой, и он предложил его Дэни.

– Нет, спасибо. Я и так кайф словлю, за компанию.

Дэйв пожал плечами и сделал еще затяжку.

– Да, но как же сам ритуал? Купить билет и закуски, найти идеальное место, – возразил я. – И все эти незнакомые люди, которые смотрят фильм вместе с тобой, меняют твоё восприятие. Ты слышишь, как они смеются, ахают, шмыгают носом. Это создает чувство причастности к коллективу. С ноутбуком или телефоном такого не будет. Разделять свои переживания с другими – основа нашей цивилизации. Это напоминает, что мы...

– Что мы что?

– Люди. Которым нужны другие люди, – ответил я, мельком глянув на Дэни.

– Прекрасные слова, Кевин, – Дэйв притянул меня к себе, сдал в объятия и поцеловал в макушку. – Мамочка, наш малыш Кевин совсем вырос!

Я отпихнул Дэйва.

– Не все в этой жизни повод для шуток.

– Все, главное хорошенько подумать, – парировал Дэйв, и, как бы я его ни любил, в этот момент мне хотелось его треснуть. Мне было ужасно жаль, что «Киножуть» закрывают. Мне страшно нравилось это место: вытоптанные ковры в розах, тесная проекторная, где вечно пованивает травкой и потом, аляповатые люстры с непредсказуемыми мигающими лампочками, замусоренные попкорном ряды красных кожаных сидений, здоровенная афиша у входа, на которой пьяные шутники нередко меняют местами буквы, составляя непристойные слова. Когда отец ушел от нас, а мама совсем спилась, кинотеатр стал моим вторым домом. Даже больше домом, чем сам дом.

– А я тебя понимаю, – к моему удивлению, сказала Дэни. – Когда смотришь эти старые фильмы в таком месте, ощущаешь связь со всеми, кто смотрел их до тебя. Почти чувствуешь их присутствие.

– В таком случае, надеюсь, вы захватили презервативы, – сказал Дэйв, гася косяк. – Безопасность прежде всего, детки.

– Да боже мой, – закатила глаза Дэни. Как же ей это идет!

– Дэйв, – немного резко сказал я. – Сделай хоть что-нибудь полезное. Вынеси мусор. Воняет, как на свалке.

– Кев, как, по-твоему, на меня подействует проклятие, если я не буду смотреть фильм? Почему бы тебе самому не вынести мусор?

– Потому, что я тут менеджер.

Дэйв испустил преувеличенно громкий вздох, встал и направился к двери.

– Абсолютная власть развращает абсолютно. Обсуждаем. Ах да, и еще кое-что. – Он повернулся к нам задом, громко пукнул и закрыл за собой дверь. Я услышал, как он выкрикнул «Победу пролетариату!», шагая по коридору.

– Признайся: тебе его навязали? Это что-то вроде общественных работ? – сказала Дэни, помахав рукой перед носом.

– К сожалению, никаких бонусов за дружбу с Дэвидом Уилсоном мне не положено. Разве что пожизненный запас жутких историй, которые можно будет рассказывать внукам.

Дэни, одетая в легкомысленную маечку с группой «Мисфитс», дрожала: кондиционер работал на полную. Она упорно отказывалась носить вычурную форменную ливрею, каждый раз выдвигая новые аргументы вроде: «Я такое уродство не надену», «Дресс-код – тот же расизм» или «Все равно начальник меня не видит».

Она повернулась ко мне с виноватой улыбкой, от которой у меня екнуло сердце.

– Извини, опять свитер забыла. Можно?...

Я на автомате стянул с себя ливрею и накинул ей на плечи, что делал почти каждую смену.

– Спасибо, – Дэни продела руки в рукава и украдкой понюхала мою ливрею. Я взмолился, чтобы от нее нормально пахло, но, судя по улыбке Дэни, все было в порядке. Она взяла плюшевую фигурку Ктулху с полки, на которой она уже несколько месяцев сооружала затейливую инсталляцию в стиле хоррор. В своей текущей реинкарнации Ктулху щеголял в розовом платье с «Хэллоу Китти».

– Странно, что я буду так скучать по этому месту, да?

– Нет. Совсем не странно, – я надеялся, что попал в список того, по чему она будет скучать. – Можем собираться вместе по пятницам, надевать форму и заливать пол кока-колой, чтобы воссоздать атмосферу.

Я постарался говорить шутливым тоном на случай, если эта идея ее не заинтересует.

– А я могла бы напрыскать вокруг освежителем с запахом горелого попкорна, чтобы у нас снова возникло это странное смешанное чувство отвращения и голода.

– Точно, – добавил я, слегка теряя голову от вспыхнувших надежд. – А потом кто-нибудь из нас крикнет: «Пожалуйста, выносите за собой мусор. Спасибо, приятного вечера».

Мое воображение опять слетело с катушек. На этот раз мы мчались по пустыне на винтажном «Мустанге», как парочка отъявленных преступников.

– Давай, Кевин, – говорит Дэни, пересаживаясь на водительское сиденье, и я высовываюсь из люка и целюсь из обреза в фуру, полную зомби, которая пытается столкнуть нас с дороги.

– И где это кучка мертвяков научилась так водить?

Разумный вопрос. Дэни у меня умница.

– Не знаю, детка. Разберись с этим на стадии монтажа, – говорю я и швыряю назад ручную гранату, которая взрывается победоносным фейерверком из зомби. – Это вам за «Психо» с Винсом Воном!

Дэни нервно теребила платье Ктулху.

– Гх-м... Я ведь тебя так толком и не поблагодарила.

– За что?

Она махнула плюшевым Ктулху в сторону своей инсталляции.

– Ты первым воспринял всерьез мое творчество.

Я смущенно пожал плечами.

– Это потому что у тебя классно получается. Ты классная. В смысле, классный художник. И твои работы... классные.

Черт.

– Все равно, это много для меня значило, – сказала Дэни, к счастью, пропустив мимо ушей мое неловкое бормотание. – Это из-за тебя я решила подать документы в Техасский университет и получила стипендию на факультете искусств.

«Это из-за меня она уезжает из Дэдвуда. Ну, отлично».

– Было бы здорово, если бы ты как-нибудь согласился мне позировать.

При мысли о том, что я буду позировать для Дэни (возможно, у нее на кровати), мое лицо запыхало. Не хватало еще, чтобы она это заметила.

– Как в «Титанике», что ли? – я распластал руки по стене. – Джек! Дже-е-ек!

Дэни рассмеялась.

– Вот за это ты свою форму назад не получишь. Теперь она моя. – Она поплотнее завернулась в ливрею. У нее в глазах зажегся азартный огонек. В моей груди насмерть сражались сердце и дыхание, и оба проигрывали.

– Да какая теперь разница, – сказал я. – Оставь себе.

Дэни кивнула, но ее улыбка погасла.

– Жалко, когда прошлое просто стирают вот так, – я догадался, что она говорит не только про кинотеатр.

За полгода до того, как Дэни оказалась со мной в одном классе, ее мама и младший брат полетели в Мехико на свадьбу к родственникам. Погода была паршивая, по всему побережью штормило. Они пролетели над Корпус-Кристи, когда в самолет ударила молния. Лишившись двигателя, самолет некоторое время парил в свободном падении, а потом рухнул вниз. Обломки разлетелись в радиусе мили по живописным пляжам Саус-Падре. Кто-то нашел в дюнах свадебный подарок, который везла с собой мама Дэни. Его вынесло на берег без единой царапины.

Я порылся в пыльной коробке в поисках 3D-очков в черной оправе.

– Говорят, в них можно увидеть невидимое, – сказал я, надеясь отвлечь Дэни, пока она совсем не загрустила. – Вроде как там есть спецэффект: демоны как будто сходят с экрана. Оттуда-то и пошли все эти слухи про врата в ад. В то время это была очень крутая фишка. И никто не знает, как они это сделали.

– Правда? – Дэни повертела очки в руках. – Ну что, попробуем?

– На счет три, – сказал я. – Один.

– Два.

– Три, – и мы надели очки.

На экране возникло старинное поместье, каким его представляли в начале 1960-х годов. Повсюду деревянные панели, картины в рамах и чучела животных. Джимми Рейнольдс, косящийся под Джеймса Дина, прислонился к камину, изображая крутого парня, хотя и был одет в костюм начала девятнадцатого века с шейным платком. Факт: никто не может выглядеть круто в шейном платке. Красотка Наталья Маркова в бальном платье возлежала на оттоманке, распустив по плечам черные локоны. Рядом с ней Алистер Финдлер-Кушинг потягивал из стеклянного стакана нечто, видимо, изображавшее благородный скотч, и произносил свой текст с пресыщенным среднеатлантическим акцентом:

– До меня дошли слухи о вашей семье. Безумие у вас в крови. Вы ведь родом из Карпат, если не ошибаюсь?

Сверкнула молния, осветившая восковые фигуры с жуткими пастями, заглядывающие в окна особняка. И вдруг Джимми Рейнольдс в панике ринулся к экрану:

– Бегите, пока можно! Снимайте очки и скорее уходите из кинотеатра! Вы в огромной опасности!

– Вау! Вот это рекурсия, – пробормотала Дэни.

– Ага. В духе «Вторжения похитителей тел». – Мое плечо коснулось ее плеча, и мне захотелось придумать слово, которым можно было бы описать пробежавший по моему телу разряд. Эровзрыв? Квазисекс?

– Умоляю, вы должны мне поверить! – продолжал Джимми Рейнольдс. – Они придут за вами, и скоро! Я уже такое видел. Вам не выжить. Скорее выключите фильм, прошу вас! Это единственный способ спастись.

Наталья Маркова нервно обернулась в сторону зрительного зала, потом глянула на Джимми Рейнольдса.

– Томас, что ты такое говоришь? Ты не в себе.

– Ну и мур! Но в то же время как-то затягивает, – задумчиво протянула Дэни.

– А мне нравится, как в те времена выкручивались со спецэффектами. Все эти макеты, двойные экспозиции, деление экрана, покadroвая съемка. Костюм для «Твари из Черной лагуны» сделали из пенного латекса. А эти звуки ножевых ранений? Кто-то просто ронял спелые фрукты и записывал, как они шлепаются об пол.

– Серьезно? Круто!

Впервые в жизни фильм меня совершенно не интересовал. Мне просто хотелось быть рядом с Дэни, болтать о всякой ерунде, которая со временем начинает казаться важной, а потом, если все пойдет хорошо, мы могли бы гулять ночь напролет, глядя, как над равниной занимается рассвет, окрашивая все вокруг в розовый цвет, когда мы впервые поцелуемся.

У меня вспотели ладони, и я вытер их о джинсы.

– Ты на лето здесь остаешься?

Дэни была все еще поглощена фильмом, и я тронул ее за плечо.

– А, что? Ой, прости. – Она повернулась ко мне. Огромные 3D-очки делали ее похожей на жука-мутанта. Мне это очень нравилось.

– Ага. Устроилась нянкой к близнецам Куперам. Они те еще сопливые дьяволята, но зарплата приличная.

Из зала продолжал доноситься нелепый диалог:

– Вы знаете, что у этого старого дома есть секреты...

– Зачем мы тянем эту пантомиму? Мы все знаем, чем это кончится. Я хочу разорвать контракт. Я хочу уйти.

– Тише, Джимми! А не то он тебя услышит.

– Ну так что ж, летом, когда ты не будешь занята с детишками из преисподней... – у меня в горле как будто застрял воздух. – Я подумал, может, ты захочешь...

Дверь в проекторную распахнулась, и ворвался Дэйв, прижимающий к себе три гигантских стакана с колой и несколько коробок конфет, которые он, очевидно, стырил с прилавка.

– Угощение!

– Класс! – Дэни сняла очки, сунула в карман пачку «Эм-энд-Эмс», взяла из рук Дэйва запотевший картонный стакан и проткнула пластиковую крышку трубочкой.

– Ага. Спасибо. Ты как раз вовремя, – проворчал я и взял свою колу. Дэйв плюхнулся на табуретку рядом с проектором и напялил очки, которые сняла Дэни.

– Ух ты, чуваки! Вы зеленые! Нет, красные! Нет, зелено-красные! Погодите-ка, да вы трехмерные!

Дэни фыркнула.

– Во всяком случае, некоторые из нас.

– Жжешь напалмом, Гарсия! – Дэйв поднял очки на лоб, как какая-нибудь голливудская старлетка. – А знаете что? Алистер Финдли-Кушинг очень даже ничего. Я бы не прочь с ним переспать.

– У тебя этот список бесконечен. Тебе даже тренер Пелсон нравится!

– Тренер Пелсон – красавчик. Эдакий бывший борец-чемпион.

– А-а-а, прекрати! – засмеялась Дэни. – Ты портишь мои романтические ч/б-воспоминания о физкультуре!

Была у Дэйва одна особенность: он всем нравился. Даже в его похабных шутках была своя прелесть. Так, однажды в столовой он напихал в рот ягодного желе и притворился, что его вырвало кровью прямо на голову визжащей Лайлы Спаркс, которая издевалась над Дженнифер Трухильо за то, что у нее «усики». Он был моим лучшим другом с тех пор, как в седьмом классе мы оказались за одной партой на физике. А через два месяца он уедет в Стэнфорд, и я понятия не имел, как это пережить.

В зале продолжался фильм, совершенно равнодушный к моей судьбе.

– Это же чертово копыто! Знак того, кого нельзя называть – самого Люцифера!

– Сам сказал – «нельзя называть» и тут же такой: «Да ладно, скажу „Люцифер“». Эй, а вы знаете про старика Алистера? – Дэйв игриво пошевелил густыми бровями. Он был просто кладзем сальных голливудских сплетен. – Он тоже был с левой резьбой. Однажды даже пытался покончить с собой.

Я поднял стакан.

– Так выпьем же за эту радостную весть! Спасибо, Дэйв.

– Не торопись, брат. Это был не какой-нибудь трагический гомофобный суицид. Вовсе нет. Алистер упросил священника провести сеанс экзорцизма и помочь ему очиститься. Он утверждал, что пошел на сделку с дьяволом ради славы и с тех пор не знал ни минуты покоя. «Я ступаю по этой земле» не просто фильм, а живое существо, пожирающее человеческие души и требующее добровольных жертв. Разве не странно, что оба раза, когда показывали этот фильм, кинотеатры сгорели?

– Да уж, звучит довольно пугающе, – признала Дэни, дергая плюшевого Ктулху за веревочку. – Но сегодняшний вечер посвящен не трагедиям прошлого, а тому, как избежать трагедий в будущем. – Она посмотрела мне прямо в глаза, и мне сразу захотелось стать лучше. – Древние боги требуют ответа на животрепещущий вопрос.

На прошлой неделе Дэни согласилась сыграть маньячку с воздушными шариками в моем фильме «Зомби-сплин», четвертом эпизоде в серии шестиминутных ужасиков. Честно говоря, сценарий был не ахти: я придумал его на ходу. Это был просто повод провести с ней побольше времени. Посреди съемок нас прогнала с кладбища какая-то взбесившаяся белка, а потом мы так хохотали, что не смогли вернуться к работе. Потные и прибалдевшие, мы купили

по большому стакану газировки и направились в городской парк, укрывшись от техасского зноя в скудной тени пожухлого дуба.

Дэни набрала в рот гелия из шарика.

– Привет, я твой школьный психолог, Тит Андрогин. Каковы твои планы на будущее, Кевин? – спросила она голосом Минни Маус. А потом своими теплыми нежными пальцами прижала шарик к моим губам.

Я терпел, сколько мог, чтобы продлить ее прикосновение. Наконец я вдохнул.

– Я останусь на своей родной планете Полножопотопия – буду работать в местном кафе-мороженом. – Спасибо гелию, это прозвучало смешно, а не печально.

Дэни потеряла глаза, на которых еще остались следы густого сценического грима.

– И как же это вышло?

Мне хотелось прибегнуть к отработанному приему и отшутиться, но вместо этого я сказал правду.

– Во-первых, финансы. Во-вторых, паршивые оценки. А в-третьих... – я сделал глоток «Доктора Пеппера». – Мне надо присматривать за мамой. У нее... проблемы со здоровьем.

– А как же твой отец? Он не может помочь?

– Отец живет в Аризоне, – ответил я.

Каждое Рождество мы получали от него нарядную открытку с фотографией его семьи-2.0, исправленной и дополненной. Они позировали в одинаковых рубашках, с одинаковыми улыбками на фоне гигантской дизайнерской елки. Это все так отличалось от задрипанной прокуренной квартирке, где жили мы с мамой и где она проводила большую часть времени на диване перед телевизором – в отключке или в похмелье. Алкоголизм довел ее диабет до критического состояния, и теперь она пропивала пособие по инвалидности, едва успев его получить. В редкие моменты трезвости она целовала меня в лоб и шептала:

– Я тебя не заслуживаю. Оставь меня и уезжай.

Но мне не хотелось бросать ее, как бросил отец.

– Что ж, будучи твоим психологом, я обязана напомнить, что у тебя есть и другие варианты, – сказала Дэни, и от ее полного надежды взгляда мне захотелось верить, что она права. Единственное, в чем я был уверен, – это мои чувства к Дэни. Когда я осмеливался представить будущее, которое каким-то образом оказалось не насквозь паршивым, я всегда в первую очередь представлял нас двоих: она пишет картины, я снимаю инди-ужастики. Но прорваться в кинематограф, сидя в Дэдвуде, совершенно нереально. К тому же Дэни не захотела бы тратить время на такого неудачника, как я. Дело в том, что у Дэни варианты и правда были, и я был совершенно уверен, что уж меня она точно не выберет.

– Кев? – окликнула меня Дэни. – Так какие планы?

Я схватил плюшевого Ктулху, избегая ее взгляда.

– Слышал, что есть большие перспективы в сфере заказных убийств.

– Мой дружан Кев собирается снять первый в истории хипстерский ужастик, – сказал Дэйв.

Я ухватился за его слова, как утопающий за соломинку.

– Именно! – Я сделал еще глоток колы, пытаясь избавиться от кома в горле. – Прикол в том, что будет непонятно, кто зомби, а кто нет, потому что как можно отличить прожженного хипстера от ходячего мертвеца? Называться будет – Та-да-да-да-ам! – «Антизомби». Сначала будет кровавое месиво, а потом антизомби стоят такие на концерте и говорят «Гр-р-рх-х», что переводится как: «Фу, эта человечина – такой мейнстрим».

Дэни кивнула.

– Понятно. И что дальше?

Я пожал плечами.

– А ничего.

Дэйв усмехнулся.

– Очень в духе Кевина.

Я понимал, что он шутит, но его слова врезались мне в душу, как осколок гранаты. Я затолкал плюшевого Ктулху поглубже в карман.

– Удар ниже пояса, Дэйв.

Он пристально посмотрел на меня, и это было едва ли не больнее.

– Дэни права. Еще не поздно стать частью будущего. Оно наступает, приятель. Готов ты к этому или нет.

– Угу, – буркнул я. – И я слышал, в нем будет «Старбакс».

Лампочки опять начали свою нервную светомузыку. У актеров на экране стали заплетаться языки, словно спьяну, а потом изображение погасло. Мы погрузились в темноту. Свет вырубился. На этот раз совсем.

– Черт, – сказал я в темноту.

Из зала доносились недовольные возгласы. Кто-то визжал. Чертовы капризные ублюдки. В тот момент я ненавидел их всех.

Дэйв покачал головой.

– Чувак, я в прошлый раз ходил.

Я вздохнул.

– Ладно, я пошел, – может, так и останусь в подвале до конца смены.

Дэни взяла фонарик с полки у входа.

– Я с тобой. На случай, если Скратше держит там свой гроб и тебе понадобится подкрепление.

При этих словах все надежды, которые я возлагал на этот вечер, восстали из небытия.

Мы на ощупь добрались до лестницы, ведущей в фойе. На полу включились маленькие аварийные лампочки, от которых красный ковер казался окровавленным. Дойдя до фотографии Скратше, я притормозил. Даже в темноте эти глаза манили меня: «Взгляни на меня, Кевин. Я вижу тебя насквозь». Четыре последних ступеньки я преодолел одним скачком. Сердце бешено стучало.

Снаружи небо озарилось молнией, по полупустой парковке барабанил дождь. Нас с Дэни нагнал Джонни, возбужденный, как гиперактивный щенок.

– Эй, а что с фильмом? Только началось самое интересное! Так странно, мне стало казаться, что я и сам часть фильма.

– Вау, да что ты говоришь?

Я прошел мимо него, открыл дверь в зал и крикнул:

– Народ, простите! У нас свет вырубил. Через пару минут все уладим, и фильм продолжится. Спасибо за терпение.

Я приготовился услышать привычный хор возмущенных возгласов, но из зала донеслись только странные стоны, и я понадеялся, что мне не придется разгонять оргию на последних рядах.

– Страшновато как-то, – продолжал Джонни, – Мне показалось, я видел...

– Чувак, мы должны починить свет. Через пять минут вернемся, – сказал я.

Мы с Дэни открыли дверь за прилавком и стали спускаться в сырой и пахнущий затхлостью подвал. Кондиционера там не было, и жара проникала сквозь стены. В подвале было жарко, как на кухне, где целый день готовили. Резкий контраст с тем, что творилось наверху, но скорее неприятный.

– Где тут щиток? – спросила Дэни, водя лучом фонарика по бетонным стенам. Световые круги отчетливо напоминали фильмы Джорджа Ромеро.

– Справа, – сказал я. – Выше.

Она подняла фонарик выше, и я открыл металлическую дверцу. Дернул главный рубильник, раздался знакомый щелчок включившегося генератора, а потом и приглушенный диалог актеров. Длинные флуоресцентные лампы на потолке заморгали, как разбуженные дети, а потом разгорелись как следует, залив подвал неприятным синеватым светом. Я знал, что нужно идти обратно, но мне хотелось еще немного побыть наедине с Дэни.

– Ого! – я прошел дальше в подвал. – Просто эпизод из фильма «Барахольщик».

Вдоль одной стены тянулись металлические полки, на которых громоздились стопки журналов «Фангория»⁵. В углу, забытая в куче сломанных сидений, гнила двухметровая фигура болотного монстра. На полу стояла коробка пыльных сувениров: красноглазые резиновые крысы, гильотины для обрезки сигар и все в таком духе. Дэни стала перебирать покрытые пятнами афиши старых фильмов:

– «Монахини Сатаны. Демонический мистер Лэмфри», – прочитала она одно из названий. – «Пятерня доктора Времяубийцы».

– Зацени-ка этот, – я вытащил постер 1970-х годов с изображением вампира в пижаме, который мастерским ударом вырубал двух наркоторговцев. Позади него из золотого «Кадилака» выглядывал татуированный оборотень, злобно обнаживший клыки и явно намеревавшийся проглотить парочку дилеров. Я прочитал слоган:

– «Доктор Драк и мистер Вулф: преступникам не уцелеть». Нет, серьезно. Как это вообще можно считать ужасиком?

– Ну а что? Дракула и оборотень, самая что ни на есть классика, – сказала Дэни и шутливо пихнула меня плечом. Меня как током ударило.

Я улыбался как дурак.

– Ну нет. Это просто кошунство. Все равно что снять «Закон и порядок в Трансильвании». У оборотня в руках ружье. Как это вообще возможно? У него же больших пальцев нет!

Дэни рассмеялась, и мне, не скрою, захотелось и дальше травить шутки, чтобы слышать ее смех снова и снова.

– А вот это класс, – Дэни взяла в руки лук и стрелы – подарочный набор к фильму «Робин Гуд: принц Тьмы». – Таким и убить можно. Неужели они их детям раздавали? – она прижала стрелу к тетиве, целясь мне в сердце.

Я поднял руки.

– Поаккуратнее с этим.

– Не волнуйся, – Дэни опустила руки. – Я целый семестр занималась стрельбой. Мое величайшее достижение – попасть тренеру Пелсону в зад.

– Ого, так это была ты? Ты могла бы сыграть в неизбежном римейке фильма «Ипполита»⁶ восстает из мертвых» 1966 года.

Дэни осторожно уселась на фальшивое надгробие.

– Ты правда любишь эти старые фильмы, да?

– Ага. Настоящий хоррор основан на человеческих переживаниях: печаль, страх, сомнения, беспокойство... Страсть. – Тут я неловко сглотнул. – А эти новые фильмы? На пятой минуте уже кого-нибудь режут бензопилой. Никаких эмоций. Совершенно безликое зрелище, как порнуха в интернете.

«Черт. Зачем я упомянул порнуху?»

– Я тебе не рассказывала, что на первом свидании мои родители смотрели ужасик? – спросила Дэни, и я покачал головой. – Ну так вот. Моя бабушка была яркой католичкой и пукала маму на свидания только в сопровождении тети Йоли. Папа рассказывал, Йоли так орала, что менеджеру пришлось вывести ее в фойе. И тут папа говорит: «Ха-ха, только нас и видели».

⁵ Американский журнал о фильмах ужасов.

⁶ Царица амазонок.

Они с мамой ушли через заднюю дверь и пошли в клуб. Так что, как ни странно, я родилась благодаря ужасу. – Она улыбнулась, и мое сердце принялось отбивать чечетку.

– Ого. Круто, – с трудом выдавил я. Стоявшая в подвале жара начинала действовать. Я вытер пот с шеи.

Дэни снова посмотрела мне прямо в глаза.

– Знаешь, в Техасском университете отличный факультет кино. И это не так уж далеко от Дедвуда. Да перестань ты! Не надо делать такое лицо. Я серьезно.

– Ну да, ну да...

– Кевин! – она больше не улыбалась. – Чего ты боишься? На самом деле?

На самом деле? Пауков. Того, что меня бросят. Что я окажусь недостаточно хорош. Что меня отвергнут. Ответственности. Что меня похоронит заживо какой-нибудь псих. Что я упущу шанс сходить на свидание с лучшей девушкой на свете. Что я стану таким, как мой отец. Список был бесконечен. Но в основном я боялся будущего, которое было столь пугающим в своей неопределенности и душило меня, лишая возможности дышать. Я боялся остаться тут, когда Дэни и Дэйв устрелятся в это самое будущее. Но мне казалось, что, признав этот страх, я лишь дам ему больше власти над собой.

– Йа нитшего не паюсь, – сказал я с фальшивым немецким акцентом. – Ведь я Ван Гейзер и убиваю вампирские сперматозоиды при температуре ровно сто четыре градуса.

Губы Дэни разочарованно скривились.

– М-м, ну как скажешь. Ладно, не важно. Пойдем наверх, – равнодушно сказала она и слезла с надгробия.

Черт. В моей голове закрутился новый фильм: «Ночь живых идиотов».

Сцена первая. Подвал. Гадкий-прегадкий вечер.

Толпа зомби атакует Кевина, но останавливается, понимая, что убивать его незачем. Склейка. Титры. Конец.

Когда мы поднялись наверх, свет еле-еле горел. Зато кондиционер шпарил на полную. От резкого перепада температур меня начало знобить. Джонни стоял в демонических очках, подперев ногой дверь и заглядывая в зал через щелку.

– Джонни? – окликнул я. Он не ответил. – Прием. Земля вызывает Джона. Ты зарядил машину для попкорна? Джон?

Я щелкнул пальцами у него над ухом. В конце концов я сдернул очки у него с носа, и он заморгал.

– Ой. Привет. Когда это вы успели вернуться?

– Сынок, разве мы с мамой не предупреждали тебя, как опасна марихуана? – спросил я. Вид у Джонни был все еще ослепленный. – Серьезно, приятель, ты в порядке?

– Да. Вроде бы. Так странно. Я смотрел фильм, и на какое-то время мне показалось, что я на самом деле там.

– Оке-ей, – протянула Дэни, закидывая в машину для попкорна свежую порцию генно-модифицированных зерен. С луком на плече и стрелой в заднем кармане джинсов выглядела она сногсшибательно круто.

– Дело в том, что мне хотелось быть там. Мне не хотелось уходить, – продолжал Джонни. – А потом мне показалось, что я увидел монстров за окном особняка.

– Да-да, Джонни. Это и называется фильм ужасов. – Я предоставил им с Дэни заниматься попкорном. Мне тут делать было особо нечего, но мне хотелось побыть рядом с ней. Чтобы создать видимость какой-то деятельности, я стал перемешивать лед в большом металлическом ведре, разбивая слипшиеся куски и мечтая отмотать этот стремительно уходящий вечер назад.

– Да нет, не в этом дело, – раздраженно возразил Джонни. – Потом вдруг оказалось, что монстры уже внутри дома. И кто-то окликнул меня по имени. Он сказал, что монстрам нужно разрешение, чтобы выйти, и попросил меня дать им это разрешение.

Дэни обеспокоенно посмотрела на него.

– И что ты сказал?

– Я сказал... – Джонни дернулся, будто стряхивая воображаемых жучков. Его голос вдруг стал ниже, будто он одним махом проскочил переходный возраст. – Я сказал: «Конечно, заходите».

И тут с Джонни стало твориться что-то совсем неладное. Его голубые глаза вдруг покраснели, а кожа на лице съежилась, как будто в него плеснули кислотой. Дернувшись всем телом, он рванул к прилавку.

– Ни хрена себе! – прошептала Дэни, сделав шаг назад. Джонни продолжал наступать.

Я выскочил вперед, загородив собой Дэни и держа наготове коробки с конфетами, как гранаты.

– Пошел прочь, демон малолетний!

Одна из коробок уголком попала в глаз Джонни. Заорав от боли, он вырвал коробку, а вместе с ней и глаз.

– Черт! У меня сети нет! – позади меня Дэни трясла над головой телефоном, пытаюсь поймать сеть. – Черт бы тебя побрал, «Верайзон»!

Тут из зала показались еще двое демонов. На одном из них была кепка Брайана Родди. Я и раньше побаивался этого гада, а сейчас был готов наложить в штаны от страха. Рот у него был огромный и круглый, с торчащими острыми клыками. Он повалил вопящего Джонни на пол и вгрызся ему в шею, чуть не оторвав голову, похожую на восковой муляж.

– Скорей, бежим! – Я толкнул Дэни в сторону проекторной. Мы с рекордной скоростью преодолели лестничный пролет.

– Не смотри фильм! – заорал я, сбив Дэйва с табуретки.

– Какого хрена? – он с ошалевшим видом посмотрел на меня. – Только стало интересно. Как будто я внутри фильма.

– Боюсь, так оно и было, – сказал я, отчаянно пытаюсь отдышаться и не грохнуться в обморок. – Все эти разговоры насчет проклятия – не брехня. Похоже, фильм крадет души и превращает людей в каких-то зомби-демонов.

Дэни с вытаращенными глазами кивнула.

– Точно. Джонни попался. У него лицо расплавилось как фондю, прямо у нас на глазах! А потом появился Брайан Уродди и начал его жрать!

По ту сторону окна в зале по-прежнему мелькала черно-белая картинка. Дэйв начал сгибать и разгибать пальцы. Этот прием для самоуспокоения ему посоветовали родители-психологи на случай, когда у него обострялось обсессивно-компульсивное расстройство.

– Кевин. Дэни. Вы меня пугаете.

Из зала раздались истошные вопли – прямо караоке-вечеринка в аду.

– Надо сматываться. Прямо сейчас, – сказал я.

– А что, если там начнется полноценный зомби-апокалипсис? – спросила Дэни.

– План А: бежим к заднему входу, потом – в «Тако-белл» за помощью.

– А план Б какой? – спросил Дэйв.

За свою жизнь я пересмотрел сотни ужасиков. Я наизусть знал все клише и приемы, все сценарии, когда люди вели себя глупо или безрассудно и в итоге погибали. Я всегда самодовольно смотрел на все это и думал, уж я-то не стал бы вести себя так по-идиотски. Теперь же я понял: некоторые вещи нельзя спланировать, нужно просто принимать решение и надеяться, что оно сработает.

– Тогда и разберемся, – я повернулся к Дэни. – Иди за мной. Если что-нибудь случится, если кто-то из этих тварей нападет на меня, просто беги. – Когда она начала протестовать, я пояснил: – Твой отец уже достаточно настрадался. К тому же ты получила стипендию.

– А как же ты?

Я пожал плечами.

– А по мне кто будет скучать?

Дэни ахнула и сжала губы.

– Ты просто болван, знаешь? – Она схватила меня за руку, и если бы я не был на грани обморока от ужаса, я бы почувствовал себя счастливейшим человеком на земле.

Я медленно открыл дверь проекторной. Вроде все чисто. Мы крадучись пошли вниз по лестнице, прислушиваясь к шуму дождя по крыше. И тут я обратил внимание на фотографию на стене. Скратше исчез. Игра света? Я собирался спросить Дэни и Дэйва, заметили они это или нет, но тут Дэни зашипела:

– Кевин, идем!

В конце лестницы мы резко остановились. Четверо зомби толкались у задней двери, кида-ясь друг на друга.

– Что. За. Адова. Хрень? – прошептал Дэйв в очевидной панике. – Черт. Ну и какой план Б?

– Пошли к главному входу. Только тихо, – я начал красться вдоль стены. Когда мы добра-лись до прилавка, я поднял руку и мотнул головой в сторону постера «Я ступаю по этой земле», под которым двое зомби дожевывали изуродованное тело Джонни. – Просто идем дальше, – сказал я, легонько сжав руку Дэни. – Не привлекаем к себе внимания.

Я не отрываясь смотрел на дверь. Косой дождь лил сплошной серой стеной. Пятнадцать футов. Десять. Пять. Ноль. Я осторожно нажал на ручку, стараясь не издать ни звука. Ручка не подавалась.

– Хватит придуриваться, Кевин! – прошептал Дэйв.

– Я не придуриваюсь!

Позади раздался сдавленный булькающий вопль, будто кто-то вырубил сработавшую сирену. В фойе вышли зомби, которых мы видели у задней двери. Они разинули огромные пасти, демонстрируя пульсирующие мембраны своих змеиных глоток. Это было страшнее любого спецэффекта и к тому же на сто процентов реалистично. Парочка, доедавшая Джонни, поднялась с колен и уставилась на нас, растопырив когтистые пальцы.

– Чувак, ты же менеджер. Скажи им, чтобы убирались. Представление окончено. Пусть расходятся по домам.

– Дэйв, возьми себя в руки, – прорычала Дэни.

– Не могу. Я уже вообще не в себе. Пытаюсь не обделаться от страха.

– За мной! – Я побежал к прилавку. Зомби окружили нас, замерев от любопытства, но я не мог долго на это рассчитывать.

– Хватайте все, что можно использовать как оружие.

– Типа чего? – крикнул Дэйв.

– Не знаю. Не доводилось раньше мочить зомби. Импровизируйте!

Дэни принялась бросаться льдом. Дэйв схватился за тарелки с начос. Я огляделся по сторонам. Солонки, салфетницы, крендели. Чаны с маслом. Хм, масло...

– Эй, помогите! – я схватил два кухонных полотенца в качестве прихваток и взялся за похожую на больничную утку посудину, из которой попкорн поливали прогорклым маслом.

Дэйв уставился на меня как на психа.

– И что ты собираешься с этим делать? Ждать, пока они подохнут от повышенного холе-стерина?

– Помните, мы смотрели «Пришельцев с 11-й планеты»? – сказал я, приподнимая крышку. – Помните, как они в итоге убили пришельцев?

– Пришельцы не выносили жар. Они их расплавили! – воскликнула Дэни и подхватила чан с другой стороны.

Тварь, некогда известная как Брайан Родди, подскочила к прилавку, готовясь наброситься на нас.

– Эй, Брайан! Маслица подлить? – крикнул я, точь-в-точь как герой из фильма. Мы с Дэни выплеснули на него желтую бурлящую жижу. Брайан заорал и скорчился. Обжигающее масло разъедало его кожу, и хотя он был настоящим засранцем и я часто мечтал прикончить его серией отточенных карате-приемов, которых на самом деле не знал, сейчас мне было неприятно смотреть на его страдания, пусть он и превратился в зомби.

Дэйв нервно захохотал.

– «Маслица подлить?» Чувак, это было круто! – Он попытался дать мне «пять».

Я не отреагировал, и его рука застыла в воздухе.

– Не сейчас!

– Гр-р-р! – рычал зомби-Брайан.

Голос Дэйва дрогнул от страха.

– Кажется, ты его разозлил.

Я схватил Дэни и Дэйва за руки.

– План «В»: в зал, на счет три. Раз, два...

Испустив боевой клич, Дэйв рванул вперед, потянув нас за собой. Мы навалились на двери в зал. Дэни схватила стоявшую у стены метлу, сломала ее о колено и просунула обломки сквозь большие золотые ручки.

Я пихнул Дэйва локтем:

– Я сказал на счет «три», осел!

– Я не мог больше терпеть. Эти твари похожи на гигантские куски говяжьего студня! И воняют! – пыхтел Дэйв, пнув пустой стакан от газировки. – Хуже способа умереть не придумаешь! Черт, а у меня ведь билеты на «КомиКон»!

Да уж, сегодняшний вечер сложился совсем не так, как я планировал. Я должен был пригласить Дэни на свидание. Она бы, как я очень надеялся, согласилась. А вместо этого мы проводили свою последнюю смену в кинотеатре, обороняясь от толпы сбежавших с экрана кровожадных тварей. Дверь затрещала под натиском зомби. Скоро наш импровизированный засов не выдержит.

«Это происходит на самом деле, Кевин. Думай!» – сказал я себе. У меня в голове было столько ужасиков, а теперь, когда они наконец могли пригодиться, я не мог придумать выход. И вдруг меня озарила безумная идея.

– Эй! – крикнул я в сторону экрана. – Эй вы! Слушайте сюда.

– Ты что делаешь? – Дэни тронула меня за руку, и я пожалел, что не могу сейчас насладиться ее прикосновением.

– Я не собираюсь сдаваться без боя, – пообещал я и снова заорал в экран: – Я знаю, что вы меня слышите. Посмотрите на меня!

Наталия Маркова бросила взгляд в мою сторону. Ее не было в живых уже пятьдесят лет, но ее изображение продолжало жить, сияя застывшей красотой, как ископаемое.

– Я все видел! Да-да! Сюда! – продолжал я, размахивая руками. Она тоже махнула мне.

– Привет!

– Помогите нам. Пожалуйста! – сказал я. – Вы ведь уже видели такое, правда? Ты же говорил, Джимми?

– Э-э, ну вроде да, – он провел рукой по своей неотразимой ретроприческе. – Но я просто поддался моменту, понимаете? Я ведь актер.

– С какой стати мы будем помогать каким-то соплякам вроде вас? Вы даже одеваться толком не умеете, – отозвался с дивана Алистер Финдли-Кушинг, не выпуская из рук стакан с бурбоном.

– Потому что мы – будущее, – сказал я. – В каждом фильме кто-то из персонажей должен остаться в живых, чтобы рассказать историю. Иначе... иначе в этом просто нет смысла.

– Не обязательно, – возразил Джимми Рейнольдс. – А как же «Бульвар Сансет»? Там повествование идет от лица мертвеца.

– Спасибо за спойлер, призрак Джонни, – раздраженно прошептал Дэйв.

– Ох, детка. Я бы тебе рассказала, – промурлыкала Наталья со своим родным бруклинским акцентом. – Но тогда он нас накажет.

– Кто? – спросил я.

Взгляд Натальи остановился на чем-то за моей спиной.

– Он.

С задних рядов гулко раздались медленные аплодисменты. Он вышел из тени, одетый все в тот же костюм с искрой, как на фотографии.

– Bravo! Отлично сработано. Должен сказать, я немало удивлен.

– Мистер Скратше? – Я всматривался сквозь дымчатый свет от экрана в эти черные бездушные глаза. Он выглядел ничуть не старше, чем в 1963 году.

Мистер Скратше отвесил нам галантный поклон.

– К вашим услугам... В некотором роде.

Он взмахнул рукой, как дирижер. Обломки метлы вылетели из ручек двери. В зал ввалились голодные рычащие твари и принялись рассаживаться по местам, зачарованные мерцающей картинкой на экране.

Скратше улыбнулся.

– Ах, люди. Вам никогда не надоедает пялиться на экран, воображая себя по ту сторону красивыми, успешными, бессмертными. Везде одно и то же: люди сидят в темноте, жаждут света и историй о том, как добро побеждает зло, и упиваются самодовольными мыслями о том, что в конце концов победа будет за ними.

– Твое место здесь, с нами, Скратше, и ты знаешь это! – воскликнул Рейнольдс, упав на колени. – Тебе удалось сбежать лишь потому, что ты обрек всех нас на вечное проклятие!

– Эй, Марлон Брандо, потише, – пробормотала Дэни.

– Ах, Джимми, Джимми, – мистер Скратше почесал голову, напоминая директора школы, слегка разочарованного своими подопечными. – Действительно, я принес вас в жертву в обмен на свое освобождение. Но ведь вы сами подписали контракт. – Жестом фокусника он извлек откуда-то свиток, на котором стояли сотни подписей. Щелчок: свиток свернулся обратно и исчез в кармане Скратше. – Я слышал, что ты сказал сегодня, Джимми. Ты пытался предупредить зрителей. Разве я не объяснял тебе в прошлый раз, что это повлечет *последствия*?

– Простите, мистер Скратше. Я просто ужасно устал от заточения в этом фильме. – Джимми выглядел напуганным и усталым. – Я ношу этот шейный платок уже пятьдесят шесть лет. Я выгляжу в нем как идиот.

– Принято к сведению, – мистер Скратше щелкнул пальцами, и вдруг Джимми Рейнольдса поглотило пламя. В следующую секунду от него остался только шейный платок и выжженное пятно на ковре. – Это тебе за отклонение от сценария.

Дэйв ошалело смотрел перед собой, напевая песенку из мультфильма «Заботливые мишки». Он всегда так делал, когда ему казалось, что мир разваливается на части.

– А от нас вы чего хотите?

– Полагаю, вопрос в том, чего хочешь *ты*, Кевин? Чего вы все хотите? Хотя это риторический вопрос. Я же читал ваши анкеты.

Скратше с грацией леопарда в несколько шагов пересек зал и встал в центральном проходе. Он сложил пальцы домиком. Ногти у него были длинные и изогнутые.

– Полагаю, настало время дать фильму новую жизнь. Ты был прав насчет того, что кто-то должен передавать историю дальше. Быть ее хранителем, так сказать. «Я ступаю по этой земле» – новая версия для новой аудитории от режиссера Кевина Гранта. Как тебе такая идея?

Еще ни один взрослый так ко мне не обращался. Глядя прямо на меня. Будто на меня стоило смотреть.

– Но почему я?

– Я давно за тобой наблюдаю. Я знаю, что таится у тебя внутри. Жажда того, чего ты не можешь получить, – он метнул взгляд на Дэни, и она озадаченно посмотрела на меня. Мое лицо загорелось. – Мир жаждет новых впечатлений. Раньше проблема была в прокате. Но теперь, боже мой! Сейчас можно найти что угодно, не выходя из дома. Представь, Кевин – твоя версия «Я ступаю по этой земле» доступна для скачивания по запросу. Смотри онлайн, делись с друзьями. Нужна лишь небольшая жертва.

Вновь появился свиток. В другой руке Скратше держал ручку.

– Для этих ребят все кончилось не слишком хорошо, – я махнул рукой в сторону экрана. Дэйв кивнул.

– Молодец, друг.

– У них нет твоего режиссерского видения, – улыбнулся Скратше. Я понимал, что это уловка, но в душе у меня появилось ощущение, будто кто-то распахнул передо мной банковский сейф и сказал: «Давай, бери что хочешь». Улыбка Скратше стала жестче.

– Или ты хочешь просто остаться дома и присматривать за мамочкой, как хороший мальчик? Пристраститься к бутылке, как она?

– Да пошли вы! – сказал я, хотя мой голос дрожал. – У меня есть и другие варианты. – Я сам не знал, правда ли это, или мне просто хотелось, чтобы это было правдой.

Скратше рассмеялся.

– Ты что, невнимательно смотрел кино, Кевин? Вампир восстает из могилы. Ученый оживляет мозг убийцы. Зомби возрождаются. На этом основаны все сиквелы и ремейки. Зло невозможно победить. Нет, разумеется, если бы тебе удалось уничтожить последнюю копию этого фильма *сейчас*, до того, как ты отдашь мне свою душу, ты победишь. Но проектор-то вон где, – Скратше показал на толстое стекло в узком окошке проекторной. – Он для тебя недостижим. Как и твои мечты, – в его темных глазах сверкнуло пламя. – У вас уже давно нет других вариантов, мистер Грант. В глубине души ты сам это знаешь. Переходи на мою сторону... или вы все умрете. Тебя никогда не пожирали зомби? Говорят, это больно. Еще как.

На экране потрескивал камин. Я глянул через плечо на вихрь пламени и бесконечную пустоту внутри него, лишенную очертаний, как мое безнадежное будущее. Я пристально посмотрел на Наталью.

– Пожалуйста, – взмолился я. – Хотя бы намекните.

На мгновение она уставилась в пол. А потом прошептала:

– Фильм питается вашими страхами. Это они дают ему силу.

Скратше приложил руку к груди. На его лбу проступили крошечные рожки, а его зубы вытянулись.

– Ах, какая досада. Надо было взять на эту роль Ивонн де Карло.

Он снова щелкнул пальцами, и Наталья с криком отлетела назад. Ее пригвоздило к стене, а в сантиметре от ее шеи застыл кинжал.

– Веди себя хорошо, милочка, – казал Скратше. – Я знаю, как тебе будет неприятно отыгрывать остаток контракта с перерезанным горлом. То еще зрелище.

Дэйв зажмурился и стал раскачиваться из стороны в сторону.

– Перестань бояться. Перестань бояться. Перестань бояться.

Я притянул к себе Дэйва и Дэни, обняв их за плечи. Я еще никогда не был так близко к ней. Мы стояли практически нос к носу, и вдруг на меня нахлынула жажда того будущего, о котором она спрашивала тогда под деревом. Будущего с ней.

– Фильм питается нашими страхами, так? Значит, надо перестать давать ему пищу. Ну-ка! Что противоположно страху?

– Тейлор Свифт? – предположил Дэйв. Мы с Дэни злобно уставились на него. – Ну а что? Мне она приносит радость.

Я повернулся к Дэни.

– А у нормальных людей что противоположно страху?

Дэни судорожно вздохнула.

– М-м, храбрость? Радость? Любовь? Альтруизм? Надежда?

– Вот именно, – сказал я.

– Что именно? Я назвала штук пять вариантов.

На ее лице играли блики от экрана. Я смахнул с ее щеки каплю масла.

– Надежда, – сказал я.

В дымчатом свете с экрана я превратился в призрак самого себя, шагая к передним рядам.

– Если это последние пять минут моей жизни, мне есть что сказать.

– О, да он из тех, кто любит пафосные прощальные речи. Чудненько, – пробормотал Алистер, уткнувшись в свой стакан.

– Знаете, вы довольно мерзкий тип, – сказал Дэйв. – Вы мне больше не нравитесь. Я, может, даже похлопаю, когда вы вернетесь в ад.

Алистер пожал плечами.

– Я актер малобюджетного кино, парень. Я уже в аду, – он осушил свой стакан, и тот немедленно наполнился снова. – Это даже не настоящий алкоголь.

– Мистер Грант, затянувшийся финал начинает меня утомлять. А со мной не очень приятно иметь дело, когда мне скучно, – пригрозил Скратше.

– Еще секундочку. – Я повернулся к Дэни. В фильмах, которые я придумывал про нас, я всегда был дерзким и спокойным, потому что в этом не было никакого риска. В моих сценариях был тот самый огрех, который так раздражал меня в чужих. Но теперь, глядя в ее большие карие глаза, видя в них страх, гнев и тревогу, я чувствовал, как меня захлестнули все эмоции сразу. Я ненавидел себя за то, что потратил столько времени впустую, и больше всего на свете хотел стать тем самым героем, которым себя воображал. Который был бы достоин ее.

Я откашлялся.

– Дэни, я знаю, что сейчас не самый подходящий момент, учитывая, что нас вот-вот сожрут демоны или мы отправимся в ад, что никак не соответствует моим представлениям о первом свидании. Но дело в том, что ты мне очень нравишься. Безумно. До умопомрачения. Я понимаю, что это глупо, но мне нужно знать: если бы сегодня был обычный субботний вечер и я бы позвал тебя на свидание, ты бы согласилась?

Дэни уставилась на меня во все глаза. Я не мог понять, злится она, радуется, грустит или все сразу.

– Вау. Ты умеешь выбрать момент.

– Ага. Знаю, – мое сердце упало. – Прости. Забудь, что я сказал.

– Заткнешься ты хоть на секунду, Кевин? – Она подошла ближе. – Я уже целую вечность жду, чтобы ты меня пригласил, а ты этого до сих пор не сделал. Это из-за тебя я устроилась на эту дурацкую работу. А теперь, когда нас вот-вот отправят в ад на вечные муки, ты наконец набрался смелости?

– Я... погоди. Я тебе нравлюсь?

– Да боже мой! – Дэни в бессилии всплеснула руками. – Серьезно? Ты хочешь сказать, ты не замечал?

– Э-э-э... Нет.

– Черт, мальчишки такие тупые.

– Это сексизм.

– Прости. Я имела в виду: «Кевин такой тупой».

– Уже лучше. Так почему же ты сама меня никуда не позвала?

– Потому что... – Дэни нахмурилась. – Потому что сделать первый шаг страшно.

– Ага, – сказал я, улыбаясь вопреки всему происходящему. – Очень-очень страшно.

– О-о-о, вы такие милые, – сказала Наталья. – Ужасно жаль, что вы или пойдете на корм монстрам, или будете обречены на вечные муки.

– Э-э, спасибо? – сказал я и добавил: – Мэм.

У меня было первое и, возможно, последнее свидание с девушкой моей мечты в кинотеатре, полном зомби, которых возглавлял приспешник дьявола, и мой мозг отказывался выдавать что-либо разумное.

– Кев! – встревоженно окликнул меня Дэйв. – Похоже, эта штука с надеждой не сработала.

Мистер Скратше рассмеялся.

– Видишь, Кевин. Нет способа меня остановить, – он снова раскатал свой свиток. – Прими свою судьбу.

– Нет! Погодите! – я ринулся вперед. Потом замер. – Можно же уничтожить фильм.

– Да-да, но тебе это не под силу, – нетерпеливо прервал Скратше. – А даже если и под силу, сомневаюсь, что такой человек, как ты, уничтожит последнюю копию редкого фильма. Тебе-то ведь хорошо известно, каково это, когда тебя списывают со счетов.

Я никогда не хотел быть таким, как мой отец – обрубить все связи и отчалить в неизвестность, имея при себе лишь надежду. Но теперь я смотрел на это иначе. Может, иногда лучшее, что можно сделать, – это сжечь все мосты и начать заново. Если мы переживем сегодняшнюю ночь, я подам документы в Техасский университет. Черт, да я подам документы в дюжину университетов!

Я подбежал к Дэни.

– Ты ведь умеешь обращаться с луком? – прошептал я.

– Как человек, который занимался стрельбой всего один семестр и в итоге выстрелил в задницу тренеру – пожалуй, да.

– Кто сказал, что есть только один способ остановить фильм? – я глупо улыбнулся. – Всегда есть варианты.

Дэни улыбнулась мне в ответ.

– Есть.

– Ну так что, мистер Грант? Каков ответ? Зрители заждались. – Скратше указал на толпу замерших в нетерпении зомби.

– Я хотел бы показать вам трейлер своего первого короткометражного фильма под названием «Вы нам не указ» в блистательной 3D-версии, – я вытащил из кармана плюшевого Ктулху. – Дэйв, зажигалку, пожалуйста.

Дэйв протянул мне синюю зажигалку «Бик».

– Ты уверен, что у тебя получится?

Я глубоко вдохнул.

– Надеюсь.

Позади меня Наталья и Алистер переговаривались приглушенными голосами.

– Что он собирается делать?

– Это какой-то новый трюк?

– Выглядит странно.

Но это были лишь отзвуки прошлого, звучавшие все глуше.

Я насадил плюшевое божество на кончик стрелы.

– Прости, приятель.

– Довольно, мистер Грант! – Голос Скратше раскатился по залу громовым эхо.

– Соблюдайте тишину во время просмотра, – сказал я и трясущейся рукой поджег Ктулху.

Я шепнул Дэни:

– Целься в камин!

Она кивнула и выпустила сувенирную стрелу в воздух. Стрела проткнула экран, задымилась и погасла.

– Черт, – выругалась Дэни, и мое сердце упало.

– Все в порядке, – сказал я, и у меня промелькнула мысль: не эти ли самые слова говорила мама Дэни ее младшему брату перед тем, как разбился их самолет?

– Ну все, гореть мне в аду, – сказал Алистер Финдли-Кушинг, уставившись на пол особняка. Пламя от нашей стрелы с Ктулху перекинулось через экран внутрь фильма. Наталья и Алистер закашлялись от дыма, заполнившего их кинематографическую могилу.

Мистер Скратше вскочил на ноги.

– Нет!

– Не ожидали такого поворота? – усмехнулся я.

Раздался громкий треск. Хлипкие стены особняка пошатнулись. Наталья завопила: пламя в камине разверзлось и засосало ее внутрь. Потрясенный Алистер потянулся было к стакану, но вспомнил, что бурбон там фальшивый.

– Вот дьявол, – пробормотал он и тоже исчез.

Дым окутал края экрана и хлынул в зал. Скратше ткнул в нас скрюченным пальцем:

– Фас! Фас! – кричал он своим зомби, но те неверно поняли команду и, накинувшись друг на друга, устроили кровавую бойню.

Свиток вылетел из кармана Скратше и завис в воздухе. Он попытался схватить его, но тот исчез. В центре экрана разверзлась дыра – бездонная пустота, такая же, как в черных расширенных глазах Скратше. Из темноты доносились жуткие звуки: крики боли и отчаяния, сожаления и утраты.

– Нет! – кричал Скратше. – Стойте! Я...

Из темноты появилась гигантская пылающая рука и схватила вопящего Скратше. Он пытался вырваться, но безуспешно. У него не осталось вариантов. Когда рука утащила его в небытие, мы услышали лишь прощальный всхлип. Дыра закрылась.

На мгновение воцарилась тишина. А потом вдруг началась чертовщина. Экран накрепился, изрыгая огонь. Обои на стенах вспузырились и почернели. С потолка стали валиться куски штукатурки, будто кинотеатр стоял над вулканом, который начал извергаться.

– Мы в ловушке! – заорал Дэйв, уворачиваясь от горящих обломков штукатурки.

Мое сердце сжалось при мысли о том, что это последний трюк Скратше – последний неожиданный поворот в фильме ужасов.

– Дэни! – прохрипел я, взяв ее за руки. – Я люблю тебя. Мне жаль, что все закончится вот так.

Губы Дэни плотно сжались.

– Черта с два оно закончится! – Она оторвала край майки, обернула тряпку вокруг стрелы и вырвала ее из экрана, а потом ею же взломала дверь аварийного выхода.

– Эй! – крикнула она. – Сюда!

Теперь уже она схватила за руку меня, и мы ринулись в распростертые объятия ночи.

Мы с Дэни стояли, прислонившись к капоту ее машины, и смотрели, как пламя пожирает кинотеатр. Вдалеке были сирены пожарных машин. Сквозь этот вой я едва различал, как Дэйв возбужденно стрекочет в телефон:

– Чувак, ты не поверишь, что со мной сегодня произошло! Для начала, у меня весь пиджак в ошметках мозгов...

От пожара душная техасская ночь стала еще жарче. Мы разделись до джинсов и маек. Если б можно было расстегнуть кожу и снять ее, я бы и это сделал. Дэни высыпала мне в ладонь горсть «Эм энд Эмс». Они слегка подтаяли, но мне так даже больше нравилось. Она вдруг расхохоталась. Я тоже. Наверное, от шока. Очень странные эмоции бушуют, когда за вами охотятся зомби, а потом приходится отправить босса в преисподнюю.

– Ну и хрень! – воскликнул я, пытаюсь успокоиться.

– Можешь сказать это еще раз.

– Хорошо. Ну и хрень!

Дэни встала напротив меня. В отблесках пламени она напоминала ангела-мстителя из фильма, который я готов был смотреть снова и снова.

– На всякий случай спрошу: это все было на самом деле?

– Ага. Вроде того.

– Ладно, – сказала Дэни, обращаясь скорее к себе самой, чем ко мне. – Ладно.

– Безумие какое-то!

Дэйв безудержно делал селфи на фоне горящего кинотеатра.

– Меня уже сто пятьдесят три раза ретвитнули и больше шестидесяти раз добавили «в избранное»!

– Мне надо присесть. – Дэни открыла машину и уселась за руль, оставив дверь открытой, чтобы выпустить горячий воздух. Я сел на пассажирское сиденье. В машине пахло Дэни: попкорном, ванильными духами и чем-то еще, чего я не узнавал, но очень хотел узнать.

Дэни сжимала в руке ключи от машины.

– Значит, технически это наше первое свидание?

Теперь, когда адреналин выветрился, меня охватил страх совершенно иного рода. Я думал, что вот-вот погибну, и вывернул душу наизнанку. Теперь настало время разбираться с последствиями этой откровенности. Но меня это как-то не беспокоило. Даже наоборот.

– Ага, – я откинул голову на спинку сиденья. – Похоже на то. Прости, что вышло так странно...

Дэни склонилась ко мне и прервала мои извинения поцелуем. И в этот момент из моей головы испарились все фильмы, потому что ни одна выдуманная история не могла соперничать с прикосновением ее губ. Я неохотно отстранился.

– Погоди, – сказал я и откинул спинку назад.

Усмехнувшись, Дэни сделала то же самое. И вот тут началось. Мы превратились в сплетение губ и языков, рук и ног, с досадным вторжением ручника. Этот поцелуй был компенсацией за все упущенное время. Поцелуй как второй шанс, который ни за что нельзя упустить. Поцелуй со множеством разных вариантов.

Тяжело дыша, Дэни отстранилась и уставилась в потолок машины.

– Вау. И почему мы не делали этого раньше?

– Точно! – выдавил я, прерывисто дыша. Мне не терпелось поцеловать ее снова. Пессимистическое прошлое ускользало, как последние капли дождя. Мне было непривычно хорошо. Может, когда откроют новый «Старбакс», я зайду туда за фрапуччино. На Рождество, когда мы с Дэни приедем домой на каникулы.

Вой сирен стал громче: машины подъехали. Мы подняли спинки сидений. В зеркале заднего вида показался Дэйв, все еще не отрывавший глаз от телефона.

– Уже больше трехсот ретвитов! Охренеть!

Я покачал головой.

– Интересно, в Стэнфорде можно записаться сразу на две специальности? Самовлюбленность и пустозвонство?

Дэни улыбнулась.

– Как думаешь, он не обидится, если мы уедем?

– Через пару минут тут будет толпа мускулистых пожарных. Так что вряд ли.

Дэни вставила ключ в зажигание. Первое дуновение кондиционера было настоящим блаженством.

– В «Айхоп»?

– Ага.

Я уже почти чувствовал сладкий вкус блинчиков. Вкус будущего. Дэни завела машину и вывернула на дорогу, где ждали своего часа бульдозеры. Сквозь лобовое стекло ее «Мустанга» виднелись смутные очертания облаков и звезд – бесконечная благодатная темнота, готовая обрести форму. До рассвета было еще очень и очень далеко.

Франческа Лиа Блок

Извращенное удовольствие

В первый день летних каникул мы с Эм, Эл и Джей утрамбовались в «Фольксваген-жук» Джей и поехали в «Фазы» – молодежный клуб в долине Сан-Фернандо, чтобы утолить свои печали и встретить свою мечту.

Весь день мы вчетвером провели на пляже и сильно обгорели – даже смуглые от природы Эм и Эл. От нас исходил жар, и в машине Джей стоял густой кокосово-химический запах масла для загара. Я была самой светлокожей, и к концу лета у меня на груди будут язвы от слишком долгого пребывания на солнце. А потом останутся шрамы. По радио передавали песни в стиле нью-вейв, и мы, пританцовывая на сиденьях, подпевали: про разбитое стекло, про лето, про дорогу, страсть и музыку. Нас обдувал жаркий ветер шоссе 101, а давно умершие звезды прожигали дыры в небесах своим ярким светом.

В тот вечер мы с подругами тоже намеревались сиять, как звезды. Мы только что окончили школу и через несколько месяцев должны были разъехаться по колледжам. Больше никаких волнений по поводу экзаменов и поступления. Им на смену придут новые волнения.

Когда за рулем была Джей, я чувствовала себя в безопасности. Если в детстве ее спрашивали, кем она хочет стать, она всегда говорила: «героем». Но в конце концов она решила после колледжа выучиться на офицера дорожно-патрульной службы. Она встала на лыжи в три года, к десяти мастерски освоила сноуборд, а когда она вела машину, я всегда чувствовала себя в надежных руках. Однажды мы возвращались с концерта группы Кнаск, и ее «жук» сломался посреди скоростной полосы. Джей сохраняла спокойствие, пока мы все визжали, глядя в заднее стекло на стремительно приближающиеся машины, которые успевали объехать нас в самый последний момент. Нас спас офицер дорожно-патрульной службы. Может, поэтому Джей и выбрала такую профессию.

Джей и Эм я знала с детского сада. Мы познакомились в первый же день занятий. Мы с Эм рисовали, и к нам подошла учительница. Я привыкла к тому, что все хвалили мои рисунки, но на этот раз учительница выбрала рисунок Эм.

– Это великолепно, – сказала она, любуясь нарисованной лошастью.

То же самое произошло на уроке балета. Я обожала танцевать в гостиной под мамины пластинки, но в классе мне никак не удавалось выучить нужные движения. А у Эм все получалось.

– Отличная выворотность, – хвалила ее учительница. И оценки у нее всегда были лучше.

С Эл мы все познакомились в средней школе в классе для одаренных детей. Она была такая тихая и загадочная: гладкая смуглая кожа, безмятежное лицо. Она даже хмурилась красиво. Своим крошечным носиком, высоким подбородком и маленькими острыми ушками она иногда напоминала слегка недовольную кошечку. Она была из тех девочек, в которых влюбляются все подряд, но совсем этого не замечала, а если бы и заметила, ей было бы все равно. Или ее бы это даже раздражало и тревожило.

С Эл мы вместе работали над проектом по естествознанию. Это был ее любимый предмет, хотя она была яркой противницей экспериментов над животными. Она любила животных больше всего на свете. Пожалуй, даже больше людей.

Я пришла к Эл домой, чтобы поработать с нашим проектом. Ее родители были милыми, но довольно строгими мексиканцами. Еще у нее было два брата, которые обожали бейсбол. Мы с Эл пекли печенье с шоколадной крошкой, все его ели, а потом совершали долгие пробежки, чтобы сжечь калории. А потом Эм и Эл стали вместе ходить на верховую езду и фигурное катание после школы и по выходным. Меня не приглашали, так что я тусовалась с Джей.

Она позвала меня кататься на лыжах с родителями – польскими иммигрантами старомодных нравов, у которых весь дом был уставлен крошечными фарфоровыми фигурками. Пока Джей каталась по самым крутым склонам, я проходила курс для новичков. Все было ничего, пока можно было держать за талию красавчика-инструктора, но когда пришлось ехать самой, я потеряла равновесие и упала, покотившись вниз по склону. Больше я на лыжи никогда не вставала. Чтобы расслабить натруженные мышцы, мы с Джей отправились в джакузи во дворе отеля. Над водой поднимался пар, с неба падал снег, и я почувствовала, что наконец расслабляюсь.

У бассейна сидело несколько худых длинноволосых ребят в лыжных жилетках, они наблюдали за нами. Мы учуяли запах травки. Мы с Джей вылезли из джакузи и прошли мимо них по морозному воздуху, не потрудившись одеться.

Позже я написала стихотворение про тот вечер. Про серебристое ощущение мороза на коже и золотистое тепло на коже под взглядами тех ребят.

Я не умела кататься ни на лыжах, ни на коньках, ни верхом, но зато унаследовала дар слова от отца-сценариста и мамы-поэтессы. Может, я не стану героем, как Джей, ученым, как Эл или художником, как Эм, но мне хотелось сделать что-то такое, что украсит жизнь других людей. Ответ таился в словах, но тогда я этого еще не знала.

Вскоре нам предстояло разъехаться по колледжам, поэтому тот вечер в клубе был совсем не таким, как раньше. Даже тогда мы понимали значение грядущих перемен. От них огни сияли ярче, а музыка звучала чувственней и слегка печальней.

На нас были винтажные остроносые кеды, которые мы нашли в магазинчике «Ковбои и пудели» на Мелроуз-стрит. Там продавалась одежда и обувь пятидесятих годов, но почему-то все было совершенно новое. К кедам мы подобрали мини-юбки и мужские футболки, которые мы переделали: отрезали рукава и воротники и написали на спине розовым маркером «Здоровое удовольствие». Это был прямой ответ группе мальчишек-панков, которые ходили в тот же клуб в футболках с черными надписями «Извращенное удовольствие».

Мы никогда не общались с этими ребятами, но были совершенно очарованы их креативными стрижками и татуировками. Их настоящих имен мы не знали, но Эм придумала им прозвища: Крысолов, Италияшка, Конь, Кен (в честь куклы) и Ирокез. Они как всегда стояли в углу под стробоскопами, подливали себе в газировку водку из маленьких бутылочек и посматривали на нас с самодовольными ухмылками.

Мы придумали им не только прозвища, но и предысторию. Крысолов живет вдвоем с мамой-алкоголичкой неподалеку от клуба. Он ходит туда с двенадцати лет. Тогда же начал курить и пить. В клубе Крысолов познакомился с Кеном и Конем, которые были выше, старше и симпатичнее него. Но Крысолов был умным и стал лидером. Италияшка, у которого всегда был какой-то взъерошенный вид, был бомжом, и остальные заботились о нем. Он стал их талисманом. Про Ирокеза мы ничего придумывать не стали. Казалось, он не очень-то близок с остальными – он даже сидел всегда отдельно, а приходил и уходил позже. Ирокез был всегда очень ухожен, никакой щетины на бритой голове – во всяком случае, насколько мы могли разглядеть в темноте. Футболку «Извращенное удовольствие» он тоже не носил.

Заиграла песня «Think Pink» группы Fabulous Poodles, и мы с девчонками рванули на танцпол, отплясывая как бешеные и взмахивая волосами. Мы знали, что мальчишки смотрят на нас, но, как обычно, притворялись, будто ничего не замечаем.

Потом играли песни B-52s, Go-Go's, Blondie. Музыка обладает таинственной и мощной силой, вызывая к эмоциям, которые спрятаны глубоко внутри. А танец – способ выплеснуть эти эмоции, чтобы они не застряли в горле, в животе или в груди. Тогда это было единственное, что заставляло меня забывать обо всем на свете. Я растворялась в музыке, чувствуя лишь биение собственного сердца. Я становилась совершенно свободной.

Когда заиграла баллада «Keep on Loving You» группы REO Speedwagon, мы поспешили усесться на покрытые ковриками скамейки вокруг танцпола. Иногда, под настроение, мы танцевали медленные танцы – одни, сами по себе. Мне вообще-то нравилась эта песня, несмотря на слезливый текст и дурацкое гитарное соло, но я бы никогда никому в этом не призналась.

Я прислонилась к хрупкому смуглому плечу Эм, которое было все еще горячим от солнца. Джей улеглась мускулистой спиной мне на колени, а Эл сидела рядом со мной с другой стороны. Я наблюдала за вращающимся диско-шаром, когда вдруг почувствовала, что на меня кто-то смотрит, и подняла глаза. Передо мной стоял Ирокез – так близко, что я могла бы дотянуться до него рукой. Он улыбался щербатой улыбкой. Нос у него был большой и кривой – явно сломанный по меньшей мере один раз. Я очень переживала по поводу горбинки на собственном носу и собиралась избавиться от нее как можно скорее.

– Привет, – сказал Ирокез. – Не хочешь потанцевать?

Заиграла еще одна медленная песня, и я колебалась. Эм пихнула меня локтем в бок. Мы всегда делали то, что скажет Эм. Она поступила в Йель. Она была лучшей в команде по легкой атлетике. И получила титул первой модницы школы, хотя ее леопардовые штаны, кожаная байкерская куртка и виниловая сумочка с херувимами в солнечных очках были слишком поповскими, чтобы считаться модными в Долине. Я, не раздумывая, встала с места и пошла за Ирокезом на танцпол.

Он обнял меня одной рукой за талию и притянул к себе. К моему удивлению, дыхание у него было свежим, без намека на алкоголь, а глаза смотрели тепло и дружелюбно.

– Почему вы с подругами никогда с нами не общаетесь? – спросил он.

– Вы с нами тоже не общаетесь.

Он усмехнулся, вновь обнажив свои бунтарские неровные зубы.

– Ты где живешь?

– В Студио-Сити, – ответила я. Это небольшой городок в Долине, по другую сторону каньона от Голливуда. – А ты?

– В Калабасе, – это был богатый район на севере. Как и его дыхание и глаза, это меня удивило.

– А зачем ты сюда ходишь? – спросила я.

– Люблю танцевать, – ответил он.

– Но вы же никогда не танцуете.

Я почувствовала, как он пожал плечами под моей рукой. Голос его зазвучал глубже.

– Ну да. Я смотрю, как ты танцуешь.

Он притянул меня ближе, так что наши бедра почти соприкасались.

– Залезай! – сказал он.

– Куда? – я не очень понимала, к чему он клонит.

– Мне на ноги.

Я опустила глаза и увидела, что на нем тяжелые рабочие ботинки.

– У них носки стальные, – пояснил он.

Я осторожно наступила и постаралась найти равновесие, крепче вцепившись в его спину и плечи. Он двигался на удивление легко, несмотря на то, что я повисла на нем.

Эм помахала мне с края танцпола.

– Мы уходим, – жестом показала она.

Я слезла с ботинок Ирокеза.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Ай.

– А меня А, – ответил он. И тут мне пришлось уйти.

Когда спустя пару дней мы снова пришли в клуб, ребят там не было. У меня по всему телу, от горла до низа, пробежал холодок. Мне так хотелось увидеть А. Последние несколько дней я то и дело представляла, как снова танцую с ним. Его упругие мышцы под моими руками. Легкую испарину, от которой его футболка липла к спине.

Я танцевала с подругами, но через силу. Без мальчишек из «Извращенного удовольствия», особенно без А, музыка меня не вдохновляла. По телу снова пробежал холодок грусти, и мне не удавалось его стряхнуть.

Заиграла новая песня. Жесткий панк. Creatures, группа Adolescents. Мы с девочками ушли с танцпола. Тут вошли ребята. Они выскочили на танцпол и принялись толкаться и насккивать друг на друга. Диджей врубил музыку на полную, и у меня зазвенело в ушах. От стробоскопа рябило в глазах. С ними ли А?

А вот и он.

Я просто стояла и смотрела на него, пока он не подошел и не вытащил меня за собой на танцпол. Я стала подражать движениям мальчиков, но никто не обращал на меня внимания, кроме А, который несколько раз врезался в меня спиной, пока наконец я не обхватила его за плечи. Он закинул меня к себе на спину, и мы танцевали так. У меня перед глазами все закружилось, так что я зажмурилась и уткнулась лицом в его потную шею. Неплохой способ отгородиться от остального мира.

Песня закончилась, заиграла следующая. «Wild in the Streets» Circle Jerks. Потом Dead Kennedys, «Holiday in Cambodia». Я знала эти песни, потому что слушала диджея Родни по радио KROQ. Родни чудаковатый, и голос у него скрипучий и противный, но в музыке он разбирается что надо.

Мы с А продолжали танцевать. Потом заиграл привычный мне веселенький нью-вейв, и мы, запыхавшись, плюхнулись на скамейку. А показал мне небольшую листовку, размноженную на «Ксероксе».

– Это зин⁷, – пояснил он, и я притворилась, будто знаю, что это, хотя тогда еще не знала. Там были коллажи из билетов на концерты и флаеров, а на полях резвился нарисованный чернилами парень с ирокезом, похожий на А. Еще там были рецензии на альбомы, топ-листы песен и панковских клубов.

– Это ты сам сделал? – спросила я.

Это был девятый номер журнала «Провинциальный Хаос». Я сказала, что это круто. Мне особенно понравились рисунки с танцующим мальчиком.

Он улыбнулся своей щербатой улыбкой и теплыми глазами.

Диджей объявил, что на следующий день в клубе будет конкурс танцев в стиле пятидесятых.

– Надо нам записаться! – предложил А.

Я удивилась, что он пригласил меня прямо на глазах у своих друзей, но согласилась.

Я нашла мамино старое платье, в котором она выходила замуж за папу. Для них обоих это был второй брак, так что надевать белое было бы неуместно, говорила она. С тех пор как родители поженились, они не провели порознь ни одного вечера.

Это было золотистое шелковое платье с широкой юбкой. Великовато в груди и талии, и подол ниже, чем нужно, потому что мама всегда была выше и фигуристее меня. Я туго затянула пояс и надела мамины кремовые кожаные лодочки с острыми носами и жемчужными пуговицами.

В клубе А сидел неподалеку от диджейской будки в черных джинсах, белой рубашке с коротким рукавом и черно-белых туфлях на толстой резиновой подошве. Он умел танцевать

⁷ Зин (англ. *zine*, сокращению от *magazine*) – любительский журнал, самиздат.

свинг – просто невероятно, до чего хорошо у него получалось. Помимо нас в конкурсе участвовали только пара металлистов, которые выглядели в хлам пьяными, и какая-то девчонка-панк с выбеленными скунсовыми полосками на черных волосах и сережкой в носу. Она танцевала одна и краем глаза косилась на А. Мы выиграли. Диджей вручил нам зеркальце с логотипом клуба. Мой галантный партнер позволил мне оставить приз себе. Эм сказала, что это зеркало для кокаина. «Извращенные удовольствия» сидели в своем углу и не обращали никакого внимания на происходящее.

– Не хотите с подругами прийти ко мне на вечеринку в выходные? – спросил А перед тем, как Эм скомандовала нам уходить.

В Калабасасе ночью было куда темнее, чем в нашем районе: меньше фонарей, больше деревьев. Дом А окружала высоченная изгородь. В тот субботний вечер мы с Эм, Джей и Эл прошли по освещенной дорожке к трехэтажному особняку и зашли в высокий дверной проем. Внутри играла громкая панковская музыка, так что мы сразу поняли, что попали по адресу. Повсюду сновали ребята с панковскими прическами, которые пили пиво из пластиковых стаканчиков. Интересно, чем же занимались родители А, что заработали на такой дом?

И где же он сам?

Крысолов и Кен сидели на кожаных диванах в гостиной. Рядом с каждым сидела девушка. Крысолов, прищурившись, посмотрел на нас. Я сразу почувствовала себя неловко в своем обтягивающем розово-сиреневом мини-платье, которое мне так хотелось надеть. Вокруг все девушки были одеты в обрезанные джинсы или клетчатые юбки и драные футболки, утыканные английскими булавками, а волосы у них были крашенные и с причудливыми начесами.

Мы отправились на кухню в поисках пива, и Джей налила нам по стакану. Я раньше особо не пила, и вкус пива показался мне противным, но я все равно его выпила в надежде, что это поможет мне справиться со стеснением.

Мою талию обвили чьи-то теплые руки. Я обернулась и увидела улыбающегося А.

– Ты пришла! – воскликнул он.

– Привет! Классный дом!

Он решительно взял меня за руку.

– Пойдем, я тебе все покажу.

Эм метнула на меня неодобрительный взгляд, Эл нахмурилась, а Джей улыбнулась, когда А повел меня через стеклянные двери во двор. Перед домом мерцал голубыми бликами бассейн, а за ним раскинулся сад. В воздухе пахло чем-то сладким: не то жасмином, не то розами. Стрекотали сверчки, квакали лягушки.

– Здесь так здорово!

– Спасибо. Классно выглядишь!

– Спасибо. Мне показалось, я неподходяще одета.

– Нет, просто отлично.

Мы остановились и посмотрели друг на друга. Я вдруг смутилась. Я еще ни разу не целовалась с парнем. Эл и Джей тоже, а вот у Эм в прошлом году был секс. Она сказала, что было не очень-то приятно, но потом она стала себя ощущать как-то по-другому. Когда я спросила ее, как именно, она пожала плечами и просто ответила: «Более зрелой». От ее тона я почувствовала себя несмышленым ребенком.

– Ты танцуешь лучше всех в вашей компании, – сказал А. Мне было непривычно слышать, что я в чем-то лучше других.

Однажды, летом после десятого класса, мы с Эм и Джей поехали в пляжный коттедж нашей подруги Эс. Эл с нами не поехала – родители бы ее непустили, даже если бы она и захотела, а она не очень-то и хотела. Мы с Эм и Джей не сказали родителям, что родителей Эс не будет дома. Мои меня даже не расспрашивали про эту поездку – они мне доверяли.

Мы с Эм, Джей и Эс провели весь день на пляже, потом приняли душ, надели узкие джинсы и пошли в ресторан на берегу океана. К нам подошли какие-то ребята постарше, Эс стала с ними флиртовать. Они заказали нам пива и устриц. У них был лимузин, и они предложили поехать к ним, чтобы еще выпить. Эс сразу согласилась, а мы нервно переглянулись и не стали возражать. Квартира была вся в черно-серебристой гамме, с зеркальным потолком. Парни развалились на диване и смотрели, как мы танцуем.

– Ну-ка посмотрим. Да, ты самая симпатичная, – сказал блондин, пьяным жестом указав на меня.

Потом он вырубился, а его друзья пошли отлить, и мы, хихикая, сбежали домой. Нам тогда и в голову не приходило, как плохо все это могло бы закончиться. А я думала только о том, что меня в кои-то веки выделили среди остальных.

Я беспокоилась за Эс, но не знала, что делать и как вообще об этом говорить. Было что-то странное в ее отце. Мне не нравилось, как он смотрит на Эс. Меня тревожили ее обгрызенные ногти, нервный смех и манера флиртовать со всеми подряд. И то, что она иногда выходила из дома без нижнего белья. В конце концов ее родители развелись, и она переехала. Я жалела, что так ничего и не сказала.

Тем временем А продолжал:

– Когда ты танцуешь, ты словно полностью растворяешься в танце. Как будто тебе жизненно необходимо танцевать.

– Так и есть, – ответила я.

– Почему?

– Потому что иначе меня одолевает тоска.

– Почему?

Я пожалала плечами и выдавила улыбку. Мне не хотелось, чтобы он считал меня депрессивной.

– Давай поплаваем, – предложил А.

Он стянул футболку и джинсы и нырнул в бассейн в одних трусах. Я стояла на бортике и смотрела, как он ныряет, отплевываясь от воды.

– Иди ко мне!

Я одним махом допила пиво, сняла туфли и платье и прыгнула в воду. Вода была холодная, и когда я задрожала, А подплыл ко мне и обнял меня. Его ирокез намок и прилип к голове. Интересно, как бы он выглядел с обычной прической? В темноте я не видела выражения его глаз, но ощущала прикосновение его прохладной груди и рук и биение его сердца. Его член упирался мне в бедро, и я всем телом подалась ему навстречу.

Я никогда вживую не видела мужской член и испытывала смешанные чувства: страх, отвращение, любопытство. И легкое щекочущее удовольствие.

– Можно тебя поцеловать? – спросил А.

Я кивнула. Он положил ладонь мне на шею и притянул мое лицо к себе. Я закрыла глаза и подставила губы. Его губы коснулись моих. Его язык нежно и осторожно проник мне в рот. Потом настойчивее. Я провела пальцами по его сломанному носу, острым скулам, бритому черепу. Я растворялась в воде и ночном воздухе. Мальчики-подростки недалеко ушли от детей и еще очень далеки от взрослых мужчин. Большинство из них. А казался похож одновременно и на тех, и на других.

– Мы уходим! – крикнула Эм. – Давай быстрее, а то оставим тебя тут.

Я отстранилась от А, вдруг осознав, что на мне только лифчик и трусы, причем мокрые, так что через них все просвечивает.

– Мне надо идти, – сказала я, вылезая из бассейна.

Когда А сказал, что заедет за мной, я попросила его подождать на улице, потому что знала: мама ни за что не позволит мне сесть на мотоцикл. Это было единственное ее правило. И хотя сейчас ее мысли были слишком заняты папой, я знала, что это не сойдет мне с рук.

Мы с А встретились на улице, в стороне от моего дома. Он был одет в кожаную куртку и стоял у своего мотоцикла, скрестив руки и ноги – вылитый Джеймс Дин. У него было с собой два шлема, один он надел на меня. Потом мы уселись на мотоцикл. Оказавшись на сиденье, я почувствовала, что его бедра зажаты у меня между ног. Мотоциклы – такая опасная и в то же время такая сексуальная штука. Смерть и секс в одном флаконе. Наверное, поэтому люди их и любят. Или ненавидят. Он завел мотор, и мы поехали.

Каньон Лорел змеился между холмами как река, из которой он, наверное, и образовался. Телефонные провода оплели ползучие растения, зелеными гроздьями свисавшие у нас над головами. Девушка с копной ярко-розовых волос в черном шелковом платье и черных ковбойских сапогах голосовала у обочины. Хотелось бы мне так одеваться.

Мы доехали по бульвару Сансет до клуба «Виски». А помог мне слезть с мотоцикла, и мы зашли в темный маленький клуб, где пахло сигаретным дымом. У меня было фальшивое удостоверение личности: я купила его у какого-то ботана из нашей школы, который делал их с фотографиями из фотобудки. Но я так ни разу и не решилась им воспользоваться. А, судя по всему, не боялся ничего.

В клубе было полно народу. На сцене пятеро девушек в потрепанных винтажных платьях исполняли какую-то песню, они играли неумело и слишком быстро. Но выглядели они потрясающе. У солистки было милое круглое личико, напомнившее мне Джей. «Мы ловим ритм», – пела она. Я слышала эту песню по радио и в «Фазах», но вживую она звучала по-другому. Оказывается, девчонки тоже могут играть панк? Мне это и в голову не приходило. В этот момент моя жизнь изменилась.

– Правда, они классные? – спросил А, улыбаясь мне в темноте. – Басистка мне тебя напоминает.

Это была миниатюрная девушка в юбке-киlte и мокасинах, с коротко остриженными кудрявыми волосами. Она мне показалась самой красивой девушкой на свете. Когда она стала подпевать солистке, оказалось, что у нее писклявый голос.

– Это Джейн, – пояснил А. – Моя любимица.

Джейн. Мне хотелось быть, как Джейн. Он купил мне пива, но сказал, что сам не будет пить, потому что за рулем. Пиво было холодным, и мне начинал нравиться его вкус. Я допила, и А забрал у меня пустую бутылку. Мы вместе вышли на танцпол, и он защищал меня своим телом от толкающихся парней. Я чувствовала себя в безопасности. Я вспотела, и волосы стали липнуть к лицу. Я закрыла глаза. Мне казалось, я падаю в бесконечность, улываю куда-то далеко-далеко. Он обнял меня и склонился ко мне. Мы поцеловались. Я прижималась к его мускулистому телу. Его ирокез выделялся в темноте и казался таким загадочным. Я танцую с лучшим парнем на свете. С самым лучшим.

Мы вышли на улицу. Стоял теплый вечер. Мне так не хотелось уезжать из Лос-Анджелеса в Беркли. Хотелось пить этот город до дна, как пиво. Хотелось барахтаться в нем и вбирать его в себя. Я уселась на мотоцикл позади А, и мы выехали на шоссе. Модели с рекламных щитов смотрели на нас большими глазами, надували пухлые губки. Я чувствовала, как внимательно А следит за дорогой. Его тело напряжено: он старается защитить меня, как на танцполе.

Мы остановились на светофоре, собираясь свернуть на заправку на углу. Я сказала:

– Не знаю, почему я боялась мотоциклов. Это самая классная штука на свете!

Мы свернули, и какая-то машина, выехав на желтый свет, врезалась в нас. Не сильно, но с удивительной точностью. Мы упали.

Мы не пострадали. Совсем, ни царапины.

– Слушай, – сказал А, когда мы подъехали к моему дому. – Я хочу тебе кое-что сказать. В воздухе пахло эвкалиптами, где-то вдалеке ухала сова.

– Это был не мой дом. Моя мама там работает. У актера Джона Дэвидсона. Когда я устроил вечеринку, он уехал из города, а моя мама была у своего приятеля. Мы живем в гостевом домике. Иногда у меня ночуют друзья, когда родители не пускают их домой.

– Ой, – ответила я.

– Прости.

– Ничего, – сказала я. Я тоже хотела кое в чем ему признаться. – У моего папы рак. А еще осенью я уеду в колледж.

– Ого. Паршиво. – Он посмотрел на меня, нахмутив брови, как Джеймс Дин.

– Ага, – я пожала плечами и попыталась улыбнуться. Зачем я сказала ему об этом? Зачем произнесла это вслух?

– А куда ты поедешь учиться? – спросил он.

– В Беркли. – Я хотела задать ему тот же вопрос, но подумала: а вдруг он вообще никуда не едет, и этот вопрос его поставит в неловкое положение.

Когда он поцеловал меня на прощание, я сжала губы, не ответив на поцелуй. Не потому что тот большой дом не принадлежал его семье, и не потому, что он, возможно, не пойдет в колледж, и не потому, что мы могли серьезно пострадать в той аварии. А скорее потому, что до меня вдруг дошло: я скоро уеду и скорее всего больше не увижу А. Потому что я не такая красивая, как Эл, не такая милая, как Джей и не такая сильная и решительная, как Эм. И, возможно, А скоро это поймет. А еще потому, что у моего отца рак, который стремительно распространяется по его организму и в конце концов заберет его у нас, оставив нас с мамой в горе и одиночестве. Или еще почему-то.

Я зашла в наш маленький домик и отправилась в постель. Я услышала, как мама плачет за стенкой, и подумала: «Когда папа умрет, это ее убьет. А потом умру и я».

От А не было никаких вестей. Мы с подругами снова пошли в «Фазы». «Извращенных удовольствий» там не было. На их месте тусовалась компания серферов, которых я раньше никогда не видела. Они все были загорелые и светловолосые, в клетчатых шортах и футболках и кедах «Ванс» или в джинсах с клетчатыми рубашками и топсайдерах на босу ногу.

Эм сказала:

– Вот это я понимаю, красавчики!

Мне так не показалось. Ведь А среди них не было.

Джей сказала:

– Боже мой, вон тот, чур, мой, – и указала на самого невысокого, с ангельскими кудряшками и наивным личиком.

– Договорились, – сказала Эм. – Это будет Ангелок. А мой, чур, Крутыш, – она мотнула головой в сторону самого высокого и красивого из парней. – Эл пусть берет себе Красавчика, а ты, Ай, – Загорелого.

Мне не нужен был Загорелый. Мне нужен был А. Почему он не звонит? Решил, что он мне не нравится? Или я ему разонравилась? Надо было тогда поцеловать его. Я бы не смогла ему объяснить, почему я этого не сделала. Я и самой себе не могла этого объяснить. Но, может, если представится еще один шанс, я поцелую его как следует. Я все исправлю.

Эм скомандовала всем идти танцевать, и мы вышли на танцпол. Серферы наблюдали за нами. Я не чувствовала музыку так, как обычно. У меня не выходили из головы мысли про А, а на губах застыл привкус пива и хлорки, как во время нашего первого поцелуя.

Крутыш подошел к Эм и принялся наворачивать круги вокруг нее. Он казался таким энергичным, будто был весь наэлектризован. У него были ямочки на щеках и идеальные белые зубы – наверняка сын дантистов. Или Джон Дэвидсон. Джей и Ангелок стали танцевать в той

же манере, смущенно улыбаясь друг другу. Эл танцевала с Красавчиком, но обращала на него мало внимания. Я заставила себя потанцевать с Загорелым, но не переставала скучать по А. Мне вспомнилось, как я балансировала на его ботинках со стальными носками, как он обнимал меня, как от него приятно пахло. От Загорелого разлило алкоголем и каким-то резким одеколоном. Он пытался кружить вокруг меня, как Крутыш, но у него выходили какие-то резкие скачки. У меня закружилась голова.

И тут я увидела, что на краю танцпола стоит Крысолов и смотрит на меня. Эм дала ему такое прозвище из-за заостренных черт лица и юркого тела. Я отвернулась от Загорелого в поисках А. Вот и он. Стоял с девушкой. С той девчонкой со скунсовыми полосками на голове, которая участвовала в конкурсе. Они вместе вышли на улицу.

Часть моей души отделилась и попыталась последовать за А, но врезалась в дверь, как пьяница или раненый зверь, и упала на пол.

Я повернулась к Загорелому и стала танцевать, как в последний раз. Позже я узнала, что его зовут Б. Они с друзьями живут в Камарильо. Про этот район я знала только то, что там находится известная психбольница.

Они действительно были серферами, как мы и подумали. Загорелый осенью собирался в Калифорнийский университет в Сан-Диего, на юридический факультет.

– Слушай, – сказал он. – Мы устраиваем вечеринку. Приходи с подругами.

Джей отвезла нас на своем «жуке» в Камарильо. В воздухе пахло морем и клубникой. Это был благополучный район с небольшими домами и зелеными лужайками. Мы припарковались и пошли к дому. Играла громкая музыка в стиле нью-вейв, и мы поняли, что попали по адресу. Внутри была куча загорелых девушек в обтягивающих полосатых платьях или белых шортах с купальными топами. Они валялись на диванах в обнимку с серферами. Мы с подругами, наверное, выглядели экзотично: девчонки из Лос-Анджелеса. На мне была футболка, джинсы и кеды «Конверс», как тогда, когда я ходила в «Виски» с А. Я поняла, что неподходяще одета для этой вечеринки.

Крутыш подбежал к Эм, обхватил ее за тоненькую талию, поднял и закружил в воздухе. Она завизжала. Это ей было несвойственно. Крутыш утащил ее из комнаты. Ее ноги болтались в воздухе, с них свалились шлепанцы (уж Эм-то, конечно, оделась как подобает). Джей и Эл посмотрели на меня. Подошел Ангелок и вручил каждой из нас по стакану пива. Они с Джей были одеты одинаково: поло с коротким рукавом, клетчатые шорты и вьетнамки. Он взял ее за руку, и они ушли. Даже с другого конца комнаты я видела ямочки на щеках Джей и блеск в ее глазах.

На Эл была белая майка, на контрасте с которой ее смуглая кожа сияла. Мы переглянулись, она по обыкновению нахмурилась. Подошел Красавчик, она сурово глянула на него. Он пожал плечами и отошел. Мы с Эл уселись на диван. К нам подсел Загорелый.

– Классно выглядите, дамы! – сказал он, положив руку мне на колено. Я вдруг поняла, что хочу лишиться девственности. Но А рядом не было.

Мы с ним выиграли в танцевальном конкурсе. Он прекрасно целовался. Он жил в гостевом домике Джона Дэвидсона. У него был мотоцикл. Мы попали в аварию. А что, если бы всерьез пострадала? Мама бы так на меня разозлилась. А может, она бы и не заметила, потому что так волнуется за папу. Может, разбиться на мотоцикле вместе с А было бы лучше, чем смотреть, как папа медленно умирает от рака, а потом как мама умрет от тоски по нему.

Я сделала глоток пива.

– У моего отца рак, – сказала я Загорелому. Он наклонился ко мне поближе и повернул голову ухом к моему рту.

– Что?

- Ничего, – ответила я.
- Может, поднимемся наверх?
- Давай.

Эл осталась сидеть на диване, презрительно закатив глаза. Эл была из нас самой умной. Осенью она пойдет в Гарвард. Она станет ветеринаром.

Загорелый отвел меня в спальню на втором этаже. Он достал флакончик с белым порошком и высыпал его на зеркало. Мне вспомнилось то зеркало, которое мы выиграли в конкурсе. Я положила его на туалетный столик, засыпанный кучей бижутерии из пластика и стразов.

А потом я отстранилась от собственного тела, пока он стягивал с меня джинсы и трусы и входил в меня. Было не так уж и больно. Может, из-за танцев – мне кажется, я порвала плеву, когда танцевала. А может, у меня просто высокий болевой порог. Или просто на самом деле я была где-то далеко-далеко.

Эм была права: я чувствовала себя по-другому. Но не более зрелой. Наутро мне было ужасно плохо – как никогда в жизни. Все мое тело горело ядовитым жаром. Может, это реакция организма на ощущение, что тебя поимели?

Тоска по А была такой сильной, как ветра, бушевавшие в то лето, как палящее солнце, оставлявшее ожоги на моей коже. Но я не выбрала А. Каким-то образом, из-за всех своих печалей, сомнений, страхов и годами накопленных негативных мыслей я выбрала другой путь – отдаться Загорелому.

Любовь может быть такой странной и печальной. Иногда сложно понять, почему иногда мы выбираем одних людей и избегаем других. Почему мы так отчаянно ищем что-то, а найдя, бежим прочь.

Пройдут годы.

Эм будет счастлива замужем и станет арт-директором в кино. Мы с ней поссоримся, когда я наконец скажу ей, что устала от ее указаний. Она скажет:

– Ты не знаешь, что такое любовь. Я была тебе лучшим другом, о каком можно только мечтать.

Может, она и права.

Джей будет героическим офицером дорожно-патрульной службы. Выйдет замуж, родит двоих детей.

Эл станет успешным ветеринаром и будет по-прежнему одинока, красива и умна.

Мы перестанем общаться.

Может, А по-прежнему будет жить в бунгало в Голливуде, работать графическим дизайнером, придумывать свои журналы и слушать панк. Может, он лысеет, а даже если и нет, все равно продолжает брить голову. Может, он по-прежнему носит свои тяжелые ботинки. Может, у него есть дети. Мальчик, который играет в подпольной рок-группе. Девочка, которая увлекается рисованием. Может, он недавно пережил развод и как раз подумывает снова начать встречаться с женщинами.

Я потеряю обоих родителей: один умер от рака, вторая – от горя. У меня будет двое горячо любимых детей, и спустя пару лет после развода я как раз начну думать о том, что пора бы снова начать ходить на свидания. Я буду нравиться себе гораздо больше, чем когда я познакомилась с А, но это по-прежнему будет требовать ежедневной работы над собой.

Ответом на все вопросы станут слова. Так было всегда.

Я напишу для вас рассказ про А. Может, он сделает вашу жизнь лучше. Или просто поможет вам почувствовать хоть что-то. Жить. Этот рассказ будет и для самого А. Может, он когда-нибудь его прочтет.

Стефани Перкинс

Через 90 минут сверните на север

Мэриголд ненавидела июль. Во-первых, в июле было еще жарче, чем в остальные летние месяцы. Воздух так и набухал от влажности. Пот струился по телу. А ливни, то и дело случавшиеся во второй половине дня, приносили больше неудобств, чем облегчения. На тучи уже тошно было смотреть.

Она ненавидела солнцезащитный крем и липкие белые разводы, которые он оставлял на коже. Ненавидела насекомых: клещей – переносчиков болезни Лайма, и неугомонных москитов, которые противно жужжали в уши и всегда предпочитали ее всем остальным. Ненавидела, как взъерошивались и пушились ее волосы. Но больше всего она ненавидела плавающие от жары парковки.

Такие, как эта.

Отношения Мэриголд Мун Лин и Норта Даймонда начались и закончились на парковке. Они познакомились на парковке перед супермаркетом прошлой зимой, а прошлой весной он бросил ее на парковке перед магазином «Все для дома». Она в тот момент держала в руках маленькую микроволновку, купленную со скидкой по купону. Она собиралась уехать из ослабленного горного городка Эшвилл в Северной Каролине, чтобы устроиться на работу в бурлящей вечными пробками Атланте, штат Джорджия. До Атланты было три с половиной часа езды. Мэриголд казалось, что это вполне посильное расстояние. Ее бойфренду так не казалось. Бывшему бойфренду.

Черт. Приставка «экс» все еще причиняла ей боль, даже если не произносить ее вслух.

Но именно из-за этой боли, этой медленно нарастающей печали и всеподавляющего чувства вины Мэриголд оказалась на парковке у подножия горы Митчелл – самой высокой вершины к востоку от Миссисипи – и готовилась совершить, возможно, самую унижительную ошибку своей относительно взрослой девятнадцатилетней жизни.

Мэриголд приехала сюда спасти своего бывшего бойфренда.

Не в каком-то высоком религиозном смысле. Все было проще и приземленнее: Мэриголд приехала, чтобы уговорить своего бывшего поехать с ней в Атланту, вдвоем снимать квартиру и подать документы в колледж.

Задача была не из легких, это она понимала. Но ее миссия носила платонический характер. Она хотела помочь другу, который когда-то помог ей. Вернуть огромный кармический долг. Казалось невыносимым и в то же время несправедливым, что у Мэриголд была возможность уехать, тогда как Норт считал, что обязан остаться.

Чего Мэриголд не могла взять в толк – так это что Норт вообще тут делал. Она-то вернулась в Северную Каролину под предлогом навестить мать, но, не успев даже забросить вещи домой, проехала лишних тридцать две мили мимо Эшвилла до елочной фермы его семьи в окрестностях Спрус-Пайн. Мать Норта выдала ей шокирующую новость, что он там больше не работает. Он утверждал, что должен остаться дома и помогать больному отцу управлять фермой, а теперь устроился на работу в целом часе езды вниз по извилистым дорогам, мимо бесчисленных расплодившихся кемпингов и церквей, а потом еще глубже в горы – в заповеднике на горе Митчелл.

Чем дольше Мэриголд смотрела на свой пункт назначения, тем сильнее становилось ее беспокойство по поводу предстоящего дела. Она утомилась от долгой езды, но, что еще хуже, провела последний час в состоянии нарастающей злобы и горечи. Если бы Мэриголд была готова признаться себе – а она не была, – она бы поняла, что это обида на предательство. Она сказала Норту все как есть, а он то ли соврал, то ли утаил что-то. Она не помнила, чтобы он

хоть раз упоминал о планах, не включавших работу на ферме своих родителей (их амбиции) или учебу в колледже (его амбиции).

Так какого черта?

Если говорить сухим языком цифр, те четыре месяца, что они провели вместе, скорее можно было назвать мимолетным романом, чем реальными отношениями. Но их всегда связывало нечто большее, чем романтические чувства, гормоны или секс. Он почти сразу стал ее лучшим другом. Они переписывались целыми днями, каждый день, даже когда она уехала. Пока в мае сообщения от него не стали приходить все реже, а в июне не прекратились совсем.

Мэриголд перебирала причины его молчания: зависть по поводу ее интересной новой жизни, стыд из-за того, что он не поехал с ней, ревнивая новая девушка, утопленный в реке телефон, потерянная в автомобильной аварии карта памяти, отрезанные трактором пальцы. Но ей никогда не приходило в голову, что он мог устроиться на другую работу. Что он начал новую жизнь, в которой ей не было места.

«Что я тут делаю?»

От асфальта на парковке поднимался жар.

«Что. Я. Тут. Делаю?»

Жара была удушающая. Она с трудом дышала. Мэриголд внезапно развернулась, уселась в свою «Киа» и захлопнула дверь. Повернула ключ в зажигании, чтобы заработал кондиционер, и телефон подключился к динамикам. Она слушала «Мистическое шоу», один из любимых подкастов Норта. До знакомства с ним она никогда не слушала подкасты, а теперь предпочитала их музыке.

«Черт бы тебя побрал, Норт. За то, что не отвечаешь на мои сообщения. За то, что заставляешь волноваться, чувствовать себя виноватой, ехать черт знает куда! За то, что испортил для меня даже чертовы подкасты! Черт».

Она схватила телефон, включила приложение с музыкой, и из динамиков раздался надрывный голос Бейонсе. Но это не помогло. Ни капельки. Потому что теперь весь ее мир был отравлен Нортом. Поначалу он притворялся, что не любит Бейонсе, но однажды, когда они заспорили по какому-то дурацкому поводу, он посреди спора с невозмутимым лицом воспроизвел весь текст песни «Halo». Она смеялась до слез, так что у нее заболел живот. Норт мог сказать что угодно и рассмешить ее. Такой уж у него был голос.

Мэриголд принялась барабанить кулаками по рулю, барабанила и барабанила, пока наконец случайно не стукнула по кнопке сигнала. Опешив от неожиданности, она подскочила на сиденье. Семья из шести человек, вылезавшая из мини-вэна позади нее, тоже подскочила. Мэриголд виновато помахала им рукой.

«И за это тоже, Норт».

Но теперь она уже не так сильно злилась.

Мэриголд сделала музыку потише и опустила глаза, решив притвориться, что копается в телефоне, пока семейство не скроется из виду. Она стала делать дыхательные упражнения, как советовала ее мама-хиппи. Вдох. И выдох. Вдох. И выдох. Их голоса становились все тише, пока наконец не исчезли совсем. Она подняла голову.

Над ней нависала гора Митчелл.

У Мэриголд возникло неприятное чувство. Гора была не особенно крутая и опасная – наоборот, вполне пологий склон, – но вид у нее был какой-то... зловещий. В частокле елей было на удивление много мертвых деревьев. Как будто склон утыкали сломанными зубочистками. Эти скелеты казались такими бледными и бездушными на фоне своих разлапистых вечнозеленых соседей, что создавали ощущение пустоты, несмотря на свое физическое присутствие. В них таился какой-то вопрос. Чего-то тут не хватало.

– Что ты тут делаешь? – спросила Мэриголд вслух. Но на этот раз она обращалась не к себе.

Раз уж она проделала весь этот путь, можно все-таки спросить у него самого.

Фуникулер был на противоположном конце парковки – наклонные рельсы с двумя медленно плетущимися вагончиками: один шел вверх, другой вниз. Они предназначались для тех, кто не хотел подниматься к вершине пешком. Судя по количеству туристов в очереди, таких тут большинство.

Мэриголд не была здесь с начальной школы, когда их водили в заповедник на экскурсию. В памяти остался хлипкий зеленый вагончик, который, дребезжа, тащился наверх, будто намеренно пытался привить ей хотя бы легкую боязнь высоты. Мэриголд высоты не боялась. Но вслушиваясь в шум спускающегося вагончика, она то и дело скрещивала и снова выпрямляла руки. Она нервно глянула на свое отражение в окне билетной кассы, где только что заплатила безбожные двенадцать долларов за билет, и тут же, встревоженная, сняла солнечные очки, чтобы присмотреться получше.

Лицо красное и блестит, густые черные волосы растрепались и выбились из косы. Обычно она заплетала густую косу и закалывала ее вокруг головы, а остальные волосы собирала в пучок. Обычно с этой прической она казалась себе оригинальной и милой – эдакая пастушка Хайди.

Но сейчас она себе не нравилась.

Воздух вокруг нее завибрировал. Сзади. Дребезжание усилилось, переходя в грохот и скрежет. Вагончик приближался. По словам матери Норта, он работал оператором одного из вагончиков. Так что с пятидесятипроцентной вероятностью он мог вот-вот оказаться здесь.

У Мэриголд екнуло сердце. Разумеется, она приехала помочь другу, но это еще не значит, что можно выглядеть как пугало. Все-таки этот человек видел ее голой. В приступе паники она выдернула из волос шпильки, расплела косу, пригладила волосы рукой и поспешно соорудила прическу заново.

Скрежет становился все громче. Пока дети, родители и парочки поднимались на ноги – она тут была единственная без компании, – Мэриголд сидела на скамейке, копаясь в сумочке в поисках пудреницы. Чтобы лоб перестал блестеть, понадобилось три (три!) матирующих салфетки и толстый слой пудры. Веснушки замазать не удалось, но их было не скрыть ничем. В это время года они особенно бросались в глаза, и Мэриголд казалось, что они ужасно нелепо выглядят в сочетании с ее азиатскими чертами лица. Раньше она их ненавидела, но Норт убедил ее, что веснушки – это мило. Однажды он даже нарисовал по точкам на ее правой щеке кособокое сердечко.

На спину ей упала тень от вагончика. Дети радостно завизжали, и человек двадцать устремились к платформе.

Пятьдесят на пятьдесят. Теперь ее собственное сердце казалось скособоженным.

Вагон окончательно остановился, и в этот момент подул сильный ветер. Флаги США и Северной Калифорнии над зданием администрации затрепетали, а в нос Мэриголд ударил запах хвои. Она зажмурила глаза и сделала глубокий вдох. Рождество в июле. Умом она понимала, что все дело в горе. Но сердцем – что дело в нем.

Мэриголд снова надела очки, радуясь, что может хоть как-то отгородиться от внешней среды. В своих коротких джинсовых шортах и облегающей маечке она вдруг почувствовала себя очень уязвимой.

«Ты приехала просто поговорить. И все. Что бы ни случилось, все будет хорошо».

Иногда в правду сложно поверить.

Поднимаясь на ноги и оборачиваясь, Мэриголд почувствовала, что у нее дрожат коленки. Зеленый вагончик стоял у платформы. Над большим передним окном золотыми буквами было написано имя: Мария. Оператора было не видно.

Но тут...

Над толпой раздался голос, усиленный старым дребезжащим громкоговорителем. По спине у нее побежали мурашки. Голос был самой примечательной чертой Норта. Глубокий, уверенный. Саркастичный и пренебрежительный. Но в то же время в нем таились неожиданные веселые и теплые нотки, благодаря которым Норту сходили с рук самые возмутительные высказывания. Людям просто нравилось слушать его. Он был всего на несколько месяцев старше нее, но голос его звучал, как у взрослого мужчины. Разве что... даже это было не совсем так. Голос Норта был не похож ни на кого. Это-то и привлекло ее с самого начала.

– Будьте осторожны, выходя из вагона, – сказал он в громкоговоритель. – Мне будет ужасно жаль, если вы споткнетесь и изуродуете себе лицо. Вас это не касается, сэр, – добавил он. – У вас лицо и так уже страшнее некуда. Никто не заметит разницы.

Пассажиры и люди в очереди дружно расхохотались. Мэриголд вскинула брови.

Дверь открылась, и из нее вышел Норт Драммонд. Сердце Мэриголд бешено заколотилось. Он ловко спрыгнул с приступки в задней части вагончика на платформу и протянул руку пожилой даме, чтобы помочь ей спуститься.

– До свидания, – сказал он. Он больше не пользовался громкоговорителем, но Мэриголд все равно слышала каждое слово. – Пожалуйста, передайте своим друзьям, что мы тут прозябаем в глуши и нам очень одиноко. Нам не помешала бы компания.

Женщина хихикнула и похлопала его по руке.

Мэриголд сама не понимала, почему так переполюшилась. Может, потому что они не виделись с апреля, а выражение его лица нисколько не изменилось. Несмотря на залихватскую улыбку, в глазах Норта была все та же тоска, граничившая с отчаянием. А может, все дело в форме, в которой он похож на начинающего егеря. Он был с ног до головы одет в голубое. Бледно-голубое. Бледно-голубая рубашка с коротким рукавом, бледно-голубые шорты чуть выше колен и бледно-голубая шапочка – как бейсболка, только выше. И нелепее. Аккуратными белыми буквами на ней было вышито: «Оператор фуникулера».

Выпустив последнего пассажира, Норт запрыгнул обратно на приступку, ухватившись за поручень таким отработанным жестом, будто он делал это уже сотни раз. А может, так оно и было, обескураженно подумала Мэриголд.

– Дамы и господа, мальчики и девочки, – объявил он. – Пожалуйста, поднимайтесь на борт по одному. Будьте вежливы. Не показывайте свое истинное хамское лицо.

Очередь снова рассмеялась, послушно выстроившись гуськом. Мэриголд замешкалась и встала в конец, спрятавшись между двумя широкоплечими велосипедистами с густыми окладистыми бородами. Стараясь стать невидимкой. Стараясь думать. Она рассчитывала, что остаться с ним наедине будет легко, но совершенно не ожидала, что застанет его в разгар работы.

К вагончику торопливым шагом подошла смотрительница средних лет в форме цвета хаки и подала Норту какой-то знак. Тот кивнул, уступил женщине место, спрыгнул на землю и пошел в здание администрации.

Мэриголд с беспокойством наблюдала, как он зашел в бревенчато-каменную постройку. Очередь тем временем двигалась. Вернется ли он? Не лучше ли дожидаться его тут? В окно его было не видно.

– Давай, детка, твоя очередь.

Мэриголд нервно оглянулась и увидела, что смотрительница жестом приглашает ее подняться на борт.

– Э-э, – запнулась она. – Я...

Жесты смотрительницы стали нетерпеливее.

– А тот парень вернется?

Женщина резко кивнула.

– Он уже идет.

Мэриголд оглянулась через плечо и увидела, как Норт широким шагом приближается к ним, уже преодолев полпути до платформы. Она метнулась в вагон, как испуганный заяц. Пол внутри был не ровным, как в трамвае, а имитировал наклон горы, а скамейки были развернуты назад, чтобы пассажиры могли любоваться видом. Лучшие места в передних рядах были уже заняты, так что она поспешила вниз по наклонному проходу, заняв место где-то в середине. Она старалась оказаться как можно дальше от задней части вагона, где будет стоять Норт.

– Спасибо, Кэти, – раздался его голос по громкой связи, и Мэриголд услышала, как он закрывает дверь. – Дальше я сам.

Она могла хотя бы помахать ему рукой, дать знак, что она здесь. Почему же она инстинктивно старалась спрятаться? Мэриголд сползла по сиденью, мучаясь сожалениями. В вагончике пахло потом и старыми механизмами. На закрытых окнах остались следы утреннего дождя. Было душновато и тесно. А самое ужасное – отступить было поздно. В какой-то момент, и очень скоро, Норт обнаружит ее присутствие, и тогда она до конца своих дней превратится в дурацкий анекдот, который он будет рассказывать друзьям и будущим девушкам.

– Добрый день. Добро пожаловать в заповедник горы Митчелл, – сказал он. – Вы выбрали ленивый вариант – сидеть сиднем всю дорогу вместо того, чтобы пройти пешком.

Пока остальные пассажиры добродушно хихикали в ответ, Мэриголд вслушивалась в то, как Норт нажимал кнопки и дергал рычаг. Вагончик двинулся с места.

– Из переднего окна открывается живописный вид на Черные горы, которые являются частью Голубого хребта, а он, в свою очередь, – частью Аппалачей. А в боковые окна вы можете увидеть, что мы поднимаемся по почти пологому склону. Опять же не могу не подчеркнуть: сюда не так трудно подняться пешком. Денали, самая высокая гора к западу от Миссисипи, возвышается на 20 310 футов. Мы с вами поднимаемся на 6 684 фута. Этого фуникулера вообще не должно быть на свете. Но к сожалению, он есть, так что на следующие девять минут нам с вами никуда не деться друг от друга.

Снова смех и одобрительные возгласы. Усталые родители, похоже, радовались, что их детей развлекает кто-то другой, пусть и всего на несколько минут. Но Мэриголд не могла думать ни о чем, кроме голоса Норты. Он окружил ее со всех сторон, загнал ее в угол. Рядом с ней парочка лет тридцати с нарочито небрежными стрижками беззаботно снимала квадратные селфи. Она сползла еще ниже и стала подглядывать за Нортом сквозь спинку впереди стоящей скамейки.

Норт поставил ногу в альпинистском ботинке на металлическую коробку. Лево́й рукой он держал микрофон, правой упирался в бедро. Странно мужественная поза для человека, светящего голыми коленками в нелепых голубых шортах.

– Первые рельсы были проложены более ста лет назад и с тех пор подвергались лишь мелкому ремонту. Но не бойтесь: эта дребезжащая коробочка совершенно безопасна, – в подтверждение своих слов он стукнул по стене. Звук был не слишком обнадеживающий.

Хлипкий вагончик по-прежнему скрежетал и лязгал, но в остальном поездка совершенно не соответствовала ее детским воспоминаниям. Гора и правда была не такая уж крутая, как ей запомнилось, да и шуточных комментариев от оператора в тот раз не было. Норт говорил, как шкипер на аттракционе «Круиз по джунглям» в Диснейленде.

– Рад сообщить, что с момента последней аварии прошло уже почти три недели, – продолжал Норт. – Да и тогда я потерял всего половину пассажиров.

Мэриголд с восхищением смотрела на выставленную ногу Норты. Их отношения пришли на холодное время года, когда погода заставляла носить длинные штаны, и ей раньше не доводилось видеть его ноги при ярком дневном свете. Они были загорелые, мускулистые и волосатые. Казалось бы, волосатые ноги – это противно, но нет. Очень даже мужественно.

Норт казался старше своих лет. Дело было не только в голосе и в ногах. Благодаря многолетней работе на ферме он был высоким и широкоплечим – чаще всего глядя на него в голову приходило слово «дюжий». Он слушал «Национальное общественное радио» и хотел стать радиоведущим. У него был богатый словарный запас, а от провинциального акцента он сознательно избавился еще в детстве. Порой он казался немного ворчливым, но на деле проявлял столько внимания и нежности, что эта притворная брюзгливость казалась очаровательной. Мэриголд шутила, что он был прирожденным дедушкой.

Ее соседи-хипстеры наконец прекратили инстаграмить. Застеснявшись их косых взглядов, Мэриголд снова уставилась вперед, морщась от смущения. Она выпрямила спину, приняв почти нормальную позу. Как будто в ее поведении не было ничего подозрительного. Как будто она не вела себя как полная психопатка.

– При запуске фуникулера каждый вагончик получил имя, – рассказывал Норт, и Мэриголд уловила в его голосе рассеянные нотки. Не как будто он заметил ее и отвлекся, а как будто задумался о чем-то своем. Он работал на автопилоте. – Первый вагончик назвали «Элиша» в честь преподобного Элиши Митчелла – ученого, который доказал, что это самая высокая гора Аппалачей. В то время утверждение доктора Митчелла горячо оспаривали, и, к сожалению, он трагически погиб в экспедиции, пытаясь доказать правильность своих изначальных замеров. Он упал с вершины водопада неподалеку отсюда. Позднее и водопад, и гору назвали в его честь, а его могилу перенесли на вершину, – раздался стук, свидетельствующий, что Норт поставил ногу на пол. – Ну что же, кто-нибудь обратил внимание на имя второго вагончика, в котором мы едем?

– Мария! – выкрикнул какой-то мужчина.

– Осторожнее, сэр. Никто не любит выскочек, – сделав паузу, чтобы переждать неизбежный смех публики, Норт продолжил: – Однако вы правы. Его назвали в честь вдовы доктора Ми...

Он умолк на полуслове.

У Мэриголд встали дыбом волосы на загривке. Она почувствовала, как он смотрит на нее, сквозь нее, и ее пронзило током. Она зажмурилась, молясь, чтобы он продолжил рассказ. Но нет.

Остальные пассажиры завертелись на сиденьях, пытаясь понять, что произошло. Молчание Норта оглушало. Мэриголд сняла очки, чувствуя, как все ее тело пылает. Она ошалело посмотрела на него.

Норт задержал на ней взгляд еще на несколько долгих секунд, сохраняя бесстрастное выражение лица. Не дрогнув ни мускулом.

Она состроила невнятную гримасу и слегка подняла руку, показывая, что заметила его взгляд.

Он еще секунду смотрел на нее. Моргнул. Потом отвернулся и с безмятежной улыбкой обратился к аудитории:

– В честь вдовы Митчелла Марии. Которая осталась одна.

Публика дружно выдохнула и расслабилась. Норт больше не сделал ни единой паузы, и Мэриголд знала, что он больше не удостоит ее взглядом. Она отвернулась к ближайшему окну, игнорируя взгляды любопытствующих пассажиров. Норт – ее друг. Она приехала ему помочь. Почему же все это так стыдно и унижительно?

Видимо, после своего отъезда она случайно чем-то его обидела, но она понятия не имела, чем именно. Норт продолжал говорить. У нее гудела голова, под лифчиком скапливался пот. Вот бы можно было открыть окно. Рельсы разделились, мимо проехал второй вагончик. Последовали шутки, приветственные взмахи руками, звон колокольчиков, а потом пути снова слились. Впереди было еще полдороги. Сущее мучение.

Когда они наконец добрались до вершины, Мэриголд замешкалась, пропуская остальных пассажиров вперед. Несколько человек поблагодарили Норта.

– Оставьте свои благодарности на обратный путь, – отвечал он с притворной веселостью. – Еще не вечер – кто знает, вдруг на вас нападет медведь?

Наконец все пассажиры вышли.

На мгновение у Мэриголд мелькнула дикая мысль, что он забыл про ее присутствие. Но потом она услышала, как он запрыгнул на ступеньку вагона. Его движения звучали тяжелее, он уже не порхал так, как внизу. Он снова зашел в вагон, жестом попросив выстроившуюся очередь подождать, и закрыл за собой дверь.

Мэриголд стояла молча.

Норт посмотрел на нее с тем же настороженным видом.

– У меня всего пара секунд.

– Знаю.

– Ты ко мне приехала?

– Конечно, к тебе, – Мэриголд шагнула ему навстречу по наклонному проходу. – Я хочу с тобой поговорить.

– Нет.

Она остановилась с упавшим сердцем.

– Нет?

Норт отвел глаза.

– В смысле... Мне еще полтора часа до перерыва работать. А там толпа туристов жаждет услышать мою феерическую прощальную речь.

– А, хорошо, конечно.

Они снова посмотрели друг на друга. В горле у Мэриголд встал ком. Она с трудом взяла себя в руки и поспешила к выходу. Подождала, пока Норт откроет ей дверь. Он этого не сделал. Она глянула на него с обидой и неуверенностью: «Я что, сама должна это делать?» И в этот момент его лицо дрогнуло, а в глазах мелькнуло раскаяние.

– Подождешь меня? – спросил он. – У тебя есть время? Прости. Меня сейчас некому подменить.

К горлу снова подступил комок.

– Я подожду.

Норт пошел к двери, но вдруг остановился, пинком открыл металлический ящик, вынул оттуда какой-то предмет и бросил его ей в руки.

– Держи. Чтобы скоротать время, – потом он нахмурился, будто ляпнул глупость. – Встретимся у музея в четыре?

Мэриголд прижала предмет к груди и кивнула.

Это был сэндвич. Чтобы ей было как «скоротать время», Норт дал ей вегетарианский сэндвич с салатом, помидорами, авокадо и соевым беконом.

Это было любопытно по четырем причинам: во-первых, он смутился настолько, что сморзил глупость. Норт редко смущался и еще реже говорил глупости. Во-вторых, он поделился с ней обедом. Значит, он как минимум ее не ненавидит. В-третьих, он забыл про ее отвращение к текстуре сырых помидоров. Это расстроило Мэриголд настолько, что ей самой стало неловко. В-четвертых, он, возможно, стал вегетарианцем. Он всегда этого хотел, но ему нужна была сытная мясная еда, чтобы работать на ферме и не уставать. Новая работа, очевидно, требовала не так много энергии.

Мэриголд вздохнула, завернув сэндвич обратно. Ее мама была бы в восторге. Она держала популярный веганский ресторан в центре Эшвилла, а Норта всегда превозносила до небес. Теперь она бы окончательно утвердилась в своем мнении. Мэриголд не была ни веганкой, ни вегетарианкой: она обожала мясо, возможно, именно из-за того, что мать ей его не

давала. Но она с пониманием относилась к вегетарианцам. И все же от вида соевого бекона ей стало грустно. Еще одно изменение в жизни Норта, которое прошло мимо нее.

Она смотрела, как «Мария» с дребезжанием скрывается из виду. На вершине было хотя бы на пару градусов прохладнее. Наслаждаясь горным ветерком, она подошла к скоплению ветхих построек: туалеты, музей, киоск с закусками, сувенирный магазин. За ними начиналась имитирующая каменную кладку асфальтированная дорожка, которая, очевидно, вела к вершине. У Мэриголд было полно времени, так что она обошла по очереди все здания, начав с женского туалета. Она долго была в дороге.

Покончив с этим насущным делом, она побрела в сторону киоска, где обнаружила типичный для южных штатов ассортимент: минералка, энергетические напитки, газировка, зерновые и шоколадные батончики, оранжевые арахисовые крекеры. Впрочем, еще там были банки с яблочным повидлом, китайским имбирным вареньем, маринованной окрой, черной патокой и целая полка разнообразных сортов сидра: клубничный, персиковый, виноградный.

Мэриголд ничего не ела с самого завтрака, а завтракала она больше восьми часов назад. Норт угадал: она умирала с голоду. Она купила смесь орехов и сухофруктов и торопливо ее умяла. Потом посмотрела на сэндвич Норта, выкинула из него помидоры и съела. На вкус оказалось гораздо лучше сухофруктов.

На очереди был музей, который, как оказалось, состоял из одного тускло освещенного зала. На стендах висели подробные описания флоры, фауны, географии и геологии заповедника. Мэриголд добросовестно все прочитала, не вникая в смысл, пока не дошла до угла, посвященного Элише Митчеллу. Ей бросилось в глаза одно слово, и ее сердце на секунду остановилось.

Норт. Девичья фамилия его жены Марии была Норт.

Это наверняка совпадение. Там имя, а тут фамилия. К тому же Норта называли в честь Северного полюса⁸ (вот уж надо было додуматься!). Его родители, питавшие явную слабость к зимнему времени года, называли его брата Николасом⁹, а сестру – Ноэль¹⁰. Это еще хуже, чем ее собственное имя, придуманное мамой, – Мэриголд Мун¹¹. Но ферма семьи Драммонд уже два поколения торговала рождественскими елками и намеревалась продолжать семейный бизнес. Когда у отца Норта нашли болезнь Паркинсона, все стали возлагать надежды на Ника, который, не выдержав давления семьи, сбежал. Ноэль была готова управлять фермой, но родители недальновидно поручили все Норту, решив, что это мужское дело. Тогда она тоже сбежала. Норт фермой заниматься не хотел, но родителям больше не на кого было опереться. Они не были к нему жестоки, просто совершили ошибку, а теперь Норт за нее расплачивался. Или уже нет?

Мария С. Норт.

Это ничего не значило. Но казалось, что тут все же что-то есть. Слово «Норт» всегда для нее что-то значило. Мэриголд задумывалась, когда это прекратится, каждый раз, как навигатор командовал ей свернуть на север.

«Вот зачем ты здесь, – напомнила она себе. – Чтобы положить конец всем этим сожалениям и чувству вины».

И все же Мэриголд поспешно вышла из музея и направилась в сувенирную лавку. На пороге ее приветствовал резной деревянный медведь с табличкой «Добро пожаловать». Рождественский запах усиливался, становясь почти невыносимым.

«Неужели для меня и Рождество теперь испорчено навсегда?»

⁸ North – Север. North Pole – Северный полюс (англ.).

⁹ Святой Николай – прообраз Санта-Клауса.

¹⁰ Noël – Рождество (фр.).

¹¹ Marigold – календула, Moon – луна (англ.).

В магазине тоже был всего один зал, и, заставив себя прогуляться по нему, Мэриголд обнаружила обычный набор безделушек: открытки, магниты, значки, книги, пазлы, футболки и толстовки, все с изображением Черных гор. Продавщица, по виду ровесница Мэриголд, стояла за прилавком в небесно-голубом поло и брюках того же оттенка. Перед ней на кассе аккуратным рядком были выставлены маленькие коричневые флакончики с пипетками. Мэриголд выбрала один. Еловый бальзам.

– Здесь как раз сейчас этим пахнет, – пояснила девушка.

– Приятный запах. – Как только эта ложь слетела с ее губ, она стала правдой. Мэриголд ужасно захотелось такой флакончик. Он был ей просто необходим. Она его купила.

Выйдя из магазина и освободившись от его чар, она тут же пожалела о своем решении. Она и так уже слишком много потратила на фуникулер и сухофрукты, не говоря о бензине. Но возвращать покупку было неловко. Придется на следующей неделе несколько раз пообедать растворимой лапшой. Мэриголд и так нередко питалась лапшой. В Атланте она работала на двух работах: стажером в мультипликационной студии, где она надеялась со временем получить оплачиваемую должность, и официанткой в стейк-хаусе. Там-то она и добывала нормальную еду: самые дешевые блюда из дневного меню со скидкой для сотрудников. Иногда ее бабушка и дедушка, державшие популярный китайский ресторанчик в соседнем Декатуре, оставляли коробки с едой у нее на пороге, пока она была на работе. От этого у нее всегда наворачивались слезы на глаза.

Мэриголд глянула на телефон и с разочарованием обнаружила, что прошло всего сорок пять минут. Сеть была слабой, всего одна полоска, так что ни позвонить маме, ни посидеть в интернете не получится. Ее взгляд упал на рельсы фуникулера: по склону полз очередной зеленый вагончик. Произведя нехитрый подсчет в уме, она сообразила, что это не Норт. Его вагончик еще внизу.

Она содрогнулась и потеряла голые плечи. Теперь, когда она немного остыла, воздух казался по-осеннему прохладным. Большинство посетителей заповедника были одеты в брюки и куртки, как будто знали, что собираются на вершину горы (ха-ха!).

«Справедливости ради, я-то не знала, что соберусь сегодня на гору».

Оставалось только подняться на самую вершину, и Мэриголд свернула на дорожку. Под деревьями было еще прохладнее, но зато и спокойнее. Воздух был чистым и свежим, и, вдохнув поглубже, она обнаружила, что до этого дышала не в полную силу. Вокруг были покрытые лишайником деревья, мшистые бревна, розовые цветочки, ароматная мята и даже щебечущая птичка с пушистым голубым оперением, которая бы вполне уместно смотрелась на руке Белоснежки.

Мимо пробежала пятнистая собака в бандане, за которой поспешала пожилая женщина с большим рюкзаком и палками, похожими на лыжные. Первая настоящая туристка за весь день. Но чем ближе Мэриголд подходила к вершине, тем больше людей она встречала на своем пути. Роцца закончилась, и мирные звуки природы сменились гомоном детской площадки. Дети смеялись и резвились, наслаждаясь свободой летних каникул. Перед Мэриголд выросла причудливая каменная постройка, похожая на приземистую башенку. Там толпились туристы.

Мэриголд протолкнулась через толпу, пересекла мост и вышла на переполненную смотровую площадку. Вид отсюда был, бесспорно, красив. Если бы она была в хорошем расположении духа, она бы даже назвала его потрясающим, но она не была. Ветер беспощадно хлестал ее голую кожу, так что она провела на площадке не больше минуты и спряталась под мостом. Прислонившись к одной из бетонных колонн, она села на землю. Гравий поблескивал вкраплениями слюды, а травяные прогалины между камнями пестрели желтыми одуванчиками. Мэриголд обхватила колени руками и прижала их к груди.

«Не так уж все и плохо», – сказала она себе.

Перед ее глазами простирались окутанные дымкой горные хребты. Внизу бежали вверх и вниз вагончики фуникулера. А позади нее в земле покоился доктор Элиша Митчелл. Могила была не особо примечательная – куча плоских камней внутри прямоугольной стены, сложенной из таких же камней. Но она знала, что это такое, потому что люди все время читали вслух надпись на табличке.

Мэриголд снова произвела подсчеты в уме. Вагончик Норта должен еще раз съездить туда и обратно, прежде чем они увидятся. Она порылась в сумочке в поисках бумаги, чтобы чем-то себя отвлечь, но нашла только чек за еловый бальзам. Медленно, машинально она нарисовала на обороте своего любимого персонажа – своенравного, но милого ленивца по имени Юг. Он, конечно, был срисован с Норта.

Более того, Норт озвучивал этого персонажа. Мэриголд рисовала короткометражные мультфильмы и публиковала их на «Ютубе», мечтая однажды пристроить их на телевидение. Потому-то она и переехала: в Атланте было несколько анимационных студий. Ей посчастливилось стать стажером в одной из них, и хотя работа нередко была довольно нудной, она верила, что со временем станет лучше.

К ней подошел мальчишка с перепачканным носом.

– Я вижу эхо.

Мэриголд была не в настроении, но все равно вежливо улыбнулась ему.

– Да что ты говоришь?

– Смотри, – он сложил руки рупором и крикнул: – Гора, гора, гора, гора.

Она кивнула.

– Круто, круто, круто, круто, – на этот раз она улыбнулась искренне.

Он показал на ее рисунок:

– Можно, я это возьму?

– Простите, – подбежала мама мальчика – измученная женщина с тревожной морщинкой между бровей и огромными серебряными кольцами в ушах. Она схватила мальчика за руку. – Эмилиано Наварро Кастельянос! Сколько раз я тебя просила не приставать к незнакомым людям?

– Ничего страшного. Он меня нисколько не побеспокоил. – Мэриголд нарисовала цветок-бархатец в лапах ленивца и вручила рисунок Эмилиано.

– Его зовут Юг. Он ест только оранжевые цветы и отборные помидоры.

Эмилиано вопросительно глянул на мать. Она кивнула, и он с радостью принял подарок.

– Спасибо. Грасиас! – Мать мальчика тоже поблагодарила ее, но Эмилиано уже тянул ее за собой дальше.

Когда они ушли, Мэриголд охватила беспричинная тоска с примесью одиночества и страха. Она не знала, сколько времени просидела, уставившись на могилу доктора Митчелла, пока наконец не ощутила внезапный приступ паники. Она глянула на часы и вскочила на ноги. Она помчалась вниз, лавируя между гуляющими людьми и чуть не врезавшись в группу туристов в одинаковых футболках неоновых расцветок. Было ровно четыре часа. Железнодорожный транспорт всегда пунктуален. И Норт всегда пунктуален. А вдруг он ушел, решив, что она передумала?

Последние девяносто три минуты самооценка Норта стремительно падала. Его обычно гордая, почти высокомерная манера держаться куда-то улетучилась, плечи поникли, руки безвольно повисли. Когда Мэриголд, пыхтя и отдуваясь, подбежала к музею, он стоял к ней спиной, но она успела заметить его понурый вид.

Она замедлила шаг. Ее собственная самооценка рискнула чуть-чуть повыситься.

Он наострил уши, будто уловив какой-то еле заметный сигнал, и повернулся к ней лицом. Расправил плечи. Задрал подбородок.

Мэриголд остановилась в нескольких шагах от него.

– Прости, что опоздала. И спасибо, что подождал, – сказала она, слегка задыхаясь.

– И тебе спасибо, – ответил Норт.

– И спасибо за сэндвич. – Он скривился. – Seriously, он был очень вкусный. И я ужасно проголодалась.

– Прости за сама-знаешь-что. Я даже не подумал об этом, пока ты не ушла.

На ее настороженном лице мелькнула улыбка. Значит, он все-таки не забыл.

– Так что, я правильно догадалась? – спросила она. – Теперь ты официально вегетарианец?

– Твоя мама может мной гордиться.

– Она бы спросила, почему ты все еще ешь молочное.

Норт неожиданно рассмеялся. Ее сердце пронзила боль. У него был такой замечательный смех – глубокий, заразительный.

– Как у нее дела?

– Хорошо. Неплохо.

– Рад это слышать, – сказал он, причем совершенно искренне. Норт отлично ладил с мамой Мэриголд, что само по себе было странно, потому что к большинству мужчин она относилась негативно. Отец Мэриголд всегда был довольно мерзким типом, но полный масштаб бедствия они осознали только полтора года назад, когда на пороге объявилась его другая жена.

Эти шрамы до сих пор не вполне затянулись.

Отец всегда редко бывал дома – он торговал ортопедическими товарами и неделями разъезжал по стране. Во всяком случае, так он утверждал. Мама была не против. Она до смешного дорожила своей свободой. К тому же они никогда не были официально женаты, просто жили вместе. Поэтому Мэриголд носила мамину китайскую фамилию, а не папину ирландскую. К сожалению, по этой же причине, когда к ним заявила его настоящая жена, они потеряли дом и все сбережения. Которые, как выяснилось, им никогда и не принадлежали.

Норт тогда помог им встать на ноги. Когда они познакомились, Мэриголд с мамой жили в грязной тесной квартирке и копили на новый дом. Норт помог им не только привести квартиру в порядок и сделать ее пригодной для жилья, но и найти дом. А потом, когда и там потребовалось кучу всего сделать, он в течение трех недель каждый вечер приезжал на своем грузовичке, красил облезлые стены, чинил прохудившиеся трубы, отдираал заплесневелый ковролин, латал старые деревянные полы и таскал тяжелую мебель. Причем он делал все это, зная, что, как только ее мама устроится на новом месте, Мэриголд уедет. Он делал это не потому, что хотел. А потому что это было нужно ее семье.

Это был долг, который казался ей неоплатным. Именно поэтому она и приехала.

И еще именно поэтому они так хорошо понимали друг друга. Мэриголд уважала Норта за чувство долга перед семьей. Она бы никогда не уехала, если бы не была уверена, что мама справится без нее. Но Мэриголд также знала, что важно построить собственную жизнь. Мама всегда это поощряла, даже когда дела шли совсем плохо. И Мэриголд беспокоилась, что Норт перестал стремиться к этому.

Его голос снова зазвучал увереннее.

– У меня есть для тебя совет.

Мэриголд удивленно подняла бровь.

– В следующий раз, когда соберешься шпионить за кем-то, кто знает тебя в лицо, надень шляпу, – Норт указал на ее косу. – Это выдает тебя с потрохами.

– Я не шпионила.

– Еще как шпионила. Сто процентов.

Она пожала плечами.

– Ну, может, на десять процентов шпионила, а на девяносто – пыталась понять, какого черта ты тут делаешь.

– Я тут работаю. А ты какого черта тут делаешь?
– Твоя мама сказала, что ты тут, вот я и приехала.

Норт был тверд как скала.

– Зачем?

– Чтобы поговорить.

– Ну и как тебе разговор?

Мэриголд злобно уставилась на него, а потом вдруг расхохоталась.

Норт отвел глаза, стараясь подавить улыбку.

– Ну ладно, все.

– С тобой невозможно иметь дело.

– Знаю.

– И ты ужасно глупо выглядишь в этой форме, – добавила она.

– Я выгляжу *невероятно*.

– Невероятно глупо.

– Невероятно шикарно.

Она опять засмеялась, и он улыбнулся, посмотрев ей прямо в глаза – на одну ослепительную долю секунду. А потом отвернулся и пошел прочь.

– Пошли, – позвал он. – Я знаю тут одно отличное место.

Мэриголд пошла бы за Нортом куда угодно.

Они поднимались по дорожке, которая вела к вершине, но на полпути Норт свернул на тропинку, уходившую в лес. На развилке была табличка «Бальзамовая тропа». В прошлый раз Мэриголд ее не заметила.

– Ты выбрала удачный день, – сказал он. – Дождь уже прошел. Обычно он идет во второй половине дня.

– Когда у тебя перерыв заканчивается?

Норт даже не взглянул на телефон.

– Через двадцать минут.

– Тогда давай не будем тратить время на разговоры о погоде. – Норт промолчал, и Мэриголд сочла, что это знак согласия. Они оказались в лесной тиши. Под ногами шуршал гравий. – Хотя вообще-то, – продолжила Мэриголд спустя пару секунд. – У меня есть один вопрос. Почему тут столько мертвых деревьев? Кислотные дожди или что?

Норт резко остановился и уставился на нее.

– Что? – Она пошла дальше мимо него.

– Не умеешь ты слушать, – сказал он.

Ее вдруг осенило.

– Ты про это рассказывал на фуникулере, да?

– Да, рассказывал.

– Ну прости, я слегка отвлеклась на этот безумный взгляд, которым ты меня наградил.

– Еловый хермес, – Норт сдвинулся с места. – Это такой вредитель вроде тли, который поражает ели. Но да, и кислотные дожди тоже.

Мэриголд дождалась, пока он поравняется с ней, и предприняла еще одну попытку.

– Пожалуйста, объясни мне, что ты тут делаешь. И не смей опять говорить «работаю».

– Не работаю.

У нее подскочило давление.

– Не работаешь?

– Нет. Не работаю.

Она заскрежетала зубами, устав от этих словесных игр. Но Норт, кажется, уже пожалел о своем упрямстве и пошел на попятную, показав на нашивку у себя на рукаве. Прочитав надпись, Мэриголд вытаращила глаза.

– Волонтер? Ты волонтер?
– Смотрители носят форму цвета хаки. Волонтеры и сезонные работники – голубую.
– Так ты даже не сезонный работник? Тебе не платят? За управление тяжелой техникой с кучей живых людей?
– Это совершенно незаконно.
– Но заповедником же управляет правительство штата!
– С ума сойти, да?
– Но как? Я просто... Как так? Как так вышло?
Он пожал плечами.
– У папы тут знакомый работает.
– Норт Драммонд, – Мэриголд остановилась, как вкопанная. – Ты прекрасно знаешь, что так ты от меня не отделаешься.

Норт тоже остановился и посмотрел на нее с той же непоколебимой решимостью. Потом его взгляд постепенно смягчился.

– Знаю, да, – он слабо улыбнулся. – Пойдем, совсем чуть-чуть осталось.

Голоса туристов стихли. Норт провел ее мимо поворота на дорожку, помеченную синим ромбом, белым треугольником и белым кругом. Мэриголд подняла голову. Они прошли под нависающим выступом скалы.

– Круто, правда? – спросил он.

Мэриголд кивнула.

Вскоре они дошли до места, где из склона торчал большой выступ, нависающий как балдахин над другим, плоским выступом, создавая манящее укромное убежище как раз в человеческий рост. Нижний выступ был еще влажным, но они нашли относительно сухое место и уселись, скрестив ноги. У Мэриголд тут же намочила попа, но она едва обратила на это внимание. Ее опять охватило волнение, но на сей раз к нему примешивалось предвкушение.

Она была рада, что оказалась здесь с ним. Вдвоем в этом уединенном месте. Норт снял кепку и бросил ее на камень. Взырошил примятые кепкой каштановые волосы, но так и не сумел вернуть им нормальный вид.

Мэриголд всегда нравились его волосы. Они были того же теплого шоколадного оттенка, что и его глаза. Она снова улыбнулась, он улыбнулся в ответ. А потом их улыбки одновременно погасли. Казалось, он хочет что-то сказать, но не может подобрать слова. Впервые Мэриголд пришло в голову, что ему, возможно, и правда непросто объяснить, что он тут делает. Может, он и сам не знает точного ответа.

Наконец он заговорил:

– Моя сестра вернулась. В мае.

Это потрясло Мэриголд. Сложно было придумать что-то, что потрясло бы ее больше.

– Мы с Ноэль общались, и... в итоге она вернулась. И на этот раз родители к ней прислушались.

Мэриголд не хотелось перебивать, но она не удержалась.

– То есть они отдали ей ферму? Теперь она ею занимается?

Норт кивнул.

– Ну что ж... это прекрасно.

Он снова кивнул, уставившись на свои ботинки.

Что же она упускает? Ноэль вернулась, случилось нечто неожиданное и радостное, но потом Норт перестал с ней общаться.

– Ну, хорошо, – начала она. – Сестра взяла на себя ферму, и тебе понадобилась новая работа? Но, как ты сам сказал, ты тут на самом деле не работаешь.

– Я здесь, потому что мне нужно чем-то себя занять, пока я не пойму, чем на самом деле хочу заниматься.

– Ты хочешь пойти в колледж. Ты хочешь работать на радио.

Норт выковырял острый камушек из рифленой подошвы правого ботинка.

– Лучший друг моего отца работает тут смотрителем, и он рассказал нам, что они ищут волонтера. Меня сначала отправили в музей, но в первую неделю он случайно услышал, как я веду импровизированную экскурсию, и был потрясен. Оказался под большим впечатлением, – добавил он, немного смутившись.

– Двое операторов недавно уволились, и зрители не знали, что делать. Они не любят фуникулер: без конца приходится говорить одно и то же, по два раза в час. Папин друг знал, что у меня большой опыт работы с тяжелой техникой, и перебрал меня туда. В тот же день. Управлять вагоном я научился довольно быстро, основные факты про заповедник узнал еще в музее, а поскольку мне не платят, я решил, что мне не обязательно придерживаться заготовленного текста...

– Дай угадаю, – перебила Мэриголд. – Зрители наслушались от посетителей столько комплиментов в твой адрес, что решили оставить тебя там на постоянной основе?

– Вроде того.

– Ого, – теперь Мэриголд устала на свои ноги в красных кедах. – Ого, – повторила она. – Ты должен собой гордиться. Поздравляю.

– Остальные волонтеры не очень-то довольны.

Мэриголд подняла глаза.

– Потому что тебе одному дали более интересную работу?

Норт пожал плечами.

– Большинство из них все равно уедут, когда лето кончится.

– А ты, значит, останешься?

Он ничего на это не ответил, и ее возмущение выплеснулось наружу.

– Но они должны платить тебе! Тебе положена зарплата, и медицинская страховка, и пенсионные!

Норт молчал, как будто сам не был уверен, хочет ли говорить то, что собирался сказать.

– Они и будут. Если бы ты приехала на следующей неделе, я бы уже был в брюках.

Мэриголд моргнула.

– Только волонтеры ходят в шортах, – пояснил он. – Те, кому платят, носят брюки.

Гнев Мэриголд испарился так же стремительно, как и появился, сменившись разочарованием. Она подтянула колени к груди.

– М-м-м.

Норт почесал шею.

– Они мне только сегодня сказали. Как раз перед тем, как я увидел тебя.

– Так тебя за этим позвали в администрацию?

Он кивнул.

– Мне предложили постоянную работу. Я согласился.

– М-м-м, – снова сказала Мэриголд.

Ветер качнул деревья. С ветки сорвалась капля и упала рядом с ней. Она поежилась.

– В чем дело? – тихо спросил он. Мэриголд покачала головой.

Норт не стал спрашивать, но заметил мурашки у нее на руках.

– Ты же заоченела. Почему ты с собой куртку не взяла?

Она снова мрачно на него посмотрела.

– Шортики твои – просто класс.

Норт рассмеялся и расстегнул форменную рубашку, под которой оказалась белая футболка. Он протянул ей рубашку.

Мэриголд продолжала злобно смотреть на него.

– Возьми, – настаивал он.

Она поломалась еще пять секунд, потом взяла рубашку.

– Спасибо.

Он, казалось, был доволен одержанной победой.

– Не за что.

Мэриголд накрылась рубашкой, как одеялом, и на мгновение закрыла глаза. Рубашка пахла Нортон – его потом, его стиральным порошком, его елочной фермой и еще чем-то, что проникало в самую глубину ее существа и извлекало оттуда ворох воспоминаний, как фокусник достает колоду карт.

Ей вспомнился их первый поцелуй в ее старой квартире, в свете лампочек, мигавших на елке, которую он помог нарядить. Поездки по заснеженным дорогам на его грузовике – ее правая рука сжимает его левую. Часы, проведенные за ее компьютером, пока он записывал свой голос, вдыхая жизнь в нарисованных ею персонажей. Первый раз, когда они занимались любовью. Он кормил альпак на ферме соседей, пока те отдыхали во Флориде, и привел ее к ним в дом. Они оба натерли кожу ковром в столовой. И все было куда романтичнее, чем это звучит. И наконец последнее воспоминание: она стоит, вцепившись в свою микроволновку на дурацкой парковке, а Норт сообщает ей, что отношения на расстоянии его не интересуют. «Лучше уж прекратить этот спектакль сейчас». «Спектакль» – так он выразился.

– О чем ты думаешь? – спросил Норт.

Мэриголд открыла глаза. Она все еще хмурилась, но теперь уже скорее обеспокоенно.

– Где ты собираешься жить, когда съедешь от родителей?

Норт поморщился.

– Ты не съедешь, – догадалась она.

– Съеду.

– Чушь.

Он избегал ее взгляда, и она снова начала закипать.

– У тебя хотя бы есть на это веская причина? – спросила она. – Родителям еще нужна твоя помощь, или что?

– Родителям всегда будет нужна моя помощь.

– Чушь, – снова сказала она.

Норт в ярости повернулся к ней всем корпусом.

– Зачем ты вообще приехала? Зачем?

– Потому что ты перестал со мной общаться.

– И ты не поняла намека? Наверное, это значит, что я не хочу с тобой общаться!

Это был удар ниже пояса.

– Ну ты и козел.

Он тут же растерял пыл, как только понял, как ее обидел.

– Ну да. Может быть.

Мэриголд чувствовала себя душой. Она была готова расплакаться, но не хотела плакать в его присутствии. Она постаралась сдержать слезы.

– Я здесь...

Норт ждал.

Она попыталась снова:

– Я приехала... чтобы спасти тебя.

Теперь удивился он. Он нахмурил лоб, глядя, как она вскочила: сплошной комок нервов. Она прижала его рубашку к груди и стала расхаживать взад и вперед.

– Я собиралась убедить тебя найти кого-нибудь, кто бы взял на себя ферму. Переехать в Атланту и поступить в муниципальный колледж. А потом мы бы накопили денег, или ты бы

получил грант или взял кредит, или все вместе, и доучился бы в другом месте. К тому времени ты бы уже получил право на стипендию от штата. В конце концов, Атланта на втором месте по количеству колледжей после Бостона.

Норт разинул рот.

– Мы бы накопили?

– Ты. Я имела в виду «ты», – Мэриголд смутилась. – Но вообще да. У меня в квартире две комнаты, и мне нужно с кем-то делить квартплату, потому что я на мели. Мы бы выручили друг друга, понимаешь?

У него перекошилось лицо.

– Ах, так тебе нужна помощь с квартплатой?

Он все неправильно понял, совсем неправильно!

– Если бы мне было все равно, с кем делить квартиру, я бы не потащилась сюда. Я бы дала объявление в интернете! – Мэриголд всплеснула руками. – Я хочу, чтобы моим соседом был ты!

– Ты хочешь, чтобы я... был твоим соседом.

– Ну да!

Он сглотнул и покачал головой.

– Мэриголд, я не могу.

– Из-за этой работы?

– Из-за тебя.

– А, – она безвольно опустила руки, державшие его рубашку. Мэриголд смотрела на тропинку, стараясь не дать слезам снова подступить к глазам. – Ладно. Наверное, тебе было бы неудобно съезжаться со своей девушкой. Которую ты бросил.

Норт выглядел странно обиженным. Он вскочил на ноги.

– Нет.

– Нет? В каком смысле нет?

– Я тебя не бросал.

– Норт, я там была. Ты со мной расстался.

– Потому что ты уезжала, а я не мог поехать с тобой. Я не хотел.

Мэриголд непонимающе покачала головой.

– Ты не хотел уезжать?

– Я не хотел с тобой расставаться.

– Но... ты же это сделал.

Его плечи скорбно опустились.

– Знаю.

– А, – шепотом отозвалась она.

Норт скрестил руки на груди, стараясь сохранить последнюю каплю достоинства.

– Я перестал тебе писать, потому что мне было хреново, ясно? Мне было тяжело слушать про твою новую жизнь и новую работу, зная, что в один прекрасный день ты расскажешь мне про нового парня.

– Но мы же друзья. Ты мог бы мне это сказать. А ты оставил меня в полном неведении.

– Ты всегда советовала мне поговорить с Ноэль, но я так злился на нее. И только когда ты уехала, я наконец связался с ней, поэтому, когда она вернулась, мне стало еще хуже. Потому что было уже слишком поздно.

В груди Мэриголд творилось черт знает что. Сердце надрывалось, колотилось, раскалывалось, замирало. Все сразу.

Норт выдернул свою рубашку из ее мертвой хватки, продел руки в рукава и застегнул пуговицы.

– Я не могу поехать в Атланту, потому что не хочу быть твоим соседом. Или твоим другом. Ты мне никогда не нравилась в этом смысле. То есть нравилась, конечно, но... – Он схватил свою кепку. – Для меня всегда все было сложнее, чем для тебя. Мои чувства были сильнее.

Мэриголд замерла как вкопанная. Она никогда не видела его таким взволнованным. И таким несчастным.

Он нахлобучил кепку на голову.

– Ты меня понимаешь?

Она смогла только кивнуть в ответ.

– Я пойду работать. – Норт склонился к ней и поцеловал ее в щеку. – Поезжай вниз в другом вагончике.

Мэриголд прижала ладонь к щеке, глядя, как он скрывается в лесу. Он не оглядывался. Его поцелуй стал для нее первым человеческим прикосновением за три месяца.

Ее пальцы все еще пахли Нортом. Это ее не радовало. Поцелуй тоже не обрадовал. Внутри нее наворачивало круги пугающее откровение – мощное и разрушительное, как торнадо.

Чтобы набраться решимости уехать, Мэриголд направила всю свою энергию на помощь матери, поиски работы и квартиры, сборы своих пожитков и прощание с городом, где она прожила всю жизнь. Отъезд требовал силы воли, так что все остальное было поставлено на паузу. С первой встречи с Нортом было ясно, что у их отношений есть срок годности. Казалось неразумным признавать возможность чего-то большего. Или признаваться в чем-то вслух.

Мэриголд думала, что приехала спасти его, но на самом деле действовала из эгоистических побуждений.

Она хотела, чтобы Норт переехал к ней не для того, чтобы помочь ему добиться успеха (хотя и это тоже), и не потому, что ей нужна была помощь с оплатой квартиры (хотя нужна), а потому что больше ни дня не могла прожить без него.

Это так очевидно. Так по-идиотски очевидно.

Мэриголд страдала, потому что была до безумия, до потери пульса, до мозга костей влюблена в Норта Драммонда. Как она этого не поняла до сих пор?

И Норт любил ее. Он любил ее.

Пытаясь переварить эту информацию, Мэриголд заплакала в голос, издавая странные сдавленные звуки. «Он же это пытался сказать, да?» Мэриголд тряхнула головой, отменяя последние сомнения. Она схватила сумочку и помчалась назад по тропинке, перескакивая через булыжники и бревна. Мир становился громче. Разговоры, игры, смех, крики. Она свернула на главную дорожку. Сердце выпрыгивало из груди. Как раз когда она добежала до последнего поворота, его зеленый вагончик скрылся из виду, спустившись по склону.

Фуникулер закрывается в шесть. Значит, Норт приедет за последней группой пассажиров еще через полтора часа. Она прождала весь день – можно и еще подождать.

Мэриголд двинулась к зданиям, пытаясь согреться. Если верить термометру рядом с киоском, на улице было 14 градусов. Она принялась энергично растирать плечи, сама не понимая, от холода она дрожит или от страха перед тем, что ей предстоит. Когда она заметила, что шорты у нее сзади грязные и мокрые, легче не стало. Она долго проторчала в туалете, пытаясь отчистить и высушить ткань бумажными полотенцами и молясь, чтобы Норт не видел этот ужас, пока она шагала туда-сюда перед ним.

Норт. *Норт.*

Часы тикали, отмеряя одну за другой мучительные секунды, а его имя звучало у нее в голове, как песня. Они чувствовали одно и то же. Еще не поздно. Не может быть, чтобы было поздно.

Это были самые длинные полтора часа в ее жизни.

В шесть часов Мэриголд все еще мерзла, но небо было чистым и ясным, а летнее солнце светило ярко – до заката оставалась еще пара часов. Смотрители заблаговременно согнали посетителей с вершины – когда подошла «Мария», у платформы скопилась огромная очередь. Норт спрыгнул на платформу. Вид у него был утомленный. Он молча помогал пассажирам подняться на борт, а Мэриголд пряталась в конце очереди, не в силах удержаться от еще одного последнего сюрприза. У нее в животе порхали бабочки и надежды.

Когда стоявший перед ней высокий мужчина зашел в вагон, взгляд Норта упал на нее. Его лицо на мгновение просияло, но тут же помрачнело еще больше. Потом на нем появилось гневное выражение. Норт вытянул руку, останавливая ее.

– Да боже мой, – сказал он. – Ты еще хуже умеешь слушать, чем я думал.

Ему было не все равно. У него все еще были к ней сильные чувства. Его реакция придала ей храбрости.

Мэриголд мило улыбнулась, уже зная, как разыграть эту финальную партию.

– Пожалуйста, дай мне пройти.

– Ты что, не видишь руку официального представителя власти, которая тебя останавливает?

– Не официального представителя, а волонтера. И вообще, это твоя работа – помочь мне подняться на борт.

– Ты меня сегодня с умаводишь, – вздохнул он, но уступил и, покачав головой, отодвинулся в сторону. – А теперь еще и нарочно.

– Ага, – усмехнулась Мэриголд, проходя мимо него.

Она услышала судорожный вздох, будто Норт готовился возразить, но он промолчал. Как будто вдруг удивился. Мэриголд уселась на скамейку, стоявшую ближе всех к панели управления. Он захлопнул дверь. Она обернулась через плечо, еще раз робко улыбнувшись ему.

Норт нахмурился, но его глаза загорелись. Он взял громкоговоритель.

– Дамы и господа, мальчики и девочки. Дорогие гости и настырные непрошеные посетители.

Остальные пассажиры засмеялись.

Мэриголд оперлась локтем о спинку скамьи и уставилась на него. Их разделял всего шаг. Она захлопала ресницами.

Он не сводил с нее глаз, орудуя старыми рычагами, и вагон начал движение.

– Мы, сотрудники парковой службы Северной Каролины, от всей души надеемся, что вам понравилось в заповеднике горы Митчелл...

Мэриголд улыбнулась и кивнула.

– Но не настолько, чтобы вы чувствовали потребность посетить нас снова. Мы очень заняты, нас ждут другие туристы. Туристов в мире нынче прорва. Мы о вас думать не будем, так что и вы о нас не думайте. Прекратите. Прямо сейчас.

Другие пассажиры продолжали смеяться, а Мэриголд преувеличенно обиженно надула губы.

– Знаю, это будет непросто, – его озорная ухмылка стала шире. – Это ведь просто великолепная гора. Высокая, статная, можно даже сказать, неотразимая.

Мэриголд прыснула, прикрыв рот рукой.

– Другие горы, которые встретятся вам на пути, будут куда менее привлекательны, но у вас был шанс. – Норт сокрушенно покачал головой. – И вы выбрали спуститься. Обратного пути нет.

Остальные пассажиры по-прежнему не замечали ничего необычного, пока не раздался голос Мэриголд, звонкий и четкий:

– Но что, если нам нравится именно эта гора? Что, если нам и смотреть противно на другие горы, потому что эта нас просто зачаровала?

Она чувствовала, что все больше людей сверлят глазами ее затылок, но продолжала не отрываясь смотреть на Норта. На его лице застыло торжественно-серьезное выражение. Сперва притворное. Потом мелькнуло нечто более искреннее.

– Похоже, эта гора вам очень нравится, – сказал он.

– Да.

– Ясно.

– Я здесь уже не в первый раз. Когда я покинула ее в прошлый раз, я была раздавлена, только не понимала, почему. Просто не могла перестать думать о ней. О горе, – пояснила она. – Так что я вернулась, чтобы понять причину.

– И что же вы поняли?

– Что мои чувства сильнее, чем я сознавала.

– Насколько же они сильны?

– Очень сильны.

– Ясно, – снова сказал Норт.

Публика понимающе заулыбалась. Никто уже не смотрел в окно. Мэриголд приложила руку к груди.

– А теперь мое сердце разрывается, потому что я опять в том же положении. Я уезжаю, – в ее голосе зазвучала мольба. – И я бы хотела, чтобы гора отправилась со мной, но даже я понимаю, что это невозможно. Чтобы сдвинуть гору, потребуются миллионы лет. Тектонические сдвиги. Мощные землетрясения.

– Динамит тоже подойдет, – сказал он, забыв про громкоговоритель.

Она грустно улыбнулась.

– Закончился.

– Возможно, вы уже использовали более чем достаточно.

Мэриголд вздрогнула: Норт протянул руку и нежно прикоснулся к ее локтю, который все еще свисал со спинки скамейки. Пальцы у него были теплые.

– К тому же, – добавил он, – не такая уж это большая гора. Это вам не Денали.

Мэриголд взяла Норта за руку и пожала ее. Он сжал ее руку в ответ. Оба улыбались.

Другой рукой Норт схватил громкоговоритель и вновь обратился к публике.

– Дамы и господа, девочки и мальчики, предвосхищая ваши вопросы: да, это случается на каждом спуске.

– Поцелуй ее! – крикнул кто-то.

– Вы же видите по нашивке на моем рукаве, – сказал Норт. – Я всего лишь волонтер. Такого рода развлекательное зрелище выходит за рамки моих служебных обязанностей.

Все снова засмеялись.

Возобновив свой обычный монолог, Норт находился в отличном расположении духа, рассыпая шутки направо и налево. Они проехали мимо второго вагончика, где не было никого, кроме машиниста, и Норт от души позвонил в колокольчик. Оператор «Элиши» последовал его примеру. Мэриголд грелась в лучах тепла, исходявшего от Норта. В открытые окна дул легкий ветерок, и в кабине было намного приятнее, чем по пути наверх. Очень даже приятно.

Норт не отпускал ее руку, пока они не спустились вниз и ему пришлось помогать другим пассажирам. Некоторые, проходя мимо, поддразнивали ее. Наконец Норт вернулся в вагон. Он снял кепку и опустился перед ней на колени, так что их глаза оказались на одном уровне.

– Привет, – сказал он.

У Мэриголд запылали щеки.

– Привет.

– Я рад, что ты дождалась моего вагона.

– А я рада, что ты рад. Ты на сегодня закончил?

– Я видел тебя, – сказал он, пропустив ее вопрос мимо ушей, – после того, как оставил тебя на вершине.

Мэриголд склонила голову набок, не понимая, о чем он.

– Я видел рисунок, который ты дала тому мальчику. Он сидел во втором ряду и держал его на коленках. Держал меня на коленках. Я решил, что это знак.

– Хороший или плохой?

– Я сам не знал наверняка.

Она улыбнулась.

– Ты всегда был моим любимым персонажем.

Норт не сводил с нее глаз. На его губах тоже заиграла улыбка.

– Я почти готов идти, – сказал он, отвечая на ее предыдущий вопрос. – Только кое-что сделаю.

Мэриголд склонилась вперед. Сердце стучит, как литавры, глаза закрыты... И вдруг он с грохотом поднимается на ноги. Она распахнула глаза.

Он усмехнулся и протянул ей руку.

– Тоже мне приколист, – проворчала она, но взяла его за руку. Они вместе сошли с фуникулера. В отличие от летних дней, летние вечера волшебны. Солнечные лучи ласково простираются во все стороны, цикады стрекочут как оркестр, асфальт излучает ленивое и приятное тепло.

Норт мотнул головой в сторону дальнего конца парковки, где стояла ее машина.

– Встретимся там через пару минут. Надо зайти в администрацию, – его теплая ладонь еще раз сжала ее руку – крепко, не желая отпускать, а потом он скрылся в здании.

Мэриголд добрела до машины и открыла дверь. Из салона ядерным взрывом хлынул раскаленный воздух. Она опустила стекла и захлопнула дверь.

Вокруг парковки тянулась бревенчатая изгородь, и Мэриголд уселась на нее, уперев ноги о нижнюю планку. Солнечный свет оказывал бодрящий эффект. Легкий ветерок доносил запах жимолости. Мэриголд все еще не знала, что будет дальше, но по крайней мере теперь она понимала, зачем приехала.

Десять минут спустя появился Норт. Он был в белой футболке и джинсах. Шорты куда-то делись. Значит ли это, что он все-таки собирается сменить их на штаны? Согласиться на новую работу? Мэриголд окатила новая волна паники, не менее мощная, чем вырвавшийся из машины поток горячего воздуха.

Норт шагал прямо к ней. Парковка опустела, они остались одни. Ее сердце отчаянно билось. «Он не захотел меня поцеловать. Но неохотно отпустил мою руку».

Это начало конца?

Он остановился в нескольких шагах от нее, почуяв ее страх. Или он сам тоже боится?

– Надо было вернуть форму. Буду скучать по этим шортам.

Мэриголд попыталась придать голосу твердости.

– Из-за... штанов? Из-за повышения?

Он покачал головой, слегка улыбнувшись.

– Или из-за того, что ты уволился? Ты что, только что уволился?

Он улыбнулся шире и кивнул.

Мэриголд разрыдалась. Норт подскочил к ней, обхватил ее руками. Она все еще сидела на заборе, и ее коленки упирались ему в ребра, но он лишь теснее прижал ее к груди. Она все еще плакала. Но одновременно и смеялась.

– Ну ты и свинья! – сказала она, уткнувшись ему в шею.

– Прости, – он тоже смеялся. – Мне казалось, это очевидно.

– А вот и нет!

– Прости, – снова сказал он.

– И ты меня прости.

Норт отстранился, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Тебе не за что просить прощения. Мне нужно было, чтобы ты приехала. Мне правда нужно было, чтобы ты меня спасла.

Мэриголд улыбнулась, вытирая слезы. Она расставила пошире ноги, и он встал между ними, вплотную прижавшись к изгороди. И к ней.

– Так приятно наконец тебе отплатить, – сказала она. – Ведь ты первым спас меня.

Руки Норты скользнули по ее голым ногам, и его губы сложились в озорную усмешку.

– Знаешь, а я ведь тоже первый раз вижу тебя в шортах.

Она рассмеялась.

– Лето тебе идет.

Мэриголд вздохнула, наслаждаясь его прикосновениями после такого долгого перерыва. Ее тонкие руки обвили его мускулистые плечи.

– Тебе тоже идет.

Но чем дольше они смотрели друг на друга – в упор, с восторгом и трепетом, – тем более беззащитным становилось его лицо. Она вопросительно посмотрела на него.

– Мэриголд, – сказал он. От шутливого тона не осталось и следа. – Прежде, чем мы пойдем дальше – прежде, чем я перееду к тебе, – я должен тебе кое-что сказать. Вслух.

Она кивнула. В ушах у нее застучало.

– На случай, если это не было предельно и абсолютно ясно, когда я прощался с тобой на вершине...

Она кивнула. Опять.

– Я люблю тебя. – Ее глаза расширились. – Я люблю тебя уже давно. Если для тебя это слишком...

Мэриголд притянула его к себе и поцеловала. Они утонули объятиях друг друга с такой открытостью, откровенностью и страстью, как никогда прежде. Она обхватила его ногами за талию, плотно прижав к себе. Его руки скользнули ей под майку, ее – под его футболку. Они жадно поглощали друг друга. Их разгоряченные тела покрылись потом, но в этом была какая-то особая честность и правдивость.

Она отстранилась и, запыхавшись, сказала:

– Норт?

– Да? – с трудом выдавил он.

– Прежде чем мы пойдем дальше, я должна кое-что тебе сказать. Вслух.

Он кивнул, улыбаясь.

– На случай, если это не было предельно и абсолютно ясно... – Он снова кивнул. – Я тоже тебя люблю.

И тут Норт снова ее поцеловал. Когда они наконец отстранились друг от друга – несколько минут, часов, дней или жизней спустя, – все было ясно. Они наконец двигались в одном направлении.

– Поехали домой, – сказала Мэриголд, переполненная счастьем и солнечным светом.

Между елями замелькали первые светлячки, мигая в сумеречном освещении и напоминая, что свет, уходя, всегда возвращается.

Норт помог ей слезть с изгороди.

– Поехали домой.

Тим Федерли

Сувениры

Может, я просто слишком много читал Диккенса в последнее время, но как-то мне не кажется, что сегодня достаточно мрачный день для расставания.

Да, насчет Диккенса – это не мой выбор. Он входит в список литературы на лето для продвинутого уровня, а я хочу поступить в хороший колледж, а лето уже на исходе. Если уж на то пошло, расставание – тоже не мой выбор. Но сегодня тот самый день – день расставания, который мы с Киттом назначили и вокруг которого кружили все лето как парочка коршунов. Или ястребов? Или это одно и то же? Кто там из них кружит вокруг добычи, дожидаясь, пока она подойдет?

Если это звучит чересчур драматично, прошу винить Китта. Он вроде как заразил меня этим за лето. Он актер. Да боже мой, он даже свое имя пишет с двумя «т» для пущей оригинальности, хотя при рождении ему дали самое обыкновенное имя «Кит». Впрочем, не то чтобы мой Китт был самым обыкновенным.

Итак, это была его идея – с самого начала назначить дату расставания и ждать этого дня, как некоторые парочки ждут годовщины или совместной поездки. Я в этом не очень-то разбираюсь. Он мой первый парень. (А я у него третий, о чем он любит мне напоминать.)

О, покупатели!

К моему киоску подходит мамаша в бейсболке с эмблемой «Питтсбургских пиратов» в сопровождении двух девочек в одинаковых бирюзовых топиках. Они явно местные. Впрочем, тут все местные. Никому не придет в голову проехать больше сорока миль, чтобы сходить в «Королевство чудес». Это здешний парк аттракционов, и довольно потрепанный – немногим лучше бродячего цирка.

– Добрый день, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал непринужденно. – Чем могу помочь? – Я уже давно скучаю тут над своей «Повестью о двух городах», размышляя, как такая тяжеленная книга может считаться классикой.

– Мы только хотели спросить, – обращается ко мне дама (явно собираясь спросить меня, где туалет), – не знаете ли вы, где здесь ту...

– Пройдете мимо водяной горки, – объясняю я, – под вывеской «Мороженое», потом направо мимо беседки, где все курят, хоть и запрещено. Точно не проскочите!

И вот – оп-ля – они уже исчезли из виду. В начале лета я бы попытался впарить им брелок или кепку, или что угодно. Это ведь моя работа, а я люблю делать свою работу на «отлично». Но, работая в сувенирном киоске в провинциальном парке развлечений, быстро понимаешь, что большинству людей от тебя нужно только узнать, где туалет. Редко кого интересуют футболки за двадцать долларов, и еще реже – толстовки за тридцать. И кто бы мог их упрекнуть? Погодка тут обычно как в аду, только еще с вероятностью грозы.

Я смотрю на небо в надежде на хмурый диккенсовский день, но никаких признаков облачности не наблюдается.

– Хорошо хоть, – сообщаю я пролетающей мимо чайке, – что мне уже доводилось переживать несчастную любовь.

Да, я люблю Китта. Во всяком случае, мне так кажется. Но, с другой стороны, когда-то я любил пиццу, а потом выяснилось, что у меня непереносимость лактозы, и сейчас я едва ли по ней скучаю. Я вообще и думать не думаю про пиццу.

Кучка мелюзги с визгом пробежала мимо киоска, не останавливаясь. У одной девчонки в руках воздушный шарик с эмблемой «Королевства чудес», который тащится за ней как воз-

душный змей. Я открываю «Повесть о двух городах» и пытаюсь вчитаться в тот же абзац, над которым сижу уже дня три. Или даже четыре.

Но тут я слышу:

– Простите, сэр?

И помимо воли расплываюсь в улыбке.

Это Китт подкрался к моему киоску. Кто бы еще стал называть меня «сэр»? У «сэров» не бывает прыщей. «Сэры» способны отрастить приличные бакенбарды.

– Не могли бы вы, – продолжает он, – подсказать мне, как пройти к «Туннелю любви»?

Я захлопываю книгу. На глаза уже наворачиваются слезы. Мои глаза – как собака Павлова, а голос Китта – как звон колокольчика.

– У нас нет «Туннеля любви», – отвечаю я, точно как в день нашего знакомства. Он решил повторить всю сцену: подкрался к моему киоску с вопросом про «Туннель любви» после того, как мы целую неделю украдкой переглядывались в затхлой раздевалке для сотрудников. Даже в беспощадном свете флуоресцентных ламп выглядел он потрясающе. И, в отличие от ребят на физкультуре, тоже на меня смотрел. Тут я и пропал.

– Да что это за парк развлечений, где нет «Туннеля любви»? – возмущается он, продолжая спектакль. У него всегда и везде спектакль. – Я бы хотел побеседовать с управляющим. – Китт кладет руку на мою книгу, но я, по тайной причине, отстраняюсь.

– Ха-ха, – говорю я, – ну все, хватит. – На нем сценический костюм. Вопреки правилам парка. За это я и цепляюсь: – Тебе нельзя сюда в этом выходить!

Я говорю это, просто чтобы сменить тему, чтобы разозлиться на него за что-нибудь. Когда я злюсь на Китта, я меньше его люблю.

Я смотрю время в телефоне. Следующее представление начнется через десять минут.

– А ты еще даже не в гриме!

Три раза в день Китт играет в тематическом представлении. То еще зрелище. «Королевству чудес» не удалось заполучить права на нормальные песни, поэтому представление состоит из паршивеньких музыкальных номеров в стилях разных эпох. В попури на тему пятидесятых нет ни одного хита пятидесятых. Попури на тему семидесятых похоже скорее на музыку восьмидесятых. Приблизительно угадать эпоху можно только по парикам.

– Подумаешь, – Китт потирает подбородок, будто проверяет свежесть персика. – Сегодня последний день. Не буду гримироваться – дам коже отдохнуть.

Кожа у него и без того идеальная.

Я скрещиваю руки на груди. За Киттом уже собралась небольшая очередь.

– Людям нужно узнать, где туалет, – говорю я, указывая на посетителей, нетерпеливо обмахивающихся безнадежно устаревшими картами парка. – А у тебя представление сейчас начнется! – я снова смотрю на телефон. – Через семь минут!

Но он не двигается с места. Он дотрагивается до моих рук, мешая мне барабанить выдуманную мелодию по прилавку. Каждый раз, когда Китт ко мне прикасается, меня пронзает такой же разряд, как тогда, когда во втором классе я пытался включить мамин фен и попал пальцами между вилок и розеткой.

– Вообще-то, Мэтти, – говорит он, – я хотел пригласить тебя на прощальную вечеринку для труппы. За кулисами.

Брр. Я все лето старался не ходить за кулисы. Весь этот театральный народ в одном помещении, все эти громкие голоса, объятия. Это уже перебор. Хватит с меня Китта. Да и сам Китт, напоминаю я себе, тоже почти перебор.

– Почему ты мне просто сообщение не написал? – спрашиваю я. Потому что вообще-то расхаживать в костюме вне сцены – серьезное нарушение. У Китта могут и из зарплаты вычесть за такое. Не то чтобы я сам такой уж паинька – просто не люблю нарушать правила без серьезного повода.

– Потому что я предчувствовал, что ты начнешь упираться, – говорит Кит. – Вся эта ерунда насчет театральной тусовки... Так что я решил пригласить тебя лично. К тому же мне нравится на тебя смотреть.

Бесит, что он так хорошо меня знает. Нет, вообще-то я обожаю, что он так хорошо меня знает, а бесит меня то, что сегодня все это закончится.

Для справки: у Китта завтра начнется первый курс в колледже, а у меня – последний класс в школе. И мы разведемся в противоположных направлениях. Трудно представить более географически буквальное расставание.

Парам-пам-пам-пам.

Это заиграла музыка из динамиков на эстраде, по ту сторону Мэн-стрит, вымощенной фальшивой брусчаткой. Раньше она называлась Мэйн-стрит, но, говорят, «Дисней» подал на нас в суд в девяностые, так что владельцы замазали букву «й», и получилось «Мэн», хотя в нашей Мэн-стрит нет ничего общего со штатом Мэн. Ни закусовых с лобстерами, ни рыбаков. И вообще мы в Пенсильвании. Тут только мой сувенирный киоск, эстрада и десяток выцветших полосатых палаток, где продают одни и те же сладости.

– Ну вы долго еще там? – окликает нас какой-то папаша из очереди.

– Мне надо работать, – говорю я Киту.

Он отпускает мои руки.

– Ну так что? Прощальная вечеринка! Составишь мне компанию?

Прошу отметить, что он мог бы сказать что-нибудь в духе «будешь моим кавалером», раз уж мы встречались пять недель и два дня.

– Я думал, мы пойдем обедать вместе, – говорю я. – Вдвоем. В последний раз. – Все эти слова выходят с куда большим нажимом, чем я рассчитывал. КАК ТОГДА, КОГДА ПИШЕШЬ ЛУЧШЕМУ ДРУГУ КАПСОМ.

Парам-пам-пам-пам-пам-пам-пам.

Музыка превратилась в раздражающие гудки, которые означают трехминутный отсчет до начала представления. Несколько посетителей вышли из очереди, наградив меня недовольными взглядами, и отправились на самостоятельные поиски туалета. Останусь я без комиссионных.

Китт оборачивается к входу в театр – неприветливую стену, облепленную жвачкой. Налепить туда жвачку – своего рода обряд инициации для посетителей парка. Потом снова поворачивается ко мне:

– Увидимся после представления? Ну пожалуйста!

Ох, вы бы видели, как он подмигивает! Китт включает очарование, как водопроводный кран. Который подключен к гейзеру.

– Ну пожалуйста-пожалуйста!

Я хватаю «Повесть о двух городах» и легонько стучаю его книгой по лбу.

– Ладно.

Он наклоняется и целует меня, чего мы обычно на людях не делаем. Правила парка запрещают отношения между двумя сотрудниками, но я не сопротивляюсь. Приходится привстать на цыпочки, потому что он выше меня. А что, если я никогда больше не встречу парня с идеальной для поцелуев разницей в росте? А именно одиннадцать сантиметров, когда я в своих белых «Конверсах», которые мне вообще-то уже малы, но зато они идеальной степени потребности.

Первый раз мы поцеловались при луне. Москиты сгрудились вокруг моей головы как нимб. Я чувствовал запах его одеколона, вкус его жвачки, трепет его век. Сам я глаза не закрывал, опасаясь, а вдруг этот момент, самый страстный и счастливый в моей жизни, окажется сном? Когда он сделал паузу, чтобы отдышаться и сказал: «Офигеть, Мэтти, да ты круто целуешься», я все еще не был уверен, что не сплю.

Но сегодня, закончив наш прилюдный поцелуй и посмотрев мне в лицо, Китт сказал только «Не плакать!». К тому моменту он уже понял, что, если я начинаю плакать, лучше отойти подальше или запастись аквалангом.

– Потерпи хотя бы до парковки! – там мы всегда прощались в конце дня. Каждый день. Это уже стало традицией.

– Ладно, – говорю я. – Видишь – вуаля! я не плачу, – но он уже не слушает. Переключается в рабочий режим, что я могу только уважать. Люблю, когда люди как следует выполняют свою работу.

– Ну, я пошел, красавчик! – кричит он и спешит прочь: до выхода на сцену осталась всего минута.

И пока я смотрю на его невозможно симпатичную задницу в нелепых черных синтетических штанах, мне странным образом приходит в голову, что, может быть, я и скучаю по пище. Еще как скучаю. А если уж быть честным, то, может быть, я не переставал думать о ней с тех самых пор, как аллерголог мне сообщил про мою непереносимость лактозы.

В «Королевстве чудес» сегодня явно творится что-то неладное. Конечно, парки развлечений вообще нельзя назвать оплотом гражданской ответственности, но даже по нашим невысоким стандартам сегодня тут витает какой-то дух беззакония.

Взрослые прячутся за разросшимися фигурными кустами (что это вообще такое? Бегемот? Или дракон?), выскакивают оттуда и стреляют в друзей из водяных пистолетов. Скейтбордисты шныряют по тротуарам Мэн-стрит, выстроившись аккуратным клином, как стая перелетных птиц. Уже дважды за сегодня я видел, как продавец из киоска с конфетами гонялся за детишками, которые выбегают из магазина с полными украденных сластей карманами, оттопыренными, как щеки бурундука.

В прошлом месяце Китт купил мне в этом киоске пакет монструозных сахарных губ и написал розовым маркером на ценнике «Твои поцелуи еще слаще».

Тем временем на эстраде тридцатипятиминутное представление уже перевалило за половину: выступает группа девчонок в стиле ду-воп. Китт появится только через сорок пять секунд, так что я лениво открываю свою книжку и...

Нет, ну кого я обманываю? Все равно ни слова не пойму. Во всяком случае, не сегодня.

Я снимаю солнечные очки и вытаскиваю закладку, в роли которой выступает секретный список, который я потихоньку заполняю. Это список всего, что меня раздражает в Китте. Я решил, что будет легче оставить его в прошлом, если помнить, как он портит мое настоящее.

Номер один: «У него всегда такой вид, будто он только и ждет, пока я закончу говорить». Как только я начинаю о чем-то рассказывать, у него делается отсутствующий взгляд. Он, как детишки перед каруселью в ожидании своей очереди. А поскольку я прошлым летом работал на карусели (и зарабатывал на три доллара в час меньше), уж я-то знаю, что дети совершенно не умеют ждать своей очереди. Как и Китт.

Щурясь от солнца, я смотрю на сцену. Девчонки сегодня выделялись как могли, так что попурри приобрело совершенно современное звучание. Могут себе позволить, ведь сегодня последний рабочий день. «День приколов», как назвал его Китт, рассказывая мне об этом вчера вечером.

– Ну а что они сделают, уволят нас? Все равно никто из нас не собирается снова работать в этом задрипанном парке.

Между прочим, говоря это, он совершенно забыл, что ваш покорный слуга работает в этом парке второй год подряд. Китт вообще все забывает.

Я нечаянно прикусываю язык и решаю, что в таком раздраженном состоянии самое время продолжить изучение списка.

Номер два: «Китт не всегда с пониманием относится к моим чувствам». У него есть эта актерская привычка постоянно вскидывать брови, осуждая всех и вся. С ним бывает ужасно весело: никто не умеет так шутить. Но, как любит говорить моя мама: «Есть тонкая грань между умением очаровать и манипулированием».

Ах, мама. Она медсестра и по-настоящему чуткая личность. Мир во всем мире, на машине наклейка-пацифик, все дела. Добрее нее только мой отец, которого мои друзья прозвали «невозмутимым вегетарианцем». Мои родители – настолько милые люди, что, когда я привел Китта на ужин пару недель назад, папа опробовал целых три нейтральных темы (погода, паршивая система общественного транспорта в Питтсбурге и «чем занимаются твои родители, Китт?»), прежде чем окончательно сдался, потому что Китт предпочитает полностью завладеть разговором. Китту хотелось поговорить о религии, потому что он недавно с гордостью покинул лоно католической церкви. Мама трижды выходила из-за стола: за солью, за перцем и за другой солью.

Номер три: «Китт отказывается употреблять слово „любовь“».

Но я все равно буду. Все мои дедушки и бабушки были хиппи. Любовь в моей семье как валюта. Мы ее тратим как деньги, будто мы самые богатые люди на свете.

Номер четыре: «Он никогда не спрашивает меня про работу». Видимо, считает, что моя работа скучная, но я так не думаю. Ну хорошо, мне платят за то, чтобы я продавал футболки и значки (и, кстати, я уже пять недель подряд опережаю остальные киоски по количеству продаж), но я решил, что на самом деле начальство финансирует мою будущую карьеру социолога. Специалиста по людям. Питтсбургского приматолога.

Видите ли, для любителя изучать человеческую натуру в «Королевстве чудес» есть четыре типа посетителей: 1) пожилые парочки, которые давно друг друга разлюбили, 2) парочки старшеклассников, которые только что друг в друга влюбились, 3) большие организованные группы в одинаковых кислотных футболках, расхаживающие по парку с самодовольным видом, достойным Колумба в момент открытия Америки, и 4) гопники.

Сейчас к киоску как раз приближается типичная группа из четырех человек, и я начинаю нервничать. Китт должен вот-вот вернуться на сцену, а я обожаю, как он скачет в своем скафандре в номере «Мир будущего». Я не хочу это пропустить. Я никогда не пропускаю этот момент, хоть и приходится по-жирафьи вытягивать шею, чтобы разглядеть, что происходит на сцене.

– Здорово, Мэттью, – говорит один из них. Настоящий гопник. Он считывает мое имя с бейджика, чтобы рассмешить своих дружков. (Имейте в виду, любой человек с бейджиком, хоть в супермаркете, хоть в парке аттракционов, бесится, когда вы называете его по имени. Бесплатный совет.)

– Почем фейерверки?

Я притворяюсь, что почесываю плечо.

– У нас нет фейерверков. Футболки не интересуют? – можно подумать, этому придурку по карману двадцатидолларовая футболка.

Мельком смотрю на эстраду – Китт как раз выполняет шпагат в прыжке, который я не могу не то что повторить, но и описать. Тут же все пункты в моем списке становятся неактуальными.

Как озаряется его лицо, когда он делает это движение... Мой парень – классный, а ведь это и обо мне кое-что говорит, правда? Что я способен привлечь такого безусловно классного парня, даже несмотря на мою непредсказуемую кожу, неестественно огромные ноги и привычку откладывать внеклассное чтение до последней недели каникул. Наверняка это должно свидетельствовать в мою пользу.

– Серьезно, Мэтью? – спрашивает четвертый член команды. – Потому что, готов поклясться, я видел там парочку фейерверков.

Я совершенно загипнотизирован Киттом, поэтому, когда один из гопников подсакивает к окошку и выкрикивает «Бум!» прямо мне в лицо, я нервно дергаюсь (это одна из моих особенностей, наряду с сыпью, не объяснимой никакими медицинскими причинами).

Любители фейерверков уходят прочь, давая друг другу «пять» и скрываясь за многочисленными канатами у входа на закрытый пиратский аттракцион.

– Хулиганье, – ворчу я, как девяностолетний старик. Жаль, у меня нет палки, которой я мог бы потрясти им вслед.

Ну, я хотя бы успею посмотреть свою любимую/нелюбимую часть представления. В конце своего соло в скафандре Китт спрыгивает со сцены, вытаскивает из толпы одного из зрителей, спрашивает, как его зовут. И устраивает из этого целое шоу. В девяти случаях из десяти зритель выглядит наполовину смущенным, наполовину польщенным тем, что ему приходится стоять у всех на виду и танцевать с Киттом.

Иногда мне кажется, что он нарочно выбирает самого нелепого человека, чтобы хорошо выглядеть на его фоне.

Пусть так, но приходится признать: сегодня он выглядит особенно сногшибательно.

Хотите вескую причину – почему мне хочется быть с ним снова и снова, даже если он не спрашивает меня про работу и, кажется, физически неспособен произнести слово «любовь»?

Потому, что он смеется над моими категорически несмешными шутками. Или вот еще: потому что однажды июньским вечером, когда на улице было противоестественно холодно, а мы стояли на парковке, он дал мне свою джинсовую куртку, воротник которой пах муссом для волос «Аведа». Я забрал ее домой и так до сих пор и не вернул (а ведь вплоть до того вечера меня всегда раздражали джинсовые куртки на парнях).

И еще: потому что в третий раз, когда мы целовались у меня в машине, я забыл вытащить зубную пластинку, а он не отпрянул и не сказал «Фу-у». Он отпрянул и сказал: «Вот это прикол!» А когда я сказал: «Нет, это просто я как всегда лох», он прервал меня и возразил: «Я все равно считаю, что ты отлично целуешься».

В начале лета Китт как раз порвал с парнем и собирался сохранять «целенаправленное одиночество» до конца работы в парке. Но, как он утверждает, однажды он прошел мимо моего киоска по пути на репетицию и сказал одной из девочек-актрис:

– И все-таки, если *тот парень* гей, я попал.

Никто раньше не считал меня тем, из-за кого можно «попасть». Да кого я обманываю? «Тем парнем» меня тоже никто не называл.

Но главная причина, почему тем летом я встречался с Киттом, была такова: он не позволял мне пренебрежительно говорить о себе. Никогда.

Ведь даже с моими так называемыми школьными друзьями я всегда оказываюсь главной мишенью: ослом в игре, где ни у кого не завязаны глаза, зато у всех, кроме меня, в руках есть хвосты. Но с Киттом, стоит мне заладить свою песню про «Фу, я ужасно получился на этой фотографии» или «Ой, у меня топографический кретинизм», как он останавливает меня и говорит: «Почему ты не замечаешь своих сильных сторон, Мэтти?»

Он никогда толком не говорил мне, в чем заключаются мои сильные стороны, но приятно знать, что у него есть собственный список. Понимаете, о чем я?

– Поаплодируем нашим великолепным танцорам и певцам!

Ого. Представление кончилось, зрители выходят. Значит, настало время обеда. И, значит, пора идти на эту дурацкую вечеринку.

Я запикиваю «Повесть о двух городах» под прилавок и смотрю на дверь гримерки Китта, пытаюсь молиться про себя. Проблема в том, что молиться я толком не умею. Родители растили меня буддистом.

И вот началась лучшая и худшая на свете вечеринка.

Надо признать, там есть моя любимая диетическая газировка и мои любимые печенья. Но помимо этого там туча незнакомых людей, с которыми приходится разговаривать.

«Да ладно, – скажете вы, – ты же продавец, ты целыми днями общаешься с людьми». Нет, возражу я. Я пытаюсь продать свой товар – у меня есть цель, которая служит мне прикрытием. Здесь же мне приходится продавать самого себя (а я до сих пор недостаточно хорошо знаю этот товар, чтобы успешно им торговать).

Вокруг пахнет фастфудом и грязными носками. Из-за бетонных стен помещение выглядит как театральная тюрьма нестрогого режима. И вообще, почему гримерка выкрашена в черный цвет? Я ничего не знаю про этот мир.

– Хочешь еще содовой? – спрашивает Китт. Я пью за двоих, уклоняясь от ненавистных светских разговоров.

– Не знаю, что такое содовая, – отвечаю я, – но еще газировки выпью с удовольствием, – я помешан на региональных диалектах. Китт из Делавера. Он называет жвачку «резинкой», а газировку – «содовой».

А меня он называет Мэтт, а не Мэтти, как обычно, сообщая мне: «Хорошо держишься, Мэтт». Как будто я никогда раньше не был на вечеринке. Но чем дольше я там стою – единственный интроверт, неловко подпрыгивающий под музыку (не умею танцевать – люди всегда думают, что я придуриваюсь, когда пытаюсь изобразить танец), тем острее я понимаю, что он не собирается меня никому представлять. И это меня задевает.

Все лето мы держали свои отношения в тайне, эдакие Ромео и Ромео, чтобы избежать неприятностей с начальством. Поначалу эта таинственность казалась увлекательной и даже сексуальной, но теперь я стою тут как привидение, на которое никто не обращает внимания. Вдруг я понимаю, что мы с Киттом едва ли проводили время вместе вне работы. И что у «Ромео и Джульетты» вообще-то трагический финал.

(Это было в моем списке литературы прошлым летом.)

– Эй, народ! – восклицает девчонка с сережками-кольцами и накладными ресницами. Она ставит музыку на паузу, прикладывает палец к губам и неуклюже пытается изобразить звук охотничьего рожка: «Ту-ту-ду-ду!»

Китт шикает на остальных.

– Пришло время вручить награды этого сезона! – объявляет девчонка, извлекая из-за спины пачку разноцветной бумаги.

Все радостно улюлюкают.

О боже. Я отправляюсь на поиски льда, чтобы чем-то занять руки.

– Итак, мы все проголосовали, – продолжает она, стоя на диване цвета детской неожиданности. – Первую и, пожалуй, самую важную награду – «Первый кандидат на Бродвей» – получает, разумеется...

– Погодите! – вопит единственный, по словам Китта, гетеросексуал в труппе. – Дашь барабанную дробь! – И вся эта театральная тусовка начинает синхронно барабанить по бедрам, да так громко, что лампочка мерцает.

Я стою как вкопанный, стараясь воспринимать происходящее как бесплатный социологический эксперимент. Как будто я наткнулся на племя инков, чей вождь оказался неожиданно шумным.

– Первым кандидатом на Бродвей единогласно признана... Эрика!

Девушка, которую, видимо, зовут Эрика, пускается в пляс, кружась по обшарпанному полу, чуть не сшибает неуместный в этой обстановке пылесос и хватается свою распечатанную на принтере награду с таким восторгом, будто это пропуск в Джульярд.

Я в гордом одиночестве принимаюсь аплодировать, не сообразив, что от Эрики ждут речь, и тут же зарекаюсь когда-либо снова следовать своим интровертским инстинктам.

– Когда я только пришла сюда этим летом, – говорит Эрика и вдруг начинает рыдать. Как и все остальные, за исключением нас с Киттом. Он кладет руку на мою плоскую, как доска, задницу и говорит мне на ухо:

– Держись молодцом.

– Угу, – отвечаю я. Он шлепает меня по заднице, и оп-па: если бы мне сейчас предложили выбрать суперсилу, я бы выбрал умение останавливать время.

Черт с ней, с невидимостью.

Эрика гундит еще примерно тысячу лет (в какой-то момент она на полном серьезе благодарит «бога и демократию»), после чего мы переходим к еще более нелепым категориям. Обеденный перерыв утекает сквозь пальцы, а у меня урчит в животе от вида и запаха запретной пищи, которая, кажется, никого не интересует.

А ведь у них-то наверняка нет аллергии!

В какой-то момент в примерке появляется девушка с рацией, в черной рваной футболке. Она – единственная, на ком косметики меньше, чем на нас с Киттом.

– Народ, до следующего представления десять минут! – объявляет она. – Сворачиваемся!

Как по сигналу, Китт извлекает из сумки грамоту «Лучшему злобному администратору» и вручает ей. Он что, состоит в оргкомитете вечеринки? Сколько же я еще не знаю про Китта?

Девчонку с рацией просят произнести речь, и она говорит:

– Мне столько не платят, чтобы я с вами тут нянчилась, но я вас люблю, так что лучше не пропадайте, а то получите у меня. – Она тоже чуть не пускает слезу, а потом уходит, хлопнув металлической дверью. С треском включается тухлый кондиционер. Осталось всего две награды.

Стоит ли удивляться? Китт получает награду «Мистер флирт». Когда наступает его очередь произносить речь, он говорит:

– Ну да, да, каюсь. Люблю строить глазки, – он расстегивает сумку и роется в поисках чего-то. – Но лишь один парень этим летом сумел похитить мое сердце... – Он смотрит прямо на меня. Я раздумываю, не выйти ли вперед и показаться публике или, наоборот, лучше сделать шаг назад и дать Китту насладиться всеобщим вниманием. В итоге я не делаю ничего.

Я уже говорил, что бросил дискуссионный клуб, потому что слишком медленно соображаю?

– Однако не будем называть имен из соображений конфиденциальности, – изрекает Китт, бросая сумку на пол.

Все умиленно ахают, но тут настает черед награды «Мисс Флирт», и она достается все той же Эрике.

Хочется глянуть на небо в поисках грозовых туч, но в примерке нет ни одного окна.

Дело в том, что Китт знает, как я не люблю быть в центре внимания. И все-таки он мог бы назвать мое имя, правда? Я понимаю, что мои чувства противоречивы, ну и что? Обычно я последний в любом списке. У меня фамилия на букву «Э». Я не самый высокий, не самый низкий. Я примечательно непримечателен – и в спорте, и в творчестве, и в учебе. Типичный ничем не выдающийся хорошист. Но сегодня, во время этого идиотского закулисного праздника, у меня был последний шанс на публичное признание. Во всяком случае, последний за это лето.

– Классная награда, – выдавливаю я, когда Китт склоняется ко мне и допивает газировку из моего стакана.

– Дурацкая награда, – говорит он и целует меня в щеку, а я чихаю.

Когда я наконец прихожу в себя (а я чихнул целых четыре раза подряд – ну кто перед таким устоит, правда?), Китт притягивает меня к себе.

– Опять забыли принять лекарство от аллергии, молодой человек? – Можно подумать, он моя мамочка.

Вообще-то я действительно забыл принять лекарство. И я в восторге от того, что он за меня беспокоится. Так приятно, когда кто-то за тебя беспокоится. Это, пожалуй, самое приятное в отношениях: разделять с кем-то бремя земного существования.

– Меня от этих таблеток в сон клонит, – говорю я, отводя глаза и сосредотачивая все силы на том, чтобы не чихнуть ему в лицо. – Переживу.

Звонит звонок, свет начинает мигать. На секунду воздух наполняется жужжанием флуоресцентных ламп. Актерам пора надевать парики и готовиться к новому представлению. Праздник окончен.

К пище так никто и не притронулся.

Я хватаю горсть чипсов и доливаю себе газировки, но лед кончился. Пока я подыскиваю метафору, Китт говорит:

– Ты же знаешь, что я флиртую со всеми, правда? – Он ведет меня к выходу и, подозреваю, догадывается, что у меня разыгралась не только аллергия. – С парнями, с девушками. В этом нет ничего личного.

– Может быть, для тебя и нет.

– Мэтт...

– Все нормально. Конечно, я знаю, что ты флиртуешь со всеми. – Я ступаю на раскаленный асфальт. – Ты же актер. – Черт, как же я ошибался, считая, что внутри было жарко: солнце печет так, что мне грозит начать новый учебный год с солнечного удара.

– Эй, – Китт треплет меня по плечу. – Зато мы никогда не станем такими, как они! – Он указывает на дорожку за искусственными деревьями, пластиковые листья влажно поблескивают. – Понимаешь?

Я понимаю, потому что тоже их заметил: типичная парочка из первой категории. Мужчина и женщина средних лет, идут рядом не в ногу. Судя по их виду, умирают от жары и надоели друг другу до чертиков.

– Ну да, наверное, – тихо отвечаю я.

Надо признать, Китт с самого начала предельно ясно дал мне понять, что не хочет считать нас парой. Или чем-то еще. Это все я.

– Давай не будем вешать на себя никаких ярлыков этим летом? – спросил он не допускающим возражений тоном спустя примерно неделю после начала наших отношений. – Давай просто хорошо проводить время?

Поэтому, когда спустя несколько дней он мельком упомянул, что было бы суперзрелым решением заранее назначить дату расставания, чтобы избежать «неловкости» драматической прощальной сцены, у меня на сердце полегчало. Ведь расставание подразумевает конец чего-то серьезного.

Я подавляю очередной чих.

– Мне надо идти, – говорю я, стряхивая с плеча руку Китта. – У киоска торчит кучка особей из третьей категории.

Одиночество среди людей.

Я читаю снова: «Одиночество среди людей». Это цитата из моей книги, подчеркнутая и обведенная синей ручкой. Я ничего не обводил и не подчеркивал. Книжка мне досталась в таком виде в букинистической лавке за целых пятьдесят центов. Наверное, какой-нибудь другой школьник из продвинутой группы читал «Повесть о двух городах», а учитель заставлял помечать важные цитаты.

Я задумываюсь, хорошие ли у меня учителя. Нас такое делать не заставляют.

Откладываю книгу и стараюсь изобразить внимание, когда приближается очередная группа посетителей. Но сегодня у моего киоска никто не задерживается. Они проходят мимо, делая паузу лишь для того, чтобы стукнуть по болтающейся рядом вывеске «Кексы».

Одиночество среди людей.

На этот раз я решаюсь нырнуть в текст с головой и пытаюсь прорваться больше, чем через пару предложений. Не отвлекаясь на телефон. Как ни странно, у меня получается: меня завораживают несколько абзацев, которые оказываются не по-диккенсовски короткими и вполне читабельными. А некоторые даже довольно забавными. Поэтому я оказываюсь застигнут врасплох, когда чувствую на щеке горячее дыхание и знакомый запах дешевой жвачки Китта.

– Ты что тут делаешь? – спрашиваю я, но он уже заходит за прилавок и хватает меня за руку. Представление почти закончилось, он снова в скафандре. И тут я понимаю, что он собирается сделать.

– Пойдем! – нетерпеливо восклицает он, почти агрессивный в своей решимости.

Я начинаю упираться, но Китт очень сильный – что ровно до этого момента мне всегда казалось дико сексуальным – и тянет меня через ухабистую Мэн-стрит, мимо лотков со сладостями, в зрительный зал.

Я – единственный парень, которого он выбрал для своего соло за все лето.

Это доходит до меня, пока мы идем между рядами, где сидят они девчонки. Музыка внутри амфитеатра грохочет гораздо громче.

Я единственный парень за все лето, и меня окутывает туман паники.

– Просто расслабься, – говорит Китт, когда мы доходим до подмостков. Как раз в тот момент, когда вся труппа машет мне, приглашая присоединиться к ним на сцене, а зрители (человек двадцать максимум) вяло аплодируют.

Я не умею «просто расслабляться». К контрольным, назначенным на среду, я готовлюсь, начиная с выходных. Я планирую обеды на всю неделю вместе с мамой (на специальном бланке). Я делаю полмиллиона селфи, прежде чем запостить самый расслабленный вариант. А потом все равно удаляю.

Однако же каким-то образом я оказался посреди сцены на хлипкой лесенке, которая вблизи кажется куда менее надежной, чем из моего киоска. И вдруг то, как блестят губы Китта в свете прожекторов, как его глаза горят от возбуждения, как звук электрогитары уносит нас в другое измерение... сам не знаю. Я закрываю глаза, покачиваюсь из стороны в сторону и действительно пытаюсь расслабиться.

«Притворись, что это ваша свадьба, – бормочу я про себя как мантру. – Что он твой жених». Как будто у меня свадьба с космонавтом и это наш первый танец.

Вот только когда я открываю глаза, встрепенувшись из-за взрыва развязного хохота из зала, я обнаруживаю, что мой космонавт вовсе со мной не танцует. Китт вообще отошел в другой конец сцены. Он усмехается какой-то незнакомой усмешкой, не то радостной, не то самодовольной. Он никогда не заставляет зрителей танцевать в одиночку: скорее наоборот, танцует с двойным усердием, чувствуя рядом конкурента. Глянув в зал, я понимаю, что смеются как раз те четыре гопника, которые заходили ко мне в киоск. Хохочут до упаду. И показывают на меня пальцами. А я так смущен и сбит с толку, что никак не могу понять – то ли я участник шутки, то ли пошутили надо мной.

Я отворачиваюсь и инстинктивно тянусь проверить, застегнута ли у меня ширинка, но не успеваю я это сделать, как Китт разворачивает меня обратно лицом к залу. Когда он подставляет к моему лицу микрофон, смущение и стыд накрывают меня окончательно. То он не хотел меня представить свои товарищам по труппе, не говоря уже о том, что за все лето ни разу не позвал меня с ними в кино, а теперь заставляет меня выделяться перед ними в одиночку,

будто я какая-нибудь голливудская мартышка. Не знаю, в порядке ли там моя ширинка, но сам я явно нет.

– И как же вас зовут, сэр? – спрашивает Китт, и его голос разносится через динамики.

– А то ты, блин, не знаешь, как меня зовут, – огрызаюсь я, отталкивая микрофон и уж точно не собираюсь делать непременный поклон. Я спрыгиваю со сцены и скачками несусь к выходу. Но по дороге останавливаюсь перед кучкой гопников и выкрикиваю им в лицо «Буум!». Теперь они не смеются.

«Это было вообще не круто», – пишу я Китту, ковыляя к своему киоску, вывешиваю табличку «закрывается» и прячусь. И злюсь.

Когда я злюсь на Китта, я меньше его люблю.

До мамы мне удастся дозвониться только с третьего раза.

– Привет, милый! Все в порядке?

– Ну, вроде как, – но голос меня выдает. Есть у него такая особенность – начинает плакать раньше меня. Бесит.

– Ох, милый, что случилось? С тобой все нормально?

Финальные аккорды представления грохочут с такой силой, что у меня под ногами трясется брусчатка. Я разворачиваюсь и иду напрямик к детской карусели. По крайней мере, там я буду не единственным плаксом (оттуда ни один ребенок не выходит без истерики. В сувенирном киоске работать намного спокойнее).

– Не хочу об этом говорить. В смысле, технически со мной все в порядке. За исключением сама знаешь чего.

– День расставания, – говорит мама. Я упоминал, что она у меня лучше всех? – Погоди, я тебя не посреди смены застал? – спрашиваю я, соображая, что она может как раз готовиться к операции.

– Да, но мне не помешает перевести дух. У нас сегодня сплошные ДТП.

Я дохожу до киоска, который все лето простоял без дела из-за сломанного автомата с сахарной ватой. Когда в «Королевстве чудес» ломается какая-то техника, ее не чинят. Она просто стоит под палящим солнцем и ржавеет, как памятник самой себе.

– Мам... Как ты думаешь, я когда-нибудь встречу кого-то действительно классного?

Я знаю, что она не умеет видеть будущее, но иногда полезно подсказать маме, что хочешь от нее услышать.

– Конечно, встретишь! Ты у меня такой красивый, такой умный! И еще совсем юный.

– Ты так говоришь просто потому, что ты моя мама.

– Ну да, но это же правда. Я знаю, что не могу тебе это доказать, но так оно и есть.

В относительной тишине позади заброшенного киоска с сахарной ватой я слышу попискивания медицинского оборудования в маминой больнице. Приятно сознавать, что ее мнение обо мне основано на какой-никакой медицинской объективности. Медсестер же, наверное, заставляют подписывать какую-то клятву, запрещающую лгать пациентам.

– Милый? – спрашивает она, пока я усаживаюсь на бордюр. Теперь я, пожалуй, плачу в полную силу.

– Да? – с трудом выдавливаю я.

– Чем я могу тебе помочь?

– Ну, послушай еще секунд десять, как я реву, а потом вели мне взять себя в руки.

Она так и делает. Слушает, как я плачу секунд десять или даже двадцать, или целую минуту, а потом снова спрашивает:

– Милый?

– Что? Пора брать себя в руки?

– Нет. Я думаю, нет ничего плохого в том, чтобы показывать свои эмоции. Это тебе сослужит хорошую службу в конечном и...

– Знаешь, в чем проблема, – говорю я, уже совсем захлебываясь слезами и пытаюсь замаскировать это кашлем, чтобы не пугать ее. – Я ведь даже не думаю, что Китт мне подходит. Я просто, как бы это сказать, в целом расстроен.

– Ну, его не назовешь самым отзывчивым мальчиком на свете, – говорит мама.

– Это уж точно.

От нее так редко можно услышать осуждение в чей-то адрес, что я цепляюсь за ее слова и наслаждаюсь моментом, как другой на моем месте наслаждался бы последней четвертью футбольного матча. И все равно я плаксивый дурак.

Подняв голову, я вижу перед собой мальчика, который держит за руку своего отца. Мальчику на вид лет восемь – то есть намного старше, чем я был, когда последний раз держал отца за руку на публике (у нас с папой близкие отношения, но проявления нежности – не наша тема. Наша – уважение). В другой руке мальчик умудряется одновременно держать воздушный шар и немислимых размеров мороженое. Целых три шарика! Ну, это уже перебор. Он же просто ребенок, а не ниндзя или волшебник. Мороженое начинает валиться через край, отец делает выпад – настоящий супергерой в клетчатых шортах – и почти успевает подхватить его, но нет. Мороженое падает на асфальт, как в замедленной съемке, и расплывается уродливым зеленым пятном.

Мой папа его бы поймал.

– Мэтти, детка? – спрашивает мама. – Ты слышал, что я сказала? Мне не следовало говорить, что Китт не отзывчивый? – Гудки, пищание... На том конце провода столько всего происходит. – Хочешь еще поплакать?

Я жду. Жду, пока мальчишка с пустым рожком от мороженого разразится слезами. Но он не плачет. Он, склонив голову набок, с любопытством смотрит на тающую лужу, как будто наблюдает, как гусеница превращается в бабочку. А потом смотрит на отца и спрашивает:

– Можно мне еще одно?

И когда отец говорит «Конечно, можно», я понимаю, что пора перестать плакать.

К этому моменту небо уже окрасилось в фиолетовый – в этой части Питтсбурга оно никогда не бывает совсем черным, даже в 11.15 вечера. От стрекота сверчков и цикад воздух как будто вибрирует. Я собирался к этому времени быть дома. Уехать пораньше, заблокировать номер Китта, чтобы он не мог мне написать. Заехать во двор, обнаружить, что мамина смена кончилась в девять, и надеяться, что она приготовила мне кукурузные оладьи – мое любимое блюдо для паршивого настроения. Это буквально самая жирная еда на свете. А жир поглощает чувства.

Но я просто не смог.

– Так ты живой, – говорит Китт, обнаружив меня на парковке сидящим на капоте ржавой отцовской «Хонды» в попытке осилить очередную главу Диккенса. Мне показалось, что это хорошая поза – красивая, но отстраненная. Хотя не знаю.

– Живой, – я тереблю джинсовую куртку Китта, которая лежит у меня на коленях. Я сделал пометку в календаре, чтобы вернуть ему ее сегодня, предварительно попросив маму ее постирать. Первое мне удалось, а вот второе нет. Видимо, мне хотелось еще разок доехать до работы, чувствуя его запах.

– Ты куда-то пропал, – говорит он. – А теперь уже и день кончился. – Китт хоть и старше меня, но сейчас кажется совсем ребенком.

– Зачем ты вытащил меня на сцену? – Я стараюсь придать голосу твердость. – Ты же знаешь, как я не люблю выступать на публике.

Я вдруг начинаю сползать с капота, но Китт подхватывает меня за голень и удерживает на месте, будто разыгрывая самый безопасный в мире акробатический этюд.

– Моя куртка, – восклицает он, будто увидел дорого друга. – Я забыл, что дал ее тебе.

Он вечно все забывает. Не буду по нему скучать. Нисколько.

– Зачем ты вытащил меня на сцену? – снова спрашиваю я.

– Я заметил, какое у тебя было лицо, когда я не назвал твое имя на вечеринке. Это меня смутило. Так что я решил, что это будет такой милый и запоминающийся момент. Дерзкий ход. Вытащить тебя на сцену. Вытолкнуть из зоны комфорта.

– В день нашего расставания ты решаешь потанцевать со мной на публике. – Я смотрю на Млечный Путь. Во время одного из своих заскоков, когда я вообще не выходил из дома, я выучил все созвездия, какие было видно из окна. – А я, конечно, как полный дурак удивился. Конечно, я оказался таким идиотом, что...

– Мэтт, ты знаешь, что я терпеть не могу, когда ты так о себе говоришь. Так что, пожалуйста, просто пере...

– Хорошо-хорошо. Перестану.

Я кладу куртку и книгу на капот, а когда оглядываюсь на Китта, вижу, что он роется в картонной коробке со своими вещами из гримерки, которую держит под мышкой. Он выуживает оттуда листок бумаги кислотно-голубого цвета и протягивает его мне.

– Что это?

– А ты прочти.

Я переворачиваю листок.

На нем написано «Самый лучший бойфренд», точь-в-точь, как на тех грамотах, которые они вручали друг другу пять часов назад. А внизу почерком Китта подписано: «Мэтти Элкович». (Он вечно тренируется расписываться на всем подряд. Готов поспорить, почерк у него аккуратней, чем у любой бабушки.)

– Что это значит? – чересчур взволнованно спрашиваю я. Я сползаю с капота и встаю на ноги. Гравий шуршит. У меня все еще болит лодыжка после прыжка со сцены, но мне в кровь будто впрыснули углекислого газа. – Что это такое?

– Это просто значит, что ты лучший, с кем мне доводилось встречаться, – отвечает Китт. Я опускаю руку, в которой держу грамоту.

– Ты говоришь это в прошедшем времени.

– Мэтт. Сегодня наш день расставания. Это просто дань тому, какой ты внимательный и заботливый. Вообще я хотел отдать тебе эту грамоту во время вручения наград – я ее сделал вчера, – но в последний момент струсил. Вся эта тусовка...

– И все эти обнимашки.

Он вытягивает вперед свободную руку, как будто хочет показать мне, что в ней нет пистолета.

– Наверно, я испугался, что ты из-за этого... ну, расплачешься.

Рядом с нами стартуют несколько машин, шурша гравием и выпуская клубы выхлопных газов. Из «Дьявольского острова», куда пускают только с шестнадцати лет, доносится громкая музыка. Вообще-то парк в одиннадцать закрывается, но, похоже, они никак не могут разогнать народ.

– Ну что ж, спасибо, – говорю я, глядя на грамоту. Может, завести попугая, исключительно чтобы выстелить ему клетку этой бумажкой? – Не уверен, что меня можно назвать самым лучшим бойфрендом, если ты со мной расстанешься...

Китт берет меня за руку. Он начинает говорить редким для актера тихим голосом, так что мне приходится наклониться к нему, чтобы расслышать.

– Мы расстанемся друг с другом, Мэтт. Мы так договорились. Это правильно. Я уезжаю, и...

Я тычу грамотой ему в нос. Она сминается вокруг его большого (красивого, идеального) носа. Он смеется.

– Замолчи, – говорю я. – Я все понимаю.

Он не хочет мне изменять. В этом, кстати, и есть причина. Он уедет в свою консерваторию, где полно (красивых, идеальных) театральных мальчиков, и не хочет мне изменять. И он знал это с самого начала лета. С самого начала наших так называемых отношений «без ярлыков».

Я просовываю грамоту в приоткрытое окно машины, и она плавно приземляется на переднее сиденье, как гигантское перо. Я упираю руки в бока и жду, пока Китт заговорит. Сработало.

– Ну слушай, я бы мог составить целый список причин, почему ты лучший.

– Да что ты?

– Ты не боишься смотреть в глаза, – тут же отвечает он. – У меня такое впервые. Все остальные ребята, с кем я встречался, боялись смотреть в глаза.

– Забавно. Не замечал за собой такого. – Я уже собираюсь сменить тему, чтобы не пришлось смотреть, как у него кончатся причины того, почему я лучший.

Но, как ни странно, он продолжает:

– У тебя потрясающие родители. И я обожаю твои огромные ноги. А еще последний парень, с которым я встречался, все время заставлял меня пить с ним, а мы с тобой вообще ни разу не пили, и мне совсем не хотелось.

Я ненавижу пиво. Ненавижу пиво и обожаю то, что список Китта кажется бесконечным.

– И ты серьезно относишься к своей работе, Мэтти, а это здорово заводит, – теперь он начал хлюпать носом. Сильно. Но совсем не противно. – Хочешь, чтобы я продолжал?

– Да.

– Ладно, – он делает глубокий вдох. – Ты не боишься говорить про всякие серьезные вещи. Иногда мне кажется, что тебе лет тридцать. И поначалу меня это пугало. Но я начал привыкать. Так что ты зависил планку для всех, кого я дальше встречу на своем пути.

Я переступаю своими огромными ногами, которые ему, оказывается, нравятся, но молчу.

– Так что единогласным решением среди меня, – резюмирует он, – тебе присуждается награда «Самый лучший парень». Что по любому круче, чем «Мистер Флирт».

Я отворачиваюсь к машине, потому что иначе я начну пытаться сделать так, чтобы он меня поцеловал. И шутки ради, в надежде, что это разрядит обстановку, беру с капота «Повесть о двух городах».

– Ну, у меня для тебя тоже кое-что есть, – говорю я, встав к нему вполоборота. Я наугад выдираю страницу из книги и протягиваю ему с таким видом, будто это продуманный и значимый подарок. – Держи.

Но Китт принимается изучать страницу, будто это карта сокровищ, а когда он поднимает глаза, в них стоят грозовые тучи. Наконец настала подходящая погода.

– «В унынии и горе есть феноменальная сила», – говорит он. Потом, не знаю почему, он повторяет это снова. И еще раз, будто пытается заучить. Актеры такие актеры. И вдруг до меня доходит, что он читает фразу из книги. Он показывает мне страницу, и я вижу, что эти слова, «В унынии и горе есть феноменальная сила», трижды обведены синей ручкой.

– Это прекрасно, Мэтти, – говорит Китт, и теперь он по-настоящему плачет. В смысле, в моих масштабах. Это одновременно впечатляет и сбивает с толку. Все лето я ждал, когда же его сорвет с катушек хотя бы раз, а теперь думаю: «Ну вот, украл мою фишку». – Спасибо тебе, правда.

Святой Будда. Он решил, что это я обвел фразу. И что специально выбрал для него эту страницу, как настоящий подарок.

– Зря я тебя так осуждал за чувствительность, – он обмахивается вырванной страничкой, смеется сам над собой, вытирает нос рукой. Она длинная и стройная, а на запястье болтается браслет с бусинами из бирюзы, который я выиграл для него в автоматах и который ему было не положено носить во время представлений – но он его никогда не снимал.

Я продолжаю молчать.

– Знаешь, в слезах нет ничего плохого. Прости, что я тебя за это дразнил. Надо бы вставить это в рамку и повесить в общежитии.

Ну, где же вы, американские горки? Где же вы, вопящие толпы людей? Сейчас не время для тишины! Но даже знаменитые пенсильванские цикады умолкли.

– Не мог бы ты сегодня в порядке исключения не быть самым милым парнем на свете? – наконец говорю я. – Я ждал этого с июня.

Так нечестно. Он разрыдался, у меня слезы на глазах – мы сравнивали счет. Но наконец оказались на одном эмоциональном уровне. Самое время прощаться.

В коробке у Китта под мышкой что-то перекатывается и позвякивает: помада, ополаскиватель для рта и непонятно как затесавшийся туда одинокий спортивный носок «Адидас». Коробка чуть не выскальзывает у него из рук, и я спешу помочь. Мы ставим ее на землю, и я замечаю, что среди ничем не примечательного хлама блестит сверток из фольги.

– Хочешь? – спрашивает он, как раз когда я влюбляюсь в него заново.

– А что это?

– Пицца, с вечеринки осталась. Я потерял аппетит. Возьми.

Вот черт.

Я беру сверток с пиццей и собираюсь было толкнуть речь на тему «У меня непереносимость лактозы, и ты это знаешь! Я говорил об этом на первом и на втором свидании!». Но тут Китт прижимает меня к себе.

От него пахнет, как от той джинсовой куртки, запах которой я стал ассоциировать с понятием «бойфренд». Бойфренды пахнут порошком «Тайд», дезодорантом «Олд Спайс», немножко потом, немножко муссом «Аведа» и немножко просто Киттом. А может, я и не прав. Может, это и не запах бойфренда.

– Благодаря тому, что ты каждый день был рядом, мне было так легко играть этим летом, – говорит он. Мы все еще обнимаемся. Ох уж этот театральный народ. – Это стимулировало меня выкладываться по полной. Ни у кого в труппе больше такого не было.

Китт отстраняется. Я не знаю, что ответить. Сердце разрывается. Лодыжка болит. Надеюсь, ни то, ни другое не будет так болеть, когда он окажется в другом часовом поясе.

– Удачи, – говорю я. – В колледже.

– Надо говорить «Ни пуха ни пера». Желать удачи – плохая примета. – У него дрожит губа. Лицо красное. Я правда лучший парень из всех, что у него были. До меня доходит, что это правда. Мы оба склоняемся друг к другу, чтобы поцеловаться, но не делаем этого.

– К черту, – говорю я, вспоминая школьную шутку.

– Мне, наверное, пора. – Китт подбирает с земли свою коробку. – У меня рейс рано утром, и я уже бешусь, потому что...

– Ты сидишь в проходе, но тебя бесит, что сиденье не откидывается, потому что это ряд перед аварийным выходом.

Он улыбается и кивает.

– Ты все помнишь. Это пугает.

«А ты ничего не помнишь, – думаю я. – Это бесит». Но вместо этого я говорю:

– Иди уже.

И он уходит.

Смотрит на мою «Хонду», замирает на секунду, а потом скрывается между двумя винтажными «жуками». Мне вдруг вспоминается, как Стэйси Хоффнер, которая была моей лучшей подругой в третьем классе, переезжала в Янгстаун, штат Огайо. Мы собирались быть лучшими друзьями навеки, но не вышло. Тогда мне казалось, что у меня в душе останется зияющая дыра, но этого не случилось. Я просто жил дальше, хотя где-то внутри у меня так и остался шрам от разлуки со Стэйси. Но шрамы странная штука – как бы они вас ни мучили, они в то

же время делают вас сильнее. Соберите достаточно шрамов – и получите новую кожу совершенно бесплатно.

Я машу Китту вслед, хотя, может, мне только показалось, что я его вижу.

Так и есть. Он уехал.

Но когда я оборачиваюсь к машине, на капоте все еще лежит его куртка, рядом с моей книжкой, на почтительном расстоянии друг от друга, как пожилая парочка. Я достаю телефон и пишу ему: «Ты кое-что забыл!» И только я собираюсь нажать «Отправить», приходит сообщение от него.

«Оставь мою куртку себе. Она на тебе все равно лучше смотрится».

И вопреки всему я улыбаюсь.

Я заворачиваю книгу и кусок пиццы в куртку и сажусь на водительское сиденье, наткнувшись на какой-то странный предмет. Да это же дурацкая грамота «Лучшего бойфренда». Я разглаживаю лист и кладу на пассажирское сиденье, и вдруг вокруг становится слишком тихо. Такая громкая тишина. Поэтому, когда я завожу машину и по радио начинает играть какая-то старая песенка, я решаю – пусть играет. Пусть грохочет, как музыка в амфитеатре. С той разницей, что здесь я чувствую себя в безопасности.

Неплохая песня, из шестидесятых. Хотя бы не стилизация. И тут я, как истинный внук хиппи, загипнотизированный веселым брэнчанием акустической гитары, тянусь к свертку из фольги, разворачиваю его и – по старой, так сказать, памяти – беззаботно откусываю гигантский кусок запретной пиццы.

Она вкуснее, чем мне помнилось. Все же воспоминание не передает то, как расцветает яркими красками томатный соус, когда откусываешь первый кусок. Как приятно жевать жирное тесто с привкусом пижамных вечеринок, школьных приколов и наказов вернуться домой к десяти. Как сыр связывает это все в единое целое.

У меня будет болеть живот, ну и пусть. Это же пицца. Зачем жить, если время от времени не рисковать, съев кусок пиццы?

Покончив с пиццей, я включаю фары, дергаю рычаг коробки передач и, не раздумывая, тянусь за грамотой лучшего бойфренда. Вытираю рот обратной стороной листа. После чего выезжаю с парковки, мимо второй по высоте американской горки в штате, на знакомую проселочную дорогу. Две песни спустя я мастерски выкруливаю на скоростную трассу. Обычно мне тяжело дается этот съезд, но на этот раз я ловко вписываюсь в поворот, с виновато-довольным видом облизываю губы и, затаив дыхание, въезжаю в туннель, который всегда ведет меня домой.

Вероника Рот

Инерция

– Это наверняка какая-то ошибка, – сказала я. Мои часы – старенькая цифровая модель с большими красными цифрами – показывали 2.07 ночи. На улице было так темно, что не видно даже дорожку перед домом.

– В каком смысле? – рассеянно спросила мама, вытаскивая из моего шкафа одежду. Джинсы, футболку, толстовку, носки, ботинки. На дворе лето, и я проснулась вся в поту, так что в толстовке нет никакой необходимости, но ей я этого говорить не стала. Я чувствовала себя рыбой в аквариуме, которая медленно моргает под взглядами наблюдателей.

– Ошибка, – размеренно повторила я. Обычно я бы стеснялась стоять перед мамой в нижнем белье, но именно в таком виде я уснула сегодня вечером над домашним заданием для летней школы; и то, увидит ли мама пирсинг в пупке, который я сделала в прошлом году, в данный момент беспокоило меня меньше всего. – Мэтт со мной не общался уже несколько месяцев. Не может быть, чтобы он позвал меня. Он, наверное, был не в себе.

Врач со скорой помощи записала все происходившее после аварии на камеру, вшитую в ее форменный жилет. И по всей видимости, в этой записи Мэттью Эрнандес, мой бывший лучший друг, попросил, чтобы я приняла участие в Последнем посещении – обряде, который стал широко применяться в подобных случаях, когда больничные эксперты приходят к выводу, что человек не выживет, несмотря на хирургическое вмешательство. Они просчитывают риски, стабилизируют пациента, как могут, и вызывают последних посетителей – по одному, чтобы те смогли вступить в контакт с сознанием умирающего.

– Он ведь просил об этом не только после аварии, Клэр. Ты же знаешь. – Я видела, что мама старается говорить мягким тоном, но слова все равно выходили какими-то отрывистыми. Она протянула мне футболку, скользнув взглядом по кольцу у меня в пупке, но промолчала. Я натянула футболку через голову, потом схватилась за джинсы. – Мэтту уже восемнадцать.

В восемнадцать все желающие участвовать в программе Последнего посещения – то есть практически все – должны составить завещание со списком своих последних посетителей. Я это сделаю только следующей весной. Мэтт – один из самых старших у нас в классе.

– Я не... – я закрыла лицо руками. – Я не могу...

– Ты можешь отказаться, если хочешь. – Мама нежно положила руку мне на плечо.

– Нет, – я уткнулась лбом в запястье. – Если это его последняя воля...

Я умолкла на полуслове, чтобы не всхлипнуть.

Мне не хотелось вступать в контакт с сознанием Мэтта. Мне не хотелось даже находиться с ним в одной комнате. Когда-то мы были друзьями, причем очень близкими, но времена изменились. А теперь он даже не оставлял мне выбора. Ну что я сделаю, откажусь исполнить его последнюю волю?

– Доктор велела поторопиться. Они проводят посещение, пока готовят его к операции, так что тебе и его матери они отвели всего час. – Мама опустила передо мной на корточки, завязывая мне шнурки, как в детстве. На ней был шелковый халат с вышитыми цветочками. Он протерся на локтях, манжеты обтрепались. Я видела этот халат на маме каждый день с тех пор, как папа подарил ей его на Рождество, когда мне было семь лет.

– Да. – Я все понимала. Каждая секунда драгоценна, как капля воды в засуху.

– Ты уверена, что не хочешь, чтобы я тебя отвезла? – спросила она. Я стояла, уставившись на вышитый розовый цветок у нее на плече, на секунду растворившись в знакомом рисунке.

– Да, – ответила я. – Уверена.

Я сидела на шуршащем листе бумаги, который надорвался, когда я шевельнулась, чтобы устроиться поудобнее. Этот больничный стол не похож на те, на которых я сидела во время анализов крови и гинекологических осмотров. Он мягче, удобнее. Разработан специально для того, что мне предстояло сделать.

По дороге сюда я проходила мимо медсестер в бирюзовой форме с планшетами в руках. Мимо взволнованных родственников, стискивающих руки на коленях и прячущих кулаки под скомканными свитерами. Мы все стараемся отгородиться от внешнего мира при первых признаках горя – скукоживаемся, пряча самые уязвимые места.

Но я не была одной из них. Я не тревожилась и не боялась. Я вообще ничего не чувствовала. Я скользила мимо них, как привидение в кино, паря в воздухе.

В кабинет вошла доктор Линда Альбертсон с термометром и тонометром в руках, чтобы проверить мои жизненные показатели. Она ободряюще мне улыбнулась. Интересно, она репетирует перед зеркалом сочувственные взгляды и ободряющие улыбки, чтобы не усугублять боль своих пациентов? Это, должно быть, очень деликатная работа.

– Сто пятнадцать на пятьдесят, – сказала она, измерив мое давление. Врачи всегда говорят это так, будто мы должны понимать, что означают эти цифры. Но тут, будто прочитав мои мысли, она добавила: – Немного пониженное, но ничего страшного. Ты сегодня что-нибудь ела?

Я потеряла глаза свободной рукой.

– Не знаю. Не помню. Ночь же.

– Да, конечно. – Ногти у нее были покрашены синим лаком. Она вся была такая аккуратенькая в своем накрахмаленном белом халате, с тугим пучком на голове. Синие ногти никак не вписывались в этот образ. При каждом ее движении они бросались мне в глаза. – Уверена, с тобой все будет в порядке. Это не слишком тяжелая процедура.

Видимо, я странно посмотрела на нее, потому что она тут же добавила:

– В физиологическом плане.

– Так где он? – спросила я.

– В соседней комнате, – пояснила доктор Альбертсон. – Он готов к процедуре.

Я уставилась в стену, будто могла усилием воли видеть сквозь нее. Я попыталась представить, как выглядит Мэтт, лежащий на больничной койке под бледно-зеленым одеялом. Он искалечен до неузнаваемости? Или у него травмы самого неприятного свойства, которые прячутся внутри тела, оставляя ложную надежду?

Подсоединяя меня к мониторам, доктор как будто исполняла причудливый танец: синие ногти порхали, нажимая на какие-то кнопки. На голове у меня оказался венец из электродов, в руку впиалась игла капельницы. Как будто она моя камеристка и готовит меня к балу.

– Тебе знакома эта процедура? – спросила доктор Альбертсон. – Некоторым пациентам постарше приходится объяснять все подробно, но молодежь обычно в курсе.

– Я знаю, что мы сможем побывать в общих воспоминаниях, в местах, где были мы оба, и только там. – Я скользнула пальцами ног по холодной плитке на полу. – И что все будет быстрее, чем в реальной жизни.

– Верно. Твой мозг воссоздаст половину воспоминания, а его – вторую половину. Пробелы заполнит программа, которая по электрической реакции мозга определяет, что лучше дополняет картину, – продолжила она. – Тебе, возможно, придется объяснить Мэттью, что происходит, потому что ты пойдешь к нему первой, так что в первые несколько минут он может быть дезориентирован. Справишься?

– Ага, – отвечаю я. – Не то чтобы у меня был выбор, верно?

– Полагаю, нет. – Она сжала губы. – Ляг на спину, пожалуйста.

Я ложусь, дрожа в больничной рубашке, и бумажная подстилка подо мной тоже дрожит. Я закрываю глаза. Это всего полчаса. Полчаса ради человека, который когда-то был моим лучшим другом.

– Считай от десяти в обратном порядке, – говорит врач.

Это не было похоже на сон, когда тяжело проваливаешься куда-то в глубину. Казалось, что мир вокруг исчезает по частям: сначала отключилось изображение, потом звук, потом прикосновение бумаги и мягкого больничного стола. Во рту появился горький привкус, как от алкоголя, а потом мир появился снова, но уже совсем не такой.

Вместо кабинета врача я оказалась в толпе, в окружении разгоряченных тел, прерывистого дыхания. Все глаза прикованы к сцене, все наблюдают, как администраторы готовят инструменты для группы. Я поворачиваюсь к Мэтту и улыбаюсь, приподнимаясь на цыпочки, чтобы показать ему свое радостное нетерпение.

Но это всего лишь воспоминание. Я поняла: что-то не так, еще не успев сообразить, почему, и опустила на пятки. Сердце сжалось при мысли, что это последнее посещение и что я выбрала это воспоминание потому, что тогда впервые почувствовала, что мы настоящие друзья. И что рядом стоит настоящий Мэттью, такой, как он сейчас, в потрепанных кедах, с падающими на лоб черными волосами.

Наши взгляды встретились. Его глаза были широко распахнуты в недоумении. Толпа вокруг выглядела точно так же, а на сцене рабочие все так же прикручивали барабанную установку и крутили ручки усилителей.

– Мэтт, – проскрипела я. – Ты тут?

– Клэр, – ответил он.

– Мэтт, это посещение, – сказала я. Я не могла заставить себя произнести слово «последнее». Он и так поймет, что я имею в виду. – Мы с тобой в наших общих воспоминаниях. Пони-маешь?...

Он огляделся по сторонам, посмотрел на девушку с зажатой в зубах сигаретой в пятнах губной помады, на стоящего впереди худого парнишку в слишком узкой клетчатой рубашке и с редкой бородкой.

– Авария, – сказал он задумчиво, с отсутствующим взглядом. – Женщина из скорой помощи напомнила мне тебя.

Он потянулся рукой мимо худенького парнишки, дотронулся пальцами до сцены, смахнул с нее пыль. И улыбнулся. Я как-то никогда об этом не думала, но Мэтт так хорошо выглядел в тот день. Его смуглая кожа была еще темнее от летнего загара, и улыбка казалась еще ярче.

– Ты... в порядке? – спросила я. Для человека, который только что узнал, что умирает, вид у него был на удивление спокойный.

– Наверное, – ответил он. – Но думаю, это скорее из-за лекарств, которыми они меня накачали, а не из-за какой-нибудь там внутренней гармонии и покорности судьбе.

Пожалуй, он прав. Доктор Альбертсон наверняка пришлось разработать уникальное сочетание препаратов, которое успокаивало бы умирающего пациента, чтобы он способен был насладиться Последним посещением вместо того, чтобы сходить с ума. С другой стороны, Мэтт никогда не реагировал так, как я от него ожидала, так что меня бы не удивило, если бы он сохранял полное спокойствие перед лицом смерти.

Он посмотрел на меня.

– Это наш первый концерт Chase Wolcott, верно?

– Ага, – ответила я. – Я знаю, потому что эта девчонка рядом с тобой в какой-то момент обожжет тебя сигаретой.

– Ах да, она была просто сокровище. Брильянт. Рубин.

– Не все сокровища надо подбирать.

– Ты всегда так говоришь.

Моя улыбка погасла. Некоторые привычки, как мышечная память – сохраняются даже тогда, когда все остальное изменилось. Я знала все наши шуточки, приколы, всю хореографию нашей дружбы. Но это не меняло ситуации. Любой нормальный человек сейчас бы бормотал уже второе извинение, торопясь все исправить, пока не поздно. Любой нормальный человек плакал бы, в последний раз глядя на друга.

«Будь нормальной, – велела я себе, пытаюсь выдавить из себя слезы. – Хоть раз в жизни, ради него».

– Почему я здесь, Мэтт? – спросила я. По-прежнему ни слезинки.

– Разве ты не хотела меня видеть?

– Не в этом дело. – Это была ложь. Я и хотела его видеть, и не хотела. Хотела, потому что это была одна из последних возможностей это сделать. А не хотела... ну, в общем, из-за того, как я с ним поступила. Потому что это слишком больно, а я никогда не умела справляться с болью.

– Я сам не знаю, – он склонил голову набок. – Я хочу тебе кое-что рассказать, вот и все. И ты потерпишь, потому знаешь, что у меня больше не осталось времени.

– Мэтт... – Но спорить было бессмысленно. Он был прав: скорее всего, его время на исходе.

– Пошли. История начинается не здесь. – Он взял меня за руку, и картинка сменилась.

Я узнала машину Мэтта по запаху: старые крекеры и выдохшийся освежитель с «запахом новой машины», болтающийся на зеркале. Под ногами шуршат щеки, хрустят крошки от чипсов. В отличие от новых машин, которые работают на электричестве, это старый гибрид, поэтому он издает звуки, похожие не то на свист, не то на жужжание.

Приборная панель подсвечивала его лицо синим, белки его глаз мерцают. Он развез всех по домам после вечеринки: всех, кто жил по соседству, а меня оставил напоследок, потому что я жила ближе всего. Мы едва ли общались до того вечера, когда оказались рядом, играя в покер на раздевание. Я лишилась свитера и двух носков, а он вот-вот должен был остаться без трусов, но тут объявил, что ему пора домой. Как удобно.

Даже в воспоминании я покраснела, вспомнив его голое тело за покерным столом. У него была фигура человека, который только что пережил резкий скачок роста: тощий, долговязый и слегка сутулый, как будто ему неловко за то, что он так вымахал.

Я подобрала с пола один из чеков и расправила его на коленке.

– Ты знаешь Chase Wolcott? – спросила я. Чек был за новый альбом этой группы.

– Знаю ли я! – воскликнул он, посмотрев на меня. – Я купил этот альбом в тот же день, как он вышел.

– А я сделала предзаказ за три месяца.

– Ты его на диске купила?

– Нет, – призналась я. – А ты, значит, любитель ретро? Истинный фанат, снимаю шляпу.

Он рассмеялся. У него был красивый смех, на октаву выше, чем его обычный голос. И в нем была какая-то легкость, от которой я чувствовала себя гораздо комфортнее, чем могла бы, сидя наедине в машине с человеком, которого едва знаю.

– Я принимаю почести только в форме реверансов, – сказал он.

Он нажал пару кнопок на приборной панели, и заиграл альбом, который мы обсуждали. Первый трек, «Traditional Panic», был быстрее, чем остальные – странная смесь электрогитары и колокольчиков. Солировала женщина с отличным контральто, которое иногда напоминало мужской голос. Я наряжалась в нее на два последних Хэллоуина, и никто не мог угадать, что это за костюм.

– Ну и как тебе? В смысле, альбом.

– Не скажу, что это один из моих любимых. Слишком бодрый по сравнению с тем, что они обычно играют. Как-то они опопсели, что ли.

– Я читал про гитариста, который пишет все их песни. Говорят, он всю жизнь страдал от депрессии, а когда писал этот альбом, как раз выходил из очередного приступа. Теперь у него вроде как с женой все наладилось, они ребенка ждут. Так что, когда я слушаю этот альбом, то думаю только о том, что ему лучше, понимаешь?

– Мне веселые песни всегда сложно понять. – Я барабанила пальцами по приборной панели. На мне были сразу все мои кольца: одно из резиночек, одно старенькое кольцо-хамелеон, одно из янтаря с застывшим внутри муравьем, одно с шипами. – Они рожают не так много эмоций.

Он нахмурился.

– Грусть и злость – не единственные чувства, которые считаются чувствами.

– Ты не это сказал, – возразила я, вернув нас из воспоминаний в настоящее. – Ты просто молчал, пока мы не доехали до моего дома, а потом спросил, не хочу ли я сходить с тобой на концерт.

– Ну, я решил, что тебе было бы интересно узнать, о чем я думал в тот момент. – Он пожал плечами, по-прежнему держа руки на руле.

– И я все еще с тобой не согласна насчет того альбома.

– Когда ты его последний раз слушала?

Сперва я ничего не ответила. Я вообще перестала слушать музыку пару месяцев назад, когда она начала пронзать мне сердце, как иголкой. Зато я целыми днями слушала ток-шоу по радио, успокаиваясь от бесконечной болтовни, но не прислушиваясь к тому, о чем говорят.

– Давно, – сказала я наконец.

– Ну так послушай сейчас.

И я стала слушать, глядя в окно на наш район. Я жила на хорошей стороне улицы, он на плохой, как было принято считать. Но дом Мэттью, пусть и маленький, всегда был очень теплым. Там было полно безвкусных безделушек, которые хранили его родители. На подоконниках в ряд стояли глиняные горшки, которые он сделал в детском кружке керамики, хотя они были безумных цветов и очень, очень кособокие. Стена была увешана вышивками его мамы со стихами про дом и семью.

Мой дом, справа от нас, был величественным, с точечными светильниками на белых стенах, с колоннами – прямо мини-Монтичелло. Вдруг где-то в глубине воспоминания я наткнулась на ощущение ужаса, которое охватило меня, когда мы подъезжали к дому. Мне не хотелось туда входить. Мне и сейчас не хотелось.

Некоторое время я сидела молча, слушая вторую песню, «Inertia». Это была одна из немногих песен про любовь в этом альбоме. Про то, как гитариста по инерции тянуло к жене. Первый раз, когда я ее услышала, мне показалось, что это ужасно неромантическое чувство: как будто он ее встретил и женился на ней по желанию какой-то внешней силы и просто не мог этому помешать. Но теперь мне слышалось стремление к какой-то конкретной цели, как будто все вокруг подталкивало его к ней. Даже ошибки, даже мрачные времена вели его к жене.

Я невольно сморгнула слезы.

– Что ты пытаешься сделать, Мэтт?

Он дернул плечом.

– Просто хотел еще раз пережить приятные моменты с лучшей подругой.

– Ну ладно, – сказала я. – Тогда давай отправимся в твое любимое воспоминание.

– Сначала в твое.

– Как скажешь, – согласилась я. – В конце концов, это твоя вечеринка.

– И я заплачу, если захочу, – пропел он ¹², и тут его пахнувшая крекерами машина исчезла.

¹² «It's my party» – песня певицы Лесли Гор. В песне есть слова «It's my party, and I'll cry if I want to» – «Это моя вечеринка, и я заплачу, если захочу».

Я знала, как его зовут, как это бывает с людьми, которые учатся с тобой в одной школе, даже если вы особо не общаетесь. У нас была пара общих предметов, но мы никогда не сидели рядом и толком не разговаривали.

В промежутке между нашими воспоминаниями я подумала про тот момент, когда впервые увидела его в коридоре школы с перекинутой через плечо сумкой и волосами, свисающими до самых глаз. У него были черные волосы, в те времена лохматые и выующиеся на висках. А глаза у него были орехового цвета и выделялись на фоне смуглой кожи. Глаза ему достались от матери-немки, а не от отца-мексиканца. А еще у него были ямочки на щеках. Сейчас у него были еще и шрамы от акне, заметные только при ярком свете. Маленькие напоминания о наших прыщавых подростковых годах.

Теперь, глядя, как он материализовался передо мной, я удивлялась, как я сразу не увидела в нем потенциал дружбы, горящий внутри как маленькая свеча. Он так долго казался мне совсем другим человеком. А потом стал единственным – единственным, кто меня понимал, а потом и единственным, кто мог меня выносить. Теперь никто не мог. Даже я сама.

Сперва я почувствовала песок между пальцев, все еще нагретый солнцем, хотя оно село несколько часов назад. Потом почувствовала густой дым от костра, услышала, как он потрескивает. Подо мной была жесткая кора бревна, на котором мы сидели, а рядом – Мэтт, державший на коленях бонго.

Это был не его бонго. Насколько мне было известно, у Мэтта не было никаких барабанов. Он стащил его у нашего приятеля Джека и теперь время от времени начинал барабанить, будто аккомпанировал чьим-то шуткам. На него уже три раза наорали за это. Мэтт обладал удивительной способностью одновременно раздражать и веселить окружающих.

Справа от меня волны бились о камни – огромные булыжники, на которых кто-то иногда писал любовные послания во время отлива. Некоторые надписи уже почти стерлись, остались только фрагменты отдельных букв. В девятом классе я делала по ним проект для урока изобразительного искусства: сфотографировала все надписи и расставила по порядку, от самых новых – к почти исчезнувшим. Чтобы показать, что любовь со временем тускнеет. Ну, или что-то в этом роде. Теперь я с содроганием вспоминала, какой самодовольной дурочкой была в то время.

По ту сторону костра Джек брэнчал на гитаре, а Лэйси – моя самая давняя подруга – пела, но в основном хохотала, проглатывая половину слов. Я держала в руках ветку, которую подобрала на берегу. Я очистила ее от коры и насадила на нее зефирину, которая теперь превратилась в огненный шар.

– То есть твоя идея заключалась в том, чтобы испортить отличную зефирину? – спросил Мэтт.

– Ну а ты вот знаешь, что случается с зефиром, когда его слишком долго жарят на костре? – парировала я. – Нет. Потому что не можешь перед ним устоять и никогда до этого не доводишь.

– На некоторые вопросы ответы не нужны, знаешь ли. Я совершенно доволен перспективой просто есть поджаренные зефирки до конца своих дней.

– Потому-то ты и бросил искусство.

– Потому что меня не интересует горелый зефир?

– Нет, – засмеялась я. – Потому что совершенно доволен, вместо того чтобы испытывать вечную жажду нового.

Он поднял брови.

– Ты называешь меня простачком? Вроде золотистого ретривера?

– Нет! – я покачала головой. – Во-первых, если бы ты был собакой, ты бы, очевидно, был лабрадудлем.

– Лабрадудлем?!

– А во-вторых, если бы мы все были одинаковыми, жить было бы очень скучно.

– Я все равно считаю, что ты относишься ко мне как-то снисходительно. – Он сделал паузу и улыбнулся. – Но я готов это простить, потому что ты, очевидно, еще не вышла из периода юношеского максимализма.

– Лицемер! – воскликнула я, тыча в него пальцем. – Первый признак «снисходительности» – это говорить кому-то, что у них просто период такой.

Вместо ответа Мэтт отобрал у меня мой прутик, задул пламя на расплавленной зефирине, снял ее с прутика и перебрасывал из руки в руку, пока она не остынет. А потом кинул в рот – обугленную, но все еще мягкую внутри.

– Эксперимент окончен, – с набитым ртом заявил он. – Вставай, пошли.

– Куда?

Он не ответил – просто схватил меня под локоть и потащил прочь от костра. Когда мы набрали на тропинку между скал, он пустился бежать, а мне оставалось только последовать за ним. Я гналась за ним по тропинке, хохоча, а теплый летний ветерок обдувал лицо и трепал волосы.

И тут я вспомнила.

Он бежал к обрыву – невысокому песчаному утесу, нависавшему над водой. Вообще-то нырять с него было запрещено, но некоторые это делали – в основном наши ровесники, у которых еще не сформировалась та часть мозга, которая думает о последствиях. Это одновременно и дар, и проклятие.

Я смотрела, как Мэтт бросился вниз с утеса, на секунду зависнув в воздухе, прежде чем рухнуть в воду.

Я остановилась в паре шагов от обрыва и услышала его смех.

– Ну, давай же! – крикнул он.

Мне всегда было приятнее наблюдать за такими выходками со стороны, превращая их в легенду или миф у себя в голове. Я наблюдала за жизнью, чтобы найти в ней какой-то сюжет: это помогало мне обрести смысл. Но иногда я уставала от собственного вечно беспокойного сознания.

На этот раз я не стала просто наблюдать. Я сделала пару шагов назад, взмахнула трясущимися руками и побежала. Я добежала до самого края, прямо в обуви и в одежде.

Мое сердце замерло. Я почувствовала себя совершенно невесомой и свободной.

Ветер хватает за лодыжки, сердце ухает вниз, и вот я врезаюсь в водную гладь, как нож. Течение подхватило меня. Я принялась молотить ногами, как лягушка, стремясь вырваться на поверхность.

– Вот это я понимаю, – сказал Мэтт, когда я вынырнула. Когда наши глаза встретились, я вспомнила, где я на самом деле. Лежу в больничной палате. Понятия не имею, сколько на самом деле прошло времени.

– Мне тоже нравится это воспоминание, – сказал он, улыбаясь и тоже вынырнув из воспоминания. – Кроме того момента, когда я понял, что у меня в кармане был папин старый кошелек. Размок в хлам.

– О, черт, – выдохнула я. – Ты никогда про это не говорил.

Он пожал плечами.

– Ну, это всего лишь кошелек.

Это была очевидная ложь. Ни одна из вещей его отца не была для Мэтта «просто» вещью, особенно если он ее лишился.

Он спросил:

– Так значит, это твое любимое воспоминание?

– Это... я... – я на секунду умолкла, молотя ногами, чтобы не пойти ко дну. Вода была прохладная, но не слишком. – Я бы никогда не сделала ничего подобного без тебя.

– Знаешь что? – он откинулся назад, болтаясь на спине. – Я бы без тебя этого тоже не сделал.

– Твоя очередь, – сказала я. – Любимое воспоминание. Вперед.

– Ладно. Но не забывай – сама напросилась.

Я всегда считала его симпатичным. Это невозможно было игнорировать – разве что закрывать глаза всякий раз, как он оказывался рядом. Особенно после того, как он отрезал свои патлы и можно было разглядеть его лицо – решительный подбородок и все такое. У него была ямочка на левой щеке, а на правой нет. Лукавая улыбка. Длинные ресницы.

Я могла бы в него влюбиться, если бы он не встречался с другой девчонкой, когда мы только подружились. Казалось, Мэтт всегда с кем-то встречается. За время нашей дружбы я служила ему жилеткой при трех разных девушках: первой была Лорен Галлахер, крошечная, но весьма требовательная гимнастка, которая доводила его до белого каления, второй – Лэйси Андерхилл, моя подруга со второго класса, с которой у него не было ничего общего, кроме заразительного смеха, а третьей – наша общая знакомая Тори Киллер (вот же повезло с фамилией), которая напилась и стала целоваться с другим парнем на Хэллоуин-вечеринке вскоре после их первого свидания. То есть буквально спустя два часа после их первого свидания она уже сосалась с другим парнем. Это был самый тяжелый случай, потому что потом она казалась очень грустной, и он не мог на нее злиться, даже когда они расставались. Мэтт вообще не умел долго злиться, даже если имел на это полное право. Злость просто вытекала из него, как песок сквозь пальцы. Исключение составляла только я. На меня он злился дольше, чем на любую из своих девушек.

У меня же на счету была короткая интрижка с Полом (Пол-Балабол, как называл его Мэтт), заключавшаяся в страстных поцелуях на пляже как-то летом. Это продолжалось до тех пор, пока я не обнаружила коллекцию засохших козляков у него в бардачке, что полностью меня от него отвратило. В остальном же я предпочитала одиночество.

Судя по тому, что мне рассказывала Лэйси, пока они встречались, девушкам было сложно заставить Мэтта прекратить вечные шуточки больше чем на пять секунд, и это очень раздражало, когда они пытались узнать его поближе. У меня такой проблемы никогда не было.

Я услышала шум дождя и звон китайских колокольчиков, которые висели у входной двери Мэтта. Волосы прилипли к моему лицу. Прежде чем позвонить в дверь, я расчесала их пальцами и убрала в пучок. Тогда волосы у меня были длинные, но сейчас их вес казался непривычным. В последнее время я стриглась коротко, и кончики волос щекотали скулы.

Он открыл дверь, и между нами оказалась сетка от насекомых. Он был одет в спортивные шорты, на которых чуть выше колена было написано его имя, и потрепанную футболку, которая была ему немного мала. Под глазами у него залегли темные круги – темнее, чем обычно. У Мэтта всегда был заспанный вид, будто он только что встал с постели.

Он обернулся через плечо, кинув взгляд в гостиную, где его мама сидела на диване перед телевизором. Он закрыл за собой дверь и вышел на крыльцо.

– Что такое? – спросил он, и от звука его голоса, опустошенного горем, у меня запершило в горле. И в прошлом, и в настоящем. Видеть его таким по-прежнему было мучительно.

– Можешь отлучиться на часок? – спросила я.

– Прости, Клэр. Я сейчас как-то не в настроении развлекаться.

– А мы и не будем развлекаться. Ну сделай мне приятное, пойдем!

– Ладно. Только маме скажу.

Через минуту он вышел из дома в заклеенных снизу старых шлепанцах и зашагал со мной под дождем к машине. Перед его домом была длинная подъездная дорожка, посыпанная гравием. Летом кусты разрастались и мешали проехать, так что я остановилась прямо на дороге.

Дом Мэтта был старым, ветхим и маленьким. Раньше у Мэтта была своя комната, но потом к ним переехала бабушка, и теперь он спал на диване в гостиной. Несмотря на тесноту,

двери дома всегда были открыты для гостей, и семья Мэтта с распростертыми объятиями принимала всех, кто приходил. Его отец так много раз называл меня «дочкой», что я сбилась со счета.

Его отец умер три дня назад. Накануне были похороны. Мэтт, одетый в старый дедушкин костюм с траченными молями манжетами, который был ему велик, помогал нести гроб. Мы с Лэйси, Джеком и остальными нашими друзьями тоже пришли на похороны. Я надела черные брюки вместо платья – я ненавидела платья. Мы ели канапе и говорили ему, как нам жаль. Я все время потела, потому что брюки были шерстяные, а у Мэтта дома не было кондиционера. Уверена, он почувствовал это сквозь мою рубашку, когда обнимал меня.

Он рассеянно поблагодарил нас всех за то, что мы пришли. Его мама бродила вокруг со слезами на глазах, будто забыла, где она и зачем.

Мы с Мэттом сели в машину, намочив сиденья. В подставке стояли два стакана: один с вишневым смузи (для меня), второй с клубничным молочным коктейлем (для него). Я ничего про них не сказала, а он начал пить свой, не спрашивая.

Оглядываясь назад, я поразилась, насколько легко нам было сидеть в тишине, слушая грохот дождя и шуршание дворников по стеклу. Мы не говорили ни о том, куда едем, ни о том, что происходит с каждым из нас. Люди, с которыми так легко молчать, встречаются реже, чем те, с кем можно вести непринужденную беседу. У меня такого больше ни с кем не было.

Я медленно ехала по мокрым дорогам, выруливая на парковку у пляжа. Там я остановилась. Небо начинало темнеть, но не от того, что день клонился к вечеру, а от сгущающейся грозы. Я отстегнула ремень.

– Клэр, я...

– Разговаривать необязательно, – перебила я. – Если ты хочешь просто посидеть здесь, допить свой коктейль, а потом вернуться домой, ничего страшного.

Мэтт устался на свои колени.

– Хорошо, – сказал он.

Он тоже отстегнул ремень и взял свой стакан. Мы смотрели на бушующие волны. В небе сверкнула молния, и я почувствовала, как раскат грома отозвался у меня в груди, сотрясая сиденье. Я допила сахарный сироп из своего коктейля, и во рту остался приторный вишневый вкус.

Над водой сверкнула еще одна молния, яркой полосой расчертившая небо до самого горизонта. Я слабо улыбнулась.

Рука Мэтта потянулась ко мне, и я взялась за нее. От его прикосновения меня слегка ударило током, но я была не уверена, произошло ли это тогда или сейчас, в настоящем. Разве я бы не заметила нечто подобное тогда?

Его рука дрожала от плача. Я тоже сморгнула слезы, но не отпустила его руку. Я крепко держала ее, даже когда ладони у нас вспотели, а стоящий у него на коленях коктейль растаял.

Через некоторое время до меня дошло, что тогда на этом все и закончилось: Мэтт отпустил мою руку, и я отвезла его обратно домой. Но теперь Мэтт по-прежнему сидел рядом, стиснув мою руку своей теплой и сильной ладонью. Я не отстранялась.

Он поставил коктейль на пол и вытер щеки рукой.

– Это твое любимое воспоминание? – тихо спросила я.

– Ты точно знала, что делать, – так же тихо ответил он. – Все остальные чего-то от меня хотели: каких-то заверений, что со мной все в порядке, хотя со мной все было совсем не в порядке. Или пытались сделать так, чтобы мне было легче. Как будто терять отца должно быть легко. – Он покачал головой. – Но ты просто хотела показать мне, что ты рядом.

– Ну, – заметила я, – я не знала, что тебе сказать.

Конечно, дело было не только в этом. Я сама ненавижу ситуации, когда я расстроена, а люди пытаются подбодрить меня, будто запикивают мою боль в маленькую коробочку и про-

тягивают ее мне со словами: «Видишь, все не так уж страшно». Мне не хотелось так поступать с Мэттом.

– Никто не знает, что сказать, – возразил он. – И все же они не могут не попытаться. Черт бы все побрал.

У всех сложилось определенное представление о Мэтте: вот парень, который отбивает барабанную дробь под шутки, которые вовсе и не шутки, парень, который дразнит и подкалывает людей до тех пор, пока им не захочется его придушить. Вечно улыбается. Но я знала другого Мэтта. Того, который готовил маме завтрак каждую субботу, который спорил со мной про искусство, музыку и смысл жизни. Единственный человек, о котором я точно знала, что он скажет мне, если я буду вести себя глупо или пафосно. Интересно, я была единственной, кто знал эту его сторону? Кто знал его целиком?

– Теперь я бы сказал, что это и мое самое нелюбимое воспоминание. – Он отпустил мою руку и посмотрел в сторону. – Не потому что было больно, а потому что это напоминает мне, что, когда мне было плохо, ты знала, как меня поддержать. А когда тебе было плохо, я тебя бросил.

Я дернулась от жестокости этой фразы, будто он дал мне пощечину.

– Ты не... – начала я. – Со мной было непросто, я знаю.

Мы снова замолчали. Дождь продолжал неумолимо колотить по крыше машины. Я смотрела, как капли отскакивают от ветрового стекла, сквозь которое океан казался абстрактной картиной, сплошным размытым голубым пятном.

– Я беспокоился за тебя, – сказал он. – Вместо того чтобы злиться, надо было просто тебе об этом сказать.

Я попыталась произнести слова, вертевшиеся на языке: «Не надо за меня беспокоиться. У меня все в порядке». Мне хотелось улыбнуться, коснуться его руки и пошутить. В конце концов, это ведь его Последнее посещение. Это его момент, а не мой. Скорее всего, это наша последняя возможность побыть вместе, учитывая, что он умирает.

Я не повела его в *то* воспоминание. В то самое. Удивительно, насколько было важно намерение в этом странном пространстве между нашими сознаниями. Чтобы погрузить нас обоих в какое-то воспоминание, его надо было притягивать к себе усилием воли, будто смаывая удочку. Иначе я оказывалась наедине сама с собой на несколько мгновений, которые казались длинными, как полжизни.

После того как умер отец Мэтта, было траурное бдение и похороны. Приходили люди из церкви Мэтта и коллеги его матери, приносили еду. Была групповая попытка вытащить его из дома, в которой принимали участие я, Лэйси, Джек и водяной пистолет, из которого мы палили в окно гостиной. Потом долго и медленно разбирали вещи его отца, когда нужно было решить, что оставить, а что отдать. Я была у них дома в это время. Мама Мэтта рыдала над грудой одежды, а мы с ним притворялись, что ничего не замечаем. Со временем боль как будто притупилась, его мама стала чаще улыбаться, а Мэтт вернулся в мир – не совсем прежним, но вполне стабильным.

А потом вернулась моя мать.

У меня было две матери: одна растила меня с детства и без предупреждения бросила моего отца, когда мне было пять лет. Сложила вещи в сумку и исчезла вместе с его старой «Тойотой». Она вернулась, когда мне было четырнадцать, пополневшая и постаревшая, но в целом все такая же.

Папа настаивал, чтобы я проводила с ней время, и она отвезла меня в свою фотолaborаторию, примерно в часе езды от нашего дома, чтобы показать мне свои фотографии. В основном на них были люди, которых застали в момент каких-то сильных эмоций или когда они думали, что их никто не видит. Иногда они были размытые, но все равно интересные. Стоя

в освещенной красными лампами комнате, она трогала фотографии за уголки и рассказывала мне про свои любимые и нелюбимые снимки.

Я ненавидела себя за то, что мне понравились эти фотографии. Ненавидела, что стою с ней в этой комнате, выбирая те же снимки, что и она, беседуя с ней на тайном языке искусства. Но я не могла не любить ее. Как будто общие гены подразумевают некую духовную связь, и бессмысленно с этим бороться.

Я встретила с ней еще несколько раз, а потом она снова исчезла. Опять без предупреждений и объяснений, не попрощавшись, не оставив адреса. Фотолаборатория опустела, дом сняли другие люди. Не осталось никаких доказательств того, что она вообще там жила.

Она никогда не была по-настоящему моей, так что было бы несправедливо думать, что я ее потеряла. А моя мачеха, которая была мне настоящей матерью во всем важном, по-прежнему была рядом. Она держалась немного отстраненно, но все еще любила меня. У меня не было права что-то чувствовать, убеждала я себя. Более того, я этого и не хотела.

И все же я закрылась в себе, как животное, зарывшееся в нору и свернувшееся клубком, чтобы согреться. Я начала засыпать посреди уроков, за домашней работой. Просыпаться посреди ночи с гнетущей тяжестью на сердце, не в силах подавить рыдания. Я перестала выходить из дома в пятницу вечером, потом и по субботам, а потом и по будням. Стол, которым я пользовалась исключительно для своих творческих проектов, простаивал без дела. Моя мама – мачеха, или кем там она была – водила меня к специалистам по хронической усталости, отвела сдать анализы на анемию, часами искала диагнозы в интернете, пока наконец один из докторов не предположил, что у меня депрессия. Я вышла из его кабинета с рецептом, который должен был все исправить. Но так им и не воспользовалась.

Как ни странно, финал наших с Мэттом отношений разыгрался в школе. Три месяца назад, в апреле. Была длинная перемена после пятого урока, в школе на полную работал кондиционер, поэтому мы вдвоем уселись под яблоней на лужайке. В последние недели в обеденный перерыв я ходила поспать в библиотеку, утверждая, что мне нужно сделать уроки, но в тот день он настоял, чтобы я поела с ним.

Он пытался со мной разговаривать, но я не могла сосредоточиться на его словах и в основном просто молча жевала. В какой-то момент я уронила апельсин, и он укатился прочь, остановившись у корней дерева в нескольких футах от нас. Я потянулась за ним, и у меня закатился рукав, обнажив заживающую рану – затянувшуюся, но все еще заметную. Я порезала себя бритвой, чтобы заставить себя почувствовать хоть что-то – прилив адреналина, боль. Все лучше, чем пустота. Я заранее посмотрела в интернете, как простерилизовать бритву и как делать надрез, чтобы не задеть ничего важного. Мне просто хотелось, чтобы мое тело сказала мне, что я все еще жива.

Я даже не потрудилась ничего объяснять. Мэтт не дурак. Он все равно бы не поверил, что я поскользнулась во время бритья или что-то в этом роде. Можно подумать, я брила волосы на руках.

– Ты перестала принимать лекарства? – спросил он строгим голосом.

– Ты мне что, отец? – я опустила рукав и положила свой апельсин на колени. – Отстань, Мэтт.

– Так перестала или нет?

– Нет. Не перестала. Потому что я никогда и не начинала.

– Что? – он сурово посмотрел на меня. – Врач тебе говорит, что у тебя проблема, а ты даже не пытаешься лечиться?

– Врач хочет, чтобы я была как все. Я не задачка, которую можно решить.

– Нет, ты ребенок, который отказывается пить витамины, – сказал он, все еще не в силах поверить в услышанное.

– Мне не нужно, чтобы меня накачивали лекарствами просто потому, что я веду себя не так, как хотят другие люди!

– Типа меня?

Я пожала плечами.

– То есть ты хочешь сказать, что постоянно чувствовать себя дерьмово – твой осознанный выбор? – Его лицо покраснело. – Прости, я как-то не сообразил.

– Думаешь, я хочу пихать в себя всякую химию, чтобы не чувствовать вообще ничего? – огрызнулась я. – Как я могу быть собой, если мой мозг подвергается химическому воздействию? Как я могу говорить или делать хоть что-нибудь стоящее, когда мне фактически делают лоботомию?

– Это не...

– Прекрати со мной спорить, как будто ты в этом что-то понимаешь. То, что у тебя есть эмоциональный козырь в рукаве, еще не значит, что ты имеешь право судить о чужом психическом состоянии.

– Эмоциональный козырь? – повторил он, вскинув брови.

– Да, – воскликнула я. – Какие у меня могут быть серьезные проблемы, когда я говорю с Мэттом «мой-папа-умер» Эрнандесом? – Это вырвалось само. Я не собиралась этого говорить.

Я знала, что Мэтт не использует смерть своего отца как инструмент влияния на окружающих. Я просто хотела сделать ему больно. Прошел уже год, а его боль все еще не улеглась, по-прежнему болтаясь на самой поверхности, и он сам этого стеснялся. Это я тоже знала. У нас ведь было то общее воспоминание, когда он плакал у меня в машине, крепко сжимая мою руку.

После того, как я неделями игнорировала его сообщения, врала ему, почему не могу пойти с ним погулять, и срывалась на каждую мелочь, мои слова про смерть его отца стали последней каплей. И даже тогда я ни в чем его не винила. У меня уже выработался рефлекс винить во всем только себя.

– Мэтт, – начала было я.

– Знаешь что? – сказал он, поднимаясь на ноги. – Делай, что хочешь. С меня хватит.

– Я совершил ошибку, – сказал Мэтт, и его губы были первым, что материализовалось в новом воспоминании – верхняя толще нижней, и рот слегка кривится в ту сторону, где ямочка. – Надо было начать с этого.

Мы в художественном классе. Там белоснежные стены и всегда пахнет красками и восковыми мелками. На задней стене полки, куда ученики складывают сушиться свои работы после урока. До того, как я начала отставать по этому предмету, потому что не сдала два проекта, я почти каждый день приходила сюда после уроков, чтобы позаниматься. Мне нравилось мерное жужжание ламп, спокойная атмосфера. А мне нелегко было обрести спокойствие.

Одноклассники сидят напротив меня полукругом. Я сижу на стуле, справа от меня парта, а от моей головы тянутся электроды к стоящему рядом прибору. Экран развернут к классу. Даже без электродов я знала, сколько мне тогда было лет, по цвету ногтей: в девятом классе у меня была мания красить ногти в уродливые кричащие цвета: кислотно-зеленый, фиолетовый с блестками, неоновый синий, ярко-оранжевый. Все, что должно быть красивым, мне нравилось делать уродливым. Или интересным. Иногда я не чувствовала разницы между двумя этими понятиями.

Это был второй мой крупный проект в девятом классе, после фотографий скал с любовными посланиями. Я увлеклась внутренним строением мозга, как будто это могло объяснить все, что происходит со мной и внутри меня. Повинуясь странному порыву вдохновения, я подала документы на грант для молодых художников и купила этот портативный прибор, перодовое открытие в нейробиологии. Врач научил меня, как им пользоваться, сидя со мной по несколько часов после уроков, и вскоре я притащила его в класс.

Я не стала ничего объяснять, просто прицепила к себе электроды и стала показывать одноклассникам мозговые волны и как их можно менять. Сначала я проделала упражнение на расслабление, показав, как ведет себя мозг во время медитации. Потом решала математические задачки. Слушала своих любимых комиков. Поделилась своим самым стыдным воспоминанием: как в шестом классе я чихнула, стоя у доски, и измазала соплями все лицо. Мозговые волны менялись и двигались в зависимости от того, что я делала.

Я старалась не давать воли моментам эмоциональных потрясений: то жуткое утро, когда мне было пять лет и мама не спустилась к завтраку, когда я увидела, что ее машины нет на месте. Я хранила свой внутренний хаос в секрете. Мне хотелось только показать, как работает мой мозг. Как часовой механизм.

Когда я закончила, зазвучали нестройные аплодисменты. Не слишком восторженный прием, но это меня и не удивило. Им никогда не нравилось, что я делаю. Одна из девочек подняла руку и спросила учителя:

– Э-э... мистер Грегори? А разве это вообще можно считать искусством? В смысле, она же просто показала нам свой мозг.

– Это можно считать перформансом, Джесса, – сказал мистер Грегори, снимая очки. – Подумай сама, что ты только что сказала: она показала нам свой мозг. Это намеренное проявление уязвимости. Это крайне редкая вещь как в жизни, так и в искусстве. Ведь искусство прежде всего требует уязвимости и смелости ее проявить.

Он подмигнул мне. Мистер Грегори был одним из составляющих спокойствия, которое я чувствовала в этом кабинете. Он, казалось, всегда понимал, к чему я веду, даже если я сама не совсем это понимала.

– Почему мы здесь? – нахмурившись, спросила я у Мэттью в настоящем. – Мы ведь тогда даже не были знакомы.

Мэтт сидел в конце класса, сбоку, склонив голову над тетрадью. В настоящем он улыбнулся мне. Ямочка на щеке, лукавый взгляд, белозубая улыбка.

– Потому что именно здесь началась наша история, – сказал он. – Ты была такой... Их мнение тебя совершенно не интересовало. Как будто все слушали одну песню, а ты другую. И боже мой, как же мне это понравилось. Мне тоже захотелось так.

От его слов у меня возникло странное чувство: будто я стала частично невесомой, как бумажная салфетка или крылья бабочки.

– Ты считаешь, меня не волновало, что они обо мне думают? – Я покачала головой. Я не могла позволить ему заблуждаться на мой счет, не в такой момент. – Конечно, волновало. Я до сих пор краснею, вспоминая об этом.

– Пусть так, – сказал он. – Но я пошел на ту вечеринку в десятом классе, потому что знал, что там будешь ты, а мне хотелось с тобой познакомиться. Мне очень понравился тот проект. Мне нравились все твои проекты. Мне казалось, ты показываешь мне себя, и хотелось отплатить тебе взаимностью.

У меня слегка вспыхнули щеки.

– Ты никогда не рассказывал...

– Ну, ты как-то сказала, что тебе неприятно говорить о старых проектах, – пояснил он, пожав плечами. – Так что я решил не поднимать эту тему.

– Понимаешь, именно поэтому я и боялась принимать лекарства, – мягко сказала я. – Боялась, что из-за них я больше не смогу заниматься искусством. Ведь именно эмоции, иногда очень сильные, заставляют меня творить.

– Но ты ведь можешь чувствовать себя лучше и в то же время создавать интересные работы.

– Не знаю, – я закусила губу. – Я привыкла быть в таком состоянии. Нестабильном. Как ходячий комок нервов. Я боюсь, что, если избавлюсь от этих перепадов настроения, как вверх, так и вниз – особенно вниз, во мне не останется ничего интересного.

– Клэр, – он встал, прошел между стульев и уселся на корточки рядом со мной, положив руки мне на колени. – Этот комок нервов – не ты. Это та штука, которая живет у тебя в голове и придумывает всякие глупости. Если ты от нее избавишься, только представь, что ты могла бы сделать. Кем бы ты могла стать.

– Но что, если... если я начну принимать лекарства и стану скучной плоской личностью? – спросила я с некоторым надрывом.

– От лекарства такого не должно быть. Но если вдруг так и будет, попробуешь другое, – его руки сжали мои колени. – И скажи честно, разве «плоско» так уж отличается от того, как ты чувствуешь себя сейчас?

Я ничего не ответила. Большую часть времени я была так близка к тому, чтобы свалиться в самую мрачную и пустую часть своей души, что пыталась не чувствовать ничего вообще. Так что единственная разница между этим и бесчувственным состоянием под лекарствами было сознание того, что я все еще могу туда попасть, если понадобится, хотя я ни за что этого не сделаю. Именно в этой части моей души и обитала настоящая я, говорила я себе. Там было и искусство.

Но может быть – может быть! – оно было не там. Я была убеждена, что изменения в моем мозге лишат меня способности творить... Но, возможно, на самом деле они подарят мне новое творчество. Возможно, без этого монстра в голове я смогу делать больше, а не меньше. Вероятность примерно одинаковая. Но я больше верила в рок, чем в исцеление.

– Это нормально – хотеть чувствовать себя лучше. – Мэтт коснулся моей руки.

Не знаю почему, эти простые слова пронзили меня так же глубоко, как музыка в последнее время. Будто в грудь вонзилась игла и поразила меня в самое сердце. Я даже не попыталась сморгнуть слезы. Вместо того чтобы отгородиться от них и вообще от любых чувств, я нырнула в них с головой. Впустила в себя боль.

– Как мне теперь может стать лучше? – я закрыла глаза руками. – Как мне когда-нибудь может стать лучше, если ты умрешь?

Я рыдала, как он тогда в моей машине, хватая его за руки, все еще лежавшие на моих коленях. Переплела свои пальцы с его и сжала их.

– Потому что, – сказал он, – это твой долг.

– Кто это сказал? – возмутилась я, сердито посмотрев на него. – Кто может решать, как мне себя чувствовать?

– Я. Я выбрал тебя одним из своих последних посетителей, потому что хотел получить шанс сказать тебе, что ты – это нечто гораздо большее, чем твоя боль. – Он погладил костяшки моих пальцев. – Ты можешь носить все эти воспоминания с собой. Они будут жить дольше, чем твое горе, я обещаю. И однажды ты сможешь думать о них, чувствуя, будто я снова рядом.

– Ты, кажется, недооцениваешь мои способности, – сказала я, рассмеявшись сквозь слезы. – Перед тобой профессиональный нытик.

– Пусть кто-то тебя бросает, – сказал он, в кои-то веки пропустив мимо ушей шутку, чтобы сосредоточиться на чем-то важном. – Но это не значит, что ты *заслуживаешь*, чтобы тебя бросали. Вовсе не значит.

Я еще не совсем поверила ему, но уже почти.

– Не уходи, – шепнула я.

И отвела его обратно к океану, где мы пересекали водную гладь с отражением луны после того, как прыгнули с обрыва. Вода набралась мне в ботинки, стало труднее держаться на плаву.

– У тебя косметика по всему лицу размазалась, – сказал он, засмеявшись. – Как будто фингал под каждым глазом.

- А у тебя соски просвечивают в этой рубашке.
- Клэр Лоуэлл, ты что, пялишься на мои соски?
- Ну да!

Мы оба засмеялись, и наш смех эхом разносился над водой. Потом я сделала рывок в его сторону – не чтобы его утопить (хотя, судя по его лицу, именно этого он и ждал), а чтобы обвить руками его шею. Он обнял меня, обхватил за талию, крепко прижавшись пальцами к ее изгибу.

– Я буду по тебе скучать, – сказала я, глядя на него сверху вниз. Прижавшись к нему, я снова почувствовала себя клочком бумаги, яичной скорлупой, осенним листом. Как же я не заметила это чувство с первого раза?

Это было самое мощное, что я чувствовала за много дней, недель, месяцев.

– Хорошая вышла история, правда? – спросил он. – В смысле, наша история.

– Самая лучшая.

Он поцеловал меня в скулу, а потом, прижавшись своей щекой к моей, прошептал:

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя, да?

А потом он перестал грести, утянув нас обоих под воду.

Очнувшись в больничной палате, я увидела перед собой незнакомую медсестру, которая вытаскивала из моей руки капельницу и пластырем приклеивала ватный тампон мне на сгиб локтя. Доктор Альберстон заглянула в палату, чтобы удостовериться, что я пережила процедуру без последствий. Чтобы успокоиться, я снова уставилась на ее синие ногти, которые пустились в очередной танец, пока она говорила.

Как только она сказала, что я могу идти, я пулей выскочила из палаты, оставив там свою бесполезную толстовку, как Золушка хрустальную туфельку. Может, подумалось мне, она оставила туфельку вовсе не для того, чтобы принц нашел ее, а просто потому, что спешила убежать от боли из-за невозможности получить желаемое, и ей было не важно, что она потеряет в процессе.

Когда я вышла из больницы, уже почти рассвело. Я воспользовалась боковым выходом, чтобы не столкнуться ни с кем из родственником Мэтта. Мне была невыносима мысль о возвращении домой, поэтому я поехала на пляж, на ту самую парковку, куда однажды привозила Мэтта посмотреть на грозу. Но на этот раз я была одна, и в груди у меня было странное напряженное ощущение, будто я вот-вот упаду в обморок.

У меня в мозгу была записана мантра на этот случай: «Ничего не чувствуй. Ничего не чувствуй, и будет легче. Заройся в норку, спрячься под землей, свернись клубком для тепла и притворяйся, что остальной мир не двигается. Притворяйся, что ты одна, под землей, где боли тебя не достать».

Глаза невидящим взглядом смотрят в темноту. Сердцебиение замедляется. Живой труп – это все-таки лучше, чем умирающее сердце.

Проблема с этой мантрой заключалась в том, что, зарывшись в норку, я часто не могла найти выход, разве что на лезвии бритвы, которая пронзала мое оцепенение и возвращала мне чувствительность.

Но, пока я слушала шум волн, меня осенило, что я не хочу ничего *не чувствовать* к Мэтту. Пусть даже ненадолго. Он заслужил хотя бы мою печаль, пусть даже это последнее, что я могу ему дать.

Я потянулась дрожащей рукой к кнопкам громкости на приборной панели, нажимая на «плюс» до тех пор, пока из колонок не раздалась музыка. Разумеется, заиграл тот самый альбом: бодрые гитарные переборы и звон колокольчиков резко контрастировали с мягким шуршанием океана.

Я положила голову на руль и слушала «Traditional Panic», пока всходило солнце.

Вдруг зазвонил телефон – звонок меня разбудил. Я заснула, сидя в машине. Солнце поднялось уже высоко, и я вспотела от нарастающей дневной жары. Взяв трубку, я посмотрела на

свое отражение в зеркале заднего вида: на лбу отпечатались швы от обивки руля. Я потерла кожу, чтобы избавиться от красных следов.

– Что такое, мам? – спросила я.

– Ты еще в больнице?

– Нет, я уснула на парковке у пляжа.

– Это шутка? Я по телефону не могу понять.

– Нет, я серьезно. Что случилось?

– Я звоню сказать, что операция закончилась, – пояснила она. – Мэтт выжил. Они пока не уверены, что он очнется, но это уже обнадеживающий первый шаг.

– Он... что? – переспросила я, щурясь от ярких отблесков солнца на воде. – Но анализ показывал...

– Статистика – это еще не все, детка. Когда шансы – девять к одному, всегда есть этот один. И на этот раз он достался Мэтту.

Странное чувство – улыбаться до боли в щеках и в то же время плакать навзрыд.

– Ты в порядке? – спросила мама. – Ты что-то притихла.

– Нет, – ответила я. – На самом деле нет.

Никто мне никогда не говорил, что антидепрессанты такие маленькие, и это меня несколько шокировало, когда я первый раз высыпала горсть таблеток себе на ладонь.

Как я могла бояться такой крошечной миленькой штучки нежно-зеленого цвета? Как я могла бояться этой маленькой таблетки больше, чем приступов рыданий, от которых я падала на колени в душе?

Но Мэтт в свойственной ему манере просто попросил меня попробовать. Просто попробуй.

И он любил меня. Может, он имел в виду, как друга, как сестру или как-нибудь еще. Этого мне никак не узнать. Но я точно знала, что любовь – как крошечный светлячок вдали, мерцающий как раз тогда, когда мне это нужно. Даже под наркозом, с переломанным телом, перенося операцию за операцией, он нашел способ поговорить со мной.

«Просто попробуй».

И я попробовала, пока все мы ждали, очнется ли он. Я попробовала как следует. Засовывала в рот таблетки. Каждую неделю ездила к доктору, заставляя себя не врать, когда она спрашивала, как я себя чувствую. Ела, принимала душ и ходила в летнюю школу. Просыпалась после восьми часов сна вместо того, чтобы проспать все лето.

Когда я рассказывала доктору про Последнее посещение, я могла говорить только о чувстве вины. Посещение показало мне вещи, которых я не замечала раньше, хотя теперь они казались очевидными. Были вещи, которые мне следовало бы сказать Мэтту, если он не проснется. А теперь оставалось лишь надеяться, что он и так все это знает.

Но он все же очнулся.

Это случилось в последнюю неделю лета, когда было так влажно, что мне приходилось дважды в день менять рубашки, чтобы не ходить в мокром. От солнца у меня на носу выступили веснушки, а глаза были вечно прищурены. Скоро начнется последний учебный год, но для меня он ничего не значил без него.

Когда мама Мэтта сказала, что я могу его навестить, я сунула в машину свою коробку с художественными принадлежностями и поехала в больницу. Я остановилась у буквы Б, как всегда, чтобы не забыть. Б – в честь моего любимого ругательства.

Я зашла с коробкой в здание и, как положено, зарегистрировалась у дежурного. Скучающего вида женщина, не поднимая глаз, распечатала для меня бейджик. Я приклеила его к рубашке, которую декорировала сама, капая отбеливателем в разные места, пока она не стала красновато-оранжевой. Это была моя вторая попытка. В первый раз я случайно ляпнула два пятна прямо на грудь, что смотрелось так себе.

Я медленно пошла к палате Мэтта, стараясь успокоиться с помощью глубоких вдохов. Его мама раза четыре назвала мне номер палаты и дала совершенно противоречивые указания, как до нее дойти. Я спросила в сестринской, и мне указали на последнюю палату слева.

Доктор Альбертсон стояла перед одной из соседних палат, листая чью-то карту. Она посмотрела на меня, но не узнала. Она наверняка встречает столько людей во время Последних посещений, что все лица сливаются в одно. Когда она отвернулась, я заметила, что теперь ее ногти были не синими, а ядовито-зелеными. Почти как облезающий лак у меня на большом пальце.

Я вошла в палату Мэтта. Он неподвижно лежал на кровати с закрытыми глазами. Но мне объяснили, что он просто спит, а не в коме. Он очнулся на прошлой неделе и сначала был слишком дезориентирован, чтобы можно было наверняка сказать, что он поправится. Но потом он постепенно пришел в себя.

Во всяком случае, так говорят. Я в это поверю только когда увижу все своими глазами. А может, и тогда не поверю.

Я положила коробку и открыла крышку. В моем новом проекте было множество деталей. Я взяла столик, куда Мэтту ставили поднос с едой, и прикроватную тумбу, и поставила их рядом. Нашла розетку для колонок и старого CD-проигрывателя, который купила в интернете. Он был ярко-фиолетового цвета и весь в наклейках.

Пока я прodelывала все эти манипуляции, глаза Мэтта открылись и посмотрели на меня. Он поворачивал голову медленно – его позвоночник был поврежден после аварии, – но уже мог это сделать. У него шевелились пальцы. Я сдержала и улыбку, и всхлип, постаравшись придать лицу нейтральное выражение.

– Клэр, – сказал он, и мое тело возликовало от звука собственного имени. Он меня узнал. – Кажется, мне снился сон про тебя. Или даже несколько снов, в совершенно определенном порядке, по велению твоего покорного слуги...

– Тс-с-с. Я тут в процессе творчества.

– Ах, прости, – ответил он. – А я в процессе возвращения с того света.

– Рановато для таких шуток.

– Прости. Защитный механизм.

Я уселась рядом с ним и начала расстегивать рубашку. Он поднял брови.

– Ты что делаешь?

– Мультизадачность. Мне надо прикрепить эти электроды к груди. Помнишь их? – я показала ему электроды с прикрепленными к ним проводами – те же, которые я использовала в своем проекте с мозгом. – А еще хочу повысить свои шансы.

– Свои что?... Меня что, опять лекарствами накачали?

– Нет. Если бы ты был под кайфом, разве ты бы видел галлюцинации, где я без рубашки? – Я усмехнулась и прикрепила один электрод к правой стороне груди, второй – чуть ниже. Вместе они будут считывать биение моего сердца.

– Без комментариев, – сказал он. – У тебя на удивление девчачий лифчик.

Он был темно-синий, в мелкий бело-розовый цветочек. Я его всю неделю берегла ради сегодняшнего дня, хотя он был моим любимым и обычно после стирки я надевала его первым.

– Если я не люблю платья, это еще не значит, что я ненавижу цветочки, – парировала я. – Ну все, тихо.

Я включила колонки, подсоединенные напрямую к электродам у меня на груди. Из них зазвучало мое сердцебиение – ровное и размеренное. Я сделала глубокий вдох через нос и выдох через рот. Потом включила проигрыватель и поставила вторую песню с альбома Chase Wolcott – «Inertia».

Инерция

Меня влечет к тебе, мне не устоять,

Да я и не хочу,

Меня влечет к тебе.

Барабаны отбивали четкий ритм, гитары надрывались, придавая мелодии поступательное и круговое движение. Мое сердце реагировало соответственно, ускоряясь по мере того, как я слушала песню.

– Как у тебя сердце бьется, – заметил он. – Теперь тебе нравится эта песня?

– А я тебе говорила, что лекарства все у меня в голове запутают, – мягко ответила я. – Правда, я к ним только привыкаю, так что не особо обнадеживайся. Может, потом мне этот альбом снова разонравится.

– Лекарства, – повторил он. – Так ты стала их пить?

– Пока корректируем дозу, но да, я стала пить таблетки, отчасти благодаря советам одного знакомого, – сказала я. – Пока что среди побочных эффектов – головная боль, тошнота и чувство, что жизнь может сложиться не так уж и плохо. Последнее – самое неприятное.

У него на щеке появилась ямочка.

– Если тебе понравилась эта фишка с сердцебиением, погоди, покажу тебе кое-что еще покруче.

Я выключила музыку.

– Ну давай, – сказал он, прищурившись.

Я встала и дотронулась рукой до кровати рядом с его плечом. Сердце в колонках заколотилось чаще. Я склонилась и крепко поцеловала его в губы.

Его губы зашевелились, наконец ответив на поцелуй. Он потянулся рукой к моей щеке, отвел волосы с лица. Провел ладонью по изгибу шеи.

Мое сердце стучало, как скоростной поезд. Эта штука внутри меня – этот пульсирующий орган, доказывавший, что я еще жива, стала саундтреком нашего первого поцелуя, и это было лучше любой музыки, пусть даже самой классной группы.

– Искусство, – сказала я, когда мы отстранились друг от друга, – требует как уязвимости, так и смелости ее проявить.

Я сидела на краю его койки, осторожно устроившись рядом с его бедром. Его ореховые глаза следили за каждым моим движением. На его лице не было ни тени улыбки. Брови нахмурены.

– Последние посещения придумали для того, чтобы дать людям шанс все высказать, прежде чем они потеряют близкого человека, – сказала я. – Но когда я уезжала отсюда, думая, что ты вот-вот покинешь меня навсегда, я поняла, что кое-чего до сих пор не сказала.

Я теребила его одеяло между пальцами, вдруг снова застеснявшись. Мое сердце билось все быстрее и быстрее.

– Ну, – тихо произнес он, – тогда скажи сейчас.

– Ладно, – я откашлялась. – Ладно, сейчас скажу.

Он улыбнулся своей широкой кривой улыбкой.

– Клэр... ты меня любишь?

– Да, – ответила я. – Я тебя люблю.

Он закрыл глаза всего на секунду, и на его губах заиграла улыбка.

– Лифчик – отличный ход, – сказал он, – но тебе не нужно было повышать свои шансы, – и тут он улыбнулся еще шире. – Все и всегда вело меня к тебе.

Я улыбнулась. Протянула руку и нажала кнопку на проигрывателе. Осторожно улеглась рядом с ним на больничной койке, стараясь не потревожить его.

Он провел пальцами по моим волосам и снова притянул мои губы к своим. Мы молча, не нуждаясь ни в каких словах, слушали на повторе песню «Inertia».

Джон Сковрон

История не о любви

Дорогой читатель, хочу тебя заверить, что эта история – не про любовь, что бы там ни было написано на обложке. Таких историй и без того предостаточно, спасибочки. Нет, это история двух человек, которые были убеждены, что любовь – для дураков.

Первый из наших героев – Лина Коул. У нее были пронзительные голубые глаза, прелестные аккуратные черты лица и длинные черные волосы, которые она собирала в практичную, но не лишенную очарования прическу. Она шагала по территории спа-курорта «Отель дель Арте» с уверенностью, проистекавшей из многолетнего опыта. Хотя ей не было еще и восемнадцати лет, за несколько летних сезонов, что она проработала в отеле, ей удалось стать незаменимым сотрудником.

Она прошла через столовую, где столы были накрыты к завтраку.

– Доброе утро, миссис Нэлоун.

Немолодая женщина с пепельными волосами и сильным загаром потягивала «мимозу».

– Доброе утро, Лина.

Лина Коул помнила имена и привычки каждого постояльца, приезжавшего в отель за последние три года, и всех знала в лицо. Миссис Нэлоун, многократно разведенная дама, была постоянным клиентом. Ее сын, Вито Нэлоун, вылезет из постели не раньше, чем через час.

Лина пошла дальше по коридору. Проходя мимо игровой, она услышала, как кто-то сказал:

– Скоро начинаем, Зик.

Тщедушный шестнадцатилетний парнишка с черными волосами торчком сидел в кресле-мешке и расстреливал зомби на огромном телевизоре с плоским экраном. Он был одет в белую рубашку-поло и шорты цвета хаки – форменную одежду всех сотрудников отеля. Оторвавшись от игры, он радостно помахал Лине.

Она улыбнулась и пошла дальше, приветствуя постояльцев и дружелюбно кивая коллегам. Дойдя до лобби, она увидела менеджера по персоналу. Брайс Гелло, как и Лина с Зиком, был одет в гостиничную форму. У него была короткая стрижка с небольшой аккуратной челкой, строго параллельной земле.

– О, Лина, я как раз собирался тебе написать, – Брайс сверился со своим планшетом с таким видом, будто там содержались истины в последней инстанции (впрочем, на его взгляд, так оно и было). – Я хочу, чтобы ты встретила Арло Кина на станции.

– Ах да, – ответила Лина. – Новенького. Ты уже решил, куда его распределить?

Брайс покачал головой.

– Приводи его на ознакомительную экскурсию в полдень. Тогда и решу. Да, только сперва зайди к Фиколло.

– Как раз туда и иду.

Лина поднялась на лифте в пентхаус. Магнус Фиколло был владельцем отеля. Но он был не из тех владельцев, кто берегает пентхаус для VIP-клиентов. С его точки зрения, весь смысл владения отелем состоял в том, чтобы они с дочкой могли жить в пентхаусе, когда пожелают. А желали они этого обычно в начале лета, когда уже заканчивались весенние дожди, но еще не начиналась настоящая жара.

Главной обязанностью Лины было следить за тем, чтобы у мистера Фиколло и его обожаемой дочери Изабеллы было все, что душе угодно. Когда она постучала в дверь номера, открыла Изабелла.

Широко распахнув глаза, Изабелла заключила Лину в объятия.

– Я так рада тебя видеть! Как учебный год?

Лина тепло улыбнулась и тоже приобняла Изабеллу, после чего деликатно отстранилась. За годы работы у Фиколло она усвоила, что у Изабеллы, как и у многих богатых наследниц, было все, чего можно пожелать, кроме настоящей подруги.

– Продуктивно, как всегда, мисс Фиколло.

– Но весело-то тебе было? – Глаза Изабеллы ярко сияли, а ее улыбка была все такой же задорной, как и прошлым летом.

– Конечно, мисс Фиколло.

Изабелла сжала ее руки.

– Ты видела? Мой лабиринт готов!

– Да, получилось очень красиво.

Изабелла потащила Лину к балкону, откуда открывался вид на всю территорию отеля. Там был бассейн с баром, теннисный корт, баскетбольная площадка, сады, поле для гольфа и – последнее нововведение – лабиринт из живой изгороди, который сделали специально для Изабеллы. Она восторженно вздохнула.

– Все, как я хотела! Лето будет отличное!

– Как и прошлое, – сказала Лина.

– Не хочешь сыграть в теннис сегодня утром?

– Боюсь, мне придется поехать на вокзал, чтобы встретить нового сотрудника, – пояснила Лина. – Может, перенесем на вторую половину дня?

– Конечно! – воскликнула Изабелла. – Новый сотрудник? Как интересно! Обожаю знакомиться с новыми людьми.

Лина наморщила вздернутый носик.

– Новые люди несут с собой перемены.

Как вы уже догадались, вторым героем нашей истории стал вышеупомянутый новичок, Арло Кин. В отличие от Лины, Арло был привычен к переменам. Сменил три школы за три года, причем каждая следующая была строже предыдущей. Его мать могла бы злиться на него за бесконечные исключения, но у нее у самой была привычка менять работу и бойфрендов каждый год. Нехватку постоянства Арло и его мама с лихвой компенсировали умением адаптироваться. Так и получилось, что его мама стала встречаться с одним из самых богатых мужчин в Нью-Йорке. Ее новый ухажер нашел Арло подработку на лето в модном загородном отеле. По сравнению с прошлогодней работой на складе эта представлялась трехмесячными каникулами в раю.

Сойдя с поезда, Арло причесал пальцами свои каштановые кудри. Ему явно пора было стричься – волосы так часто падали на глаза, что, казалось, будто так и задумано. Он осмотрел толпу людей на перроне в поисках человека, который должен был его встретить. Он улыбнулся, заметив девушку своих лет с табличкой «Кин». Она обладала той удивительной красотой, которая меняется в зависимости от того, с какой стороны на нее смотришь. Под одним углом ее черты казались элегантными и острыми, как лезвие. Под другим ее глаза горели внутренним огнем. А Арло как раз любил играть как с ножами, так и со спичками.

Продолжая улыбаться, он подошел к ней и указал на табличку:

– Это я.

Она окинула его оценивающим взглядом.

– Что ж, ты украсишь наш штат как минимум с эстетической точки зрения. Пойдем. Ты приехал последним из сотрудников. Нам надо быть в отеле к полудню.

Шагая следом за ней к парковке, расположенной за зданием вокзала, он решил, что ее слова можно счесть за комплимент.

– Ты тоже работаешь в отеле?

– Угу, – она нажала кнопку на ключах, отпирая черный гибридный внедорожник.
– Тогда я не представляю, что там еще можно украшать, – сказал он, усаживаясь на пассажирское сиденье.

Она слегка улыбнулась, заводя машину.

– Нет предела совершенству.

– Ну, а парень у тебя есть?

– Нет, – спокойно ответила она, не сводя глаз с дороги.

– Ясно, – сказал Арло. – Я тоже предпочитаю держаться подальше от серьезных отношений.

Она метнула на него пронизательный взгляд.

– Оно и видно.

– Эй, я не в том смысле.

Она снова сосредоточилась на дороге.

– А в каком?

– Ну... – Арло перебрал в уме несколько возможных вариантов ответа и отбросил их все по очереди. – Наверное, мне лучше заткнуться и просто быть симпатягой.

– Как раз хотела предложить, – согласилась она.

Так завершилась первая встреча наших героев, дорогой читатель. Ни милого конфуза, ни любви с первого взгляда. В конце концов, такое ведь случается только в глупых романтических сказочках. И даже если бы это была история о любви – а это точно не она, – я знаю, что столь разборчивый читатель, как ты, не потерпел бы такой банальщины.

Патрисия Нэлоун расслаблялась у бассейна. Врач говорил ей, и неоднократно, что в ее возрасте загорать вредно. Это ведь приманивает рак кожи. Но без своего фирменного бронзового загара мисс Нэлоун чувствовала бы себя так же странно, как если бы позволила своим крашеным в пепельный блонд волосам вернуться к естественному седому цвету. Так что она сидела на шезлонге, подставляя солнцу блестящую от лосьона морщинистую кожу, с бокалом охлажденного вина в руке, хотя на часах еще не было и двенадцати.

– Ну серьезно, Вито, – сказала она сыну голосом, который некогда был соблазнительным, но охрип после полувека курения и злоупотребления алкоголем. – Не знаю, что с тобой не так.

– Все со мной нормально, мам, – рассеянно ответил Вито Нэлоун. Его внимание было сосредоточено на очертаниях собственной руки, поднимавшей гантель. В силовых тренировках главное не просто тягать железо. От махания гантелями не будет никакого толка, если не совершенствовать и форму, и размер мускулов.

В каком-то смысле Вито был очень похож на мать. Его бронзовая кожа тоже блестела от солнцезащитного крема, хотя юное тело было гладким и упругим. Свои темные волосы он не красил полностью, но позволял себе осветлить несколько прядей.

– Почему бы тебе не пригласить куда-нибудь Изабеллу Фиколло? – При этих словах его мать могла бы нахмуриться, но недавняя инъекция ботокса не позволяла ей это сделать.

Вито пожал накачанными плечами.

– Она меня не интересуется.

– Как тебя может не интересовать единственная наследница миллиардного состояния?

Вито положил гантель на бортик бассейна и уселся в шезлонг, наблюдая, как мимо быстрым шагом идет менеджер по персоналу Брайс Гелло, сосредоточенно уставившись в свой планшет. В его суетливости было какое-то простодушие, которое Вито находил совершенно очаровательным. Он вздохнул:

– Не знаю, мам. Просто не тянет меня к ней.

Ровно в полдень сотрудники «Отеля дель Арте» собрались на баскетбольной площадке. Там было много народу, преимущественно старшеклассники и студенты. Арло с воодушевлением

посмотрел на кольца. Интересно, сотрудникам разрешают играть? Не то чтобы запрет ему помешал, но он бы определенно учитывал его в своих планах.

Рядом с ним стоял парнишка помладше, лет пятнадцати-шестнадцати, тоже поглядывающий на кольца.

– Как думаешь, нам разрешат играть по вечерам? – спросил Арло.

Парнишка сложил ладони, как в молитве.

– Это Зик Занни, – пояснила стоявшая рядом Лина.

– Привет, Зик! – Арло протянул руку новому знакомому.

Зик пожал ему руку и улыбнулся, но ничего не сказал.

– Зик не разговаривает, – сказала Лина.

– Почему?

Она пожала плечами.

– Не знаю, он никогда не рассказывал. – Она махнула рукой в центр толпы. – Брайс сейчас начнет.

Брайс Гелло на вид был чуть старше Арло – может, лет двадцати.

– Привет всем! Давайте начнем, если можно, – выжидая, пока стихнут разговоры, он посмотрел на свой планшет. – В качестве менеджера «Отеля дель Арте» я бы хотел поприветствовать вас всех в первый день лета и нашего пикового сезона. Некоторые постояльцы уже прибыли. Вскоре приедут еще. Прошу тех немногих, кто впервые присоединился к нам в этом году, подойти ко мне после собрания, чтобы получить униформу и указания насчет работы. В рабочее время вы всегда должны быть в форме, чтобы постояльцы знали, к кому обратиться за помощью.

Арло посмотрел на белые поло и шорты, которые ему показались чересчур облегающими и короткими.

Он шепнул Лине:

– А все шорты так в обlipку сидят?

Она хищно улыбнулась.

– Вот за что я люблю эту работу.

– Я думал, тебе парень не нужен.

– Есть множество промежуточных вариантов между тем, чтобы наслаждаться видом симпатичных мальчиков в облегающих шортах и стремиться к отношениям.

– И какое же положение в этом промежутке занимаю я?

Лина, откинув голову назад, осмотрела его с ног до головы.

– Если не окажешься полным дебилом, есть потенциал.

Зик пихнул Арло локтем и ободряюще подмигнул ему.

– Это у нее комплименты такие? – спросил Арло. Зик кивнул.

– Хочу, чтобы вы четко понимали, – продолжал тем временем Брайс. – Хотя у вас у всех есть собственные обязанности, желание клиентов – на первом месте. Чем бы вы ни были заняты, если гость вас о чем-то просит – сделайте это. Ясно? Так, новенькие – ко мне, остальные – по местам.

Народ начал расходиться, а Лина легонько толкнула Арло.

– Посмотрим, что он тебе поручит. У Брайса есть особый дар подбирать людям именно ту работу, которая подходит им больше всего.

Они с общим потоком двинулись в сторону Брайса. Арло заметил, что Зик идет за ними следом.

– А ты что делаешь, Зик? – спросил Арло. Он не знал, как Зик будет отвечать, но ему показалось неловким задавать вопрос, адресованный мальчику, Лине.

Зик сложил руки, будто держал клюшку для гольфа, взмахнул ей и проследил взглядом за воображаемым мячиком.

– Мячи для гольфа носишь? Непыльная работенка. Вот бы и мне что-нибудь в этом роде.
– Эй, Брайс! – Лина указала большим пальцем на Арло. – Это наш новенький. Пока вроде не кажется полным раздолбаем.

– Хорошо, – Брайс взялся пальцами за подбородок и прищурился, разглядывая Арло.

– А что, сортировочной шляпы не будет? – спросил тот.

– Будешь спасателем в бассейне, – вынес вердикт Брайс.

– Серьезно? – воскликнул Арло, не обращая внимания на хихиканье Лины и Зика.

– Абсолютно, – серьезно ответил Брайс. – Бассейн – одна из самых популярных точек в отеле. Там нужен человек привлекательный, но достаточно сообразительный, чтобы следить за собой и за окружающими. Ты ведь плавать умеешь?

– Да, но...

– Вот и отлично, – сказал Брайс. – Это важный пост. Вообще-то лучше бы мне тебя обучить самому.

Оценив серьезное выражение лица своего нового шефа, Арло выдавил улыбку.

– Отлично!

– О, Лина! – раздался бойкий голос с дальней стороны площадки. Девушка в розовом поло и белой юбке, на вид ровесница Арло, помахала теннисной ракеткой. Она стояла против света, и Арло пришлось прищуриться, чтобы ее рассмотреть. В солнечных лучах у нее был почти ангельский вид.

– Ты уже можешь со мной поиграть?

Лина тепло улыбнулась.

– Конечно, мисс Фиколло. Сейчас подойду, – она повернулась к ним спиной. – Ну что, мальчишки. Служба зовет.

Арло посмотрел ей вслед, осознав, что узкие форменные шорты выгодно смотрятся не только на парнях. Он еле слышно вздохнул.

Брайс проследил за взглядом Арло.

– Тут без шансов.

– Я считаю себя оптимистом, – сказал Арло.

– Ну, удачи тебе. – Он взял Арло за плечо и развернул его в направлении бассейна. – Думаю, ты поймешь, что в работе у бассейна есть свои плюсы. Да что там, я сам с этого начинал. Ты удивишься, насколько это может быть интересно.

– Жду не дождусь, – сказал Арло. Когда Брайс повел его к бассейну, Арло обернулся и одними губами шепнул Зику:

– Баскетбол после работы?

Тот показал ему два больших пальца.

– Итак, – начал Брайс, светясь энтузиазмом. – Две самые важные задачи в бассейне – это следить за балансом химикатов и чистить воду, чтобы у нее всегда был первозданный вид.

– Вы с Брайсом с тем самым новеньким говорили? – спросила Изабелла, подавая мяч с изысканием, требующим многолетних тренировок.

– Да. Будет за бассейном следить, – ответила Лина, отбивая подачу.

– Ты притворяешься, что не знаешь, как его зовут? – Изабелла отбила мяч. – Ты, Лина Коул, которая знает всех и вся?

Лина пропустила мяч и спокойно пошла за ним к ограде.

– Его зовут Арло Кин.

– Он симпатичный, – отметила Изабелла.

– Чую, у нас с ним будут неприятности. – Если говорить как на духу, Лина бы призналась, что Арло показался ей привлекательным. И то, как легко он нашел общий язык с Зиком, только

усиливало его привлекательность. Но было в нем что-то такое, что заставляло ее чувствовать легкую неуверенность в себе. А это чувство ей совсем не нравилось.

– Знаешь, в чем твоя проблема, Лина?

– В чем же, мисс Фиколло? – ответила Лина, ударив ракеткой по мячу.

– Ты слишком скоро судишь. Может, он и кажется повесой на первый взгляд. Но к некоторым парнями надо присмотреться поближе, чтобы разглядеть их истинную красоту.

– Как с юным мистером Илором? – спросила Лина, махнув ракеткой в сторону входа в отель, где как раз появились Франклин Илор с матерью.

– Ах, Франклин... – при виде него весь задор Изабеллы растаял, как ириска на солнце. – Он еще краше, чем прошлым летом, правда?

– Разве что еще больше витает в облаках. – Франклин напоминал Лине поэтов-романтиков вроде Байрона и Шелли. Задумчивый взгляд, вечно помятая одежда и меланхолически-невинный вид в сочетании с полным равнодушием к тому, что вокруг него происходит. Она наблюдала, как он мыкается с полной книг багажной тележкой, пытаясь не дать ей укатиться в кусты. Взлохмаченные волосы, очки набекрень, шнурки развязаны.

Впрочем, не стоило судить его слишком строго: его мама была точно такой же. Доктор Илор шла следом, уткнувшись носом в электронную книгу и с трудом умудряясь ни на что не наткнуться на своем пути. Прическа и одежда у нее были в столь же растрепанном виде. Но если Франклин напоминал поэта эпохи романтизма, то его мама была скорее похожа на занудного профессора одного из университетов Лиги плюща, который редко отрывается от своих книг. Собственно, она как раз и была таким профессором. Мистер Илор каждый год отправлял жену с сыном в «Отель дель Арте» на все лето, и Лина не винила его за то, что сам он к ним не присоединялся.

– Франклин, милый, – сказала доктор Илор, не отрывая глаз от книги. – Учитывая безусловное историческое превосходство «Записок о галльской войне» Цезаря, я не вижу смысла в том, чтобы ты тратил лето на изучение сентиментальной чепухи Вергилия.

– Но, мама, – возразил Франклин, все еще пытаясь совладать со своей тележкой, – в литературе меня гораздо больше интересует душа, чем политика.

– Готовы к подаче, мисс Фиколло? – настойчиво спросила Лина. Изабелла встрепенулась и с немалым усилием вернулась из состояния растаявшей ириски в образ богатой и привлекательной наследницы.

– Конечно. Всегда готова.

Но в тот самый момент, как Лина ударила по мячу, тележка Франклина опрокинулась, и книги рассыпались по дорожке, как колода неимоверно толстых античных карт.

– Ой, мамочки! – Изабелла обернулась на тихий возглас Франклина, как раз когда мяч подлетел к ней. Вместо ракетки мяч угодил ей в голову, и она упала самым неприглядным образом.

– Изабелла! – Лина перепрыгнула через сетку и ринулась к ней. Франклин обернулся при звуке ее имени.

– Мисс Фиколло! – Он запутался в своих книгах и едва не упал, споткнувшись о томик «Энеиды», но в конце концов выправился и поспешно подбежал к Изабелле.

Лина помогла девушке принять сидячее положение и осмотрела красную отметину у нее на лбу. Вполне вероятно, что Лина, раздраженная тем, насколько Изабелла была очарована Франклином, ударила по мячу слишком сильно. На лбу Изабеллы уже проступал небольшой синяк.

Франклин неловко стоял рядом, заламывая руки.

– Мисс Фиколло! Вы в порядке?

Изабелла, поморгав, открыла глаза. Ее розовые губки сложились в улыбку.

– Франклин, пожалуйста, зовите меня Изабеллой.

– И-за-бел-ла, – проговорил он по слогам, будто изучая оркестровку, чтобы понять, как ноты складываются в такую красивую мелодию. – Изабелла...

– Да, Франклин? – с придыханием спросила она.

– Я рад, что с вами все в порядке, – сказал он и побежал прочь.

Изабелла вздохнула.

– Может, я совсем ему и не нравлюсь.

Она так привыкла к тому, что все демонстративно выказывали ей симпатию, что ей нужно было научиться читать менее очевидные знаки.

– Не думаю, что дело в этом, – сказала Лина.

Изабелла нахмурилась, но, несмотря на слегка оглушенный вид, сохраняла свой обычный задор. Вот что значит годы тренировки!

– Ты так говоришь, просто чтобы меня утешить.

Лина посмотрела на синяк на лбу Изабеллы, и ее кольнуло чувство вины.

– Знаете что? Давайте в качестве компенсации за ваш разбитый лоб я попробую это выяснить?

– Главное, правильно двигать кистью, – объяснял Брайс, демонстрируя, как вылавливать с поверхности воды дохлых и полудохлых жуков. Он расслабленно держал в руке сачок на длинной ручке и водил им по ярко-голубой хлорированной воде. – Опускаешь сачок боком, чтобы не возникало волн, а потом поддавливаешь снизу.

– Ясно, – сказал Арло, пытаясь поправить на себе узкие форменные шорты, чтобы в них не было так тесно.

– Не хочу тебя перегружать. Пожалуй, отложим урок обращения с пылесосом для бассейна на завтра.

– Правда? Я бы не хотел так с этим затягивать! – беспечно воскликнул Арло.

Брайс кивнул.

– Может, ты и прав. Давай сейчас.

Арло поморщился. Когда уже он научится держать свой длинный язык за зубами? Теперь нужен был отвлекающий маневр.

– Ха, вон тот загорелый качок на тебя засматривается.

Брайс залился краской от лба до самой шеи.

– Не говори глупостей. Это сын миссис Нэлоун, одной из наших лучших клиенток.

– И что?

– А то, что если даже он правда на меня засматривается, что весьма маловероятно...

– Да ты только глянь! Он все еще это делает. Причем совершенно в открытую, я бы сказал.

– Не буду я на него смотреть. И вообще это не имеет значения, потому что нам строго запрещено... вступать в отношения с постояльцами.

– Хм. – Арло наблюдал, как его начальник продолжает возиться с сачком. – Так это жесткое правило?

Лицо Брайса опять вспыхнуло, став почти лилового цвета.

– Просто интересуюсь, насколько строго ты собираешься следить за его исполнением.

– Я, э-э-э... Ох, уже, оказывается, так поздно! – Брайс демонстративно уставился на свои часы. – Доктор Илор с сыном уже должны были приехать. Мне надо пойти проверить, не нужно ли им чего-нибудь. – Он сунул сачок в руки Арло. – А ты продолжай чистить. – И он поспешил в сторону отеля.

Арло улыбнулся. Знакомство с пылесосом благополучно отложено до завтра. Длинный язык нередко и вытаскивал его из неприятностей – может, потому-то он так и не научился держать его за зубами.

– Чуть не забыл! – Брайс вернулся и приглушенным голосом продолжил: – Если увидишь доктора Илор, чем бы ты ни был занят в этот момент, постарайся держать ее подальше от миссис Нэлоун. Я пообещал мистеру Фиколло, что в этом году нам не придется вызывать ни полицию, ни скорую.

– Понял, – сказал Арло, хотя на самом деле ничего не понимал. Но решил, что в случае необходимости разберется по ходу дела.

Как только Брайс ушел, Арло стал изучать территорию вокруг бассейна. Она была невелика. Сам бассейн был в форме буквы «Г», длинная часть была поделена на дорожки. Еще там были джакузи, бар и сарай, где хранились принадлежности для бассейна. Вдоль всего бассейна были расставлены шезлонги. По дорожкам плавали туда-сюда несколько пловцов, еще несколько человек лежали на шезлонгах, в том числе почетная клиентка миссис Нэлоун и ее сын.

Итак, вот где ему предстоит провести лето. Это явно лучше, чем на складе, но Арло уже начал размышлять, как бы усовершенствовать ситуацию. Самый очевидный ход – усыпить бдительность начальника. А самый быстрый из известных ему способов это сделать – найти ему пару.

Арло продолжал чистить бассейн, медленно подбираясь к Нэлоунам. Плана у него пока не было, но послушать, о чем они говорят, могло быть полезно.

– С тобой просто невозможно, Вито, – сказала миссис Нэлоун, половину лица которой скрывали гигантские темные очки. Она была похожа на Барби, которую окунули во фритюрницу. – Можно подумать, я прошу тебя приударить за какой-нибудь *уродливой* наследницей.

– Изабелла очень симпатичная, – согласился Вито без энтузиазма.

– Горячая цыпочка! – добавила миссис Нэлоун.

– Горячая цыпочка?!

– А что, так уже не говорят? – пожала плечами его мать. – В общем, выглядит она потрясающе. Хотела бы я, чтобы у меня от природы сиськи так торчали.

– Мама!

– Ну а что? Сэкономила бы кучу денег. – Она сделала большой глоток шардоне и повернулась к Арло. – Эй, парниша!

– Да, мэм? – отозвался Арло.

Миссис Нэлоун нахмурила брови под своими огромными очками.

– Ты новенький?

– Да, мэм. Первый день работаю.

– Да что ты говоришь, – сказала она тоном, от которого Арло слегка занервничал. – И как тебя зовут?

– Арло, мэм.

– В честь фолк-певца?

– Да, мэм.

Миссис Нэлоун презрительно фыркнула.

– Ненавижу фолк-музыку. Буду звать тебя просто Парнишей.

– Как пожелаете, мэм, – услужливо ответил Арло, вспомнив наказ Брайса во всем угождать гостям. На это он был готов пойти. Все лучше, чем чистить бассейн.

– И все-таки ты мне нравишься, – промурлыкала миссис Нэлоун, облизнув накрашенные красной помадой губы.

– Мама, – с упреком сказал Вито.

Миссис Нэлоун отмахнулась от него, продолжая беседовать с Арло.

– Ты уже знаком с мисс Фиколло, дочкой владельца?

– Видал ее издавна, мэм.

– Этого достаточно. Ты согласен, что она горячая цыпочка?

Арло обернулся на Вито, не зная, что ответить. Вито вздохнул.

– Да ладно, сделай ей приятное.

– Да, мэм.

– Насколько горячая? – настаивала миссис Нэлоун.

– В высшей степени.

– А идея унаследовать миллиарды долларов у тебя не вызывает особого отвращения?

– Вовсе нет, мэм.

Миссис Нэлоун с удовлетворенным видом откинулась на спинку шезлонга.

– Видишь? Парниша-то куда сообразительней тебя, Вито. – Она сдвинула очки на кончик носа, чтобы сын прочувствовал всю суровость ее взгляда. Вито съежился и стал оглядываться по сторонам, ища предлог, чтобы скрыться.

Арло стало его жаль. Все это было очень информативно с точки зрения его плана по устройству личной жизни Брайса, но не слишком обнадеживало. Тот факт, что Вито держал свою ориентацию в секрете, во всяком случае – от матери, значительно усложнял ситуацию.

Вито расплылся в улыбке.

– Смотри, мам! Илоры приехали.

Миссис Нэлоун привстала на шезлонге.

– Да неужели?

Она вскочила на ноги и поспешно пошла в сторону бара. Там стояла женщина, одетая скорее для сафари, чем для бассейна: в бежевые шорты и рубашку с коротким рукавом. У нее были очки с толстыми стеклами и выдающихся размеров лоб.

– Это доктор Илор? – спросил Арло у Вито.

– Она самая.

– Хм. – Арло наблюдал, как две женщины с улыбками обнимаются. – Мой босс велел мне держать их подальше друг от друга.

– Да, но эта стадия наступит позже. – Вито встал и пошел в сторону поля для гольфа. – Сегодня только первый день, так что... может, до ужина продержимся?

– Губы ее – как органические розы... Локоны – как безглютеновая паста.

Поэтический настрой еще не гарантирует способности писать стихи. Впрочем, это было не первое паршивое стихотворение, написанное Франклином про Изабеллу, и у Зика уже выработался иммунитет. Он лежал на пологом холме и перебирал пальцами аккуратно подстриженную траву, а Франклин Илор развалился на скамейке с блокнотом и ручкой в руках. Оба набора ключей для гольфа валялись на траве, обреченные так и остаться без дела.

Франклин нахмурился, изучая написанное.

– Нет, не паста. Это звучит как-то липко. Волосы Изабеллы совсем не липкие. – Он застонал, скатился со скамейки и улегся на траве рядом с Зиком, широко раскинув руки и ноги. – Тебе не кажется, что Изабелла – самая красивая девушка на свете?

Зик улыбнулся и ободряюще кивнул.

Франклин поднял над собой блокнот.

– Это бессмысленно, Зик. Просто невозможно передать словами столь безграничное очарование.

Зик снова улыбнулся и кивнул.

Франклин прищурился.

– Ты мне подыгрываешь?

Зик пожал плечами.

Франклин вздохнул, уронив блокнот на землю.

– Ты меня утешаешь, будто я безнадежно больной. Неужели это и есть любовь? Недуг?

Зик сочувственно похлопал его по макушке.

– Я и правда болен. И мне это уже надоело, – Франклин закрыл глаза, подставив лицо послеполуденному солнцу. – Вот бы найти способ сказать ей... – он снова вздохнул. – Нет, это невозможно. Уверен, я ей даже нисколько не интересен. Как ее может заинтересовать кто-то вроде меня?

Юноши лежали на поле для гольфа с закрытыми глазами. В какой-то момент они заметили звук приближающихся шагов.

– Так-так. По всем этим вздохам и стонам я так и понял, что где-то тут должен быть Франклин Илор.

Франклин открыл глаза и увидел над собой улыбающегося Вито. Он протянул руку:

– Поможешь мне подняться?

– Вообще-то я бы скорее прилег с вами, – Вито плюхнулся на траву с другой стороны от Зика. – Я так понимаю, Изабеллу ты уже видел.

– Она еще прекраснее, чем прошлым летом.

– Да уж, она явно расцвела. Мама с ума сходит от зависти.

– Она все еще хочет, чтобы ты за ней ухаживал?

– А то. Вприкуску с миллиардом долларов она готова глотать зависть в любых количествах.

– А что, если... тебе просто сказать ей правду?

– Издеваешься?

– Ну, это бы решило проблему, – настаивал Франклин.

– Знаю. Я уже несколько раз чуть не сказал ей. Почти сказал. Но потом... – Он покачал головой. – Просто не могу.

Зик сочувственно похлопал Вито по макушке.

Тут Вито сказал:

– Знаешь, Франклин, если бы ты пригласил Изабеллу на свидание, это бы помогло нам обоим.

– Теперь ты издеваешься.

– Это не такая уж безумная идея, – настаивал Вито.

– Она слишком хороша для меня.

– Это правда, – признал Вито.

– И даже если бы она каким-то чудом согласилась, ты же знаешь, что моя мама никогда этого не одобрит.

– У твоей мамы слишком высокие запросы в плане учебы, – сказал Вито. – Не все могут каждую четверть заканчивать на 3,75 балла.

– Вообще-то я еще уговорил ее снизить планку с четырех, убедив ее, что периодические неидеальные оценки укрепляют характер.

– И все-таки, насколько я знаю, средний балл Изабеллы – три с половиной, что намного лучше моего. Она не то чтобы совсем уж глупая.

– Конечно, нет. Но объяснить это моей маме...

На этот раз сочувственное похлопывание от Зика досталось Франклину. Они лежали, слушая пение птиц, шорох травы и далекие удары клюшки по мячу – в отличие от них, кто-то действительно играл в гольф.

– Я сегодня видел, как Брайс обучал новенького чистить бассейн, – сказал Вито. – Он так серьезно к этому относится. Это так мило.

– Пригласил бы его куда-нибудь! – сказал Франклин.

– Сразу после того, как сообщу маме, что я гей, да?

– Ты мог бы сделать это тайно. Раньше все так делали.

– Она все равно узнает, – возразил Вито. – А даже если не узнает, мне противно об этом лгать. К тому же не думаю, что я вообще ему нравлюсь.

– Ты-то, со всеми своими мускулами? – Франклин перегнулся через Зика и ткнул Вито в мощный бицепс.

– Это да... – сказал Вито. – Но он на меня даже не смотрит. Может... ему просто не нравятся мускулы.

– Это было бы несправедливо.

– Любовь вообще несправедлива, – сказал Вито.

– И безнадежна, – добавил Франклин.

Зик потрепал по головам их обоих.

– Иногда мне неловко, что мы с Вито вечно вываливаем все проблемы на тебя, Зик.

– Да Зик не против. Правда же? – спросил Вито.

Зик самодовольно улыбнулся. Дорогой читатель, если тебе когда-либо доводилось дни напролет таскаться по полю для гольфа, волоча за собой чужие громоздкие сумки с клюшками, ты тоже наверняка предпочел бы полеживать в тенике, вполуха слушая причитания двух богатых мальчишек.

Лина и Изабелла сидели в купальниках в сауне. Лина не питала особой любви к помещениям, предназначенным специально для того, чтобы людям было в них невыносимо жарко. Еще меньше ей нравилось сразу после этого бросаться в ледяной бассейн. Но доктор Илор прошлым летом заявила Изабелле, что это благотворно влияет на цвет лица, и хотя Лина справедливо отметила, что специальность профессора – древняя история, а не дерматология, сауна превратилась в их ежевечерний ритуал.

– Почему ты мне ничего не рассказываешь про этого новенького? – спросила Изабелла. Жара не щадила даже ее извечного задора. В сауне она была способна максимум на некоторую оживленность.

– Рассказывать особо нечего, – небрежно бросила Лина. – Я с ним только утром познакомилась.

Оживленность предполагала расспросы на темы, которых собеседник явно старался избежать.

– Откуда он родом? Где учится? Девушка у него есть?

– Он живет в городе, но часто переезжает. Каждый год меняет школу. Честно говоря, посмотрев на его резюме, я бы не взяла его на работу. Но он через кого-то знаком с одним из друзей вашего отца.

– Так он человек со связями! – воскликнула Изабелла. – Какая интрига!

Лина вытерла пот со лба.

– Почему вы все никак не оставите эту тему?

Изабелла надула губки.

– Потому что было бы куда приятнее вздохнуть по Франклину, если бы у тебя тоже было по кому вздыхать.

– Скажем так, чисто теоретически юный мистер Кин показался мне привлекательным. Но даже если и так, я не из тех девушек, кто по кому-то вздыхает.

Изабелла потеряла вспотевшие ладони.

– И все же не помешало бы проявить к нему хоть немножко интереса. Он бы нам пригодился этим летом.

– То есть вы хотите его использовать?

– Ну конечно! А для чего еще нужны мальчишки? Их можно использовать в самых разных целях: чтобы таскать тяжести, строить, чинить. А на некоторых еще и смотреть приятно.

– Практические и эстетические преимущества налицо, это правда, – признала Лина.

– Подумай об этом. Готова нырнуть в бассейн?

Дверь женской сауны выходила в раздевалку. Пройдя мимо кучки голых пожилых дам, Лина и Изабелла направились к бассейну. Возле входа они услышали узнаваемый скрипучий голос миссис Нэлоун:

– Ваш сын до сих пор ни с кем не встречается, потому что он неуклюжий ботаник, не отрывающий носа от книжки!

– Что ж, – послышался равнодушный голос доктора Илор, – а ваш одинок потому, что он неотесанная дубина и неспособен произнести хоть одну внятную фразу.

– О, уже? – спросила Лина.

– Надеюсь, они еще не начали швыряться друг в друга вещами, – сказала Изабелла. Девушки поспешили к бассейну. Миссис Нэлоун и доктор Илор стояли, злобно уставившись друг на друга. Судя по всему, пока они ничем друг в друга не швырялись, но до этой стадии было недалеко. Что было особенно досадно для Арло, который стоял между ними, прямо на линии огня.

Он поднял руки.

– Дамы, прошу вас. Давайте успокоимся.

– Мырма очкастая! – завопила миссис Нэлоун.

– Престарелая потаскуха! – взвизгнула в ответ доктор Илор.

– Что он творит? – пробормотала Лина.

– Проявляет героизм и отвагу, – сказала Изабелла, пихнув Лину локтем.

– Героизм – переоцененное качество, а отвага зачастую признак глупости, – возразила Лина. – К тому же от него будет мало пользы, если его сейчас треснут по голове бутылкой вина.

– Я всегда считала, что совиньон-блан девяносто восьмого года – довольно легкое вино, – заметила Изабелла.

– Боюсь, на тяжесть бутылки сорт и год урожая не влияют.

Миссис Нэлоун обеими руками вцепилась в горлышко бутылки, готовая обрушить ее на голову Арло, если тот не уберется с дороги. Но он непоколебимо стоял между ними. Нет, поправила себя Лина. «Непоколебимо» звучит слишком положительно. Он стоял «упрямо». Да, это меньше похоже на комплимент.

– Значит, я потаскуха? – взревела миссис Нэлоун. – Сейчас как разобью твою заумную башку!

– Сомневаюсь, что в твоих потасканных лапках силенок хватит! – не уступала доктор Илор.

– Лина, сделай что-нибудь! – воскликнула Изабелла. – Мы же не хотим, чтобы бедняжка Арло пострадал.

Лина вздохнула.

– Похоже, придется.

– Ну все, жирная тварь! – заорала миссис Нэлоун. – Разберемся с этим раз и навсегда.

– Вперед! – взвизгнула в ответ доктор Илор.

– Дамы, дамы, – Лина хладнокровно шагнула в гущу событий, встав рядом с Арло. – Так не годится.

– Не пытайтесь меня остановить! – пригрозила миссис Нэлоун, потрясая своей бутылкой.

– Ни в коем случае, – сказала Лина. – Но если уж вы собираетесь разобраться с этим раз и навсегда, стоит сделать это по правилам.

Бутылка немного опустилась.

– По правилам?

– На дуэли, разумеется, – продолжила Лина. – Полагаю, в секунданты вы возьмете своих сыновей. Мне попросить Арло сбегать за пистолетами? – Она глянула сперва на миссис Нэлоун, потом на доктора Илор. Обе казались обескураженными.

– Да как же это, я... – проямлила миссис Нэлоун. – Я в жизни не держала в руках пистолет!

– Да, это поставило бы вас в невыгодное положение, – согласилась Лина. – Отправить его за шпагами? Это несколько старомодно, зато риск смертельного исхода гораздо ниже. Обычно дуэли на шпагах приводят максимум к небольшим увечьям.

– Увечьям? – Огромные глаза доктора Илор под стеклами очков распахнулись еще шире.

– Не стоит особо волноваться, доктор, – сказала Лина. – В наше время искусство протезирования достигло небывалых высот.

– Но... я и на мечях в жизни не дралась, – пробормотала миссис Нэлоун.

– Не вижу большой разницы, – возразила Лина. – В конце концов, сомневаюсь, что вам доводилось драться стодолларовой бутылкой вина. Уверена, что вы и без моих напоминаний в курсе, что вне зависимости от исхода дуэли разбитая бутылка будет записана на ваш счет.

– Сто долларов? – Миссис Нэлоун глянула на бутылку.

– Именно, – подтвердила Лина. – Так что рекомендую выбрать более прочное оружие. Какое же? Копья? Лук и стрелы? Кинжалы?

Миссис Нэлоун молча уставилась на нее.

Лина повернулась к доктору Илор.

– Похоже, миссис Нэлоун оставляет выбор за вами, доктор. Галантный поступок, учитывая обстоятельства. Какое оружие предпочитаете вы? Если вы хотите минимизировать риск кровотечения, я бы посоветовала ударное оружие. Полицейские дубинки? Или, скажем, бейсбольные биты. Бейсбольный сезон как раз в самом разгаре.

Доктор Илор побледнела.

– Что ж, если никто из вас не готов выбрать оружие, придется отложить дуэль.

– Да... – растерянно сказала миссис Нэлоун. – Похоже, придется.

– Согласна, – поддержала доктор Илор.

Повисла долгая пауза. Все молча пялились друг на друга. Такого в «Отеле дель Арте» еще не случалось.

В дверях появился Брайс. Оценив обстановку, он заметил противоестественную тишину.

– Все в порядке?

– В полном, – отрапортовала Лина.

– Отлично. Что ж, дамы и господа, время одеваться к ужину.

Все собравшиеся у бассейна дружно выдохнули с облегчением.

– Спасибо за содействие, – сказал Арло Лине, когда гости отправились переодеваться в вечерние наряды.

– Содействие? – переспросила Лина.

– Ну да. В смысле, я и так контролировал ситуацию, но ценю твою поддержку.

Лина собралась было сообщить Арло, что он ни капельки не контролировал ситуацию, но при виде его улыбки и упавших на лоб кудрей ей вспомнился совет Изабеллы. Может, стоит приложить хоть чуточку усилий?... Так что вместо критики она улыбнулась.

– Было храбро с твоей стороны ринуться в бой в первый же день. Глупо, но храбро.

Эта скупая похвала подействовала на Арло, как щедрый полив на иссохшее растение. Он совершенно расцвел: плечи расправились, улыбка стала шире, глаза засветились. Лина, в обычных обстоятельствах не склонная расточать комплименты, сочла это любопытной и потенциально полезной реакцией.

– А ты очень ловко их заболтала, – отметил Арло.

– Пожалуй, из нас выйдет неплохая команда, – признала Лина.

Арло гордо выпятил грудь.

– Согласен.

– Ну, мне пора переодеться и пойти к Фиколло, – сказала Лина.

– Должен признать, никогда бы не подумал, что ты любительница бикини, – заметил Арло.

– Почему это? – Лина развернулась и направилась к двери. – Я же знаю, что шикарно выгляжу в бикини.

– В этом я с тобой тоже солидарен, – тихо сказал Арло. И добавил чуть громче: – Слушай, мы с Зиком собираемся после работы на баскетбольную площадку. Если у тебя нет других планов, приходи.

Лина остановилась и задумалась над приглашением. Следовало признать, сформулировано было ловко. Участие Зика придавало приглашению сердечный непринужденный тон и устраняло угрозу неловких признаний в любви, которые так досаждали ей в прошлом. К тому же ей надо было кое-что обсудить с Зиком.

– Может, и приду.

– Здорово! – Арло расплылся в улыбке от уха до уха.

Шагая в столовую, Лина размышляла, что за игру она затеяла. Арло реагировал на ее доброту как ласковый щенок. Совершенно очаровательный щенок, следовало признать. Если впредь не соблюдать умеренность в комплиментах, так можно и втянуться ненароком.

– Ты бы видел, Зик! – рассказывал Арло, бросая мяч. – Она просто уделала этих двух старых куриц. – Мяч отскочил от щита и скользнул в кольцо. Зик подхватил его и бросил Арло. – И заметь, она сказала, что из нас получится отличная команда. – Довольно рассмеявшись, он снова бросил мяч. – Как тебе такое?

Мяч прокатился по кольцу и упал. Зик снова подхватил его, но на этот раз оставил у себя и повел к трехочковой линии.

– Ах да. Надеюсь, ты не против. Я позвал ее поиграть с нами после работы, – добавил Арло.

Зик пожал плечами и забил трехочковый.

– Хороший бросок. – Арло подхватил мяч и стал рассеянно стучать им, глядя на вечернее небо. За городом так много звезд. – Штука в том, что я никогда не встречал девушек, похожих на Лину. А я на своем веку повидал немало девушек. Она... интересная... и красивая... и подначивает меня. Мне это вроде как нравится. – Он бросил мяч Зику. – Не то чтобы я влюбился, ничего такого. Любовь – худшее, что может случиться с парнем. Они от этого превращаются в дебилов.

Зик закатил глаза и резко бросил мяч Арло, который поймал его и принялся крутить на пальце. Зик с восхищенным видом захлопал в ладоши.

– Впечатляет? Зацени вот это. – Арло пустил крутящийся мяч по рукам, потом по ноге, потом по спине.

Зик снова захлопал.

– Это скорее «Гарлем Глобтроттерс»¹³, чем звездный состав НБА – Лина подошла к площадке и встала с краю, скрестив руки. – И почему меня это не удивляет?

Арло высоко подбросил мяч, мимоходом поклонился ей и снова поймал его.

– Как твой первый день? – спросила она.

– Интереснее, чем я думал, – ответил он.

– А твой как, Зик?

Зик показал ей два больших пальца, поймал мяч и сделал еще один бросок.

– Зик, придется поставить тебя в неловкое положение, но я обещала Изабелле, что спрошу, – сказала Лина. – Ты ведь ходил сегодня с Франклином играть в гольф?

¹³ «Гарлем Глобтроттерс» – американская баскетбольная команда. В своих выступлениях сочетает элементы спорта, театрального шоу и комедии.

Зик ухмыльнулся и кивнул, вероятно, размышляя, стоит ли считать это игрой в гольф или скорее психотерапией.

– Он вообще говорит про Изабеллу?

Зик прижал одну руку к сердцу, другую ко лбу, изобразив нечто среднее между восторгом и обмороком.

– Так я и думала, – сказала Лина. – Все еще трусит пригласить ее на свидание. Ну что ж, прошлым летом было то же самое. Эти двое только и делают, что украдкой поглядывают друг на друга за ужином.

Зик высунул язык.

– Вот-вот, – согласилась она. – Но тут уж ничего не поделаешь.

– А в чем дело? – поинтересовался Арло.

– Франклин и Изабелла тайно влюблены друг в друга уже много лет, но ни у одного не хватает храбрости что-то предпринять.

Арло постучал мячом.

– Похоже, их просто нужно слегка подтолкнуть.

– И кто это должен делать? – спросила Лина с искренне озадаченным видом.

– Мы, конечно!

Лина и Зик смущенно переглянулись.

– Это как-то навязчиво. Не говоря уж о том, что самонадеянно.

– Я предпочитаю называть это «дружеским участием» и «предприимчивостью».

– Можешь крутить формулировки, как свой мяч, но, по сути, это одно и то же, – возразила Лина.

– Похоже, ты боишься резких движений. – Арло швырнул мяч в корзину, и тот со свистом провалился в сетку.

– А ты, похоже, их обожаешь, – ответила Лина.

– Только когда это в моих интересах, – уточнил Арло. – Подумай об этом. Изабелла и Франклин, Брайс и Вито. Все четверо сохнут друг по другу, и никто ничего не предпринимает.

– Откуда ты знаешь про Брайса и Вито? – спросила Лина.

– Я же не слепой. И это явно тоже тянется не один год.

Лина и Зик обменялись виноватыми взглядами.

– Только подумайте, насколько счастливее обе парочки были бы вместе, – продолжал Арло. – И насколько проще стало бы нам, если бы они прекратили свое вечное нытье.

Зик положил руку Лине на плечо и посмотрел на нее с мольбой в глазах.

– Ты тоже этого хочешь? – спросила она. Он с серьезным и настойчивым видом кивнул.

– Ну, если вы так в этом убеждены... – Она скрестила руки на груди и настороженно глянула на Арло. – И что ты предлагаешь?

Арло ухмыльнулся.

– Кое-что, в чем придется поучаствовать нам всем.

На следующий день, с подачи Лины, Изабелла пригласила доктора Илор, Франклина, миссис Нэлоун и Вито прогуляться по новому лабиринту, который отец построил специально для нее. Кроме того, также по совету Лины, Изабелла попросила Арло и Брайса пойти с ними на случай, если кто-то потеряется или понадобится помощь.

Доктор Илор и Франклин были весьма заинтригованы идеей лабиринта, поскольку оба обожали интеллектуальные задачи. И конечно, Франклин с восторгом посетил бы любое мероприятие, позволявшее ему оказаться поближе к Изабелле.

Миссис Нэлоун и Вито восприняли приглашение с куда меньшим энтузиазмом. Миссис Нэлоун сокрушалась по поводу упущенных часов загара, а Вито – по поводу нарушения своего режима тренировок. Но потом миссис Нэлоун сообразила, что это прекрасная возможность свести вместе Вито и Изабеллу, а Вито заинтересовался, узнав, что там будет Брайс.

Брайс не находил себе места, переживая, что может случиться в отеле без его присмотра, но едва ли мог отказать мисс Фиколло.

– Спасибо всем, что пришли, – сказала Изабелла, когда приглашенные собрались у южного входа в лабиринт. Она наградила их улыбкой, которая, будучи должным образом засвидетельствованной и задокументированной, могла бы попасть в Книгу рекордов Гиннесса как самая задорная в истории. – Давайте начнем наше приключение!

– У нас есть программа? – спросила доктор Илор, с большим уважением относившаяся к планам, программам и расписаниям.

– Я так рада, что вы спросили, доктор, – ответила Изабелла. – Да. Мы не можем бродить по лабиринту всей толпой, так что разделимся на группы. В лабиринт есть несколько входов. Миссис Нэлоун, Вито и я в сопровождении Лины войдем с южного входа, у которого мы сейчас стоим. Доктор Илор и Франклин в сопровождении Брайса и Арло зайдут с восточной стороны. Встретимся в центре лабиринта, где стоит прелестный фонтан и где для нас уже накрыт вкуснейший пикник. Чудесный план, не правда ли?

– Великолепный! – воскликнула миссис Нэлоун, обрадованная тем, что Вито и Изабелла проведут столько времени вместе. Может, между ними наконец проскочит пара искорок?

Остальные отреагировали куда более сдержанно. Франклин надеялся попасть в одну группу с Изабеллой, а Вито – с Брайсом.

– Вот и отлично! – сказала Изабелла. – Тогда начнем. И постарайтесь не заблудиться. Будет обидно, если наш пикник испортится.

Итак, собравшиеся разбились на группы и вошли в лабиринт одновременно с разных сторон. Лина и Арло утаили от всех, что Зик уже был в лабиринте и ждал сигнала.

Лабиринты из живой изгороди бывают двух типов: очаровательные дорожки, обсаженные кустарником, и реальные лабиринты с десятифутовыми непроницаемыми стенами. Этот был из второй категории. Тех, кто плохо знал Изабеллу, удивило бы, что она питала искреннюю страсть к лабиринтам. Она не только попросила построить лабиринт, но и сама его спроектировала. Понимая, что она может не вспомнить все повороты, Изабелла решила взять с собой чертежи на случай, если кто-то из гостей заблудится и его нужно будет спасать. Но найти их ей не удалось. Лина заверила ее, что они рано или поздно найдутся, а пока же она совершенно уверена, что Изабелла сможет вывести их по памяти.

Лина продолжала излучать уверенность в этом даже после того, как миссис Нэлоун и Вито стало абсолютно ясно, что память у Изабеллы никуда не годится.

– Я готова была поклясться, что этот поворот выведет нас в следующую секцию! – сокрушалась Изабелла себе под нос.

– Вито, почему бы тебе не попробовать помочь, – с многозначительным взглядом предложила миссис Нэлоун. В ее представлении мало что выглядело более привлекательным, чем мужчина, решительно берущий дело в свои руки. Она ошибочно предполагала, что Изабелла придерживалась такого же мнения.

– Но я ничего не смыслю в лабиринтах! – возразил Вито, который не прочь был брать на себя инициативу, но только в вещах, в которых действительно разбирался.

Миссис Нэлоун раздраженно вздохнула и отвела Вито в сторонку, пока Изабелла и Лина свернули за угол.

– Ты что, не понимаешь! – прошипела она. – Это твой шанс сделать первый шаг!

– А *ты* не понимаешь, что я не собираюсь его делать? – парировал он.

Миссис Нэлоун отпустила руку сына и поспешила вслед за девушками. Ясно, что от Вито помощи не дождешься. Может, он переживает, что Изабелла отвергнет его, каким бы безумием это ни казалось? Может, если она поговорит с Изабеллой от его имени, ей удастся убедить девушку проявить к нему хоть каплю интереса, и это придаст ему уверенности, чтобы пригласить ее. Да, так и надо поступить.

– Изабелла, дорогуша.

Но когда миссис Нэлоун свернула за угол, Изабеллы и Лины там не оказалось.

– Как ты узнала про этот обход? – спросила Изабелла у Лины, пока они шли по длинной прямой дорожке.

– Я его запомнила еще с того раза, когда мы впервые тестировали лабиринт, – Лину кольнуло чувство вины. Ей не нравилось врать Изабелле. Но она обещала Арло не признаваться, что они стащили (или, как она предпочитала это называть, тайно позаимствовали) чертежи, намереваясь вернуть их после успешного выполнения плана.

– Вот бы мне такую память, как у тебя, – с тоской протянула Изабелла. – И все-таки это немного жульничество, тебе не кажется?

– Я это сделала скорее для того, чтобы отделаться от миссис Нэлоун, – сообщила Лина. – Надеюсь, вы не возражаете.

– Вовсе нет. Но ты же сама настояла, чтобы они были в нашей группе. Я бы предпочла Илоров.

– Я же не знала, что миссис Нэлоун будет так настойчиво подталкивать к вам своего сына.

– Подталкивать Вито ко мне? – изумленно спросила Изабелла.

– А вы не замечали? Она уже много лет этим занимается.

– Но ведь Вито гей, разве нет?

– Не думаю, что она в курсе.

– Ничего себе! Ну, тогда она единственная, кто не в курсе, – сказала Изабелла. – Думаешь, она все лето будет нас сводить? Вот досада.

– Может, она бы сдалась, если бы вы более явно проявили свой интерес к другому юноше.

– В смысле, к Франклину? – вздохнула Изабелла. – Каждый раз, когда я пытаюсь общаться с ним менее официально, он сбегает. Он недвусмысленно дал понять, что не заинтересован в таком развитии событий.

– Как раз наоборот, – возразила Лина.

– Что ты имеешь в виду?

– Как вам кажется, юный мистер Илор – нежная натура?

– Ну конечно.

– И поэтическая?

– Самая поэтическая из всех моих знакомых.

– Так нет ли вероятности, что ваши попытки сблизиться настолько будоражат его чувства, что он просто не знает, как совладать с собственным пылом?

Изабелла широко распахнула глаза.

– Неужели он так ко мне относится?

Лина улыбнулась.

– Из достоверных источников мне известно, что дела обстоят именно так.

– Ах, Лина! – Изабелла схватила подругу за руки. – Что же мне сделать, чтобы не потревожить его нежное сердце?

– Может, чтобы завоевать поэта, надо написать стихотворение? Иногда это позволяет выразить свои чувства, не оглушая при этом слушателя своей красотой.

– Но я совершенно не умею писать стихи! Я обожаю их читать, но не смогу срифмовать две строчки даже под страхом смерти.

– Я вам помогу, – пообещала Лина.

Изабелла благодарно пожала ей руку.

– Правда? А когда мы этим займемся?

– А почему бы не сейчас? – Лина выудила из кармана маленький блокнотик и ручку.

Изабелла подозрительно прищурилась.

– Похоже, тут какой-то заговор.

– Заговор, мисс Фиколло? – переспросила Лина. – Не понимаю, о чем вы. У меня всегда с собой ручка и бумага.

– За три года, что мы знакомы, я никогда об этом не слышала.

– Ну хорошо, – суровым тоном сказала Лина. – Тогда могу я просто попросить вас разок довериться мне?

– Глупая Лина, – прочирикала Изабелла, беря у нее из ее рук блокнот и ручку. – Я всегда тебе доверяю. Итак, с чего же мне начать?

– Что значит – у вас есть план? – шепотом спросил Брайс у Арло. Илоры шли далеко впереди, но Брайс не любил рисковать. И в данный момент это представляло проблему.

– То и значит, – пояснил Арло. – Мы с Линой и Зиком придумали план, как свести Изабеллу и Франклина, и для этого нам нужна твоя помощь, – Арло решил, что еще рано рассказывать начальнику, что это далеко не единственная его роль. – И прекрати грызть ногти.

– Что? – Брайс с виноватым видом отдернул руку от лица.

– Лина предупреждала, что когда я тебе все расскажу, ты можешь начать грызть ногти, чтобы успокоиться.

– Ерунда! – Брайс надменно задрал нос. – Как и вся эта ваша дурацкая затея. Какое нам дело, сойдутся Изабелла с Франклином или нет?

– Ну не надо так, Брайс, – увещевал Арло. – Представь, как будут светиться их лица, когда они наконец соединятся!

– А ты представь, как они будут ворковать, хихикать, держаться за ручки и вообще миловаться у всех на виду, – возразил Брайс.

– Обещаю, ты этого даже не заметишь, – сказал Арло, глубоко убежденный, что чужие поцелуи раздражают только тех, кому не с кем целоваться, а в случае с Брайсом он собирался это исправить. – Слушай, мне от тебя нужно только одно – чтобы ты увел уважаемую докторшу подальше, пока я буду обрабатывать Франклина.

Брайс сердито посмотрел на него.

– Ничем хорошим это не закончится.

– Все зависит от твоего личного отношения к судьбам истинной любви.

– Ладно, – уступил Брайс. – Но с вас причитается. Со всех троих.

Арло подмигнул:

– Договорились. А теперь давай догоним наших гостей.

Они поспешили вслед за Илорами, которые свернули за угол.

– История садовых лабиринтов весьма любопытна, – рассказывала доктор Франклину.

– М-м-м, – промычал тот, не проявляя никакого интереса.

– Правда, доктор? – спросил Брайс с несколько неправдоподобным энтузиазмом. – Я был бы так рад послушать об этом!

– Неужели?

– Мне нравится рассказывать гостям интересные факты, – улыбнулся Брайс. – Это позволяет им получить более полноценные впечатления от отдыха в «Отеле дель Арте».

Доктор Илор выглядела довольной.

– Такой основательный подход, безусловно, заслуживает восхищения. Что ж, тогда начнем. Если не ошибаюсь, первые садовые лабиринты появились в шестнадцатом веке, хотя известны и сады с элементами лабиринтов, относящиеся еще к пятнадцатому веку...

Пока доктор вещала, они с Брайсом неторопливо ушли вперед, а Арло и Франклин плелись сзади.

– Вы новенький, да? – спросил Франклин.

– Арло Кин к вашим услугам, мистер Илор.

– Второй день на работе, а вас уже приглашают на особые мероприятия. Должно быть, вы произвели очень хорошее впечатление.

– Рад признаться, мисс Коул считает меня незаменимым.

– Правда? – с уважением заметил Франклин. – Лина Коул – невероятно умная и способная девушка. Из ее уст это самая высокая рекомендация.

Они дошли до перекрестка четырех дорожек. Доктор Илор и Брайс свернули на запад. Франклин собрался было последовать за ними, но тут Арло сказал:

– Мистер Илор, посмотрите-ка! – он указал на свернутый в трубочку листок бумаги, втиснутый между ветками живой изгороди в северном коридоре, где Зик оставил его, получив от Лины, о чем сообщил Арло, отправив смс-сообщение.

Франклин остановился и уставился на листок.

– Это какая-то записка?

– Достать ее, сэр? – предложил Арло.

– Думаете, стоит? – нервно спросил Франклин.

– Фортуна любит смелых, – сказал Арло и без дальнейших колебаний достал листок. Развернув его, он изобразил легкое удивление, но постарался не переигрывать.

– Похоже, это адресовано вам, сэр.

– Мне?! – спросил Франклин с таким удивлением, которое у нормального человека вызвала бы разве что фраза «Вас приняли в школу чародейства и волшебства Хогвартс».

Арло протянул ему записку:

– Смотрите сами.

Франклин робко взял протянутый листок. Арло порадовался, что Брайс увел доктора по другой дорожке, откуда их было не слышно и не видно.

– Боже мой! – воскликнул Франклин. – Только послушайте!

– Думаете, стоит? – спросил Арло. – Я бы не хотел вмешиваться в ваши личные дела.

– Мне нужно, чтобы вы это услышали! И сказали, что мне это не снится! Чтобы я убедился, что правильно понимаю смысл этого послания, а не принимаю желаемое за действительное.

– Я постараюсь, сэр, – пообещал Арло. Франклин прокашлялся.

Моему милому Франклину:

*Прости меня за дерзкий сей напев.
Тебе пишу я, все приличия презрев,
Ведь мой удел смущаться и краснеть,
Но о любви своей я не могу не спеть.
Пусть эти строки не предмет искусства,
Ты их прими как выражение чувства.
Мне без тебя на свете жизни нет,
Прошу, скорее дай мне свой ответ.*

С любовью и нежностью, твоя Изабелла

Франклин сжимал в руках листок, дрожавший в его трясущихся от волнения руках. Он умоляюще посмотрел на Арло:

– Это может быть правдой? Я никогда не думал, что жизнь будет столь жестока, что помнит меня исполнением мечты, а потом отнимет ее. Но я также никогда не думал, что она будет столь благосклонна, чтобы исполнить ее в точности!

Арло рассудительно кивнул.

– Осторожность – это мудро, сэр. Откуда нам знать, не написал ли кто-то другой эту записку.

Франклин уставился на листок:

– Вообще-то это похоже на ее почерк. Я еще раньше обратил внимание, какой он задорный.

Арло оглянулся через плечо.

– И правда, похож. Но вдруг это подделка?

– Все может быть, – признал Франклин. – Но зачем? К тому же тон письма так похож на ее речь.

Арло показалось, что в тексте слишком просматривалось вмешательство Лины, но, к счастью, Франклин был не особо объективен.

– Ну, тогда все указывает на то, что письмо написала Изабелла.

Франклин зачарованно покачал головой.

– Как это человек может быть таким везучим?

– Везучим? – переспросил Арло. – Да вы обречены.

– Обречен? В каком смысле?

– Очевидно, она хочет заполучить вас в свое личное пользование, – скорбно сказал Арло.

– Ну да, – с мечтательной улыбкой согласился Франклин.

– При столь глубокой страсти, – продолжал Арло, подражая поэтической манере своего собеседника, – она потребует не меньше, чем слияния ваших душ.

– Вы правда так думаете? – Франклин блаженно таращился на записку.

– Боюсь, вам пора поцеловать свою свободу на прощание, потому что отныне ваши губы принадлежат только мисс Фиколло.

– О боже, – из глаз Франклина брызнули слезы.

– Ну-ну, – Арло похлопал его по спине. Потом задумчиво прищурился. – Погодите. Может, если мы выйдем из этого лабиринта прямо сейчас, вам еще удастся спастись от любви мисс Фиколло.

Франклин посмотрел на него полными ужаса глазами.

– Да вы что, издеваетесь?

– Вы предпочтете любовь и мисс Фиколло свободе? – спросил Арло.

– Я предпочту любовь и мисс Фиколло всем сокровищам на свете! Всем знаниям, какие только можно получить. Вы говорите, мне следует остерегаться ее обаяний, но ведь это все, о чем я мечтал с тех пор, как впервые увидел ее! Ее глаза возносят меня к небесам. Ее голос меня умиротворяет. Ее слова меня трогают. Нет в этом мире человека прекрасней, благородней, искренней.

– Вы правда так любите мисс Фиколло? – спросил Арло.

– В тысячу раз сильнее! – объявил Франклин.

– Так почему вы никогда не говорили ей об этом? – спросил Арло.

– Проклятая стеснительность подводит меня, – признал Франклин. – Когда я смотрю в ее сияющие глаза, я не нахожу слов.

– Что ж, – отметил Арло, – вам неплохо удастся высказывать свои чувства, когда вы не смотрите в ее сияющие глаза.

– Прошу прощения? – озадаченно спросил Франклин.

– Милый Франклин, – глаза Изабеллы блеснули от слез. – Ты и правда чувствуешь все это?

Франклин оцепенел, не в силах пошевелиться. Но потом ему все же удалось вырваться из плена собственного страха.

– Фортуна и правда любит смелых! Так что я отвечаю «да», Изабелла! Я люблю тебя так давно, что не могу вспомнить, когда это было не так. Ты – моя истинная любовь, отныне и навсегда!

– Самое время ее поцеловать, – шепнул Арло, подтолкнув Франклина.

Франклин споткнулся, но тут же бросился в объятия Изабеллы. Они долго и самозабвенно целовались.

Лина подошла к Арло.

– Пока все идет как надо.

– Пожалуй, да, – согласился Арло. – Милые стишки, кстати.

– Это оказалось проще, чем я думала, – призналась Лина.

– Аккуратнее, – предупредил Арло. – Говорят, любовь – штука заразная. Можешь и сама пристраститься к написанию стихов.

– Вряд ли мой характер это позволит, – сказала Лина. – А как же ты?

– К счастью, я привит от вируса любви вакциной ума и здравого смысла, – сообщил Арло.

– Какое облегчение, – ответила Лина.

Они молча смотрели, как целуются влюбленные.

Я глубоко убежден, что люди слишком много болтают. Слова, которые должны использоваться для передачи сообщений, зачастую используют в совершенно противоположных целях. В то время как двое наших героев стояли рядом, лишенные словесной защиты, наблюдая за союзом, который они сами же и создали, они помимо воли остро ощущали присутствие друг друга. Тепло тела, знакомый запах, вздымающаяся грудь. И едва уловимое движение навстречу друг другу. Возможно, Арло слегка склонился к Лине. Можно даже предположить, что это случилось непреднамеренно. Но, как всем известно, между частицами существует естественное притяжение, и чем ближе они расположены, тем сильнее притяжение. Так что это легчайшее движение воздействовало на Лину, которая тоже слегка склонилась к Арло. Это продолжалось в течение нескольких минут – расстояние между ними сокращалось, а тяга друг к другу усиливалась. Но вдруг появилась противоборствующая сила.

– Что это тут происходит? – Миссис Илор появилась со скрещенными на груди руками и нахмуренными бровями, слившимися в одну линию над толстыми очками. Брайс стоял рядом с извиняющимся видом.

– Франклин, что это вы с мисс Фиколло делаете?

Франклин и Изабелла расцепили объятия и смущенно отстранились друг от друга.

Брайс поспешно подошел к Арло и Лине, расстояние между которыми снова увеличилось.

– Прости! Нас Зик привел. Похоже, рановато.

– Вовсе нет, – возразила Лина. – Я написала ему пару минут назад, чтобы он привел вас. – Она повернулась к матери Франклина. – Доктор Илор, вы прекрасно понимаете, что они делают, и вас это не должно удивлять, поскольку ваш сын уже много лет влюблен в мисс Фиколло.

– Это меня удивляет, потому что я недвусмысленно запретила ему заводить с ней отношения, – возразила доктор Илор.

– И почему же?

– Вас это не касается, но если уж вам так хочется знать: она недостаточно умна для него.

– Мама! – Франклин притянул к себе Изабеллу, намереваясь ее защитить. – Тебе обязательно вести себя так бестактно?

– Откуда вы знаете, что она недостаточно умна? – гнула свое Лина.

– По ее среднему баллу, разумеется, – ответила доктор Илор. – Который, как она спокойно признается, в прошлой четверти составил три с половиной.

– Но вам известно, почему именно три с половиной? – спросила Лина.

– Ах, Лина, – Изабелла покраснела еще пуще прежнего. – Не думаю, что стоит вдаваться во все эти подробности...

Лина склонила голову в сторону Изабеллы.

– Надеюсь, вы простите мне мою дерзость, мисс Фиколло! – Она снова повернулась к доктору Илор. – Она получила три с половиной балла, потому что бросила курс по выбору – женскую историю. Этот предмет вел мужчина, и его взгляды были столь узки, что он даже не признавал роль Розалинд Франклин в открытии ДНК. Мисс Фиколло сочла его точку зрения тревожной и встретила с ним в частном порядке, попросив его скорректировать свои взгляды. Учитель отказался. Разумеется, мисс Фиколло могла бы принять все как есть или же перейти на другой курс по выбору. Но она не могла смириться с мыслью, что в священных стенах образовательного учреждения царят такие предрассудки. Так что она организовала забастовку, и три четверти класса вместе с ней демонстративно покинули урок. В отместку учитель испортил им оценки, но благодаря отважным действиям мисс Фиколло администрация теперь пересматривает свое отношение к нему и его курсу.

Доктор Илор повернулась к Изабелле.

– Это правда, мисс Фиколло? Качество образования действительно так важно для вас, что вы готовы пожертвовать собственной оценкой?

– Это правда, доктор Илор.

– Франклин, похоже, я должна перед тобой извиниться. Твой выбор безупречен.

– Это значит, что?... – спросил он.

– Я благословляю вас с мисс Фиколло.

– Ах, Франклин!

– Ах, Изабелла!

Тут опять начались поцелуи. Доктор Илор сочла это отличным моментом, чтобы удалиться на самостоятельные поиски пикника.

– Вы обещали, что мне не придется на это смотреть! – пожаловался Брайс Арло.

– Не беспокойся, – ответил тот. – Скоро тебе будет не до этого.

– Это что еще значит? – воскликнул Брайс.

Но не успел Арло ответить, как хрипловатый женский голос произнес:

– Это что за безобразие?

Все повернулись в сторону северного коридора, где стояли миссис Нэлоун и Вито, уставившиеся на Изабеллу и Франклина. У миссис Нэлоун вид был потрясенный, у Вито – донельзя довольный. Позади них стоял ухмыляющийся Зик.

– Я просто... не понимаю! – продолжала миссис Нэлоун. – Мисс Фиколло, неужели этот зануда Франклин нравится вам больше моего Вито?

– Ну... – Изабелла с неловким видом глянула на Вито, потом на его мать. – Я люблю Франклина. И не то чтобы Вито проявлял ко мне какой-то интерес.

– Видишь? – обратилась миссис Нэлоун к сыну. – Ты упустил свой шанс!

– Что поделаешь, – сухо сказал он.

– И вот почему тебе надо было быть таким капризным? Как будто ты нарочно делаешь мне все наперекор! Неужели ты так меня ненавидишь, что готов упустить такую шикарную девушку только чтобы меня позлить?

– Да боже мой, мама! С тобой это вообще никак не связано, – воскликнул Вито. – Дело в том, что я влюблен в Брайса!

Миссис Нэлоун открыла рот, закрыла и снова открыла. Если бы не ботокс, ее лицо сейчас было бы искажено бурей эмоцией.

– Вито, это абсурд!

– Почему, мама?

– Мне не нравится, что ты влюбился в гостиничного служащего. Что это за профессия? – сказала миссис Нэлоун.

Лицо Брайса стало цвета спелого помидора:

– Миссис Нэлоун. Если вы позволите мне на минутку выступить не в качестве менеджера «Отеля дель Арте», а просто в качестве мужчины, я заверю вас, что если у нас с мистером Нэлоуном и правда будут отношения, я смогу обеспечить ему тот образ жизни, к которому он привык.

– Но как же я? – возразила миссис Нэлоун.

– Мама... – с сокрушенным видом протянул Вито.

– Кто будет содержать меня? – вопрошала миссис Нэлоун. На мгновение воцарилось молчание.

– Если вам нужны деньги, миссис Нэлоун, – робко вставила Изабелла, – я уверена, что мой отец с радостью подберет вам какую-нибудь работу.

Миссис Нэлоун в ужасе уставилась на нее.

– Если позволите, – вмешалась Лина, – у нас есть более насущный вопрос, чем потенциальное трудоустройство миссис Нэлоун.

– Что за вопрос? – спросил Франклин.

– Мы установили, что Вито влюблен в Брайса. И что Брайс способен обеспечить Вито привычный образ жизни. Чего мы не знаем, так это, хочет ли этого Брайс.

– Спасибо, – вставил Брайс, – это...

– Какая самонадеянность! – воскликнул Арло. – Вы что, считаете, что сотрудники отеля должны исполнять любую вашу прихоть?

Франклин, Изабелла и Вито смущенно переглянулись.

– Конечно, нет! – сказала Изабелла. – Я бесконечно ценю свою дружбу с Линой.

– А я не знаю, как пережил бы все эти годы без молчаливой, но непоколебимой поддержки Зика, – добавил Франклин.

– А я бы никогда не предположил, что Брайс относится ко мне так же, как я к нему, – сказал Вито.

– Вот и отлично! – заявил Арло. – Потому что это не так.

– погоди... – перебил Брайс.

– Во-первых, – продолжал Арло, – сотрудникам «Отеля дель Арте» запрещено вступать в романтические отношения с гостями.

– Правда? – переспросила Изабелла.

– Что-то я не помню такого правила в нашей должностной инструкции, – возразила Лина.

– Ну, не прямым текстом... – признал Брайс. – Это скорее... моральный принцип.

– Так это не правило! – воскликнул Арло. – Ну и что? Просто наш красавчик вовсе не хочет с вами встречаться, мистер Нэлоун.

– Я этого не говорил... – возразил Брайс.

– Потому что он натурал! – воскликнул Арло.

– Правда? – спросил Вито у Брайса.

– Да нет, я гей, – ответил тот.

– Ну и какая разница! – продолжал Арло. – То, что он гей, еще не значит, что ему нравятся загорелые мускулистые качки. Он терпеть не может загорелых и мускулистых!

– Вообще-то мне нравятся мускулы, – признался Брайс.

– Ну ладно, – уступил Арло. – Пусть ему нравятся мускулы. Но нельзя же ждать, что ему понравится мужчина, так отчаянно пытающийся угодить своей матери!

– Вообще-то это мило, – сказал Брайс, обращаясь к Вито. – Честно говоря, отчасти я именно поэтому не хотел ничего предпринимать. Не хотел осложнять твои отношения с матерью.

– Значит, отношения Вито с матерью кажутся ему милыми! – сказал Арло. – Но кто же будет рассчитывать, что необузданный энергичный гедонист остепенится на пике своей молодости? Нашему красавчику еще бы погулять, перебеситься, разбить тучу сердец!

– Вообще-то это не в моем духе, – возразил Брайс.

– Да! Но, отбросив все это, он все же не хочет связываться с мистером Нэлоуном, потому что... – Арло выжидающе посмотрел на Брайса. – Ну давай, я же не могу сам все за тебя придумывать! Что еще?

– Ничего не приходит в голову, – сказал Брайс.

– Ну что ж, – Арло сдался. – Уверен?

– В чем я уверен, – начал Брайс, взяв Вито за руку, – так это в том, что я бы хотел сходить с тобой поужинать куда-нибудь за пределы отеля, чтобы узнать тебя получше. Что ты на это скажешь?

Вито улыбнулся:

– С большим удовольствием.

Лина слегка толкнула Арло. Тот попытался проигнорировать тепло, загоревшееся у него в груди от ее прикосновения.

– Ты почти перегнул палку, – шепнула она ему на ухо. Игнорировать дрожь, пробежавшую по его телу от ее дыхания, было практически невозможно, так что он решил, что надо ответить тем же.

– Нет, все вышло идеально, – прошептал Арло, с удовлетворением отметив, что Лина слегка дрогнула.

– Ну, главное, что все получилось, – сказала Лина. Арло усмехнулся.

– Признай, было весело!

Лицо Лины медленно расплылось в улыбке.

– Да. По правде говоря, было весело.

– Ну что ж, мисс Коул. – Изабелла наградила ее холодным, подчеркнуто незадачным взглядом. – И вы, мистер Кин. Полагаю, вы довольны своими играми в сводничество?

Арло пожал плечами.

– Полагаю, да.

– Мы действовали в ваших же интересах, – добавила Лина.

– Не сомневаюсь, – согласилась Изабелла. – Но есть тут один аспект, который вы оба упустили из вида. Разве нет, Франклин? – Изабелла подмигнула ему.

Франклин нахмурился.

– Да?

Изабелла вздохнула и шепнула что-то ему на ухо. Он широко распахнул глаза и хитро улыбнулся Лине с Арло.

– И правда, милая Изабелла.

– Вы же не думаете... – начал Брайс.

– Полагаю, именно так она и думает, – сказал Вито.

– Так что же мы упустили? – спросил Арло.

– Совершенно очевидно, что они имеют в виду нас, – сказала Лина.

– Нас с тобой? Они что же, считают, что мы влюблены друг в друга? – скептически спросил Арло.

– Похоже, именно к этому они клонят.

– Влюблен? Я? Какая нелепость!

– Влюбляясь, люди теряют способность мыслить логически, – отметила Лина.

– Здравый смысл летит к чертям, – добавил Арло, кивнув и снова склоняясь к ней.

– И разум туда же, – продолжила Лина, потянувшись к нему.

– Не думаю, что я вообще способен влюбиться, – заявил Арло, подвинувшись чуть ближе. – Даже в такую умную и красивую девушку, как ты.

– Совершенно согласна! – воскликнула Лина, придвигаясь к нему. – И не важно, что ты почти равен мне по интеллекту и шикарно выглядишь в облегающих шортах. Я бы никогда не позволила себе поддаться столь банальному чувству, как любовь.

К тому моменту они склонились друг к другу так близко, что смотрели прямо друг другу в глаза. И все же они не касались друг друга, и оставшееся между ними узкое пространство искрило. Если бы страсть можно было превратить в электричество, этого запаса отелю хватило бы на весь год.

– Я бы даже сказал, – добавил Арло, учащенно дыша – очевидно, от слишком активной болтовни, а не от титанических усилий, которых требовало сохранение этого крошечного пространства между ними, – что я бы смог провести остаток жизни только с человеком, который презирает любовь так же, как я.

– Согласна, – сказала Лина, дыша столь же учащенно; без сомнения, она просто хотела показать, что может дышать не хуже него. – А теперь, когда мы достоверно установили, что никто из нас даже не рассматривает возможность влюбиться, полагаю, – она взяла его руки в свои, и по всему ее телу пробежал ток, – мы ничем не рискуем, если вступим в некие отношения интимного характера.

Арло еще крепче сжал ее руки и почувствовал ее бешеный пульс.

– Поскольку мы два последних вмняемых человека на земле, здравый смысл подсказывает, что мы идеально подходим друг другу.

– Осталось пройти только одно испытание, чтобы узнать это наверняка. – Лина склонилась так близко, что их лица почти соприкасались.

– Какое же? – спросил Арло, глядя на нее затуманившимися глазами.

– Ненавижу тех, кто плохо целуется. Так что, боюсь, придется проверить твои навыки в этой области.

– Проверяй на здоровье, – разрешил Арло.

Так она и сделала. Процесс проверки весьма затянулся. Лину Коул никто бы не упрекнул в недостаточной дотошности. К тому моменту, как Арло продемонстрировал свою квалификацию, почти все ушли на пикник.

– Достаточно, мистер Кин, – выдохнула она, прижавшись к его щеке.

– Очень рад, что вы довольны, мисс Коул, – выдохнул в ответ Арло.

Раздались негромкие вежливые аплодисменты. Оба обернулись, увидев, что за ними стоит беззвучно смеющийся Зик.

– Похоже, мистер Занни ожидал подобного исхода, – заключил Арло. – Возможно, даже с самого начала.

– Это бы объяснило, почему он так хотел, чтобы мы вместе взялись за этот план, – заметила Лина. – Полагаю, вы считаете себя очень умным, мистер Занни.

Зик кивнул.

– Не волнуйтесь, мисс Коул, – сказал Арло. – Лето только начинается. Я уверен, что мы с вами найдем подходящую пару юному мистеру Занни.

Зик яростно затряс головой.

– Я сосредоточу на этом все свои мысли, мистер Кин, – пообещала Лина.

Вынужден сообщить тебе, дорогой читатель, что они выполнили свое обещание. Ибо никто так не воспевает прелести любви, как те, кто уже попал под ее чары. Вот почему я решил рассказать эту историю.

Видишь ли, меня зовут Зик Занни, и к своему стыду, я должен признаться, что обманул тебя. Как ты наверняка уже догадался, это все же история о любви. А поскольку я влюблен,

я записал эту историю в надежде, что и ты последуешь моему примеру, влюбившись в кого-нибудь. Потому что, если уж мы все дураки, то, может, в любви и есть какая-то доля мудрости.

Брэнди Колберт

До свиданья и удачи

Мы с Одри валяемся на пляже Фостер-Авеню, и тут она говорит мне, что едет в Сан-Франциско.

Фостер – лучший пляж в Чикаго, хотя кое-кто может с этим не согласиться. Прохладный ветерок дует над озерами, поглаживая наши голые руки и ноги, а потом ныряет в гущу ухоженной травы под высокими лиственными деревьями, где жарят барбекю и играют в мяч. По другую сторону от нас детишки плещутся на мелководье, а родители лежат неподалеку, уткнувшись в дешевые книжки в мягком переплете. Это не такой пляж, какой обычно представляют себе люди: там нет соленой воды, а климат у нас в городе далеко не тропический. Но здесь приятно посидеть на пледе в середине июля, полакомиться булочками и поболтать с двоюродной сестрой, подставляя ноги солнцу.

– В Сан-Франциско? На демонстрацию? – спрашиваю я и тянусь к стоящему между нами пакету за вишневой слойкой. Это мои любимые, из шведской булочной: нежное слоеное тесто с темным густым повидлом. Я встретила с Одри на Кларк-стрит около десяти часов утра, и мы неторопливо отправились из булочной прямо на пляж, по дороге жуя булочки с пеканом и сдобные плюшки.

– Нет, – отвечает Одри. Она лежит, опираясь на локти и вытянув ноги, но при этих словах привстает.

Я протягиваю пакет – там еще остался маленький банановый хлеб. Она качает головой, и только тут я замечаю, что она нервно сцепила руки на коленях. И что ее губы, обычно накрашенные помадой ягодного цвета и ярко выделяющиеся на фоне темной кожи, сейчас совершенно бледные и сжаты в ниточку. Я тоже делаю паузу. Не решаюсь даже слизнуть каплю повидла с мизинца, потому что чувствую: в теплом летнем воздухе витают плохие новости.

– Я переезжаю туда... с Джиллиан.

Слойка вываливается у меня из рук и падает на песок начинкой вниз. Ну разумеется.

– Она нашла там работу, – медленно говорит Одри, выжидая, что я буду делать дальше. – Хорошую работу.

Я поднимаю испачканную в песке слойку, не стараясь даже взять ее за краешки. Она уезжает. Единственный человек, кроме мамы, кто когда-либо понимал меня – действительно понимал! – переезжает за две тысячи миль. Калифорния по сравнению с Чикаго кажется другой планетой. Мы даже будем в разных часовых поясах.

Я сжимаю руку в кулак, пачкая ладонь повидлом.

– Рашида... – начинает Одри, но я ее перебиваю.

У меня болит горло от вставшего в нем кома, но мне удастся выдавить:

– Рада за тебя.

Потому что именно это положено говорить в такой ситуации двоюродной сестре, которая всегда тебя поддерживала. Так сказал бы зрелый человек, о чем я в свои семнадцать лет слишком часто задумываюсь. Видимо, вот что случается, когда приходится взрослеть раньше времени.

– Правда? – Одри расслабляется, успокоенная моей ложью, хотя и поглядывает на испачканную слойку. – Я боялась, что ты будешь на меня злиться.

«Злиться» – неподходящее слово. Разочарована – быть может. Но сейчас демонстрация каких-либо эмоций, кроме радости, никому не принесет ничего хорошего. Она уезжает, потому

что уезжает Джиллиан, а она хочет быть с Джиллиан. К тому же Одри ведь мне не мама, хоть и заменяла ее последние четыре года.

– Мне ведь всего год остался тут без тебя, верно? – отвечаю я. – В смысле, все равно в конце следующего лета я уеду в колледж. Может, и сама окажусь на западе.

Я никогда не рассматривала возможность пожить в Калифорнии. Эта мысль мне и в голову не приходила. Но мне нужно было озвучить ее, чтобы убедить Одри, что я не сойду с ума от горя, когда она уедет. А это важнее, чем небольшая ложь.

– Надо это выкинуть, – говорю я и поднимаюсь на ноги со своей жалкой слойкой в руках. Мусорный контейнер стоит на другом конце пляжа, где проходит граница между травой и песком. Я отрываю свои обрезанные шорты, босиком бегу к контейнеру и выбрасываю слойку.

Я вытягиваю руку перед собой. Джем каким-то образом оказался у меня на локте, оставив там липкое пятно. По пути к воде я лавирую между визжащими детьми и задремавшими на солнце взрослыми. Несколько человек одеты в джинсы и рубашки с длинным рукавом, как будто они случайно забрели на пляж и зачем-то решили остаться попотеть.

Прохлада воды ласкает мои ступни, лижет пальцы, поднимается к лодыжкам. Я захожу чуть глубже, чтобы окунуть руки. Смывая липкий джем, я смотрю вдаль: волны колышутся тихо, почти незаметно. Может, пойти дальше – выйти в озеро Мичиган и уплыть прочь? Не так, как моя мама после флакона антидепрессантов, а просто куда подальше... В жизнь, где мне не надо будет все время смотреть, как люди бросают меня.

Когда я дохожу до нашего места, там стоит Джиллиан, помогая Одри стряхивать песок с пледа. Что она тут делает? Как это она так быстро здесь оказалась? Меня не было-то всего пять минут. До чего ловко она влезает всюду – они с Одри ведь еще и года не встречаются. Я делаю глубокий вдох и притворяюсь, что не замечаю их неестественных улыбок.

– Привет, Рашида! – говорит Джиллиан, улыбаясь еще шире. – Как дела?

– Нормально. Хорошо, – говорю я.

Одри сует сложенный плед под мышку. Снова смотрит на меня, и я понимаю, что должна что-то сказать, чтобы им с Джиллиан не было так неловко, но не могу себя заставить.

– Я была тут поблизости и решила подвезти вас домой, – говорит Джиллиан.

– Здорово, – отвечаю я. – Спасибо.

Она больше не пытается со мной говорить. Я тащусь за ними к машине, глядя в спину Джиллиан и грызя ноготь на большом пальце. У нее спортивное телосложение – Одри говорит, она весь колледж занималась бегом, – и толстые темные косы. Кожа светло-коричневая, того оттенка, который заставляет людей задаваться вопросом, не мулатка ли она. Свое имя она произносит с жесткой «Дж», которое всегда мне напоминает жужжание отбойного молотка.

Джиллиан усаживается за руль своей старой «Тойоты» и разблокирует пассажирскую дверь, которая снаружи, видимо, не открывается. Интересно, если они поедут на этой машине в Сан-Франциско, она будет ломаться в каждом штате, через который они будут проезжать? И не пожалеет ли Одри, что согласилась на этот переезд, который явно омрачит их совместное будущее.

– Эй, – тихо окликает меня Одри перед тем, как открыть дверь. Она касается моего плеча, чтобы заставить меня оторвать глаза от асфальта и посмотреть ей в глаза. – Я люблю ее. Я хочу, чтобы ты знала: я бы не уехала, если бы не была в этом уверена. Но я уверена. Я слишком люблю ее, чтобы остаться.

Любовь.

Какое дурацкое слово. Она и меня любит, но по-другому, и этого недостаточно, чтобы она осталась.

Три недели спустя, когда вся квартира Одри завалена коробками, а в холодильнике у нее остались только одинокое яйцо и банка маринованных огурцов, я стою в доме ее родителей и жую кусочки сыра, стоя в столовой возле стола.

Одри не хотела, чтобы мы устраивали шумные проводы. Это не в ее стиле. Она ненавидит привлекать к себе внимание, возможно из-за своей активистской деятельности. Она привыкла столько всего делать ради других: организовывать митинги, связываться с политиками, собирать средства в пользу некоммерческих организаций. Но ее мама настояла на прощальной вечеринке, так что скоро в доме тети Фарры и дяди Говарда в Роджерс-парк соберутся все родственники, друзья и теперь уже бывшие коллеги Одри и Джиллиан.

Еще рано, и я все еще жую сыр, когда замечаю, как Одри стоит в другом конце комнаты у проигрывателя и вместе с Джиллиан перебирает пластинки. Джиллиан радостно взвизгивает при виде одной из них, и я смотрю, как Одри склоняется к ее плечу, чтобы посмотреть, что она такое нашла. Я закидываю в рот еще кусок чеддера и сокрушаюсь, что мне так тяжело хорошо относиться к человеку, которого любит моя кузина. Да оно и не было бы так тяжело, если бы из-за любви к Джиллиан Одри не нужно было уезжать от нас.

Вдруг из колонок начинает играть музыка, и дядя Говард подходит к столу с закусками, качая головой в такт.

– А говорят, нынешняя молодежь ничего не смыслит в музыке! Только не моя дочь! Моя девочка, – он щелкает пальцами, делая акцент на этих словах, – знает великих.

– А я впервые это слышу, – признаюсь я, пожимая плечами и не улыбаясь, потому что с дядей Говардом необязательно притворяться, что у меня хорошее настроение.

При всей своей неутомимой веселости он не из тех людей, кто постоянно напоминает, что нужно быть благодарным за то, что мы имеем. Он искренне ищет во всем светлую сторону, даже после всех ужасов, которые повидал за почти шестьдесят лет в Чикаго.

– В таком случае тебе полагается бесплатная лекция про мотаун, – говорит он, дернув за козырек твидовой кепки, нахлобученной на его бритую голову. – *Marvelettes* – одна из величайших женских групп всех времен.

– Лучше, чем *Supremes*?

Он притворно ахает и оглядывается через плечо, потом склоняется ко мне поближе.

– Никогда не говори этого при своей тете. У нас на эту тему идут жаркие споры. – Я улыбаюсь, но лишь слегка. Он кладет руку мне на плечо и говорит: – Здорово будет ездить в Сан-Франциско, правда? Сможем выбираться отсюда, когда тут холодно и мерзко.

Я смотрю на Одри, которая теперь стоит у проигрывателя одна, уставившись в телефон. Она всегда хорошо выглядит, но сегодня она еще и принарядилась в черное кружевное мини-платье с длинным рукавом. Блестящие темные волосы уложены в гладкий пучок. И губы снова накрашены.

– Разве в Сан-Франциско не холодно? – спрашиваю я, вспомнив, как однажды мама вернулась оттуда с выставки в августе и сказала, что ей пришлось купить там свитер.

Дядя Говард улыбается мне, и по его улыбке я понимаю: он знает, что мое ворчливое настроение никак не связано с ним. Потом он отворачивается, переключив внимание на вазочку с оливками.

Я иду на кухню за стаканом воды, но резко останавливаюсь в дверях. У кухонного стола спиной ко мне стоят Джиллиан с каким-то парнем. Я собираюсь развернуться и уйти, пока они меня не заметили. Это ведь и ее прощальная вечеринка, но поскольку я не могу сказать ей ничего приятного, лучше мне просто держаться от нее подальше.

Но тут я наступаю на скрипучую половицу, и они оба оборачиваются. Теперь уж не уйдешь.

– О, привет, Рашида! – с сияющим видом восклицает она. На столе возле ее локтя стоит синий пластиковый стаканчик, а рядом открытая бутылка водки и кувшин с апельсиновым соком. – Знакомься, это мой брат Пьер.

Первое, что бросается мне в глаза, – ямочка у него на подбородке. Она такой идеальной формы, что меня так и тянет коснуться ее пальцем. Но в нем все хочется рассматривать снова и

снова: от гладкой кожи глубокого темного оттенка до очков в толстой черной оправе и теплых карих глаз за ними.

– Привет! – он шагает через всю кухню ко мне и протягивает руку. – Рашида? Приятно познакомиться!

Я знала, что у Джиллиан есть брат, но не знала, что он моего возраста. Или что он *так* выглядит. Я смотрю на его короткую аккуратную стрижку-афро и представляю, какая она, должно быть, мягкая на ощупь. Он улыбается, демонстрируя идеальные зубы. Я была бы уверена, что это заслуга брекетов, если бы не один едва заметно искривленный нижний зуб.

Джиллиан у раковины кашляет и хихикает, и тут я понимаю, что Пьер все еще стоит передо мной с протянутой рукой, а я так и не сказала ни слова и не двинулась с места. Просто молча пялюсь на него. Я вытираю ладонь о подол расклешенной юбки в цветочек и пожимаю его руку. Слегка улыбаюсь ему, искоса глянув на Джиллиан, которая делает большой глоток из синего стаканчика, и говорю:

– И мне приятно познакомиться.

Джиллиан указывает на бутылку.

– Тебе налить?

Я смотрю на нее, выпучив глаза.

– Шутишь?!

– Не хочу хвастаться, но я делаю отличную «отвертку», – смеясь, отвечает она.

– Не самая лучшая идея, Джиллиан. Тут же вся моя семья!

За исключением отца, разумеется. Он должен был уже приехать, но, видимо, слишком хорошо проводит время за ужином с Бев. От этой мысли меня подмывает воспользоваться предложением Джиллиан, но вообще-то я не особо люблю выпивку. Я как-то пробовала пиво и пару коктейлей, втихоря сделанных из того, что удалось найти в оставленных без присмотра барных шкафчиках, но в основном от алкоголя меня просто клонит в сон.

Пьер смотрит на меня, изогнув бровь, будто не веря, что я так грубо говорю с его сестрой.

Впрочем, она, похоже, не обижается, а если и обижается, то водка это маскирует. Она улыбается той же улыбкой, как тогда на пляже, закрывает бутылку и говорит:

– Ты знаешь, где меня найти, если вдруг передумаешь.

После чего выходит из кухни.

Обойдя Пьера, я отправляюсь за бутылкой воды. Мне кажется, надо что-то ему сказать – что угодно, чтобы с его лица исчезло это выражение, – но в голову ничего не приходит, так что я тоже выхожу.

По пути в туалет я встречаю тетю Фарру, которая сидит на нижней ступеньке лестницы. Вид у нее не то чтобы озабоченный – просто сидит, прислонившись к перилам и уставившись на собственные руки. Но в ее позе чувствуется такая грусть, что я сажусь рядом. На стене напротив висит огромный семейный портрет в деревянной рамке: Фарра, Говард и маленькая Одри, в те времена, когда она еще носила в волосах розовые заколочки.

Я кладу голову тете на плечо.

– Мне вроде как хочется, чтобы сегодняшний вечер поскорее закончился, но в то же время не хочется, потому что тогда до ее отъезда останется всего пара дней.

Сейчас мне уже легче быть рядом с тетей, но поначалу, после смерти мамы, мне было тяжело на нее смотреть. Они с мамой сестры и были очень похожи друг на друга. Не внешне – у тети пышные формы, как у меня, а мама была высокой и худощавой. Мне достался мамин красновато-коричневый цвет кожи, а у Фарры кожа светло-коричневая, как у Одри. Но оказалось, что у них ужасно много общих манер, чего я раньше никогда не замечала. Тетя в точности как мама теревит мочку уха, когда о чем-то сосредоточенно думает, и так же покусывает дужку очков, когда волнуется.

Пожалуй, заменить мне мать должна была бы тетя Фарра, но Одри так быстро взяла эту роль на себя, что больше никто не успел занять это место. Она на семь лет старше меня. Раньше это казалось огромной разницей, но теперь, когда я иду в последний класс, уже нет. Может, поэтому она и уезжает. Может, она считает, что я уже достаточно взрослая и она мне больше не нужна.

– Знаю, детка, – вздыхает тетя Фарра. – Все не могу отделаться от мысли, что она передумает или скажет, что пошутила. Говард говорит, я должна ее отпустить, ведь ей уже двадцать четыре. Но для любой матери это сложно.

Она осознает, что сказала что-то не то, почувствовав, как напряглось мое тело. Мне хочется убежать прочь, перестать быть человеком, рядом с которым люди осторожничают в словах, но тетя обнимает меня за плечи и притягивает к себе.

– Ты ведь знаешь, что я всегда рядом, девочка моя. – От тети Фарры пахнет клубникой. – Как только начнешь по ней скучать, звони или приезжай, ладно?

«По ней» могло относиться и к моей маме, и к Одри, и я боюсь, что тоска по ним обеим окажется для меня невыносимой.

Пару минут спустя я сую руки под струю холодной воды в ванной и прижимаю их к щекам и ко лбу. Вздыхаю руками волосы – короткие, черные, пышные и кудрявые. Потом инспектирую тетин аптечный шкафчик, что делаю каждый раз, как прихожу к ней в гости.

Затаив дыхание, я проверяю, не изменилось ли там чего-нибудь. Коричневый флакончик с мелатонином. Мультивитамины для женщин. Таблетки от давления. Антидепрессантов по-прежнему нет.

Я облегченно выдыхаю и как раз собираюсь поставить на место оранжевый флакончик, когда дверь в ванную вдруг распахивается. От неожиданности я роняю флакон на пол, и тетины таблетки от давления разлетаются во все стороны.

– Черт! – даже не подняв головы, я опускаюсь на корточки и принимаюсь их собирать. Мало того, что я регулярно копаюсь в тетиной аптечке, так теперь меня еще и застукали за этим занятием...

– Давай помогу.

Я узнаю его по ногам. Черные «конверсы» с грязными белыми шнурками. Боковины резиновой подошвы исписаны шариковой ручкой. Я обратила на это внимание еще в кухне, но там я стояла слишком далеко, чтобы рассмотреть надписи, а теперь слишком смущена.

– Спасибо, – я отодвигаю край шторки для ванной, вылавливая из-за нее еще несколько таблеток.

Я жду, что Пьер извинится за вторжение без стука, но, похоже, за последние полчаса его настроение стало таким же скверным, как у меня.

– Знаешь, как бы ты ни переживала, не надо срываться на моей сестре. – Говорит он, наклоняясь и шаря ладонью вокруг основания раковины.

– Что, прости? – это придает мне решимости посмотреть на него. – Она предложила алкоголь подростку на семейной вечеринке. Ты считаешь это хорошей идеей?

– Во-первых, это не семейная вечеринка, а просто вечеринка. Она и для гостей Джиллиан тоже. – Он встает и кладет несколько таблеток на широкий край раковины. – И на самом деле ты не из-за алкоголя на нее взъелась. Ты просто к ней придираешься.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что он не прав, но то, что я и правда вела себя по-свински, понимают все присутствующие, и я в первую очередь. И все же я пока не готова признать это вслух, особенно перед ним.

– Я имею право чувствовать, то, что чувствую, – говорю я, с трудом удерживая флакончик в трясущихся руках.

Пьер хмурится и поправляет очки на переносице.

– Я и не говорил, что не имеешь, но не обязательно грубить моей сестре. Ты не единственная, кого расстраивает их переезд. И ты перегибаешь палку. Они же не умирают.

Тут я начинаю трястись уже всем телом. Мне удастся закрыть флакончик и убрать его в шкаф, но когда он замечает мое состояние и начинает что-то говорить, коснувшись моего плеча, я во второй раз за вечер молча проскальзываю мимо него к выходу. Каким-то чудом мне удастся выйти из ванной, не послав Пьера куда подальше.

В доме к тому моменту собралась целая толпа, которая ела, танцевала, хохотала и болтала с шумом, официально подтверждающим, что это полноценная вечеринка. Я узнала нескольких друзей Одри и Джиллиан, которых видела на демонстрациях, и пару человек из баптистской церкви, куда ходят тетя Фарра и дядя Говард и где я тоже бывала на службе. Но большинство людей мне незнакомы. Я вспоминаю замечание Пьера насчет того, что эта вечеринка не только для моей семьи, и морщусь.

Подросел мой отец, что должно бы меня успокоить, но нет. С ним его новая девушка Бев, секретарша из Школы искусств Чикагского института, где он работает профессором истории искусства. Про Бев мне сложно что-то сказать. Она вроде бы милая, но я не понимаю, что отцу в ней нравится. Она спокойная? Предсказуемая? Сдержанная? У моей мамы ни одного из этих качеств не было, и мне никогда не приходило в голову, что они ей нужны.

Папа стоит у проигрывателя и машет мне рукой, подзывая, и я иду к ним, проталкиваясь мимо гостей с бокалами и запотевшими бутылками ледяного пива. Я прохожу мимо Джиллиан, которая стоит у большого окна рядом с диваном и разговаривает с кем-то мне неизвестным. Джиллиан в принципе энергичная, но такой оживленной я ее никогда не видела: активно жестикулирует, подчеркивая каждое слово в предложении, строит гримасы, которые вряд ли должны были быть такими комичными. Я смотрю на ее руки и, конечно, вижу в них синий стаканчик.

– Как прошел ваш ужин? – спрашиваю я из вежливости.

Они и меня звали с собой, но я отказалась, сказав, что пообещала тете и дяде прийти пораньше и помочь. Так оно и было, но к моему приходу они уже покончили с уборкой, развесили в гостиной гирлянду с надписью «До свиданья и удачи!» и накрыли на стол, так что я просто жевала крендельки и давала тете советы по поводу ее наряда. Но отцу это знать не обязательно, потому что торчать без дела в ожидании вечеринки в честь отъезда моего самого любимого человека на земле все равно лучше, чем сидеть в ресторане с ним и с его девушкой.

– О, мы были в отличном новом рыбном ресторане в Ривер-Норт, – восклицает Бев с таким восторгом, какого на моей памяти у нее еще ничего не вызывало. – Мидии были просто превосходны!

– Зря ты с нами не пошла, Рашида. – Отец наклоняется ко мне и целует меня в макушку. – Одни из лучших устриц в моей жизни.

– У меня аллергия на морепродукты, – напоминаю я. – Так что может и хорошо, что я с вами не пошла.

– Конечно, я помню, – быстро говорит он, поглаживая бороду. Свою профессорскую бороду, как ее называла мама. После ее смерти среди черных волосков появились серебристые. – Мы выбрали это место только после того, как ты отказалась.

Я этому не верю. Отец в принципе рассеянный, но в последнее время стал еще более забывчивым во всем, что касается меня. Через год я уеду в колледж, и иногда я думаю, не будет ли он счастливее вдали от меня.

– Как твои дела, Рашида? – спрашивает Бев, заправляя за ухо прядь светло-каштановых волос. – Уже начала думать, в какой колледж пойдешь?

Она кажется более нервной, чем обычно. Я замечаю, как она три раза беспокойно оглядывает комнату, и наконец понимаю – после того, как она заметно расслабляется, углядев среди гостей светловолосого парня, – что ей некомфортно быть тут одной из немногих белых. Инте-

ресно, когда она куда-нибудь ходит с отцом, она замечает, что он один из немногих чернокожих? Приходит ей в голову, что и ему может быть некомфортно?

– Думаю, да, – говорю я, едва удержавшись, чтобы не пожать плечами. Как я могу не думать об этом, если мой отец – профессор? Он не подталкивает меня к какой-то конкретной области, но часто поднимает эту тему, спрашивает, составила ли я списки главных и запасных вариантов. Его устроит любая специальность, главное, чтобы колледж оказался за пределами Чикаго. Мне кажется, мое присутствие слишком сильно напоминает ему о маме.

– Есть идеи по поводу специальности? – продолжает Бев. Она явно не понимает, что я не хочу с ней об этом сейчас говорить. Или вообще когда-нибудь.

– Пока не знаю, – отвечаю я. – Может, лингвистика. Или социология.

Или растениеводство, если уж быть честной. Весной и летом недели не проходило, чтобы мы с мамой не выбрались на задний двор с утра пораньше, чтобы покопаться в огороде. Работа в огороде расслабляла и приносила чувство удовлетворения. После маминой смерти я забросила все растения, и они погибли.

Я склоняю голову набок.

– А ты что изучала в колледже, Бев? – Отец резко поворачивается ко мне, но я на него не смотрю, потому что не хочу видеть его лицо. Он понимает, что я вредничаю, потому что знаю: какое бы там ни было образование у Бев, вряд ли оно ей пригодилось на секретарской работе.

Меня спасает Одри, выскочившая из ниоткуда с приветливым «Как я рада тебя видеть, дядя!» и поцеловавшая его в щеку. Она говорит Бев, что рада видеть и ее, потом поворачивается ко мне.

– Мы собираемся поиграть в бочке во дворе, и нам нужен еще один игрок. Сыграешь с нами?

Я тут же соглашаюсь, хватаю ее за руку и торопливо выхожу во двор, с ужасом думая о том, кто же меня будет спасать, когда ее не будет рядом.

Когда мы выходим на улицу, мне становится еще тоскливей. Одри не сказала, что Пьер тоже играет.

Он стоит на краю лужайки высокой тенью за пределами полосы света, падающего с крыльца на шары для бочке, выложенные в ряд на свежестриженной лужайке. Джиллиан со стаканчиком в руках танцует под воображаемую музыку возле дощатой ограды, блуждая по лужайке с расфокусированным и слегка безумным взглядом.

Влажный и теплый воздух пропитан ароматом розовых кустов тети Фарры. Крупные бутоны пастельных оттенков торчат из шпалеры. Дядя Говард развесил на крыльце рождественские гирлянды, и теперь они мягким светом сияют вокруг нас, заступив на вахту на несколько месяцев раньше обычного. Такой чудесный вечер. Он мог бы быть даже романтичным, если бы со мной был кто-то, кроме моей кухни, ее пьяной подружки и парня, который меня ненавидит.

Даже Одри и Джиллиан не могут наслаждаться этим вечером. Одри поддерживает свою девушку под локоть – то ли из нежности, то ли чтобы та не упала. Джиллиан с размаху ставит стаканчик на ограду и обхватывает лицо Одри ладонями, впечатываясь губами в ее губы. Выглядит это не очень приятно, и моя кухня быстро отстраняется, качая головой. Он что-то говорит так тихо, что мне не слышно. Пьер, сгорая от стыда, отворачивается, уставившись на гараж.

Несколько минут спустя мы расходимся по лужайке и разбиваемся на команды. Одри сперва встала в пару с Джиллиан, но мой злобный взгляд дал ей понять, что это не вариант. Пьер, похоже, тоже обрадовался, что ему не придется быть со мной в команде, хотя и рядом с Джиллиан он выглядит не слишком довольным. Она обмотала косички вокруг подбородка, имитируя бороду и бормоча что-то про Геттисбергскую речь.

Я поворачиваюсь к кухне:

– Она?...

Не успеваю я сказать еще хоть слово, как Одри раздраженно восклицает:

– Все с ней нормально! Все в порядке. Давайте играть.

Ох. Одри никогда на меня не срывается. Она вообще очень уравновешенная, а ко мне относится с особенной мягкостью. Но сейчас между ее бровей залегла глубокая морщина, губы сжались, и она даже не улыбнулась мне, чтобы извиниться.

Мы бросаем монетку, чтобы решить, кто начинает. Выигрываем мы с Одри, я предлагаю ей кидать первой. Джиллиан на весь квартал орет «Вперед, детка!», и я думаю, что, может быть, ее необузданный энтузиазм заставит Одри улыбнуться, но та не обращает на нее внимания, бросая маленький белый шар.

Мы завершаем первый раунд без происшествий, если не считать того, что Пьер шикает на сестру каждые две секунды. Джиллиан громко болтает без умолку. Я посматриваю на Одри. Она уже даже не пытается скрыть раздражение и стоит, скрестив руки и демонстративно глядя прямо перед собой. Я слишком резко бросаю красный мяч, и он откатывается в дальнюю часть двора, оттолкнувшись от забора.

– Мяч вне игры, – самодовольно говорит Пьер.

Я злобно смотрю на него. Небось просто радуется, что кто-то отвлек внимание от его сестры.

Наступает черед Джиллиан бросать, но она бредет прочь. Споткнувшись о кучку зеленых и красных шаров, она сбивает несколько из них с места и тем самым портит игру. Она как петарда, опоздавшая ко Дню независимости, как черт, вырвавшийся из табакерки на волю, как ребенок, впервые открывший для себя собственные ноги. Джиллиан официально пьяна в стельку.

Одри вздыхает.

– Что ж, полагаю, с нас хватит.

– С нее точно на сегодня хватит.

Джиллиан несется вприпрыжку через лужайку и принимается кружиться под пустой бельевой веревкой, распевая какую-то песню настолько неразборчиво и не в лад, что ее невозможно узнать. Косички разлетаются вокруг ее лица, хлеща ее по потному лбу, пока она подпевает хору кузнечиков. И что, вот с этим Одри придется мириться в Сан-Франциско? Это недавно началось или у Джиллиан всегда были проблемы с алкоголем, просто я об этом не знала?

– Надо ее увести отсюда, – говорит Одри. – Я могла бы ее отвезти к себе, но все заметят, если я уйду.

– Я бы отвез ее домой, но у меня прав нет, – Пьер сует руки в карманы темно-синих джинсов. – Можно было бы взять такси, но...

Одри качает головой.

– Вы не поедете на такси за город. Это будет стоит тучу денег, которых, я уверена, ни у кого из нас при себе нет, – она на секунду умолкает, потом кивает в мою сторону. – Рашида, может, ты бы отвезла ребят ко мне?

Я с удивлением спрашиваю.

– Зачем нам всем втроем ехать?

– Потому что она пьяна в хлам, – говорит Одри будничным тоном, который заставляет меня пожалеть, что я открыла рот. – Отвезти ее домой и уложить в постель в одиночку не получится.

– А что мы скажем родственникам и ее друзьям? – спрашивает Пьер, очевидно, не меньше меня обеспокоенный перспективой этого совместного испытания. Он машет рукой в сторону дома, откуда звуки вечеринки выплескиваются на крыльцо. – Может, пойти сказать что-нибудь?

Одри покусывает губу, оглядываясь на дверь и силуэты гостей в кухонном окне.

– Скажу им, что она отравилась за обедом.

– А что, если она не захочет оставаться у тебя ночевать? – спрашиваю я. Мы с Пьером делаем все возможное, чтобы придумать какую-нибудь отговорку и никуда не ехать, да и Джиллиан, похоже, совершенно не готова уходить. Судя по ее виду, она бы с радостью еще порезвилась.

– Ой, да она минут через десять вырубится, – Одри упирает руки в свои стройные бедра. – Особого сопротивления вы не встретите.

Ей очевидно, что и с нашей стороны она сопротивления не встретит: она из тех, кого все слушаются. Я видела, как она командовала сотнями демонстрантов.

Втроем нам удастся увести Джиллиан за угол дома как раз в тот момент, когда на террасу начинают выходить люди. Пьер и Одри поддерживают Джиллиан под руки. Она отвлекается на все, что попадает в ее поле зрения: раздавленный блестящий бело-сине-красный праздничный колпак на обочине, кремовые лепестки, падающие с дерева на тротуар, бездомную кошку, бредущую по дороге впереди нас.

– Кис-кис-кис! – восклицает она, устремляясь за тощим животным.

Кошка с вытаращенными глазами уносится прочь, а мы тащим Джиллиан к машине. Одри была права: у нее слипаются глаза и заплетается язык. Пьер открывает дверь, и Джиллиан тут же заваливается в машину, раскинувшись на задних сиденьях. Ее ноги безвольно болтаются, как две вареные макаронины. Посмотрев на это, Пьер говорит:

– Мне, наверное, лучше поехать с ней сзади.

Я пожимаю плечами, что означает: у меня нет никакого мнения обо всем происходящем. Я здесь просто потому, что приходится.

Одри наблюдает, как они устраиваются сзади, заглядывает в окно, чтобы посмотреть на Джиллиан, и поворачивается ко мне. Она устала, ее плечи поникли, но в глазах светится благодарность.

– Удачи! Скоро увидимся. – Она сует мне в руку ключи от машины Джиллиан и на секунду сжимает мою ладонь в своей. – И спасибо тебе.

Усевшись за руль, я пристегиваюсь. Джиллиан уже вырубилась. Пьер положил голову сестры себе на колени. Мне не хочется с ним разговаривать, но приходится спросить:

– Пристегнулся?

– Ага, – так же кратко отвечает он. Секунду помолчав, он спрашивает: – Далеко ехать?

– В Андерсонвиль.

– Это далеко?

Ах да. Семья Джиллиан живет к западу от города, в Оук-Парк. Интересно, часто ли он приезжает в город и знает ли другие районы или просто не слышал именно про этот? Я злюсь на себя за то, что думаю об этом. Про семью Джиллиан мне и так известно все, что нужно.

– Минут за десять доедем, – говорю я, еще раз проверяя, пристегнут ли ремень.

Поправляя зеркало заднего вида, я вижу, как он кивает. Включаю фары. Но ключ в зажигании все еще не поворачиваю.

– В чем дело? – спрашивает Пьер.

– Я... давно не водила, особенно ночью. – У папы есть машина, которую мне можно брать в любое время, когда он сам ею не пользуется, но мы живем в Бактауне, прямо рядом с синей веткой метро, и автобусы рядом останавливаются, а уж если совсем приспичит, всегда можно найти такси. В последнее время папа стал жаловаться, что у нас в районе слишком шумно и надо бы перебраться в местечко потише. Но в этом доме мы жили с мамой, там наш засохший огород и все остальное, и, думаю, он понимает, что наши хрупкие отношения продержатся дольше, если мы останемся там хотя бы до тех пор, пока я не уеду в колледж.

– Спешки нет, – говорит Пьер. – К тому же ты говоришь, это недалеко.

– Точно, – отвечаю я. Недалеко.

Я завожу машину, и вместе с урчанием двигателя включается классическая музыка. Я удивлена, потому что не знаю никого, кто бы слушал классическую музыку, за исключением папиных ровесников. Джиллиан производит впечатление человека, который предпочитает поп, хип-хоп или электронную музыку – что-то с четким ритмом, соответствующим ее безграничной энергии. Но я благодарна за умиротворяющее пение струнных инструментов.

Я держу руки на руле в положении на «два часа» и на «десять часов» и еду медленнее положенного. Некоторые меня обгоняют, но вроде никто не злится. Как только я чуть-чуть успокаиваюсь, Джиллиан начинает постанывать во сне, с каждой секундой все громче. Я смотрю на них в зеркало заднего вида, размышляя, не надо ли остановиться, но, похоже, у Пьера все под контролем. В тусклом свете уличных фонарей я вижу, как он гладит ее по плечу, еле слышно шепча:

– Все в порядке, Джилли. Мы почти на месте.

Он продолжает успокаивать ее, и стоны вскоре стихают, сменившись негромким храпом. Неровное дыхание смешивается со звучанием классической музыки, и в какой-то момент ее храп настолько точно совпадает с особенно драматичным музыкальным фрагментом, что мы с Пьером не можем удержаться от смеха. Умолкая, мы переглядываемся в зеркале.

– Ты хорошо водишь, – тихо говорит он и поворачивается к окну, в которое смотрит до конца поездки.

И слава богу, потому что я никак не могу справиться с бешеным румянцем, залившим мое лицо после этого совершенно безобидного комплимента. Я пытаюсь понять, что изменилось за то время, что мы в машине. Пять минут назад я и смотреть на него не хотела, а теперь у меня горят щеки. Одри всегда говорит, что не стоит судить людей по первому впечатлению, и я не всегда соглашаюсь с ней, но, возможно, Пьер не так уж плох, как мне казалось. Возможно.

Каким-то чудом я нахожу парковочное место в нескольких шагах от дома Одри, притом достаточно широкое, чтобы обойтись без параллельной парковки. Я облегченно вздыхаю: увидев, как я пытаюсь втиснуться на чужой машине в узкую щелку, Пьер явно отказался бы от своего предыдущего утверждения. Но облегчение длится недолго, потому что нам никак не удастся разбудить Джиллиан, чтобы вытащить ее из машины. Она с закрытыми глазами валится на Пьера, когда тот легонько похлопывает ее по щекам и говорит, что пора вставать. Когда я громко окликаю ее по имени и начинаю тащить за штанины, она вообще не реагирует.

– Одри живет на третьем этаже, – говорю я, как только становится очевидно, что нам придется ее нести. – И лифта нет.

– Черт, – говорит он, вздыхает и поправляет очки. – Поможешь мне взвалить ее на плечо?

Все предприятие от начала до конца оборачивается сущим мучением. Пусть Джиллиан и в хорошей форме благодаря своему спортивному прошлому, но ее руки и ноги кажутся совершенно неподъемными. Время от времени она просыпается и пытается нас оттолкнуть. Один раз она так сильно меня пихает, что я отшатываюсь назад.

– Вот подстава! – говорю я, вытирая мокрый лоб.

– Но тащить ее три этажа придется мне, – возражает Пьер, крепко обхватив Джиллиан за талию.

– Нам бы вообще не пришлось этого делать, если бы... – Я замолкаю на полуслове, но слишком поздно.

Пьер резко вскидывает голову.

– Если бы что?

– Не важно.

– Ты не одна так к этому относишься, – говорит он напряженным голосом, и я понимаю, что молчаливое перемирие, которое мы заключили в машине, закончилось. – Давай прекратим жалобы и просто поднимем ее наверх, чтобы покончить с этим?

Я никогда не замечала, сколько препятствий на пути к квартире Одри: ворота, дверь подъезда, дверь на лестницу. Когда пятнадцать минут спустя я вставляю ключ в замок, я начинаю думать, что все эти меры безопасности излишни.

– Как... такой маленький человек... может... быть... таким... тяжелым... когда вырубается? – кричит Пьер, волоча Джиллиан в спальню в дальнем конце квартиры.

Кровать уже увезли, как и остальную мебель. Остался только надувной матрас, на котором Одри будет спать до отъезда в Сан-Франциско. Пьер укладывает Джиллиан на слегка сдувшийся матрас, а я накрываю ее одеялом до самого подбородка. Она скидывает одеяло и ложится на бок, избавив нас от необходимости ее переворачивать, потому что из фильмов я знаю, что пьяным нельзя спать на спине.

– Черт! – восклицает Пьер, когда мы выходим из спальни. – Это и правда была подстава! – Он сгибается пополам, упершись ладонями в бедра, и дышит ровно, но тяжело.

– Хочешь чего-нибудь попить перед обратной дорогой? – Мне показалось, что вежливо будет предложить.

Он кивает, и мы направляемся на крошечную кухню, где я надеюсь обнаружить что-нибудь, из чего можно пить. На кухонном столе стоит невысокая башенка пластиковых стаканчиков рядом с рулоном бумажных полотенец.

– Полагаю, вода из-под крана – лучшее, что я могу тут найти.

– Вода из под крана тоже вода, – отвечает он, и я наливаю стакан, который он быстро осушает. Его кадык двигается при каждом глотке.

Я делаю шаг в сторону, чтобы он смог сам налить себе еще, и открываю холодильник. Маринованные огурцы исчезли, осталось только одинокое коричневое яйцо на верхней полке. Одри обожает готовить. Мне неприятно видеть ее кухню такой опустевшей.

Из дальнего конца коридора раздается надрывный гортанный стон.

– Од, – еле слышно кричит Джиллиан. – Оди, мне надо... Од...

Мы бегом возвращаемся в спальню, где Джиллиан безуспешно пытается встать с постели. В конце концов она сдается и валится обратно, свесив голову с края матраса.

– Меня сейчас...

Я бросаюсь в ванную и едва успеваю подставить ей мусорное ведро. Она изрыгает рвоту. Пахнет ужасно. Я отхожу в сторону, а Пьер держит ее косички. Ее светло-коричневая кожа почти побелела, но он говорит ей, что все будет хорошо – тем же голосом, что и в машине.

Он садится с ней рядом, пока она кричит и отплевывается, безуспешно пытается выдавить из себя еще рвоту и наконец падает обратно на матрас. Я приношу ей стакан воды и Пьер уговаривает сделать пару глотков, прежде чем она снова уснет.

– Слушай, я не хочу, чтобы ты думала, что Джилли какая-нибудь пьяница, – говорит Пьер, поднимаясь с матраса. – Она иногда выпивает лишнего, когда нервничает, а она очень нервничала по поводу сегодняшнего вечера.

Я озадаченно хмурюсь:

– По поводу вечеринки?

– По поводу того, что ей придется смотреть, как все прощаются с Одри. Она считает... – Он понижает голос, хотя с матраса уже доносится невозможно громкий храп. – Она считает, что вы все ее ненавидите за то, что она забирает у вас Одри.

Мне следовало бы его заверить, что, конечно, мы не ненавидим Джиллиан, потому что Одри взрослая девушка и никуда бы не поехала, если бы сама не захотела, но я ничего такого не говорю. Справедливо это или нет, но часть меня и правда ненавидит Джиллиан. Она ведь и правда отбирает у меня мою сестру. Если бы Одри не встретила Джиллиан, она бы осталась в

Чикаго. Она обожает Чикаго. Даже когда улицы покрываются льдом и кучами грязного мокрого снега, а термометр показывает двузначные числа со знаком минус, Одри говорит, что это ее любимый город.

– О! – вскидывает брови Пьер. – Так она права.

– Никто не ненавидит Джиллиан по-настоящему. – Я колеблюсь, боясь, что мой голос будет звучать слишком хрипло, как каждый раз, когда я думаю про отъезд Одри. – Просто мы очень любим Одри, вот и все.

Он кивает. Глядя мне в глаза, показывая, что услышал меня. Он понимает.

– Нельзя ее так бросать, – вздыхает Пьер, когда мы идем обратно по коридору. – Она испугается, если проснется тут одна. А если с ней что-то случится... Мне лучше остаться с ней. Конечно, если твоя кухня не будет против.

– Она-то не будет, но чем ты тут будешь заниматься? – Я оглядываю пустую квартиру. Ни телевизора, ни даже книги или журнала. Все уже увезено или упаковано в коробки. Мой голос эхом отдается в пустоте, и я представляю, как грустно ему будет сидеть тут в одиночестве.

– Тишина меня не смущает, – он пожимает плечами. – А тебе наверняка хочется вернуться на вечеринку...

Отчасти это так: ведь Одри через несколько дней уедет. Но эта вечеринка не из тех, где весело. Бочке, выпивка, музыка и общее веселье казались натужными, как будто мы все при-творялись, что это обычное субботнее сборище. А я даже не могу отсидеться в уголке с папой – только не в присутствии Бев с ее неловким поведением и дурацкими вопросами.

Учитывая, как начались наши взаимоотношения, я сомневаюсь, что сидеть тут с Пьером – более удачный выбор. Но тут я вспоминаю нашу поездку в машине и то, как мило он себя вел с сестрой. И я не могу игнорировать тот факт, что за весь день я выныривала из тумана беспокойства, только когда он был рядом. Может, ругань не лучше, но я бы предпочла любую эмоцию всепоглощающей печали. И потом... сейчас-то мы не ругаемся.

– Ну, я могла бы остаться, – говорю я, потрясенная тем, какой естественной вышла эта фраза. Как будто этим словам суждено быть вместе.

Как будто *нам* суждено быть вместе.

По гладкому темному лицу Пьера медленно расплывается улыбка.

– Или ты могла бы остаться.

Я совершила ошибку.

Несколько минут спустя мы все еще стоим посреди гостиной, пялясь на деревянные полы, на потолок – куда угодно, лишь бы не смотреть друг на друга. А что, если наше молчаливое перемирие действует, только когда мы молчим?

– Я умираю с голода, – признается Пьер, нарушив неловкое молчание. – Я заметил тут неподалеку пиццерию. Не знаешь, как она?

– Вполне ничего.

Он улыбается.

– Может, возьмем пиццу на двоих? Согласен на любую, кроме чикагской¹⁴.

Я широко распахиваю глаза:

– Погоди, ты серьезно?

Пицца в Чикаго щекотливая тема. Когда твой город известен определенным блюдом, кажется вопиющим предательством предпочитать что-то другое. Но дело в том, что я просто не люблю чикагскую пиццу и вряд ли когда-нибудь полюблю.

– Можешь считать меня психом, но я ее терпеть не могу, – он кривится. – Слишком много теста.

– Значит, мы оба психи. – Я слегка улыбаюсь.

¹⁴ Чикагская пицца (Deep Dish Pizza) – пицца на толстом тесте, выпекается в глубокой форме.

Он уходит, а я заглядываю к Джиллиан. Она мирно спит на боку, но в комнате все еще ужасно воняет, так что я на цыпочках обхожу матрас, чтобы пошире открыть окно. Толстая летняя луна ярко светит сквозь стекло, и я вижу прямоугольные пятна на стенах, где раньше висели картинки. Я провела здесь так много времени, что могу восстановить в памяти спальню Одри в мельчайших подробностях: от цитаты Фанни Лу Хамер, которая стояла в рамке у нее на тумбочке («Я сыта по горло быть сытой по горло») до книжных полок, забитых томиками Болдуина, Лорд и Моррисона, и потрепанного плюшевого слона по имени Фредди, который сидел у нее на кровати.

С каждым уголком этой квартиры связаны воспоминания: столик, за которым я решала уравнения и ела остатки от обедов у тети Фарры, диванчик, на котором я так часто дремала, место между журнальным столиком и креслом, где я сидела, скрестив ноги, пока Одри заплетала мне волосы.

Всего этого больше нет. Но может, это и к лучшему, что я больше не смогу приходить сюда после того, как Одри уедет. Потому что иногда мне кажется, что со мной все в порядке, но потом меня вдруг накрывает, прямо дома: скол на плитке в ванной в том месте, где мама как-то уронила утюг, похороненная под кипой старых газет поздравительная открытка с надписью «Люблю тебя навеки, Раш». Я каждый раз ахаю от боли. Это самый худший сюрприз – постоянное напоминание, что жизнь – лишь временное явление.

Возвращается Пьер с большой коробкой пиццы и двумя пакетами, полными напитков.

– Я не знал, что ты любишь, так что взял все, что смог унести.

Там есть синий спортивный напиток, фиолетовый спортивный напиток, три вида газировки, банка энергетика, яблочный сок и минералка с газом. Я благодарю его и поспешно отворачиваюсь, чтобы убрать все это в холодильник, потому что меня смутила его заботливость. Мой отец знает меня всю жизнь, а ему бы не пришлось в голову так суетиться. Если бы он не знал, какой напиток я предпочитаю – а он бы не знал, если бы не спросил, – он бы скорее всего не купил никакого.

Пьер берет себе синюю газировку, я – яблочный сок, и мы усаживаемся посреди гостиной с коробкой пиццы и рулоном бумажных полотенец. Он открывает коробку, в которой лежит шикарная пицца на тонком тесте с грибами и болгарским перцем на моей половине, колбасками и пепперони – на его.

– Ты вегетарианка? – спрашивает он, беря себе кусок.

– Раньше была, – отвечаю я, тоже взяв кусок и держа его на весу. – Мама совсем не ела мяса, но папа – самый лютый мясоед на планете. Иногда проще есть то, что он готовит, раз уж нас всего двое.

– А твоя мама?...

– Умерла.

Пьер глотает кусок и запивает его большим глотком своей синей газировки.

– Прости.

– Ничего, – говорю я.

В этой части разговора люди обычно ждут от меня рассказа о том, как она умерла, а я начинаю их ненавидеть. Но с Пьером такого не происходит. Он просто сидит со мной рядом, здесь и сейчас, не требуя никаких разъяснений. От этого меня переполняет слегка тревожное, но приятное чувство.

Мы молча расправляемся с первыми кусками пиццы. Возможно, мне бы стоило обеспокоиться тем, не течет ли у меня жир по подбородку, но я слишком голодна, чтобы об этом думать.

На середине второго куска Пьер говорит:

– У меня был старший брат.

Я вытираю рот бумажным полотенцем и озадаченно смотрю на него, но не успеваю я отреагировать, как он продолжает:

– Его застрелили на улице, когда мне было пятнадцать.

– О боже. – Я не собиралась этого говорить, но, конечно, я удивилась: и не только тому, как погиб его брат, или тому, что я до сих пор этого не знала, но и тому, что Пьер, оказывается, со мной в одном клубе. Многие к старшим классам теряют бабушек и дедушек, но когда умирает кто-то из родителей, это совсем другое. Наверное, с братом или сестрой то же самое. Никто не говорит об этом секретном клубе, но те, кто в него входит, всегда узнают своих.

– Мне так жаль, – говорю я. Потому что я знаю, каково это, когда люди так ужасаются тому, как умер твой близкий человек, что в итоге ты же их и успокаиваешь. – Я не знала... Джиллиан никогда не рассказывала.

Он доедает кусок, комкает в руке бумажное полотенце и сидит, подогнув ноги и лениво положив руки на колени.

– Это было не в Оук-Парк. Я родился в Саут-Сайд. Родители не были женаты, отец со мной общался, но не много. А мама работает медсестрой в родильном отделении больницы.

Саут-Сайд? Оказывается, я знаю про Джиллиан меньше, чем думала. Одри никогда не упоминала, что она там жила. Может, они переехали после рождения Пьера? Хотя я готова была поклясться, что, по ее словам, родители Джиллиан были все еще вместе.

Пьер кашлянул.

– После того, что случилось с моим братом, мама не хотела, чтобы я жил в том районе. Кто-то на нашей улице знал, кто застрелил Брэйдена, но все молчали. Все. Мой брат был золотой мальчик: учился на одни пятерки, преуспевал во всех видах спорта, хорошо относился даже к тем, кто этого не заслуживает. Она не хотела, чтобы со мной случилось то же самое, так что я переехал в семью Джиллиан. Она мне не родная сестра, а вроде как сводная. Моя мама работает с ее папой в больнице.

Я удивляюсь, что не догадалась раньше: они ведь совсем не похожи. С другой стороны, многие братья и сестры выглядят совершенно по-разному. А Одри и Джиллиан всегда упоминали его просто как брата, без уточнений.

– Это странно? – спросила я. – Жить с ними?...

– Поначалу было странно, – он оглядывается в сторону спальни, будто Джиллиан может его услышать, но она спит. – Я скучаю по дому, по маме. И я бы очень хотел, чтобы она не винила себя в смерти Брэйдена. Она всегда говорит, что вот если бы она не работала так много... Как же я ненавижу, когда она так делает. Она не могла бы ничего поделаться. И Брэйден не мог бы. Он все делал правильно. Ужасные вещи иногда просто случаются.

– Да, – тихо отвечаю я. – Случаются.

– У Джиллиан чудесная семья. Я там чувствую себя своим. И... к твоему сведению, это именно из-за Джилли я к ним попал.

– Ты вроде сказал, ваши родители вместе работают?

– Так и есть, но поначалу мы этого не знали. Она была на митинге, который кто-то организовал после смерти Брэйдена, подошла к нам и представилась. Нас с мамой все знали в лицо из новостей. – Он делает паузу. – Она стала проводить со мной время. Приходила после школы, предлагала отвезти меня в библиотеку или на бейсбол. Все сокрушались, что с нашей семьей случилось такое горе, но только Джилли реально что-то делала, чтобы мне помочь.

Возможно, Джиллиан больше похожа на Одри, чем я думала. Все беспокоились за ребенка, чья мама умерла, наглотавшись таблеток, но спустя несколько недель после похорон это беспокойство как-то сошло на нет. Кроме отца, Одри была единственной, кто каждый день справлялся о моем состоянии, следил, чтобы я вовремя ела и делала домашние задания, возил меня на озеро и по музеям, чтобы чем-то меня занять и лишний раз вытащить из дома.

– Сожалею насчет Брэйдена. – Я машинально касаюсь рукой плеча Пьера, но тут же отдергиваю ее, хотя провести пальцами по его коже было приятно.

Теперь он смотрит на меня. Глаза за стеклами очков смотрят серьезно, но по-доброму. Потом он кивает, одним резким движением опустив голову, будто ставит точку в конце предложения.

– Спасибо. В следующем месяце будет три года.

– Иногда я злюсь, когда люди не помнят день смерти моей мамы, – признаюсь я. – Раньше мы с папой проводили весь день вместе, но в прошлом году я проснулась, а его не было дома. И я чувствовала себя такой...

– Покинутой?

– Ага, – я сжимаю в кулак свои кудряшки. – Именно так.

Раньше мы вставали, готовили ее любимый завтрак – омлет с грибами и шпинатом, потом ходили в самый дорогой цветочный магазин нашего района и несли тюльпаны на ее могилу.

Она обожала цветы, особенно тюльпаны, которые весной заполняют весь центр Чикаго. Ее любовь к тюльпанам превратилась в семейный анекдот: хотя у нее был уникальный талант к садоводству, она всегда забывала осенью посадить луковицы тюльпанов. Так что мы собирали урожай из нежных стеблей спаржи, салата, рукколы и лукообразных свеколок, которые окрашивают пальцы в бордовый цвет, когда их режешь. Мы целыми днями торчали на заднем дворе, копая, сажая, пропалывая и поливая. И ездили на поезде в Магнифисент-Майл, чтобы она могла полюбоваться тюльпанами – яркими бутонами и остроконечными листиками, которые раскрашивали людные улицы своей непритязательной красотой. Пока мы гуляли в толпе, она наклонялась ко мне и говорила:

– Вот в следующем году посадим свои, и это все будет казаться дилетантством и баловством.

И каждый год она забывала об этом, пока земля не замерзала, становясь слишком жесткой, чтобы принять новую жизнь.

Мы с Пьером молча сидели рядом, и я задумалась, значит ли это, что я окончательно испортила вечер. Даже моим друзьям и родным становилось неловко, когда я заговаривала о маме. Они стараются подавить это чувство, но язык тела каждый раз их выдает. Но по Пьеру не скажешь, что ему неловко, так что я продолжаю.

– Мама была художницей, – говорю я. – У меня нет братьев и сестер, и, честно говоря, они с папой здорово меня избаловали. Все было идеально до тех пор, пока... Я не знала, что она страдала от депрессии. Папа, конечно, знал. Я помню дни, когда она не вставала с постели, но я тогда не понимала, в чем дело. Никто со мной это не обсуждал. А потом ее не стало. Мне было всего тринадцать лет. И теперь я маниакально роюсь в тетиной аптечке... – Я поглядываю на него, проверяя, как он реагирует на мое признание, но его выражение лица не меняется. – Я хочу точно знать, когда у нее начнутся признаки депрессии, потому что вдруг это наследственное?

– Думаешь? – Пьер распрямляет спину и смотрит на меня. Я смотрю на ямочку у него на подбородке, размышляя, удастся ли мне когда-нибудь ее потрогать.

– Нет. В смысле, вряд ли. Но я была душой, что не заметила этого у мамы. Что же будет, если я проморгаю это у тети... или у себя?

Пьер резко выдыхает, и я тут же понимаю, что сказала нечто слишком тяжелое для этой комнаты, для этого вечера. Даже для человека, состоящего в тайном клубе, даже в момент, когда мы делимся историями своей жизни.

– Знаешь, мне иногда кажется, что мы, чернокожие, считаем, будто нам не надо принимать лекарства от психических расстройств. Будто мы должны быть сильнее этого. А это полная чушь, – говорит он без тени сомнения. – Мы не супергерои. Я некоторое время сидел на

антидепрессантах, когда погиб мой брат. Никогда не думал, что буду их принимать, но они мне помогли.

– Мне кажется, это самое ужасное. – Глаза у меня сухие, но голос дрожит. – Она старалась поправиться. Она знала, что ей нужна помощь, но этого оказалось мало.

– Но ты ведь всегда будешь знать, что она старалась? Я понимал, что должен стараться ради мамы. Лекарства мне помогли... У тебя ведь были близкие отношения с мамой?

Я киваю, уставившись на собственные ноги.

– Она старалась ради тебя. Я в этом уверен.

В глубине души я всегда это знала, но услышать эти слова, сказанные вслух, обращенные непосредственно ко мне... Это значит больше, чем любая открытка или звонок с соболезнованиями, которые я получала за последние четыре года. Это значит очень много.

– Терять близких ужасно, – говорит Пьер, и я чувствую на себе его взгляд, так что смотрю ему в глаза с новым уважением. Потому что он смотрит прямо на меня, а не в сторону, как было бы комфортнее всем остальным. – Но я все время напоминаю себе, что Джиллиан я не теряю. Она уезжает, но все равно будет рядом.

– Да, – но тут я отвожу глаза, потому что это уже слишком. Он слишком... он. Знает, что говорить и когда. Как это у него получается, ведь мы только познакомились?

– И я думаю... в общем, я знаю, что у тебя с Одри то же самое. Я столько про тебя слышал еще до нашего знакомства. Она тебя не забудет, Рашида.

– А что ты про меня слышал? – вырывается у меня.

Это разряжает обстановку. Он улыбается.

– Ну, – отвечает он, – много хорошего. Что ты умная. И добрая, хотя и пытаешься это скрывать. И что Одри любит тебя больше всех на свете.

Я ничего на это не отвечаю. Сосредотачиваюсь на собственном дыхании, часто моргаю и пытаюсь игнорировать давящее чувство в груди, как будто моя грудная клетка вот-вот прорвется, как прохудившаяся дамба. Чтобы отвлечься, я смотрю на его кеды и на чернильные надписи на потрескавшихся грязноватых краях подошвы. Сначала мне кажется, что это просто каракули, случайные слова и фразы. Но потом я различаю всякие старомодные слова вроде «лик» и «очи».

– Это строчки из Библии?

– Нет, – смущенно улыбается он. – Это из «Гамлета». Я вроде как фанат Шекспира. Я осенью пойду в Университет Де Поля, и иногда я думаю, что лучше заняться чем-нибудь практичным вроде биологии, но на самом деле мечтаю попасть на курс драматургии.

– А что это за цитата?

– Это... – он умолкает на некоторое время. – Это фраза: «Но главное: будь верен сам себе». Она спасла меня после смерти Брэйдена. Мне хотелось найти того, кто его застрелил, и сделать все, чтобы отомстить. Но я не... я не смог бы жить дальше, случись что. А оно могло случиться. Я знаю людей, которые могли бы... – он пожимает плечами, стараясь стряхнуть неприятное воспоминание. – Но я не такой. Так что я каждый день смотрел на эту цитату, напоминая себе, что месть не принесет мне ничего, кроме тюремного срока, а то и смерти.

Я ничего не знаю про Шекспира, кроме «Ромео и Джульетты», но я могла бы ночь напролет слушать рассказы Пьера про «Гамлета» и про то, что для него значит «Шекспир».

Мы смотрим друг на друга. Отводим глаза: он смотрит на свои кеды, я – на заляпанную жирными пятнами коробку от пиццы. Но когда я поднимаю взгляд, он снова смотрит на меня. Мне кажется... нет, я уверена, что хочу его поцеловать. И судя по тому, как он рассматривает своими теплыми карими глазами каждую черточку моего лица, от ресниц до губ – губы в особенности, – мне кажется, что ему хочется того же.

Я резко сглатываю, но этого недостаточно, чтобы заглушить биение моего сердца. Кажется, оно стучит так сильно, что он тоже это слышит и даже видит, как оно двигается туда-сюда под моей серой футболкой.

Каким-то образом мы не слышали ни шагов на лестнице, ни звяканья ключей в дверях, ни суеты в коридоре. Пьер придвинулся ко мне. Настолько близко, что я различаю отдельные волоски у него на голове и чувствую запах мыла от его кожи.

Поэтому, когда Одри влетает в комнату с криком «Боже мой, вы все еще тут?!», мы оба подскакиваем на месте от неожиданности. Когда же я вижу за ее спиной своего отца, мое удивление переходит в жгучий стыд. Мы ничего такого не делали, но очевидно, что собирались.

– Ну, зато теперь ясно, почему ты не отвечала на мои сообщения, – говорит Одри. Как только она поняла, что все в порядке, ее лицо стало расплываться в улыбке.

– Мы, э-э-э... – я не знаю, как закончить фразу. Я почти поцеловала Пьера, и всем присутствующим это очевидно. Мое лицо пылает.

Пьер встает и протягивает руку, чтобы помочь мне подняться.

– Джиллиан стало плохо, – поясняет он, и я не понимаю, как ему удастся сохранять такой спокойный тон. – Мы не хотели оставлять ее одну и как-то не подумали позвонить.

Одри идет в спальню проводить Джиллиан. Я готова прибить ее за то, что она оставляет нас наедине с моим отцом. Я слабо улыбаюсь ему.

– Прости, что заставила тебя беспокоиться, пап.

– Рашида, нельзя же вот так пропадать, никого не предупредив о своих планах, – он качает головой. – А что, если бы тебя тут не было? Что тогда?

Он продолжает говорить, повышая голос, но мне и не хочется, чтобы он успокаивался. Я расстроила отца, но ведь это значит, что он думает обо мне. Беспокоится за меня. Не знаю, увижу ли я еще когда-нибудь такую заботу с его стороны. Пусть я и предпочла бы, чтобы она проявилась в других обстоятельствах.

– Я буду внимательнее в следующий раз, – обещаю я. – Я забыла посмотреть на телефон и... в общем, я не думала, что кто-то будет по мне скучать.

– Как ты можешь такое думать? – Он подходит ближе ко мне. Достаточно близко, чтобы я увидела искреннее беспокойство в его глазах и поняла, как быстро оно бы превратилось в отчаяние, если бы он не обнаружил меня здесь. – Рашида... я всегда скучаю по тебе, когда тебя нет рядом, детка. Всегда.

Его серьезный тон заставляет меня вспомнить, как он по-прежнему заглядывает ко мне в комнату каждый вечер перед сном, даже если мы уже пожелали друг другу спокойной ночи. Или как он больше меня расстроился, когда я запустила сад, позволив ему зарости сорняками по колено, и как он каждый год спрашивает, не хочу ли я достать из кладовки семена и начать заново. Или как в тот день, когда я познакомилась с Бев, она рассказала мне, что в ее первый рабочий день он сразу же предупредил ее, чтобы она всегда напрямую соединяла меня с ним, чем бы он ни был занят.

Папина любовь не выплескивалась на поверхность – это была мамина прерогатива. Она любила громко, бурно, ярко. Ее любовь отражалась и в ее работах, и в ее саду, но больше всего доставалось нам с папой. Но папа тоже всегда был рядом. По-своему.

Из-под папиной бороды проглядывает улыбка. Он поворачивается к Пьеру и спрашивает:

– Кто это?

– Меня зовут Пьер, сэр, – он делает шаг вперед и протягивает руку для рукопожатия. – Я брат Джиллиан. Простите, что мы не предупредили вас, но я хочу вас заверить, что со мной Рашида в безопасности.

Судя по виду, отец не вполне в этом уверен, но все же протягивает руку Пьеру. Одри выходит из спальни и сообщает, что Джиллиан все еще в полной отключке.

– Отвезти вас обратно на вечеринку? – Папа потирает рукой затылок, направляясь к двери. Он явно готов оставить всю эту ситуацию позади.

И только тут я замечаю, что рядом с ним не стоит Бев. Неужели он мог бросить ее на вечеринке, где она никого не знает и явно нервничает по этому поводу? Может, папа сказал ей, что это семейное дело и ей лучше с ним не ездить. Или она сама это предложила. В любом случае, от моего внимания не ускользает тот факт, что мое благополучие оказалось важнее ее удобства.

Одри зевает и почесывает нос.

– Надо бы вернуться и попрощаться со всеми, но я не могу бросить Джиллиан одну...

– Мы могли бы остаться, – говорю я, не глядя ни на папу, ни на Пьера. Но на самом деле мне очень хочется, чтобы папа согласился, потому что, несмотря на все случившееся за последние пять минут, я не забыла, что *почти* произошло между нами с Пьером. И хочу вернуться в этот момент. Не хочу, чтобы он был навсегда упущен.

Одри пожимает плечами.

– Почему бы и нет? Я скоро вернусь, дядя, и позабочусь, чтобы Рашида благополучно добралась до дома.

Судя по тому, как папа нервно поглаживает бороду, ему эта идея не нравится. Но он соглашается.

Может, потому что мне уже семнадцать. А может, он понимает, что за последний год у него почти не было возможности влиять на мои решения. А может, видит, что Пьер может оказаться человеком, который способен сделать меня счастливой.

Я обнимаю папу и Одри, и они уходят, производя гораздо меньше шума, чем когда пришли. Направляясь к двери, Одри оглядывается через плечо и одними губами шепчет: «Чтобы все мне потом рассказала!» с таким взбудораженным видом, будто кричит на всю комнату.

Я краснею, дверь закрывается, и Пьер смотрит на меня.

Я улыбаюсь, хотя, оставшись с ним наедине, по-прежнему чувствую робость.

– Что ж, это было...

– Неловко? – заканчивает он за меня.

– Это мягко сказано.

Из спальни снова доносится громкий храп, заставляя нас обоих рассмеяться. Пьер указывает на стеклянную раздвижную дверь из кухни.

– Она открывается?

– Да, там балкон, – говорю я и, подойдя к двери, с удивлением обнаруживаю, что маленький пластиковый столик и два стула по-прежнему стоят на месте.

– И мы прозябали тут на полу весь вечер? Пойдем. – Он берет меня за руку и выводит на балкон, и меня снова охватывает то же чувство, как тогда, когда я коснулась его плеча, только теперь оно в тысячу раз сильнее. Ладонь у него теплая, мягкая и сухая, и он не отпускает мою руку, даже когда мы выходим на балкон.

Гирлянда из электрических лампочек, которая раньше обвивала перила, исчезла, перебравшись на крыльцо к дяде с тетей, но между прутьев проскальзывает мягкий лунный свет, создавая похожий эффект.

Балкон выходит в переулок. Вид на забитые мусорные контейнеры и разбитый асфальт не особо впечатляет, но зато принадлежит только нам двоим. Здесь так хорошо и спокойно. Из соседнего дома доносится тихая фортепианная музыка. Играют далеко не так хорошо, как на той записи в машине Джиллиан, но красивая классическая мелодия как нельзя лучше подходит этому вечеру.

Пьер садится на дальний стул, отряхнув сиденье. Я собираюсь сесть на второй, но он легонько тянет меня за руку, усаживая к себе на колени.

– Ты не против? – спрашивает он, когда я поворачиваюсь к нему лицом.

– Нет, – отвечаю я, касаясь мизинцем ямочки у него на подбородке. – А ты?

– Вообще-то против, – но он говорит это с улыбкой и продолжает улыбаться, проводя подушечкой большого пальца по моей нижней губе.

Я дрожу, разрываясь между желанием растянуть это мгновение навечно и стремлением получить больше, намного больше. Мы одновременно тянемся друг к другу. Медленно, но целенаправленно. И когда мы наконец целуемся, все встает на свои места. Руки Пьера скользят по моей талии и опускаются чуть ниже, его пальцы гладят мой затылок. Его нежные губы касаются моих так жадно, что я чувствую: он хочет этого не меньше, чем я. Мы на мгновение отстраняемся друг от друга, но только чтобы он мог снять очки.

– погоди, – прошу я, потому что хочу посмотреть, как он выглядит без очков.

Он моргает, и я с облегчением понимаю, что это все тот же Пьер. Все тот же Пьер, который обожает Шекспира и ненавидит чикагскую пиццу, который понимает, каково это – терять близкого человека и любить тех, кто прилагает все силы, чтобы сделать эту утрату менее болезненной.

И когда мои губы снова касаются его, я думаю, что прощание – не такая уж плохая вещь. Быть может, прощаясь, мы просто освобождаем место для кого-то нового.

Кассандра Клэр

Новейший аттракцион

Дело было на мрачном карнавале. Ну, вы знаете. Зловещие клоуны выскакивают из темноты в заляпанных кровью белых перчатках. Дранный цирковой купол, реющие на горячем летнем ветру лоскуты. Кривые зеркала, в которых люди отражаются пугающе изуродованными. Татуированный мужик с ползающими по нему ожившими татуировками. Карусель, вращающаяся назад во времени. Бородатая женщина, нападающая на посетителей с разделочным ножом. Предсказательница, сообщающая исключительно дурные вести. В общем, типичный мрачный карнавал. Вы сотни раз видели их в кино и по телевизору, читали о них в книгах, слышали в песнях. Но вряд ли вы знаете о них столько, сколько я, потому что я там выросла.

Да, это я. Лулу Мрак, единственная дочь Теда Мрака, владельца Мрачного карнавала мистической магии. Мама умерла, когда я была совсем маленькой, и отец растил меня сам, разъезжая по стране со своим карнавалом. В основном мы останавливались в маленьких городках, где люди любят, чтобы их хорошенько напугали. Лето – самый горячий сезон, когда ночи жаркие, и парочки ищут повода прижаться друг к другу в одном из туннелей – Туннеле любви или Туннеле страха, в зависимости от настроения. В остальное время мы отсиживаемся где-нибудь в глуши, нанимаем новых сотрудников, а я учусь в школе экстерном, по интернету.

Некоторые сочтут странным, что у меня нет друзей моего возраста. Мои ближайшие приятели – бородатая женщина и наш силач Отто. Большинство людей считают силачей глупыми, но наш Отто практически гений: читает Пруста в оригинале и научил меня геометрии, когда мне было десять.

Мне никогда ничего не было нужно, кроме карнавала и папы. Вплоть до мая этого года, когда папа вдруг собрал вещи и исчез. Не то чтобы мне сейчас хотелось об этом думать. Мы только что переехали в новый город. Был субботний вечер, карнавал только открылся, и народу было полно. Мы устроились на открытом поле достаточно близко от города, чтобы можно было дойти пешком, но не настолько близко, чтобы окрестные жители жаловались на шум.

Из-под купола раздавались жуткие крики, а значит, представление шло как по маслу. Стонущий Мелвин проверял билеты на входе. У него не было особых талантов, кроме умения издавать зловещие стоны призрака, но мы по доброте душевной его не увольняли.

Несмотря на толпы довольных посетителей, билеты продавались медленно. Это началось уже давно, еще до папиного исчезновения. Он оставил мне записку на открытке с воздушными шариками. Там говорилось, что он влез в долги по всей стране и должен бежать. Не вини себя, писал он. И не жди от меня вестей. Я и не ждала.

Карнавал держался на плаву только благодаря денежным вливаниям моего дяди Уолтера, папиного старшего брата. Он сам занимался карнавалом, пока не женился на богатой женщине с ребенком-подростком и не променял бродячую жизнь на заурядную стабильность. Единственный раз, когда я видела его приемного сына, тот объелся сладкой ваты, после чего его на меня стошнило. Это было десять лет назад.

Теперь же мы держались на взятых в займы деньгах и обещании дяди Уолтера приехать и выручить нас. Его жена скончалась, и он, судя по всему, хотел вернуться в дело. Может, вернется, а может, и нет. Меня волновало только то, что мой семейный бизнес, мой карнавал, был на грани банкротства. Неудивительно, что я обгрызла ногти под корень.

– Лулу! – окликнула меня Ариадна, наша русалка. На сегодня она уже закончила работу в аквариуме и теперь разъезжала по территории ярмарки на своем кресле с моторчиком. – У Реджи грипп. Просит тебя подменить его в туннеле.

– В Туннеле страха? – уточнила я.

– Можно подумать, Реджи хоть раз переступал порог Туннеля любви.

Я обреченно застонала. В этот момент я как раз занимался своим любимым делом: стояла за прилавком «Зловещих закусок». Казалось бы, злобные клоуны должны отбивать у людей аппетит, но все как раз наоборот. От страха людям хочется есть – а еще обжиматься друг с другом. У нас в киоске была куча разнообразных закусок: кексы, леденцы в форме черепов, сахарная вата кислотных цветов и ярко-красные фруктовые коктейли «с добавлением человеческой крови». Вместо крови был обычный кукурузный сироп, но какая разница. Народ хакает в прямом и переносном смысле.

– А ты не можешь этим заняться? – спросила я.

Ариадна с многозначительным видом похлопала своим русалочьим хвостом. Работа Реджи заключалась в том, чтобы выскакивать из темноты, пугая людей душераздирающими криками. Это было крайне утомительно. Я вздохнула.

– Ладно. Только захвачу с собой коктейль.

Хотя я знала, что мне предстоит противная работа, по пути в Туннель мое настроение улучшилось. В воздухе пахло летом. Лето – мое любимое время года. Я обожаю жаркие ночи, запах попкорна и спрея от насекомых, внезапное дуновение ветерка, развевавшего волосы и охлаждавшего шею. Днем, когда карнавал закрыт, мне нравится нырять в аквариум Ариадны и загорать на травке с книжкой.

Я заметила, что люди косо на меня посматривали, когда я заходила в Туннель: видимо, думали, что я собираюсь вломиться туда без спроса и все там разгромить. Формы у нас не было, а по моему наряду – черный кружевной сарафан, колготки с узором в виде паутины и ботинки «Доктор Мартинс» – не скажешь, что я тут работаю. К тому же я недавно выкрасила волосы во все цвета радуги, в основном потому, что отец запрещал мне краситься, и это был способ ему отомстить.

Я шла по служебным помещениям Туннеля, где жужжала аппаратура, а пол был скользким от машинного масла. За стеной вопили посетители, наслаждавшиеся поездкой по темному туннелю между горами светящихся в темноте костей, в то время как из темноты то и дело выскакивали вампиры, упыри и демоны, хватавшиеся за тележки.

Карнавал всегда был смыслом папиной жизни. Я помню, как он с горящими глазами рассказывал мне об этом, когда я была маленькой:

– Да, люди приходят в такие места, чтобы их напугали. Но еще они приходят, чтобы почувствовать себя живыми. Прикоснуться к магии. В обычном провинциальном цирке такого не получишь. Люди хотят почувствовать себя храбрыми, сразиться с темными силами. – Он дернул меня за косички. – Есть карнавалы, хозяева которых не знают границ, – понизив голос, продолжал он. – Они говорят: раз людям нужна тьма, пусть и понарошку, так дадим им тьму. Но за такое зло приходится дорого платить, Лулу. Я считаю, если люди хотят тьмы, надо дать им тень вперемешку с солнечным светом.

– Страшно и весело, – сказала я. – Как клоуны.

Отец засмеялся и взъерошил мне волосы, и я подумала, что мы для него самое важное на свете: карнавал и я. Но потом он бросил нас без раздумий, и мы оба столкнулись с побочными эффектами. Я с тех пор толком не ела и не спала. По ночам просыпалась от кошмаров: карнавал отобрали за долги, аттракционы увозят, а я остаюсь посреди пустого поля с парой безработных клоунов.

Для сотрудников карнавала остаться без работы – дело серьезное. Другую работу найти сложно: таких ярмарок, как наша, осталось мало. Все, кто у нас работает, мне как семья, даже Мефистофик – чешуйчатый демон, который живет под каруселью. И вся моя карнавальная семья была в депрессии: Ариадне не сиделось в аквариуме, акробаты то и дело напивались и падали с каната, Отто от расстройства не мог поднимать гири, а у Этты, бородатой женщины, началась алопеция и волосы выпадали по всему телу. Разве что клоуны ходили счастливые, и

то только потому, что влюбились друг в друга, что совсем некстати для людей, которые своим видом должны воплощать всеобщие худшие кошмары.

Настроение у меня снова упало ниже плинтуса.

Я как раз дошла до места, где обычно стоял Реджи: это была небольшая темная ниша позади груды проклятого пиратского золота и кучи открытых гробов. Надевая пластиковые вампирские зубы, я услышала голоса.

– Ну и дыра, – сказал мужской голос, противный и высокомерный. – Ты видел эту бородатую женщину? У нее как будто чесотка.

– Это точно, – сказал другой мужской голос, более низкий и еще более высокомерный. Я тут же завелась. – Карусель сломана, кривые зеркала давно пора почистить, и где человек, который откусывает головы цыплятам?

Пх-х. От этого трюка с цыплятами все давно отказались. Слишком много жалоб от вегетарианцев. Какой мерзкий тип!

– Да тут все на ладан дышит, – первый голос теперь звучал громче. Отлично. Значит, их тележка приближается и мне пора на них выпрыгнуть. Хотя можно этого и не делать. Все равно я их скорее всего тоже не впечатлю. – Они небось связались с каким-нибудь демоном-неудачником.

Вы наверняка задавались вопросом, что в мрачных карнавалах правда, а что – подделка. Обыватели всегда этим интересуются. Ответ такой: кое-что правда, кое-что – подделка. Карнавал настолько реален, насколько вы хотите, и настолько подделен, насколько вы надеетесь. Ответ в том, что все необъяснимое в карнавале, вся настоящая магия – заслуга Мефистофика. Он как батарейка, от которой мы все питаемся.

«Неудачник». Меня охватила ярость. Мефистофик – совсем не неудачник. Он воплощение древнего зла! Да как они смеют его оскорблять!

Не успев задуматься, я выскочила из своей ниши, как только показалась их тележка, и со злобещим криком выплеснула на них свой коктейль.

Раздался яростный вопль. Тележка остановилась, и я увидела перед собой злобные, заляпанные красной жижей лица дяди Уолтера и его пасынка Лукаса, которого стошнило на меня десять лет назад.

Пятнадцать минут спустя я все еще не могла оправиться от потрясения. Дядя Уолтер отвел меня в свой благоустроенный трейлер. Пришлось признать, он и правда производил впечатление. Стены обиты деревянными панелями, повсюду сверкают хромированные поверхности.

Дядя усадил меня на бархатный диван, а Лукас с кислым видом удалился по коридору, чтобы смыть с себя коктейль. Хлопнула дверь, послышался звук льющейся воды.

– Мне правда очень жаль, – сказала я.

– Не бери в голову. – Дядя Уолтер был похож на фотографию моего отца в расфокусе. Все в нем было какое-то размытое, в том числе мутные коричневатые глаза и нечеткая линия подбородка. Руки у него были розовые и мягкие. – Обычная детская шалость. Не за что извиняться.

Из задней части трейлера послышался топот. Всю дорогу от Туннеля страха до трейлера Лукас тащился за нами молча и не глядя на меня. Ему хорошенько досталось вишневым льдом по лицу. Дядю Уолтера только слегка обрызгало, но у Лукаса был такой вид, будто он растерзал весь состав «Мuppet-шоу».

Дядя Уолтер склонился ко мне:

– Надеюсь, ты будешь считать меня вторым отцом.

– Мой отец не умер.

– Это правда. Но я не имел в виду, что стану ему заменой. Скорее... дополнением.

– Так я могу просто считать вас дядей? – с надеждой спросила я.

В этот момент Лукас явился обратно в гостиную, с хмурым видом натягивая футболку. Я девочка честная, так что признаюсь – я на него засмотрелась. На нем были джинсы с заниженной талией и серая застиранная концертная футболка, облежавшая торс в нужных местах. По дороге из Туннеля я не обратила внимания ни на его развитую мускулатуру, ни на тот факт, что у него иссиня-черные волосы и зеленые глаза – мое любимое сочетание. На шее у него болталась серебряная цепочка с кучей брелков и подвесок, но это не выглядело как девчачьи побрякушки. Совсем наоборот.

Я закрыла рот, постаравшись, чтобы дядя Уолтер не заметил, как я пялюсь на его приемного сына. Во время нашей прошлой встречи Лукас не показался мне сногшибательным красавчиком, но, с другой стороны, мало кто выглядит привлекательно, когда его на вас тошнит.

– Ты испортила мою футболку, – сказал он. – Мою любимую футболку.

– Лукас, – укоризненно заметил дядя Уолтер, – Лулу переживает непростые времена. Тебе не кажется, что нам стоит отнестись к ней с пониманием?

Лукас задумался над его словами.

– Нет.

В дверь постучали. Лукас с недовольным видом пошел открывать. Это был Стромбо, наш дрессировщик. Он в основном занимался кошками – львами и тиграми, – но также поставил Танец смерти с крысами. Люди почему-то ужасно боятся крыс. Понятия не имею почему. Мне лично они нравятся.

– Шеф, – сказал он, и я с горечью отметила, что он смотрит на дядю Уолтера. Шефом всегда был мой отец. – Мы закрылись. Все собрались в шатре.

– Спасибо, дружище, – сказал дядя Уолтер. – Я подойду через минутку. Уверен, то, что я собираюсь сказать о будущем карнавала, покажется им... вдохновляющим.

– Как скажете, шеф, – Стромбо собирался уже выйти, но тут дядя Уолтер положил руку ему на плечо.

– Завтра я осмотрю животных, – сказал дядя, понизив голос. – Решу, кого оставить, а кого выбросить. Приготовьтесь к новому порядку.

У Стромбо был обеспокоенный вид. Он никогда не выбрасывал животных, даже беззубую пантеру Трокмортонна. И он вряд ли понимал, что значит «новый порядок».

Когда дверь за Стромбо захлопнулась, повисло неловкое молчание. Дядя Уолтер резко поднялся на ноги. Он был худощав, но производил впечатление человека с тяжелым грузом на плечах.

– Мне нужно побыть одному. Лулу, Лукас, идите пока в шатер на собрание. – Тут он хихикнул. – Лулу и Лукас. Вы прямо созданы друг для друга.

У меня вспыхнули щеки. Лукас злобно скривился. С волос у него все еще капала вода.

Он напоминал чашку кофе: мокрый, горячий и с горчинкой. Я задумалась, насколько это аморально – засматриваться на своего кузена, и пришла к выводу, что в этом нет ничего такого. В конце концов, мы ведь не кровные родственники.

Я вскочила с дивана.

– Без проблем.

Стояла идеальная летняя ночь, поле вокруг карнавала усеяли светлячки. Я повела Лукаса к центру ярмарки, пробираясь между аттракционами и киосками.

– Когда вы приехали? – спросила я после того, как мы несколько минут молчали. В основном просто потому, что надо было хоть что-то сказать. Он с каменным выражением лица осматривался по сторонам. На карнавалах после закрытия страшно, а на мрачных карнавалах – особенно. Между шатрами сновали призрачные тени.

– Пару часов назад, – ответил он. Из ворот выходили последние посетители: девушки в маечках, парни в шортах. Трава была усеяна пустыми коробками от попкорна, салфетками, рожками от мороженого. К утру все это приберут.

– И что, люди, которые сюда приходят, думают, что это все по-настоящему или понарошку?

– Они думают так, как считают нужным. – Я пожала плечами. – Думают ли они, что правда пьют кровь, видят вампиров и смотрят, как лев пожирает Стромбо? Приходится не верить, иначе будет слишком страшно.

– Так это опасно? Бывает, что люди гибнут?

– Конечно, нет! – я смертельно оскорбилась. – Папа всегда говорил: нужно много магии, чтобы настоящее выглядело ненастоящим, но таким, как надо.

Лукас покачал головой. Темные волосы падали ему на лицо.

– Не понимаю.

– Ну, если тебе не нравятся призраки невест и зловещее хихиканье, всегда можно сходить в Туннель любви. – Я указала на блестящий шатер, ярко-розовый островок в море черноты.

Он улыбнулся. Его лицо сразу преобразилось. У меня екнуло сердце.

– И что там происходит?

– В воздухе разбрызгивают любовное зелье, – пояснила я, остановившись у «Зловещих закусок». Я открыла калитку, отгораживающую пространство за прилавком, и зашла внутрь. – Не много, только чтобы пробудить нежные чувства.

Я порылась в большом металлическом холодильнике и выудила оттуда то, что искала: красный коктейль, уже налитый в стакан. И закрыла его крышкой.

Лукас наблюдал за мной, сдвинув брови.

– Жажда мучает?

– Да нет, не очень.

– Не удалось допить прошлый, потому что он весь оказался у меня на лице?

– Ты говорил гадости про карнавал. – Я снова вышла на улицу. – Я никому не позволяю говорить гадости про карнавал. К тому же в прошлую нашу встречу тебя на меня стошнило, так что мы в расчете.

– Мне стошнило от нервов, – пояснил Лукас. – Я был впечатлительным ребенком.

Мы прошли мимо «Загадочного и зловещего музея зеркал». В детстве это был мой любимый аттракцион: куча коридоров со сверкающими отражающими поверхностями, которые ведут к просторной центральной площади с огромными зеркалами, в которых ты отражаешься в виде коротышек и гигантов, в два раза шире и в два раза тоньше, моложе и старше. Теперь, когда мне приходилось заходить туда, я старалась не смотреть на отражения. Их серебристые лица могли удивить, и весьма неприятно.

– Из-за чего же ты нервничал? – спросила я. Над нами нависла освещенная лунным светом карусель. Лошади с испуганными оскалами вставали на дыбы. Ограда и центральная стойка карусели были разрисованы вопящими лицами.

Хорошее место, чтобы побыть одной и подумать.

Лукас удивленно посмотрел на меня.

– Может, из-за жуткого демона, к которому меня приволок твой отец?

Я рассмеялась.

– Да это был Мефистофик. Ты же вроде назвал его неудачником.

Лукас посмотрел на меня еще более скептически.

– Мефистофик – ваш карнавальный демон? – Значит, Лукас знает больше, чем я думала. У каждого мрачного карнавала есть демон-покровитель. Истинный демон становится сердцем карнавала, насыщая его зловещим духом, придавая аттракционам жуткую атмосферу, а посетителям – нервный настрой.

– Так и есть. – Я залезаю на карусель и, пробираясь между лошадьми, иду к центральной стойке. В рабочее время она подсвечивается, но сейчас она была темной. Я постучала по центральной панели, и она открылась. За ней был вход на лестницу. Я была уже на полпути вниз, когда обернулась к Лукасу и спросила:

– Идешь?

Он с обреченным видом пожал плечами и последовал за мной.

Лестница вела в наскоро прорытый подвал, освещенный парой ламп, работавших от генератора. Внизу было жарко, даже если не заходить глубоко. В яме, на краю которой мы стояли, было еще жарче.

– Мефик! – позвала я. – Мефик, ужинать!

У Лукаса был испуганный вид, хотя, надо отдать ему должное, он продолжал бубнить:

– Ты собираешься скормить меня демону?

– Не говори ерунды, – ответила я, глядя, как Мефистофик поднимается из глубин ямы. Демонов сложно описать: они все выглядят по-разному и не похожи ни на что из земного мира. Мефистофик больше всего напоминал гигантскую лысую кошку с огромными голубыми глазами и треугольными ушками. Ну, если бы у лысых кошек были клыки по всей морде, черные крылья, как у летучей мыши, и длинный чешуйчатый хвост, нетерпеливо барабанивший по земле. Я протянула ему красный коктейль. В отличие от тех, что мы продавали в киоске, в этом и правда была кровь. Не человеческая, но Мефистофик не возражал. Ему главное, чтобы она была холодная. Он по-лягушачьи высунул язык и выхватил стакан у меня из рук. Заглотил коктейль, похрустел льдом и довольно оскалился.

– Ого! – воскликнул Лукас, глядя, как я чешу Мефистофика за ушами. На ощупь он как теплая резина. Мефистофик так давно жил на свете, что проникся симпатией к людям. Лукас подошел ближе.

– А можно мне его погладить?

– Конечно, – удивленно ответила я и сделала шаг назад. Лукас подошел к Мефистофику и осторожно погладил его по носу и между ушей. Раздалось урчание, похожее на рев ржавого двигателя. Он не только сногшибательный красавчик, но и нравится Мефистофику? Ну, я попала.

Мы опоздали к началу речи дяди Уолтера в главном шатре, и, когда мы вошли, я почувствовала на себе его гневный взгляд. Сотрудники с мрачным видом сидели на трибунах. Отто мне подмигнул, но видно было, что и он в плохом настроении. Клоуны обнимались и плакали. Стромбо сидел на корточках рядом с Трокмортоном. Ариадна посмотрела на нас и окинула Лукаса оценивающим взглядом.

Дядя Уолтер стоял перед гигантским квадратным предметом, накрытым бархатной накидкой.

– Итак, – говорил он, – сегодня начинается новая эпоха Мрачного карнавала Уолтера Мрака! Эра сверхъестественного, потустороннего и гротескного.

Реджи поднял руку.

– Да, дружище? – спросил Уолтер. Я начинала подозревать, что он зовет так всех, чтобы не запоминать имена.

– Это все, конечно, здорово, – нерешительно сказал Реджи, – но где мы возьмем столько энергии? Вы говорите о масштабных и по-настоящему страшных вещах. Это не наш размах, понимаете? Вам нужен демон мощностью, как атомная электростанция.

Уолтер усмехнулся.

– К счастью, именно такой у нас имеется, – он сдернул покрывало с клетки. Жест был и правда эффектный, надо признать. – Знакомьтесь – Азатот.

Лукас положил руки мне на плечи, будто боялся, что я закричу. Я этого не сделала, но от его рук было тепло и приятно.

Существо в клетке было не очень большим, но скользким и лоснящимся, и слегка, но неприятно напоминало акулу. В отличие от большинства демонов, у него не было ни когтей, ни жала, ничего такого – только туловище, покрытое невыразительной кожей серо-стального цвета, и голова, состоявшая из одного рта. Зубы выглядели так, будто их насобирали в десятке разных мест. Один зазубренный, другой острый, третий похож на нож для колки льда, четвертый – на какой-то осколок. Глаза были черные и безжизненные, как кратеры на Луне. Меня от них слегка замутило.

Отто встал со своего места.

– Нет.

Уолтер недобро посмотрел на него:

– Что значит «нет»?

– Это злой демон, – Отто взял пиджак, надел его. – Ничего хорошего не выйдет из карнавала, который питается такой энергией. Есть тьма, а есть зло, и это не одно и то же.

Я вспомнила слова отца: «Но за такое зло приходится дорого платить, Лулу».

Лицо дяди Уолтера скривилось.

– Еще кто-то придерживается того же мнения? Если да, вы можете последовать за мистером...

– Отто, – вставил Отто.

– За мистером Отто на все четыре стороны, – продолжил дядя. – Но не думайте, что сможете когда-нибудь вернуться. – В его голосе было что-то скользкое и холодное. Его манера говорить была такой же, как внешность его демона.

Несколько человек поднялись на ноги. Ариадна с гордо поднятой головой выкатилась из шатра на своем кресле. Стромбо вышел вслед за Отто, неся на руках Трокмортон. Однако таких оказалось меньше, чем я рассчитывала. Большинство остались сидеть. Может, из любопытства, а может, им, как и мне, просто некуда было идти.

Лукас проводил меня до моего трейлера. Остальные сотрудники, как зомби, разбрелись по своим трейлерам и палаткам.

Когда мы шли по центральной аллее, я увидела вдали дядю Уолтера, который вел Азатота на длинном черном металлическом поводке, поблескивавшем в лунном свете. Он провел его к странной конструкции, которую я заметила раньше – куполу из шлифованного металла, стоявшему около его трейлера и сверкавшему, как космический корабль.

– Где твой отец раздобыл Азатота? – спросила я.

– Не отец, – поправил Лукас. – Отчим, – в его голосе не было враждебности, только грусть. – Не знаю. После смерти мамы он не мог найти себе места. Колесил по стране, исчезал посреди ночи. Я думал, он в депрессии. Потом однажды он вернулся с Азатотом. Сказал, что хочет вернуться в карнавальный бизнес. Впервые после ее смерти он выглядел счастливым.

– Это было до того, как мой папа сбежал? – спросила я.

Он кивнул.

– Уолтер хотел создать собственный карнавал, но когда услышал про твоего отца, сказал, что надо приехать сюда и провести тебя. Сказал, что всегда любил это место.

Я знала, что должна чувствовать благодарность, но не могла. Все менялось, и совсем не так, как мне бы хотелось.

– Сожалею насчет твоей мамы. Мой отец жив, но я знаю, каково это – терять близкого человека. – Я вздохнула, и следующие слова вырвались у меня сами собой. – Когда кто-то покидает тебя вот так, намеренно, начинаешь задаваться вопросом, что ты сделал не так.

Его взгляд смягчился.

– Ничего. Ты ничего не сделала. – Он на секунду умолк. – Ты здесь живешь?

Мы дошли до моего трейлера. Его было нетрудно опознать: Отто написал блестящей золотой краской мое имя на обоих бортах. Я хотела пригласить Лукаса зайти, посидеть поговорить, но он уже повернулся, чтобы уйти.

– Спокойной ночи, Лулу. – Он слегка коснулся моего плеча и скрылся в темноте.

В следующие несколько недель карнавал сильно изменился.

Привезли огромный аквариум с табличкой «Новейший аттракцион» и заселили туда хищного вида русалок. наших счастливых злобных клоунов сменили клоуны, вооруженные ножами и мрачно смотревшие на посетителей. Дядя Уолтер нанял страшную ведьму с окровавленными щеками и зловещим визгливым голосом, которая бродила по карнавалу, пророча всем скорую смерть. Парочки выходили из Туннеля любви нетвердой походкой с отметинами от укусов на шеях. Цены на билеты выросли вдвое. Мы хорошо зарабатывали, но радости это не приносило.

Я продолжала работать в «Зловещих закусках», но стала замечать, что посетители, покупающие хот-доги и напитки, выглядят как-то по-другому. У них дрожали руки. В глазах стоял настоящий ужас. Некоторые плакали – особенно те, кто на трясущихся ногах выходил из Музея зеркал.

Когда потрясенные и напуганные люди уходили с территории карнавала, они проходили мимо дяди Уолтера, который с усмешкой протягивал им руку.

– Вы хорошо провели время, – говорил он. – Расскажите об этом своим друзьям. – Они кивали, но в глазах у них была такая же пустота, как у Азатота.

Я стала собирать под прилавком брошюры колледжей. Всегда хотела записаться на онлайн-курсы бизнес-менеджмента, а потом взять на себя управление карнавалом. Я хотела там все обновить и оживить – возможно, привнести какие-то новшества вроде фейерверков, танцев и современных технологий. Ничего радикального, просто небольшая модернизация. Но теперь я начала сомневаться, будет ли мне куда вернуться. Казалось, улыбающиеся молодые люди с брошюр насмехались надо мной: поймут ли они меня? Не будут ли считать меня странной? Как я впишусь в их компанию? И главное, кто будет платить за мое обучение?

В то лето у меня была лишь одна отдушина: каждый вечер Лукас ходил со мной кормить Мефистофика. Дядя Уолтер не пытался его выселить, но поскольку теперь карнавал питался от Азатота, нашему старому демону было особо нечем заняться. Мы с Лукасом забирались под карусель и приносили Мефистофику его стакан крови со льдом. Он открывал свои мерцающие голубые глаза и грустно смотрел на нас, будто скучал по тем временам, когда был душой карнавала. Будто скучал по папе и по тому, как все было раньше.

Я гладила его по носу:

– Ты не одинок в своих чувствах.

Потом мы с Лукасом гуляли и разговаривали. Не то чтобы мы это планировали, но общение с ним вдруг показало мне, как много всего я не знала про обычных девочек-подростков. Иногда, глядя, как их бойфренды проигрывают в какую-нибудь игру на главной аллее и гневно топают, они посматривали на меня, и на одну жалкую секунду наши взгляды встречались. Тогда я испытывала к ним симпатию и думала о том, каково было бы ходить в обычную школу вместо занятий по интернету.

Но я не особо стремилась к этому. Я выросла среди звуков и запахов карнавала, он был моим домом. Вот почему брошюры колледжей так меня пугали. Но поэтому же я так ждала вечеров, когда можно будет поговорить с Лукасом.

Мы сидели на сухой траве под огромной летней луной, ели фруктовый лед или приторно-сладкую сахарную вату из «Зловещих закусок». У нас был негласный пакт – не говорить ни о чем, связанном с родителями или карнавалом. Мы беседовали о музыке – я знала некоторых исполнителей, потому что из динамиков на аттракционах всегда что-то играло, – и о

том, где нам довелось побывать. Я объездила всю Америку, бывала в каждом штате, от моста Золотые ворота до моста Таппан-Зи.

Лукас же объездил весь мир. Он рассказывал мне про Эйфелеву башню, а я ему – про казино «Париж» в Лас-Вегасе. Он – про Стоунхендж, я – про Кархендж. Он – про лимонное мороженое на побережье Амальфи, а я – про утечку нефти на побережье Мексиканского залива. Оказалось, он часто смеется и умеет рассмешить меня. Мне было с ним так весело, что я совсем не жалела, когда мы засиживались до рассвета.

Однажды в среду вечером я, зевая, накладывала в бумажный стаканчик шарики мороженого, когда вдруг услышала вопль. Крик боли. Знакомый крик.

Я уронила стаканчик и понеслась мимо ошарашенного покупателя к центральной аллее, откуда доносился крик.

Кричал Лукас.

Уолтер поручал ему самые неприятные задания: убирать в большом шатре после представлений, мыть карусель, чистить зеркала в Музее.

Сегодня ему предстояло быть «жертвой» в баке-ловушке, и куча местных девчонок выстроились в очередь, желая столкнуть в воду такого красавчика. Я их нисколько не осуждала. Однако я осуждала хищную русалку, которая притаилась в аквариуме и выждала момент, чтобы цапнуть Лукаса за лодыжку.

Когда я примчалась, люди продолжали истошно вопить, а Лукас выбрался из аквариума и отбросил в сторону складной стул, которым отбивался от русалки. Она со злобным видом сновала по аквариуму, потирая укушенный локоть.

– Народ, все в порядке! Тут не на что смотреть! – крикнула я, помогая Лукасу подняться на ноги. Его лодыжка кровоточила, хотя масштабы ущерба понять было трудно, поскольку кровь смешалась с водой. Вид у него был ошарашенный.

– Пошли! – прошипела я и поспешно повела его к своему трейлеру.

Лукас сидел на куче полотенец на краю моей кровати, пока я бинтовала ему ногу. Остальные полотенца он использовал, чтобы вытереться, и теперь его взъерошенные черные волосы торчали во все стороны.

– Уолтер будет в ярости, – сказал он, когда я встала, отряхивая руки. Я соорудила хлипкую конструкцию из пластырей и бинтов, но надеялась, что этого хватит, чтобы остановить кровь.

– Он будет рад, что с тобой все в порядке, – удивленно ответила я. Лукас огляделся. Я вдруг сообразила, что он раньше никогда здесь не был. Это было мое убежище, мое личное пространство, где никто не мог меня побеспокоить. Кровать была накрыта бархатным покрывалом, а все остальное пространство занимали ткани и швейные принадлежности. Когда все время переезжаешь с места на место, покупать одежду некогда, и я научилась шить сама. В тот вечер на мне была юбка-клеш в стиле пятидесятых с принтом из розовых пуделей и короткий красный свитер.

Наверное, Лукасу моя комната показалась странной – она была не похожа на комнату обычной девочки-подростка. В конце концов, я ведь жила в трейлере, который был предназначен для того, чтобы в любой момент пуститься в путь. С другой стороны, если Лукас до сих пор не понял, что я не похожа на обычных девчонок, он этого никогда и не поймет.

Он покачал темноволосой головой.

– Ему все равно.

Я уселась на кровать, не слишком близко к нему.

– Мне жаль, что он дает тебе такие дурацкие задания. Но это еще не значит, что ему на тебя плевать.

Он повернулся ко мне. Его глаза напомнили мне лаймовый сироп для мороженого.

– Можно сказать тебе кое-что, чего никто не знает?

Я кивнула.

– Моя мама не умерла. Она просто сбежала. Бросила нас с Уолтером, – он посмотрел на забинтованную ногу. – Это случилось уже много лет назад, но с тех пор она ни разу не пыталась со мной связаться, чтобы узнать, как у меня дела.

Я потрясенно молчала.

– С тех пор я стал обузой для Уолтера. Он хотел только одного – вернуться в карнавальный бизнес. Но ему нужно было дожидаться, пока я окончу школу. Я окончил школу в мае.

– Так что... ты не пойдешь осенью в колледж?

– Не знаю. Пока не решил. – Его глаза потемнели. Теперь их цвет скорее напоминал сосновые иголки.

Я взяла его за руку.

– Как ты можешь быть для кого-то обузой? Я видела, как ты всегда стараешься помочь, делаешь всю эту грязную работу. Человек, который так себя ведет, не может быть обузой.

Наши глаза встретились. Он склонился ко мне, а я к нему. Наши губы разделяла всего пара миллиметров. Я чувствовала его дыхание на своем лице. Я не могла пошевелиться.казалось, мое тело оцепенело в ожидании.

Он нетерпеливо фыркнул.

– Иди ко мне. – Он притянул меня к себе, и вот мы уже целуемся.

Я закрыла глаза и увидела перед собой огни карнавала. Губы Лукаса на вкус были, как вода с сахаром. Горячие и сладкие, они касались моих. Я приложила руку к его щеке. Она была мягкой, лишь с легким намеком на щетину. Я провела пальцами по его плечу, и мы отстранились друг от друга, подрагивая и улыбаясь.

– Такое ощущение, будто я забрел в Туннель любви и вдохнул этой приворотной дряни, – сказал Лукас теплым и мягким голосом.

Я рассмеялась, дрожа всем телом.

– Поверь мне, это не так. Я однажды зашла туда, когда была помладше, и это было... – я наморщила нос. – Мне как будто забили голову плохими стихами и шоколадками. Я призналась в любви Отто. И Трокмортону.

– Значит, – он поцеловал меня за ухом, – там открыточная любовь. Не настоящая.

– Точно. – Мне хотелось снова поцеловать его, но вдруг в моей голове отчетливо всплыла папина открытка с воздушными шариками.

Я отпрянула.

– погоди секунду.

У Лукаса был ошарашенный вид. На его коже остались розовые следы от моей помады.

– Что такое? Что-то не так?

– Нет, ничего. А возможно, все, – я положила ладони ему на грудь. – Откуда ты знаешь, что твоя мама сбежала?

– Моя мама? – он недоуменно уставился на меня. – Ты хочешь сейчас поговорить о моей маме? Ну, как скажешь. Она оставила мне записку.

– Ты помнишь, что в ней говорилось?

Все еще глядя на меня как на полоумную, он полез в карман и достал оттуда кошелек с кучей маленьких пластиковых кармашков. В одном из них, нетронутый водой, лежал сложенный листок бумаги.

Он протянул его мне. Листок был помятый и рваный, но текст все еще можно было разобрать: «Я не могу остаться... Не вини себя... Не жди от меня вестей».

Я прижала записку к груди и уставилась на него.

– Лукас, у нас проблема.

Утром меня разбудил грохот, за которым последовал леденящий душу рык. Я подошла к двери, завернувшись в пушистый розовый халат и держа в одной руке канделябр, готовая треснуть им любое чудовище по голове.

Я распахнула дверь. На пороге стоял дядя Уолтер. Позади него извивался на своей черной металлической цепи Азатот – мерзкое пятно тьмы на примятой траве.

– Я кое-что принес тебе, Лулу, – дядя Уолтер протянул мне конверт из коричневой оберточной бумаги. – Внезапное исчезновение твоего отца создало некоторые юридические сложности. Нам с тобой предстоит принять кое-какие решения насчет карнавала. Я подумывал продолжать работу, скажем, до конца сентября. Возможно, отправиться куда-нибудь на юг, где потеплее.

– Хорошо. – Мне показалось или Уолтер держался как-то фамильярнее обычного? Я взяла из его рук конверт, набитый кучей бумаг. Я не видела ничего плохого в том, чтобы не закрывать карнавал до конца сентября. – Я все подпишу и потом отдам тебе.

Он ухмыльнулся весьма неприятной ухмылкой.

– А что? Ты не одна?

Я вдруг порадовалась, что Лукас ушел. Накануне вечером мы перестали целоваться и принялись обсуждать записки своих родителей, споря, что делать дальше. Когда я вытолкала его за дверь в три часа ночи, мы еще продолжали спорить.

– Тебя это не касается, – сказала я и стала закрывать дверь.

Он ухватился за дверь, держа ее открытой. Я попыталась захлопнуть ее, но не смогла. Уолтер оказался сильнее, чем можно было бы подумать.

– Увидимся в киоске, Лулу, – сказал он и отпустил дверь. Она с грохотом захлопнулась. Но даже сквозь закрытую дверь я слышала шипение Азатота.

– Шустрый Эдди? – спросил Лукас. – Ты знаешь человека по имени Шустрый Эдди?

– Ну да, – ответила я. Это было следующим вечером. Я стояла за прилавком «Зловещих закусок», но вывесила рукописную табличку «Еды нет. Все кончилось», чтобы люди ко мне не приставали. – Он юрист. Очень шустро составляет контракты.

– Лулу... – Лукас склонился ко мне над прилавком. В тот вечер на нем была черная рубашка, на фоне которой его кожа почему-то казалась загорелой, а зеленые глаза – особенно яркими. Мне хотелось перепрыгнуть через прилавок и поцеловать его, но дела – прежде всего.

– Тут что-то неладно. Мой папа сбежал, твоя мама тоже. Они оставили нам почти одинаковые записки. Оба сказали, чтобы мы не ждали от них вестей. – Я скрестила руки на груди. – Знаешь, что еще странно? Отто, уезжая, оставил мне свой номер телефона и новый адрес, но, сколько бы я ни звонила, никто не берет трубку.

– Люди – ненадежные существа, – сказал Лукас. – На них нельзя полагаться. Хочешь услышать кое-что действительно странное? Уолтер запасается зельями. Он явно что-то задумал, вот только я не знаю, что.

– Лулу! Иди сюда, Лулу! – помахал мне Шустрый Эдди.

Шустрый Эдди сделал головокружительную карьеру в карнавальном мире. Когда я была маленькой, он работал оператором карусели. Потом пошел учиться на юридический факультет. Говорил, что мрачный карнавал – идеальная подготовка к работе юриста. Он сам был из карнавальной семьи. По словам его родителей, у них были вампиры в роду. Может, это и правда. Я видела Эдди только по вечерам, и он всегда был очень бледным. Но я стараюсь относиться к этому без предрассудков.

– Привет, Эдди! Хочешь мороженого? За счет заведения.

Он покачал головой.

– Что случилось? Почему ты меня вызвала?

– Это насчет моего папы. И...

– Скоростной Эдвард! – это был дядя Уолтер. Я потянулась, чтобы убрать табличку «Еды нет», но Лукас уже сделал это. Он бросил табличку за прилавок и повернулся к отчиму. Уолтер широко улыбался, но улыбка у него была хищная, как у акулы. – Давно не виделись, Эдвард.

Шустрый Эдди коснулся полей своей шляпы.

– Меня зовут Эдди. Шустрый Эдди.

– Я слышал, ты теперь юрист, – сказал Уолтер. – А я еще помню, как ты на карусели работал, – он глянул в мою сторону: – Решила показать документы адвокату?

Лукас удивленно посмотрел на меня. Я ему еще не успела рассказать про документы. Эдди я все рассказала по телефону.

– Я всегда консультирую Лулу, – сказал Шустрый Эдди, хотя это была неправда. – Как друг семьи.

– Рад, что у тебя деловой склад ума. Не то, что у твоего отца. – Уолтер кивнул мне, но вид у него был недовольный. – Оставь бумаги у меня в трейлере, когда закончишь, хорошо?

Я скривилась. Никто не любил ходить в трейлер к Уолтеру, потому что рядом спал Азатот, прикованный к толстому стволу дерева. По ночам он выл, как одинокий поезд. Не знаю, как Лукас это выносил.

Сутулясь, Уолтер пошел прочь. Я вынула конверт из-под прилавка и протянула его Эдди. Он вытащил стопку бумаг и присвистнул.

– Лулу, это что такое? С какой стати твой дядя дает тебе на подпись кучу бумаг, в которых утверждается, что ты передаешь карнавал ему? Карнавал вообще принадлежит не тебе, а твоему отцу. Кстати, где он?

– Сбежал. Ты разве не слышал? Как выяснилось, он всем вокруг задолжал.

Но Шустрый Эдди покачал головой.

– Быть такого не может. Твой отец отлично разбирался в денежных делах. У него был специальный счет тебе на колледж, 401(k), ИПО...

– Эдди, это какой-то суп из букв, – перебила я. – О чем ты вообще говоришь?

– У твоего отца не было никаких долгов, – твердо сказал он. – И в любом случае, если бы с ним что-то случилось, карнавал будет принадлежать тебе до тех пор, пока жив Мефистофик.

– Пока жив Мефистофик? – эхом отозвалась я. – Seriously?

Шустрый Эдди кивнул.

– Именно демон делает карнавал карнавалом. Другой демон – другой карнавал. Но Мефистофик из старой породы демонов, он проживет еще тысячу лет. Так что с чего бы тебе кому-то отдавать карнавал?

– Я и не собиралась этого делать. – Я обернулась, чтобы посмотреть на реакцию Лукаса, но тот скрылся в темноте, ушел за своим отчимом. Я повернулась обратно к Эдди. – Я ни за что никому не отдам ни карнавал, ни Мефистофика.

– Так я и думал. – Эдди вернул мне конверт. – Так что будь осторожна, Лулу, слышишь? Мне все это не нравится.

Я прижала конверт к груди. Мои мысли пустились вскачь, и мне совершенно не нравилось их направление.

– Мне тоже.

Он глянул за мою спину.

– А еще в этом автомате для коктейлей святая вода, ты в курсе?

Он повернулся и растаял в тени.

«Святая вода!»

Я уставилась на автомат, и меня охватил ужас. Настоящий ужас – не такой, как бывает при виде клоунов со страшным гримом и упырей, насккивающих на тебя в Тоннеле страха. А такой, какой бывает от предательства.

Я вспомнила, как каждый день брала лед из этого автомата, поливала его кровью и относил Мефистофику.

Я побежала к карусели. Стоял жаркий летний вечер, воздух был густой и душный. Даже издали было слышно, как позвякивает веселыми мелодиями карусель. На полпути туда передо мной возникла фигура, заслонившая мне дорогу. Я заорала.

– Лулу, – произнес хриплый голос. Это был Лукас. Мы стояли на центральной аллее между лучшим тиром и силовым аттракционом с наковальней, которым раньше заправлял Отто. Сейчас его сменил мутного вида мужик с огромным молотом. Он то и дело колошматил молотом по наковальне, на вершине башни звонил колокольчик, и толпа вяло аплодировала. Я собиралась сказать ему, что смысл аттракциона – дать посетителям попробовать свои силы, но все руки не доходили.

– Твой отчим поил Мефистофика святой водой! – я схватила Лукаса за руку и потащила его к карусели. – И я не знаю, как давно это продолжается. Мефистифик – демон, для него это яд.

– Лулу, – сказал Лукас, развернув меня к себе лицом. – Забудь об этом.

– Не собираюсь я об этом забывать! Мефистифик мне как родной! А твой отчим пытался заставить меня переписать на него карнавал...

– Лулу, – его взгляд был полон решимости. – Я люблю тебя.

Это и правда меня остановило.

– Что?!

– Я люблю тебя. С первого дня нашего знакомства.

Он притянул меня к себе. Нас окружали звуки карнавала, крики с аттракционов и из главного шатра, грохочущая музыка. В жарком ночном воздухе наши тела сплавлялись друг с другом. Его руки скользили по моей спине.

– Лулу, – прошептал он. – Скажи, что ты меня любишь.

Я моргнула. Мне никогда никто так сильно не нравился, и я обожала с ним болтать, и мне с ним было так весело, но...

Но у него был какой-то очумелый вид. Взгляд пустой. Как будто его мешком по голове огрели. Я сощурилась.

– Что с тобой, Лукас? – настойчиво спросила я. – Ты пьян?

Он покачал головой.

– Уолтер пытался меня уговорить ему помочь. Он видел, что я не соглашусь, и дал мне... что-то.

– Что именно?

– Не то, что собирался. Там на столе стояло два флакона, и я поменял их местами, когда он отвернулся. Думаю, он хотел меня усыпить...

И тут я узнала этот мутный взгляд.

– Любовное зелье. Это любовное зелье из Туннеля.

Он потерял глаза.

– На вкус было как клубничная жвачка. Я притворился, что потерял сознание, дождался, пока он не уйдет из трейлера. Он, видимо, уже сообразил, что ему не нужна будет твоя подпись, если он избавится от Мефистифика.

– Боже мой! – я вырвалась из объятий Лукаса и побежала к карусели. Он помчался за мной, выкрикивая мое имя.

Еще несколько человек начали кричать – в основном возмущенные посетители, решившие, что я лезу на карусель без очереди. Заплакали какие-то дети. Может, боялись, что я займу их разрисованных лошадок. А может, испугались безумного взгляда Лукаса.

Я бросилась к центральной стойке карусели и распахнула дверцу. Лукас продолжал звать меня. Я прыгнула внутрь, он вбежал за мной и захлопнул дверь.

– Лулу! – выдохнул он, пока я бежала вниз по ступенькам. – Послушай, я не хочу участвовать в планах моего отчима. Я никогда тебя не обижу!

– Пойди приляг. Тебе надо протрезветь. – Никогда еще у меня не было такого странного вечера. Мы дошли до края ямы, и я посмотрела вниз. Мефистофик лежал на дне, свернувшись калачиком. Меня охватил леденящий ужас.

– Мефик! – закричала я. – Мефик!

Он медленно поднял голову. Его голубые глаза выпвели так, что стали почти белыми. Бедняжка Мефик! Его травили, а я невольно помогала отравителю. Если с ним что-то случится, никогда себе этого не прошу.

Я упала на колени.

– Мефик! Тебе нужно вывести из организма святую воду. Надо вызвать рвоту.

Мефистофик угрюмо вздохнул и снова опустил голову.

– Демону нельзя просто сказать, что нужно вызвать рвоту, – сказал Лукас почти нормальным голосом. – Не думаю, что они умеют это делать по команде.

Я злобно уставилась на него.

– Лулу, – нежно сказал он. – Любовь моя. Я бы спас тебя от этого, если бы мог.

Мефистофик мучительно застонал. Я внимательно посмотрела на Лукаса, потом протянула ему руку.

– Помоги мне подняться.

Он поднял меня. Я упала ему на грудь, и не случайно. Его взгляд смягчился.

– Ты меня любишь? – спросила я.

– Я тебя обожаю.

Мефистофик снова застонал, на этот раз с явным отвращением.

Я зажмурила глаза и взмолилась, чтобы мне простили то, что я собиралась сделать.

– Поцелуй меня. Поцелуй меня, Лукас.

Лукас притянул меня к себе и поцеловал.

– Я люблю тебя, – повторил он, покрывая поцелуями мои щеки. – Ты самая красивая девушка из всех, кого мне доводилось встречать. Я обожаю твои безумные наряды, твои радужные волосы, и то, как ты меня смешишь, и то, как от тебя пахнет розами...

Мефистофик издал жуткий утробный рык. Я отстранилась от Лукаса как раз в тот момент, когда Мефистифика вырвало похожей на сироп золотистой жидкостью, которая залила весь пол.

– Какая гадость, – сказал Лукас.

– От меня правда пахнет розами? – заинтригованно спросила я, пока Мефистофик с подозрительным видом изучал золотистую жижу. Его глаза постепенно голубели, а в проплешинах на шкуре снова отрастал мех.

– Лулу, – Лукас вытаращил глаза. – Кажется, оно выветривается!

Я захихикала. Возможно, это была истерическая реакция на то, что я оказалась между мальчишкой, опьяненным любовным зельем, и изрыгающим рвоту демоном.

– О, черт. Что я тебе наговорил? – спросил Лукас, хватаясь за голову. – Что, Лулу?

– Что ты меня любишь и... Мефик!

Я заорала, потому что Мефистофик вырвался из своей ямы. За все годы нашего знакомства я никогда не видела, чтобы он пускал в ход свои крылья. Теперь же он взмахнул ими и воспарил над ямой, с решительным видом устремившись вверх по лестнице.

– О нет! – я помчалась вслед за демоном, но за ним было не угнаться. Он вырвался из-под карусели, сорвав дверь с петель, и полетел дальше, лавируя между деревянными лошадками.

Мы с Лукасом бежали за ним под перепуганные крики посетителей. Вокруг было на удивление малоллюдно. Видимо, Уолтер начал закрывать аттракционы, пока мы были под карусе-

люю. Мы помчались по пустой центральной аллее за Мефистофиком, который летел напрямик к Музею зеркал.

– Стой! – вопил Лукас. Наверное, боялся, что Мефистофик кого-нибудь съест. А вдруг он и правда намеревался кого-то съесть?

Вокруг собирались люди. Сотрудники карнавала сбежались на наши крики и увидели летящего демона. Мефистофик нырнул в музей.

Я замешкалась у входа. Изнутри доносилось рычание Мефистофика и еще какой-то звук – шипение, от которого меня прошиб холод. Пару секунд спустя рядом со мной возник Лукас. Он задержался, чтобы прихватить молот силача, и теперь нес его в правой руке.

– Я пойду внутрь. – Его лицо выражало мрачную решимость. – А ты стой тут.

– Зелье вроде начало выветриваться?

Но не успел Лукас ответить, как раздался звук бьющегося стекла. Он побежал внутрь, я за ним.

Пока мы бежали к центральному залу, по обе стороны мелькали наши искаженные отражения. Ворвавшись в зал, мы обнаружили, что посреди зала стоят, готовые броситься друг на друга, Мефистофик и Азатот. Ни один из них не отражался в огромных зеркалах, развешанных по всем четырем стенам, но мы с Лукасом отражались. На мгновение мне показалось, что я увидела в одном из зеркал отражение отца, но, с другой стороны, он постоянно мне везде мерещился. Зеркала не всегда говорят правду. Вот почему я ненавидела приходить сюда.

– Ах, вот как, – раздался голос. Между нами появилось третье отражение: стоящий в дверях Уолтер. Все обернулись, даже демоны. При виде приемного сына лицо Уолтера исказилось от удивления и недовольства, но он тут же взял себя в руки. – Ты послушался меня, Лукас. Ты предал нашу семью. И помог девчонке спасти ее мерзкого шелудивого демона.

Мефистофик зарычал.

Уолтер злобно смотрел на нас.

– Этот карнавал – мой! Он всегда по праву принадлежал мне. Я был старшим сыном, но родители были слишком тупы, чтобы понимать, что это значит. Они оставили все Теду. Мне пришлось жениться на богачке, чтобы хоть как-то себя обеспечить. И терпеть ее сопляка.

Он злобно смотрел на Лукаса. Тот крепче ухватился за молот. Я ужасно сочувствовала ему в этот момент, когда от него отвернулся единственный отец, какой у него был. На его месте я бы огрела Уолтера молотом. Но Лукас – хороший человек.

– Все кончено, Уолтер, – сказал он. – Мы знаем, что ты пытался отравить Мефистофика. Мы знаем, что ты подделал записки наших родителей.

Если у меня и была хоть капля сомнений в этом, удивление и ненависть, отразившиеся на костлявом лице Уолтера, окончательно их развеяли.

– Ты убил их? – спросил Лукас. – Вот что на самом деле случилось? Они мертвы?

Этот вопрос мне не хотелось задавать.

Лицо Уолтера скривилось в злобной усмешке.

– Готовься, мальчишка. Сейчас ты отправишься вслед за ними...

Лукас швырнул молот.

Уолтер пригнулся, и молот просвистел мимо его головы, врезавшись в зеркало.

И тут из образовавшейся дыры появился... мой отец.

Он выглядел в точности как всегда: мешковатые штаны, свитер с кожаными заплатками на локтях, шерстяное пальто. В ту ночь, когда он исчез, было холодно. Он метал гневные взгляды на Уолтера.

– Ах ты подлец! – сказал он. – Решил отнять у меня карнавал, заточил меня здесь с помощью черной магии...

– Тадеус, – Уолтер побледнел и попятился. – Я все могу объяснить... – он начал озираться по сторонам. – Азатот! Фас! Убей моего брата!

Азатот зашипел и рванул вперед, но Мефистофик перехватил его. С горящими как факелы глазами он запрокинул голову и в два глотка слопал Азатота.

Мефистофик стал раздуваться. Как будто, полготив другого демона, он получил дополнительный источник силы. Он все рос и рос. Глаза потемнели и стали цвета ночного неба, зубы превратились в акулий клыки. С глухим ревом он бросился на Уолтера.

Тот в ужасе завопил и отскочил назад – в дыру на месте разбитого зеркала. Раздался далекий, отражающийся эхом крик, и зеркало запечаталось обратно. Осталась лишь гладкая серебристая поверхность.

– Папа! – я бросилась к отцу, который обхватил меня руками и крепко прижал к себе. Мефистофик уселся на пол и принялся вдумчиво вылизывать свою лопатообразную лапу.

– Лулу! – Папа потрепал меня по макушке. – Лулу, детка.

Не покидая его объятий, я оглянулась на Лукаса. У него было напряженное и печальное выражение лица.

– Значит, твой папа вернулся? Рад за тебя, Лулу.

И он говорил совершенно искренне.

Папа улыбнулся.

– Пойдем, приятель. Тут еще много зеркал. – Лукас в недоумении уставился на него, но потом в его глазах вспыхнуло пониманием.

Мгновение спустя он уже снова держал в руке молот и крушил зеркала. Все, кроме того, в котором был заключен Уолтер. Из одного зеркала вылез Отто, из другого Стромбо, из третьего влюбленные клоуны, и наконец – женщина с каштановыми волосами и зелеными, как у Лукаса, глазами.

– Мама! – воскликнул он и отбросил молот, чтобы обняться с ней. Они бросились навстречу друг другу как два человека, уже не надеявшихся увидеться снова. Впрочем, так оно и было.

Назавтра был День независимости, и мы закатали вечеринку на центральной аллее. Отто раздобыл фейерверки. Я смотрела, как небо озаряется сине-бело-красными огнями, сидя в окружении моей вновь обретенной семьи. Большинство сотрудников, которых нанял Уолтер, разбежались. Несколько человек остались, пообещав папе вести себя хорошо – а если и плохо, то только по его правилам.

Карусель усилиями Мефистофика играла «Звездно-полосатый флаг» и «Желтую розу Техаса».

Папа рассказал мне, как однажды к нему в трейлер вдруг явился Уолтер, заявивший, что потратил все деньги жены на Азатота – демона столь отвратительного, что его сил хватило бы на что угодно. Он сказал: или отдашь мне карнавал по-хорошему, или тебе придется худо. Папа сказал, что ни за что не отдаст ему карнавал и что исчезновение жены Уолтера кажется ему очень подозрительным. Тогда дядя Уолтер с помощью Азатота и заточил папу в зеркало. Туда он отправлял всех неугодных ему людей, в том числе свою жену.

Папа подружился с мамой Лукаса, пока они были в заточении.

– Она хорошая женщина, – сказал он. – Уолтер манипулировал ею. Он не мастер карнавального дела, а просто ловкий мошенник. Вот только Уолтер не учел две вещи, – продолжал папа, нежно положив руку мне на голову. Мы сидели на траве и ели карамельный попкорн. – Он недооценил Мефистофика. Если карнавальный демон никого не мучает, это еще не значит, что он слабый. Мефик – один из старейших и мощнейших демонов в мире. Неудивительно, что он заглотил Азатота целиком, как только восстановил силы.

– А что еще он не учел? – спросила я.

– Тебя. Умница Лулу разгадала коварный план Уолтера. Я так тобой горжусь.

Я обняла его.

– Спасибо, пап.

Он отстранился.

– Я заметил у тебя в киоске брошюры колледжей. Я не был уверен, что делать с деньгами, которые карнавал заработал при Уолтере, и собирался отдать их на благотворительность. Но я уверен, что там хватит тебе на колледж.

Я кивнула.

– Хочу изучать бизнес-администрирование. Научиться управлять карнавалом, чтобы когда-нибудь взять все дела на себя.

Отец гордо улыбнулся, но не успел он ответить, как нас прервал чей-то взволнованный голос.

– Можно... можно мне поговорить с Лулу?

Это был Лукас. Он переоделся из привычных футболки и джинсов в брюки цвета хаки и рубашку. Загорелый, живое воплощение лета.

Отец посмотрел на меня, и я кивнула. Он встал, бросил на Лукаса преувеличенно грозный взгляд и пошел к остальным. Отто рассказывал Стромбо, маме Лукаса и Ариадне про саксов и норманнов. Стромбо поглаживал Трокмортон.

Лукас уселся рядом со мной. Над нами все еще палили фейерверки, и я хорошо видела его лицо: зеленые глаза, серьезное лицо, зачесанные назад черные волосы. С виду просто пай-мальчик, но я-то с ним целовалась и знала, что это не совсем так.

– То, что я говорил вчера... – начал он, – когда выпил любовное зелье. Я...

– Ты это не всерьез, – быстро сказала я. – Я все понимаю.

– Нет, я не это хотел сказать. – Он сосредоточенно смотрел вдаль, кусая губу. – Я помню, что ты говорила про любовное зелье: что от него голова как будто забивается плохими стихами. И я понял, что ты имела в виду, потому что от настоящей любви Мефистофика бы не стошнило.

Я нервно рассмеялась.

– Ладно, прозвучало не совсем так, как я задумывал, – признал Лукас. – Но я видел, как ты боролась за этот карнавал. Чтобы спасти его, твоих друзей, отца, Мефистофика. Меня восхищает, как ты любишь это место. И это навело меня на мысль, что истинная любовь, не открыточная и не навеянная любовным зельем, – это пугающая, мощная и удивительная штука. И мне кажется... Мне кажется, я начинаю в тебя влюбляться.

Мое сердце запело, как колокольчик на вершине башни с наковальней.

– Правда?

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Правда.

Я коснулась его щеки.

– Я тоже. – И я поцеловала его. Кажется, я слегка испортила его образцовый вид, взъерошив его волосы так, что они стали торчать во все стороны, и измяв рубашку. И он, кажется, сделал то же самое со мной.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, мы оба улыбались.

– Но ведь ты уедешь, – воскликнула я, вдруг запаниковав. – Ты уедешь домой с мамой. Мы больше не увидимся.

Лукас покачал головой.

– Мама хочет вложить деньги в карнавал. Я сказал ей, что мне здесь было очень хорошо. Что это единственное место, где я был счастлив, пока был с Уолтером, – он улыбнулся, и от его улыбки ночное небо словно озарилось. – Она сказала, что я могу остаться, и вы с папой научите меня управлять карнавалом. Если ты, конечно, не против.

Я притянула его к себе и поцеловала.

– Если только мне не придется снова вытаскивать тебя из аквариума.

Лукас засмеялся.

Я уютно устроилась в его объятиях. Звуки фейерверков стихали, в небе порхал Мефистофик, и его крылья четко вырисовывались на фоне луны.

Дженнифер Э. Смит

Тысяча раскладов, при которых все пойдет не так

Заметив его на другом конце ряда в супермаркете, я замираю. Не то чтобы я не хотела его видеть. Вообще-то я все лето надеялась случайно с ним столкнуться. Глядя на него сейчас – все те же штаны цвета хаки, голубая рубашка и стоптанные шлепанцы, волосы чуть длиннее, чем когда я в последний раз пялилась на его затылок на уроке испанского, – я не могу поверить, что прошло всего шесть недель.

А кажется, что целая вечность.

В последнее время я часто представляла себе нашу случайную встречу, придумывала сложные сценарии: он пройдет мимо, когда я гуляю с друзьями на пляже, и мы решим прогуляться вместе и поболтать, или он зайдет в закусочную, как раз когда я рассказываю какую-нибудь особенно смешную шутку, а все вокруг хохочут, восхищаясь моим искрометным юмором, и небрежно подойдет к нашему столу, чтобы поздороваться.

Но сейчас я только что закончила работать, а следовательно, выгляжу как чучело. На моей форменной белой футболке жоюатой расплывается огромная фиолетовая клякса от чьего-то мороженого, на плече пятно от травы: Эндрю Митчелл сшиб меня с ног в разгар особо агрессивной игры в «Али-бабу». Колени в грязи, а ремешок босоножки заклеен скотчем: порвался, когда я гонялась за Генри Ашером – мы играли в салочки. Я потная, обгоревшая и падаю с ног от усталости, не говоря уж о том, что на мне до сих пор болтается бейджик, который я сделала на уроке изобразительного искусства. Имя Энни написано такими корявыми буквами, будто это творение одного из моих подопечных.

И все же, увидев в конце ряда Гриффина Райли, я не нахожу в себе сил уйти.

Он рассматривает пакет с конфетами, крутит его в руках, как баскетбольный мяч, а потом разворачивается и швыряет в свою тележку, которая стоит в добрых шести футах от него. Пакет с грохотом отскакивает от металлического края тележки и шлепается на пол.

– Отличный бросок, – говорю я, подходя ближе, и он слегка усмехается, наклоняясь за упавшим пакетом.

Я протягиваю руки:

– Дай я попробую.

Он молча подбирает пакет и ловким движением бросает его мне. Я с трудом успеваю поймать его и поднимаю руки, готовясь к броску, но он качает головой:

– Слишком близко.

Я отступаю на пару шагов назад, нервничая под пристальным взглядом его серых глаз. На этот раз пакет изящно рассекает воздух и приземляется ровно в центр тележки. Я с победоносным видом поворачиваюсь к Гриффину.

Он кивает:

– Неплохо.

– С настоящим мячом у меня лучше получается.

– Да неужели?

– Вообще-то нет, – признаюсь я. – На самом деле ужасно. Зато с мини-мячиками отлично выходит.

– Которые в игровых автоматах, что ли?

– Именно, – говорю я. – Я просто чемпион по мини-баскетболу.

– И образец скромности, – с совершенно серьезным видом замечает он.

– Ну, – я пожимаю плечами, – сложно скромничать, когда ты так хорош, как я.

Он тянется к полке с разноцветными упаковками печенья.

– Я бы на это посмотрел, – говорит он, не глядя на меня. У него есть манера при разговоре так наклонять голову, что невозможно понять, о чем он думает. Это и бесит, и интригует, и смущает одновременно. На испанском я любила задать ему какой-нибудь вопрос, просто чтобы посмотреть, как он обернется, переводя взгляд с моего лба на мою парту, но никогда не глядя мне в глаза, и пытаться угадать, нравлюсь я ему или он меня боится, или что-то еще.

В течение многих месяцев наше общение сводилось к этому: вопросы о спряжении глаголов и прошедшем времени, всяких «ола», «мучас грасиас» и «адьос». У нас даже не было общих друзей. Сложно сказать, было ли у нас вообще что-то общее. Школа у нас большая, и впервые я встретила с ним на уроке испанского у сеньора Мандельбаума. Но мне сразу же захотелось познакомиться с ним поближе.

Он несколько не упрощал мне задачу. В нем странным образом сочетались замкнутость и прямота. В основном он вел себя очень тихо и преувеличенно вежливо, но мог быть и шокирующе честным. Однажды я попросила его посмотреть, не попало ли мне что-то в глаз. Он обернулся, внимательно на меня посмотрел и пожал плечами:

– Ага. Глазная козявка.

Но штука в том, что Гриффин был сногшибательно красив. Взъерошенные каштановые волосы, мужественный подбородок, восхитительные серо-голубые глаза и невероятно высокий рост – он был на целый фут выше меня. В классе у него вечно коленки упирались в парту. Он мог бы сойти за серфера или лыжника – какого-нибудь отпадного мачо из кино.

Но он зачем-то портил свой внешний вид, чуть не каждый день одеваясь в одно и то же: брюки цвета хаки и голубую рубашку. Эта странная униформа делала его похожим не то на бойскаута, не то на бродячего торговца Библиями, не то на сотрудника самого скучного в мире офиса.

Но даже этого было недостаточно, чтобы девчонки перестали пялиться на него в столовой – а это было единственное место, кроме уроков испанского, где я его видела. Он, как правило, держался сам по себе и ел в наушниках, уткнувшись в телефон. Сложно сказать, то ли он так хорошо умел игнорировать чужое внимание, то ли просто его не замечал.

Было в нем что-то совершенно магнетическое. Всякий раз при виде него у меня возникало незнакомое желание схватить его за плечи, усадить на стул и заставить открыть мне душу. Он был загадкой, которую непонятно почему мне отчаянно хотелось разгадать. Но на корявом испанском мало что узнаешь про человека. Я ужасно хотела пообщаться с ним побольше. И желательно на английском.

Теперь же взгляд Гриффина скользит мимо меня к кассам, и я не могу понять, то ли он опаздывает, то ли ему скучно. Но каким-то образом наша встреча в непривычной обстановке, за пределами школы, придает мне храбрости.

– Ты когда-нибудь был в баре «У Хола»? – спрашиваю я, не успев подумать.

– Это который на Маккинли?

– Там есть игровые автоматы. Может, нам... – Я на секунду умолкаю, надеясь, что он перехватит инициативу, но он этого не делает. Только шаркает шлепанцем по блестящему линолеуму, и мое неоконченное предложение неловко повисает в воздухе.

Я никогда так не делала – хотя сама не знаю, что именно я пытаюсь сделать. В общем, я никогда не пыталась сделать первый шаг. А теперь меня мучает раскаяние за все те случаи, когда я сама колебалась в таких ситуациях: не сразу отвечала на смску с предложением встретиться, начинала кашлять после того, как меня приглашали в кино, медлила с ответом на более формальное приглашение на школьную дискотеку. Теперь мне хочется забрать назад все эти лишние секунды. Потому что это – ужасающая пауза, чудовищное молчание – мучительно.

Я указываю на пакетик с конфетами, лежащий на дне тележки, и предпринимаю последнюю попытку:

– Может, проверим, кто выиграет в настоящий баскетбол?

Целую секунду мне кажется, что он ответит «нет». Его лицо принимает отстраненное и необъяснимо напряженное выражение, и я готовлюсь быть отвергнутой прямо здесь, в восьмом ряду супермаркета. Но потом он как будто расслабляется, несколько раз моргает, и его лицо смягчается.

– Давай, – наконец отвечает он. – Может, завтра?

В тот вечер, пока я чищу зубы, моя одиннадцатилетняя сестра Мег, которая повсюду ходит за мной хвостиком, появляется в дверях нашей общей ванной.

– Так что, – спрашивает она, нарочито мечтательно хлопая ресницами, – это свидание?

Я на мгновение задумываюсь, потом сплевываю пасту в раковину.

– Не думаю.

На следующее утро я витаю в облаках, размышляя о том, как позже Гриффин заедет за мной на парковку лагеря; о платье, которое я припрятала в туалете для сотрудников, чтобы мне не пришлось снова встречаться с ним в перепачканной форме; о том, как подпрыгнуло мое сердце, когда я увидела его вчера. В общем, о чем угодно, кроме игры, которая полным ходом идет вокруг меня. Пара десятков шести- и семилеток носятся по футбольному полю, спотыкаясь и шатаясь, как маленькие пьяницы. Вдруг кто-то издает громкий крик.

Я тут же прихожу в себя, внимательно осматриваю поле и вижу, что Ноа сидит, скрючившись на земле, поджав по себя колени, закрыв руками уши и пригнув голову, так что торчит только ежик рыжеватых волос.

Рядом с ним стоит с широко распахнутыми глазами девочка, которую зовут Сэйди Смит.

– Я просто его осалила, – быстро говорит она и, моргая, смотрит на меня.

Я похлопываю ее по плечу, стараясь успокоить.

– Ничего страшного, – говорю я. – Иди осаль кого-нибудь еще.

Но она стоит на месте, не сводя глаз с Ноа, который начал раскачиваться из стороны в сторону. Обернувшись, я вижу, что остальные смотрят на нас. Невозможно определить, кого уже осалили, а кто еще свободен, потому что все замерли на месте как вкопанные.

Неподалеку от школьных зданий, которые наш дневной лагерь занимает на время каникул, появляется Грейс – одна из младших вожатых. Она несет коробку с замороженным льдом на дневной перекус. Потом дети вечно ходят перемазанные и прибалдевшие от передозировки сахара, но это всегда самый яркий момент дня.

– Время перекуса! – объявляю я, и все тут же бросаются навстречу Грейс с куда большим энтузиазмом, чем во время любой игры.

Как только мы остаемся одни, я сажусь на траву рядом с Ноа, который издает слабый стон, но в остальном никак не показывает, что заметил мое присутствие. За месяц нашего знакомства я поняла, что это самая эффективная тактика. Поначалу, когда случалось что-то в этом роде, я пыталась поговорить с ним, вразумить его, как-то успокоить. Однажды я даже попыталась взять его за руку, и это оказалось хуже всего. Он вырвал руку и тут же начал рыдать.

Теперь же я заглядываю под руки, обхватившие колени, за которыми он прячет лицо. Его щеки пылают, рот перекошен, из правого глаза течет одинокая слеза. У меня надрывается сердце.

– Эй, Ноа, – тихо говорю я, и он напряженно замирает.

Я снова отстраняюсь, срываю несколько сухих травинок и пускаю их по ветру, который дует с озера. Вдалеке остальные дети носятся со своим мороженым: липкие подбородки, футболки уже заляпаны. Неподалеку на асфальтовой площадке дети постарше играют в баскетбол. Мерный стук мяча напоминает барабанную дробь.

В первый день работы лагеря наш директор мистер Хэмилл – мужчина средних лет, большую часть года работающий учителем физкультуры и никогда не появляющийся без свистка на шее – попросил меня приехать на час пораньше. Я уже третий год работала вожатой и рас-

считывала получить повышение. Когда я пришла в лагерь несколько лет назад, моей основной мотивацией было желание подзаработать себе на карманные расходы. В детстве я обожала лагерь, и мне показалось, что это лучше, чем раскладывать по пакетам покупки в супермаркетах, продавать мороженое или делать любую другую работу, куда могли взять четырнадцатилетнюю девчонку, чей трудовой опыт ограничивался сидением с соседскими детьми.

Но когда я провела пару летних каникул, отлавливая разбегающуюся малышню, наклеивая пластыри на разбитые коленки, дирижируя чудовищно не слаженным хором и контролируя использование блесков в поделках, мне стала нравиться эта работа. Но всем известно, что со старшими детьми работать проще: они более самостоятельны и менее склонны расплакаться посреди игры, потеряться или забыть намазаться солнцезащитным кремом. Так что я надеялась, что этим летом меня переведут в старшую группу.

Но вместо этого мистер Хэмилл сообщил мне про Ноа.

– Послушай, Энни, – сказал он со своим густым чикагским акцентом, который нечасто услышишь в нашем захолустье. – Мы хотим этим летом попробовать кое-что новое. Не получится – значит, не получится.

Я кивнула.

– Хорошо...

– У нас в лагере новенький, – продолжил он, нервничая, что было ему совершенно не свойственно. – Он, как бы это сказать... с особенностями. Ну, ты понимаешь. Аутист. Так что я хотел тебя предупредить, потому что это может быть непросто. Во-первых, он не очень хорошо говорит, но над этим они вроде бы работают. И еще он очень активный. Родители в прошлом году отдавали его в лагерь для детей с особенностями развития, но там ему было скучно. Похоже, мальчик очень энергичный.

– Так он будет в моей группе?

– Да, ему шесть лет, так что он будет у тебя. Тут главное – проявлять терпение, но при этом стараться как можно больше его занимать. Я подумал, мы попробуем, если ты не против, а там посмотрим, как пойдет.

– Конечно, – жизнерадостно говорю я, потому что я всегда так делаю. Улыбаюсь, киваю и стараюсь сделать все, что в моих силах. Как всегда. Когда мои друзья ссорятся, именно я пытаюсь их помирить. Если кто-то на меня злится, я хожу сама не своя, пока мне не удастся все уладить. Если кто-то просит меня об одолжении, дает задание или чего-то от меня хочет, я всегда отвечаю «да».

И если детям в лагере невесело, я считаю, что не справилась со своими обязанностями.

Вот почему с Ноа так сложно. За прошлый месяц я уже достаточно беседовала с его мамой, чтобы понять, что ему просто нужно время. Но сидеть рядом с ним на теплой траве, глядя, как у него трясутся плечи, – почти невыносимо. А самое ужасное – это ощущение, что, несмотря на все мои усилия, мне просто не удастся до него достучаться.

Дело в том, что я отлично умею ладить с детьми. Я знаю, что у Эмерсона аллергия на арахис, что Коннеллу надо оставить красное мороженое, что Салливан всегда готов играть в кикбол, что Эллис нравится после обеда сидеть у меня на коленках. Что Кэролайн держит в рюкзаке плюшевого кролика, а Уилл каждый день носит свои счастливые носки с космонавтами. Что Джорджия напевает себе под нос, когда нервничает, а Элизабет тает, если похвалить, как она делает колесо.

К любому замочку найдется свой ключик, к любому ребенку – свой подход. К любому, кроме Ноа.

Мы долго сидим на траве. Остальные ребята идут в спортзал играть в вышибалы под присмотром кого-то из младших вожатых. Солнце ползет ввысь по гладкому белому небу. Но Ноа все еще сидит на земле, скрючившись, как мокрица. Время от времени я похлопываю его по плечу, но его от этого передергивает.

Наконец, незадолго до конца моей смены – как будто он отсчитывал минуты, – Ноа поднимает голову.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, но он не отвечает. Он сосредоточенно смотрит на здание школы, перед которым выстраиваются остальные ребята в ожидании родителей.

Так и не дождавшись ответа, я говорю:

– Завтра будем играть в другую игру, обещаю. – Я не знаю, что его так расстроило: игра в салки, неожиданное прикосновение чьей-то руки или просто солнце, трава и весь этот летний день. Может быть что угодно. Ужасно не знать, что именно.

Но я продолжаю говорить, сама понимая отчаянность своих усилий.

– Попробуем сыграть в захват флага, – обещаю я, хотя мы каждый день пробуем новые игры, и каждый раз все кончается одинаково. – Или в светофор. Или в «делай как я». Я думаю, это тебе должно понравиться...

Ноа ничего не отвечает, просто встает с абсолютно непроницаемым выражением лица, отряхивает траву с колен и идет в сторону парковки.

Не слишком обнадеживающая реакция, но я решаю считать это согласием и иду за ним.

В конце каждой смены, когда пора расходиться по домам, начинается хаос: получасовые попытки навести хоть какой-то порядок и сдать детей с рук на руки. Мамаши нетерпеливо выглядывают из машин, няни кричат своим подопечным, чтобы те не забыли контейнер для еды, а вожатые делают все возможное, чтобы никого не задавил медленнодвигающийся минивэн.

Сегодня я отвечаю за безопасность, что, по сути, означает стоять посреди дороги и надеяться, что никто не заденет меня зеркалом заднего вида. На часах всего 14.07, но больше половины детей уже разобрали. Остальные сидят, скрестив ноги, под деревьями у входа в школу, роются в рюкзаках, обмениваются фенечками или швыряются всякой всячиной в младших вожатых.

Мы идем точно по графику, но я все равно поглядываю на часы. Гриффин должен забрать меня в 14.30, и хотя к 14.20 всех детей обычно разбирают, у меня останется всего несколько минут, чтобы переодеться. Я взяла с собой свой любимый наряд – бледно-желтый сарафан, пожалуй, слишком нарядный для похода на игровые автоматы. Но я ни за что не допущу, чтобы он снова увидел меня в потной форменной футболке. Не в этот раз.

К 14.18 осталось всего трое: восьмилетние близнецы, одинаковые во всем вплоть до оранжевых кроссовок, и Ноа, сидящий спиной к парковке и сосредоточенно барабанивший по стволу дерева.

Многие вожатые уже разбежались. Остались только я и Алекс Санчес, который в этом году пойдет в выпускной класс. Он любит дразнить меня за мои веснушки, которых с каждым днем становится все больше, и вообще ведет себя со мной куда добрее, чем мог бы, учитывая, что он на целый год старше и к тому же звезда футбольной команды.

Но в этом особенность лета: обычная школьная иерархия в это время рушится как карточный домик. Все меняется, смещается, принимает новые формы.

Лето – великий уравнитель.

Вскоре подъезжает мама близнецов, рассыпаясь в извинениях, и Алекс, бросив на меня сочувственный взгляд, уходит.

– До завтра, Веснушка! – говорит он, шагая к машине. Уже 14.22, на парковке воцарилась тишина. Ноа сидит, сторбившись, все еще лицом к дереву, и через его тоненькую лагерную футболку просвечивают позвонки. Ветер ерошит его рыжие волосы, он рассматривает обтрепанный кончик шнурка на своем ботинке.

За спиной у нас открывается дверь школы, и появляется мистер Хэмилл с розовым клейким листочком на пальце. Он смущенно протягивает его мне, и я вижу, что там нацарапан номер телефона.

– Я несколько раз пытался дозвониться его маме, – говорит он, – но она не берет трубку, а мне надо к стоматологу. – Поморщившись, он указывает на свой рот. – Коронка слетела.

Я перевожу взгляд на въезд на парковку, где вскоре должна появиться машина Гриффина.

– Мне ужасно неловко, – вздыхает мистер Хэмилл. – Но его мама обычно не опаздывает, так что вряд ли она надолго задержится. Ты не против подождать с ним?

Ноа шевелится, поворачивается к нам лицом. Когда я смотрю на него, наши взгляды встречаются, и на долю секунды он смотрит мне в глаза, а потом снова отворачивается.

Уже 14.28.

– Конечно, – говорю я, потому что я всегда так говорю. – С радостью.

К тому моменту, как машина Гриффина – нечто старое, шумное и синее – заруливает на парковку ровно в 14.30, я уже второй раз набираю номер мамы Ноа. Я нажимаю отбой. Меня охватывает паника. Все должно было пойти совсем не так. Ноа ходит кругами вокруг дерева, водя пальцами по грубой коре, и я снова вспоминаю о припрятанной в туалете сумке, где лежит не только сменная одежда, но еще и дезодорант, духи и расческа – все это мне сейчас отчаянно бы пригодилось.

Но на это уже нет времени: Гриффин уже идет в мою сторону, приподняв руку в неловком приветствии и переводя глаза с меня на Ноа, который как раз перестал ходить кругами и теперь просто стоит на месте, уставившись на нас.

– Привет, – говорю я, и Гриффин улыбается. На нем все те же брюки и рубашка, но волосы на этот раз недавно причесаны и еще слегка влажные. Хотя на улице жара градусов под пятьсот, а воздух такой влажный, что его можно пощупать, он каким-то образом умудряется выглядеть неправдоподобно круто.

От чего я чувствую себя еще большей растрепой.

– Привет, – говорит он.

– Мне так жаль... – начинаю я, еще до того, как он успевает пересечь парковку. Я указываю на Ноа и беспомощно пожимаю плечами. – Его мама еще не приехала, так что мне надо подождать с ним, а это значит, что я не могу...

– Ничего, – говорит Гриффин. – Подожду с тобой.

– Тебе необязательно это делать, – выпаливаю я, и он поднимает брови.

– Знаю, – твердо говорит он. – Но мне хочется. Иначе бы не предлагал.

Его слова повисают в воздухе на слишком уж долгое мгновение, и я наконец не отвечаю:

– Ну тогда ладно.

– Тогда ладно, – кивает он и уже идет мимо меня к Ноа. Они секунду смотрят друг на друга, потом оба отводят глаза. Гриффин делает шаг вперед, Ноа – назад, как танцоры, репетирующие танец. Повисает длинная пауза, и я с любопытством смотрю на них, ожидая, что будет дальше. Наконец Гриффин поднимает руку, слегка помахав Ноа.

– Привет, – говорит он. – Я Гриффин.

Ноа смотрит на него, прищурившись и задрал голову. А потом, к моему удивлению, отвечает:

– Привет.

Не то чтобы Ноа вообще не разговаривает. Просто он редко говорит, когда от него этого ждут. Если задать ему вопрос, он обычно отводит глаза. Если поздороваться – не обращает на это внимания. Если попытаться вовлечь его в игру, где надо петь или говорить, замыкается в себе. Если он и говорит, то обычно сам с собой.

Так что сейчас, при виде того, как он ответил на приветствие, будто это совершенно обычное дело, у меня в горле встал ком от нахлынувших эмоций.

– Чем бы нам заняться, пока ждем? – спросил Гриффин, поглядывая на сидящего перед ним удивленного мальчишку.

Я жду, затаив дыхание. Кажется, молчание тянется вечно.

Но как раз когда я собираюсь вмешаться – прийти на помощь, нарушить тишину, предложить игру, – Ноа вскакивает на ноги и говорит:

– Баскетболом.

Гриффин, оказывается, обращается с мячом куда лучше, чем с пакетом конфет. Я стою на краю площадки, прижимая к уху телефон и слушая, кажется, уже тысячный гудок, а он непринужденно забивает очередной мяч со штрафной линии, и Ноа бежит его подбирать.

– Я начинаю нервничать насчет нашего состязания, – говорю я, положив трубку. Я уже оставила несколько сообщений, и теперь остается только ждать.

– Ну не знаю, – говорит Гриффин, не глядя на меня. – Кое-кто мне сказал, что ты мастерски играешь.

– Это кто же?

На его лице появляется легкая улыбка.

– Ты.

– А-а! – Я краснею.

– Вот-вот.

Ноа пытается вести мяч, в основном просто беспорядочно хлопая по нему раскрытыми ладонями. Гриффин подходит к нему, наклоняется и показывает, как надо держать руки. Я с интересом наблюдаю, сложив руки на груди. Все время жду, когда Гриффин сделает неверное движение и отпугнет Ноа, как всегда делаю я, когда касаюсь его плеча, слишком громко говорю или слишком близко подхожу. Но этого не происходит. Похоже, он откуда-то знает, что делать, и поэтому Ноа за двадцать минут сказал ему больше, чем мне за все лето.

Признаюсь, мне слегка завидно.

– Эй, Ноа! – я хлопаю в ладоши, и он морщится. – Пасуй мне!

Он прекращает стучать мячом и смотрит на меня с бесстрастным выражением. Потом поворачивается к Гриффину и передает мяч ему.

– Спасибо, приятель. – Гриффин ловко обводит его и устремляется к корзине. Когда у него в руках мяч, в его движениях появляется какая-то текучая плавность. Длинное подтянутое тело двигается легко и непринужденно, без тени обычной напряженности и зажатости.

– Моя очередь, – говорит Ноа, и Гриффин аккуратно пасует ему.

– Ты хорошо с ним ладишь, – говорю я, когда он подбегает ко мне. На школьном дворе совершенно тихо, только вдалеке жужжит газонокосилка. Послеполуденное солнце запуталось в ветвях деревьев на краю футбольного поля. – У тебя есть младшие братья или сестры?

Он качает головой.

– Я единственный ребенок.

– А, ну это все объясняет.

– Что?

– Почему ты никогда ни с кем не говорил на испанском.

Он искоса смотрит на меня.

– Я говорил.

– Ага, когда сеньор Мандельбаум задавал тебе вопрос.

Тем временем на площадке Ноа бросает мяч в сторону корзины, но он подлетает лишь на пару футов и с тяжелым стуком падает на асфальт.

– Ты тоже не говорила, – отмечает Гриффин.

– Говорила.

– Puedo ir al baño¹⁵? Это не считается.

– Ну, эй! – смеюсь я. – Я что, виновата, что мне нужно ir al baño?

¹⁵ Можно выйти в туалет? (исп.).

Он поднимает бровь.

– Дважды за урок?

– Сеньор Мандельбаум очень, ну просто очень скучный, – признаю я. – Обычно я просто читала в коридоре.

– En inglés?¹⁶ – спрашивает Гриффин, и я снова смеюсь.

– Si, – отвечаю я. – En inglés.

Мы стоим молча, наблюдая, как Ноа снова и снова пытается попасть в корзину. По мере того, как у него устают руки, броски становятся все слабее, и наконец он начинает просто подбрасывать мяч в воздух, тут же его отбивая.

Когда мяч подкатывается ко мне, я подбираю его и делаю бросок, но выходит у меня не намного лучше, чем у Ноа: мяч едва задевает край сетки.

– Видишь? – говорю я, нахмурившись. – Вот почему мини-баскетбол лучше.

Я оглядываюсь на Гриффина, который стоит с довольным видом, и мне приходит в голову, что наше потенциальное свидание (статус которого непонятен еще до этого странного поворота событий) явно идет наперекосяк. Да и как может быть иначе, если мы застряли на пустой баскетбольной площадке в компании с шестилеткой? Это явно не то, что я себе представляла, таращась ему в затылок на уроках испанского.

Однако Гриффин почему-то выглядит почти что счастливым. И я, кажется, тоже счастлива.

– Сыграем в кабальо! – предлагает Гриффин, и Ноа неожиданно разражается смехом.

– Кабальо! – кричит он, вскидывая руку. – Кабальо, кабальо!

– Что такое кабальо? – спрашиваю я у Гриффина, который уже направляется к корзине. Он со смехом поворачивается.

– Это лошадь, – ухмыляется он. – En español¹⁷.

На часах уже почти четыре часа, и я начинаю волноваться, что, возможно, это не просто опоздание и с мамой Ноа что-то случилось.

Хорошая новость в том, что он, похоже, ничего не замечает. Когда ему наконец надоело играть в баскетбол, он улегся на спину на траве, заслоняясь рукой от солнца и отбивая ногой неведомый ритм.

– Два часа прошло, – говорю я Гриффину, который сидит рядом со мной в тени, прильнув спиной к кирпичной стене школы. Нас разделяет всего несколько сантиметров, колени почти соприкасаются, и я не оставляю надежды, что он придвинется ближе. Но он этого не делает.

– Это долго, – говорит он, глядя вдаль на пустое футбольное поле. – Много чего может случиться за два часа.

Я откидываю голову назад и закрываю глаза. Это именно та мысль, от которой я пытаюсь отделаться. Я чувствую, как Гриффин смотрит на меня в профиль, и едва сдерживаюсь, чтобы не повернуться к нему. Но я знаю, что тогда он снова отвернется, и его бледно-серые, как у тропической рыбы, глаза, опять будут смотреть в другую сторону.

– Может, с ней что-то случилось? – говорит он, и я строго смотрю на него.

– Не говори так.

– Почему?

– Потому что... – начинаю я и запинаюсь.

– Потому что это может быть правдой, – заканчивает он чересчур будничным тоном, с прямотой, которая меня корбит. Не могу понять – то ли потому, что он прав, то ли потому, что я сама редко говорю так прямо.

¹⁶ По-английски? (исп.).

¹⁷ По-испански (исп.).

Я откашливаюсь.

– Я уверена, с ней все в порядке.

– С чего бы это? – спрашивает он, но в его голосе нет вызова. Вообще никаких эмоций.

Просто спрашивает.

– Потому что, – говорю я, слегка замешкавшись, – потому что так должно быть.

Гриффин обдумывает мои слова.

– Это не очень логично.

– А при чем тут логика? – говорю я, и как раз в этот момент мой телефон начинает звонить, подскакивая на асфальте. Я хватаю его и с облегчением вижу номер, который набирала последние два часа. Я слегка отворачиваюсь от Гриффина.

Как только я поднимаю трубку, на меня обрушивается бурный и не очень связный поток слов и извинений.

– Его сестра сломала руку на качелях, – объясняет мама Ноа. – Сидела, болтала ногами, вдруг спрыгнула, и все как закрутилось!.. Скорая, больница, гипс! У меня с собой не было телефона лагеря, а мой муж уехал по делам, и...

– Ничего страшного, – в который раз за сегодняшний день говорю я. – Он здесь. С ним все в полном порядке.

– Я буду через десять минут, – обещает она и кладет трубку. У меня вырывается протяжный вздох облегчения.

– Вот видишь? – я поворачиваюсь к Гриффину, который явно прислушивался к разговору. – Все в порядке.

– Ну, – говорит он, пожимая плечами, – было только два варианта. Либо все в порядке, либо нет.

Пару минут спустя, когда мы направляемся к парковке, я с изумлением вижу, как Ноа тянется, чтобы взять Гриффина за руку.

Неожиданно для самой себя я резко останавливаюсь.

Я ни разу не видела, чтобы Ноа добровольно пошел с кем-то на физический контакт. Вообще-то и Гриффин тоже.

Но теперь он сжимает руку мальчика, будто они знакомы всю жизнь и такое случается каждый день, а вовсе не так, как будто это самое необычное зрелище на свете.

Вечером сестра просовывает голову в дверь моей комнаты.

– Ну так что, – с горящими глазами спрашивает она, – это было свидание?

Я вспоминаю Гриффина в его вечной рубашке; удивление, промелькнувшее в его глазах, когда Ноа взял его за руку; то, как близко мы сидели у стены школы, и как над нами пролетали облака, и как тихо было вокруг.

То, как мы прощались на парковке. Идти на игровые автоматы было уже поздно, и мы решили отложить это на следующий раз. Правда, когда он пошел к машине, я ощутила панику от этой неопределенной формулировки и крикнула:

– Завтра?

Он остановился.

– Маһана¹⁸, – кивнул он с улыбкой, от которой у меня закружилась голова.

– Энни, – раздается полный нетерпения голос Мег, и я понимаю, что она все еще ждет ответа.

– Что?

– Свидание или нет? – спрашивает она, и я качаю головой.

– Нет, – отвечаю я. – Лучше.

¹⁸ Завтра (исп.)

Наутро, когда все собираются в спортзале на утреннюю линейку, я спрашиваю детей, во что они хотят поиграть.

– В кикбол! – восклицает Надим Сурген.

– В «Али-Бабу»! – предлагает Джиджи Габриэле.

– Ни во что! – говорит Томми Кинг.

Начинается совещание – склоненные друг к другу головы, перешептывания, хихиканье. И вдруг раздается голос Ноа:

– В кабальо!

Удивленное молчание. Дети смотрят на Ноа, как будто забыли о его присутствии.

– А что такое кабальо? – спрашивает Джейк Даун.

– Это лошадь по-испански, – отвечаю я.

– Будем играть в лошадки? – спрашивает Люси Этерингтон.

– В баскетбол, – говорю я, улыбаясь Ноа, который уже вскочил на ноги и упер руки в бока, готовый играть. – Кабальо так кабальо.

На этот раз я не стала полагаться на случай. В конце дня, еще до того, как мы строем отправляемся на парковку, я оставляю Грейс и еще одну младшую вожатую присмотреть за детьми и бегу в туалет, чтобы переодеться.

Когда я выхожу из прохладного здания на послеполуденную жару, дети изумленно смотрят на меня. Они всегда видели меня с растрепанным хвостиком, в одной и той же белой футболке и зеленых шортах. Усталую, потную и замученную.

Но теперь на мне желтое платье без рукавов, шелестящее при каждом движении. Темные волосы распущены и спадают на плечи. Я воспользовалась дезодорантом, подушилась и даже слегка накрасилась. Судя по выражению их лиц, в таком виде я для них явно совершенно другой человек.

– От тебя приятно пахнет, – говорит Томми О’Каллахен с ноткой удивления в голосе.

– Цветами, – кивает Уэллс фон Стро.

– Спасибо, – говорю я, надеясь, что и Гриффину тоже понравится. Сегодня все родители пришли вовремя, даже мама Ноа, помахавшая мне с извиняющимся видом. Его сестра сидит на заднем сиденье, приподняв руку, чтобы все видели ее ярко-розовый гипс. Пока я веду Ноа к машине, он держится по обыкновению отстраненно, но когда его мама опускает стекло и спрашивает, как прошел день, он поднимает глаза.

– Мы играли в кабальо, – сообщает он, забираясь на заднее сиденье.

– Что такое кабальо? – спрашивает она, отъезжая, и я все еще улыбаюсь вслед их машине, когда на другой стороне парковки появляется Гриффин.

Я сразу замечаю, что на нем другая рубашка. Присматриваюсь, чтобы убедиться, и это действительно так. Фасон такой же, но расцветка другая: бело-синяя клетка. Мгновение спустя я понимаю, что и штаны он сменил на джинсы: они ему длинноваты, так что он подвернул края, но они все равно волочатся по земле, издавая шаркающие звуки.

– Ух ты! – восклицаю я, когда он подходит ко мне. Он даже не пытается скрыть, что рассматривает мое платье, и внезапно это начинает казаться настоящим свиданием. – Отлично выглядишь.

– О, – говорит он, на секунду подняв глаза и снова опустив их. – Да, моя мама... – он замолкает и смущенно смеется. – Мама велела не говорить, что это она мне помогала выбрать одежду. Но я, похоже, только что это сделал.

Я тоже смеюсь.

– Похоже на то.

– И еще она велела тебе сказать, что ты отлично выглядишь.

– Твоя мама, похоже, умная женщина, – говорю я, и он краснеет. Это так мило: парень, который выглядит как настоящий мачо и должен прекрасно разбираться во всем, что касается свиданий, слушается маминых советов. Его неловкость совершенно очаровательна и неожиданна, но меня это заставляет нервничать еще больше, потому что я понимаю, как сильно он мне нравится.

– Готова ехать?

Я оглядываюсь на оставшихся детей, которые посматривают на нас, и на других вожатых, которые усмеваются и посвистывают. Чувствую, завтра меня ждут вопросы. Остается надеяться, что к тому моменту я буду знать ответы.

Гриффин открывает дверь машины, и я думаю: «Свидание!» Но потом он так старается, чтобы наши руки случайно не соприкоснулись, пока я залезаю внутрь, что я снова начинаю сомневаться. Мы оба пристегиваемся, он возится с ключами и заводит мотор. Выежая с парковки, он включает радио. Я с удивлением слышу размеренный голос диктора с «Национального общественного радио», читающий сводку новостей.

– Я думала, ты предпочитаешь классический рок, – говорю я, и он машинально тянется рукой к регулятору громкости, чтобы сделать потише. – Или просто классику.

– Мне нравятся новости, – признается он после такой длинной паузы, что я даже не знаю, был ли это ответ на мои слова или просто самостоятельное замечание. – Мне нравится знать, что происходит в мире.

– Умник, – поддразниваю я, и он пожимает плечами.

– Я люблю факты. И статистику. В этом есть что-то успокаивающее.

– В статистике? Да от нее одна головная боль.

– С этого и началось мое увлечение баскетболом. – Он барабанит пальцами по рулю, не отрывая глаз от дороги. Я так много времени провела, пялясь на его затылок или пытаясь встретиться с ним взглядом, что никогда толком не рассматривала его в профиль: аккуратный изгиб носа, шрам под правым глазом, идеальные скулы, завиток волос над ухом. – С цифр.

– Ну конечно, это же самая увлекательная часть игры, – с притворным энтузиазмом говорю я и вижу, что он собирается кивнуть, но потом спохватывается.

– Ты шутишь, – замечает он, и я киваю.

– Шучу.

– Ну, правда же, – продолжает он, – в статистике есть нечто завораживающее. А потом, баскетбол – это игра углов. Подумай: если тебе с какой-то точки удастся идеально бросить мяч, значит, с этой точки в любой момент можно сделать такой же бросок, верно? Технически оттуда можно забивать каждый раз.

– Да, но это не так работает, – возражаю я. – Ты же не робот. Стоит чуть дернуться, и мяч летит левее. Или случайно поднять руку чуть выше, чем в прошлый раз. Всегда есть тысяча раскладов, при которых все пойдет не так.

– Вот именно, – говорит он. – Но вот что самое крутое: можно подкорректировать множество разных факторов и все равно забить мяч с того же места, даже если бросать совершенно по-другому. Так что есть и тысяча раскладов, при которых все пойдет как надо.

Я искоса смотрю на него.

– Это ты так хвастаешься своим мастерством?

Он качает головой.

– Уверен, в мини-баскетбол ты меня сделаешь.

– Должна признать, у нас раньше в подвале была эта игра, так что я много практиковалась. Но это было давно.

– Как так?

– Ну... – Я моргаю, глядя, как он сворачивает на другую дорогу. Впереди солнце ползет к горизонту, а по краям дороги здания сменились сплошными рядами деревьев. – Нам при-

шлось... Несколько лет назад мы переехали. Из дома в квартиру. Так что... теперь у нас нет места для таких вещей.

Мы оба некоторое время молчим. Гриффин перехватывает руль.

– Все равно это не так интересно, как настоящий баскетбол. Мячи слишком маленькие.

– Может, это у тебя руки слишком большие?

– И это тоже, – признает он. – Но еще из-за этого углы сбиваются.

– Значит, собираешься свалить свое будущее поражение на геометрию?

– Вроде того.

Впереди виднеется обшарпанная деревянная табличка с надписью «Бар и ресторан „У Хэла“», и Гриффин сворачивает на гравийную подъездную дорожку. На парковке всего несколько машин. Мы вместе идем к входу.

Внутри довольно темно, к этому не сразу привыкаешь. Бармен на секунду поднимает на нас глаза и тут же снова опускает. Больше никто не обращает на нас внимания. «У Хэла» – странное местечко, гибрид семейного ресторана, галереи игровых автоматов и захудалого бара. По выходным сюда набивается куча детей, горящих желанием обменять свои билетки на пустяковые призы. Но в будни картина более мрачная: всего несколько завсегдатаев молча сидят у стойки, медленно потягивая напитки и уставившись в старый телевизор в углу, по которому показывают бейсбол.

Мы проходим мимо бара в дальний зал, уставленный громоздкими игровыми автоматами: «Пэкмэн», скибол, пинбол, а еще один из этих гигантских стеклянных контейнеров с плюшевыми игрушками и бесполезным металлическим захватом. В зале тихо, пыльно и совершенно пусто, что неудивительно для среды в середине лета. Никто не променяет прекрасный солнечный день на тускло освещенную галерею с автоматами. Никто, кроме нас.

– Нам нужны четвертаки, – говорю я и подхожу к разменному автомату. Гриффин за мной. Я сую пару долларовых купюр в приемник, и из автомата с громким звоном сыплются монеты. Я чувствую, что он стоит у меня за спиной, пока выгребаю монеты, и мое сердце начинает биться чаще. В этом месте, которое должно быть заполнено людьми, шумом и ярким светом, стоит такая тишина, что кажется, будто мы оказались где-то за гранью реального мира.

– Эй, – тихо окликает он, и я разворачиваюсь с полными пригоршнями монет.

– А?

В рассеянном свете из пыльного окна его глаза кажутся пронзительно голубыми, а маленький шрам под правым глазом выделяется более отчетливо.

– Я просто... – начинает он и запинается.

Я жду продолжения. В соседнем зале по телевизору идет бейсбол, слышатся далекие крики болельщиков. Гриффин поднимает руку, и на секунду мне кажется, что он хочет взять меня за руку, но потом мы оба опускаем глаза, и я понимаю, что все еще держу в обеих руках горсти четвертаков. Вместо этого он берет у меня из рук монетку, подкидывает ее большим пальцем, и она идеально приземляется ему на ладонь.

– Решка, – рассеянно объявляет он.

– Ну, и какова вероятность? – шутливо восклицаю я слегка дрожащим голосом, и Гриффин странно на меня смотрит.

– Пятьдесят на пятьдесят, – говорит он и идет к автомату с мини-баскетболом. Момент упущен. С Гриффином всегда так: кажется, что вот он, шаг вперед, но это ощущение тут же рассеивается. Как бы мы ни сближались, как бы я ни старалась, эффекта накопления не происходит. Каждый раз приходится начинать все сначала.

Я иду за ним к автомату: два маленьких баскетбольных кольца и сетки, спускающиеся к игрокам, чтобы после каждого броска мяч возвращался на место – бесконечный поток мячей, который иссякает только когда звонит таймер.

Гриффин уже закатывает рукава. Приготовившись, он берет один из мячей, который примерно на треть меньше обычного баскетбольного и легко умещается у него в ладони.

– Разве это мяч? – говорит он, рассматривая его.

– Знаешь кому бы такой отлично подошел? – говорю я, беря в руки другой мяч. – Ноа. Видел, как ему вчера было сложно? Мы сегодня снова играли, и обычный мяч для него слишком тяжелый. Но, готова поспорить, этот он сможет добросить почти до самой корзины.

– А когда он ведет мяч, – подхватывает Гриффин, чеканя мячом о деревянный пол, – удобнее будет держать.

– Может, выиграем ему мячик? – говорю я, указывая на стеклянную витрину в углу, где расставлены призы. Обычно я даже не обращаю на них внимания: чтобы выиграть достаточно билетов на что-нибудь интересное, нужно потратить куда больше четвертаков, чем приз стоит на самом деле. Но даже отсюда я вижу маленький бело-зеленый баскетбольный мяч, спрятавшийся за плюшевым слоном на нижней полке, – Он еще и в цветах нашего лагеря.

Гриффин поворачивается к корзинам.

– Ну, если ты и правда играешь так круто, как говоришь, то это вполне вероятно.

– Фокус в том, – говорю я, поворачиваясь к кольцам, – чтобы занять правильную позицию.

– Нет, – возражает он, бросая четвертаки в приемник, – фокус в том, чтобы попасть мячом в корзину.

Автомат оживает, мигая огоньками и играя какую-то мелодию, а таймер на табло начинает обратный отсчет от десяти. Я беру первый мяч, занимаю позицию и готовлюсь бросать. Гриффин с сосредоточенным лицом делает то же самое рядом со мной.

Раздается сигнал к началу игры, и я бросаю мяч. Он отскакивает от кольца, но не успевает приземлиться в сетку, как я уже бросаю второй, который проскакивает в корзину с приятным шелестом, хотя я слишком занята, чтобы обратить на это внимание. Я уже бросаю снова и снова, ловлю ритм, подчиняясь мышечной памяти. Это отзвуки многочисленных часов, проведенных в подвале, пока папа не потерял работу и не пришлось распродать все игры, переехать в дом поменьше, а потом в крошечную квартирку. Пока не начались скандалы до поздней ночи, крики и оскорбления, когда сестра лежала, сжавшись в комочек на моей кровати, и закрывала уши подушками.

Пока не началось все это – пока мы не научились изображать счастливые лица и не поняли, что за улыбкой можно спрятаться, а слова можно использовать, как щит. Пока мы просто играли вчетвером в подвале, и от бетонных стен эхом отражались звуки смеха и радостных возгласов.

И вот я снова в постоянном движении, двигаюсь как автомат, уверенно и не обращая внимания ни на что вокруг, а когда игра кончается, и даже после того, как часы обнулились, а сигнал давно прозвонил, я продолжаю швырять мячи, пока они не заканчиваются и я не остаюсь стоять там с пустыми руками, часто моргая.

– Ого! – восклицает Гриффин, уставившись на табло.

Я не просто его обыграла, я размазала его по стенке. Счет – 88:42.

– Ого, – повторяет он. – Ты как будто с катушек слетела.

– Ага, – говорю я, не уверенная, что уже вернулась в нормальное состояние и что вообще хочу в него возвращаться. – Кажется, так.

Мы играем до самого вечера.

– Реванш! – каждый раз требует Гриффин, и каждый раз я выигрываю. И хотя отрыв с каждым разом все меньше, становится все веселее.

– Это просто ерунда какая-то! – смеясь, говорит он после одиннадцатого раунда, в котором я сделала его со счетом 76:62. Он опирается о стол для пинг-понга и трясет головой.

– А ты думал, я просто хвастаюсь! – усмехаюсь я.

– Так оно и было, – отмечает он. – Но, оказывается, ты имела на это полное право. Я усаживаюсь на стол рядом с ним, болтая ногами.

– Ну, спасибо, что достойно принимаешь поражение.

Он выглядит удивленным.

– Ага... это странно, вообще-то я ненавижу проигрывать.

– Ну конечно, – говорю я, но он качает головой.

– Нет, серьезно. Я правда ужасно ненавижу проигрывать. И ненавижу делать вещи, которые у меня плохо получаются, так что, если у меня что-то получается хорошо, я этим увлекаюсь, а если нет – мне и не хочется этим заниматься. Я обычно или втягиваюсь на полную, или вообще не втягиваюсь.

– Звучит не так уж и плохо.

– Но это плохо, – говорит он, потирая шею. – Никто не любит людей, которые не умеют проигрывать.

– Мне не кажется, что ты не умеешь проигрывать.

– То-то и оно, – говорит он, поворачиваясь ко мне, и впервые по-настоящему на меня смотрит, и, глядя ему в глаза, я чувствую, будто выиграла приз. – С тобой это не так уж обидно.

На витрине стоят разнообразные призы сомнительного качества: на верхней полке корзины с каучуковыми мячиками и конфетами, брелки, пластиковые колечки, а внизу более ценные призы: плюшевые игрушки, надувные биты, миниатюрные футбольные мячи и диспенсеры с жвачкой – все явно переоцененное и немного пыльное.

Мы с Гриффином склоняемся к стеклу. Он задевает меня плечом, и мое сердце пускается вскачь. Мне хочется, чтобы он заметил это, прижался ближе, повернулся ко мне и снова на меня посмотрел или взял за руку, притянул к себе или поцеловал – что угодно.

Но он ничего этого не делает.

Вместо этого он протирает захватанное стекло рукавом рубашки. В лучах света из окна он кажется невероятно красивым и невообразимо далеким.

Мы оба молчим некоторое время, слишком долго, и я начинаю нервничать, пытаюсь найти, чем заполнить тишину, потому что я всегда так делаю. Но я одергиваю себя, решив, что на этот раз его очередь, и начинаю нервничать еще больше. Потому что мне вдруг кажется очень важным, что он теперь скажет. Именно его следующие слова решат, свидание это или нет.

Я стою, уставившись на оранжевую пластиковую лягушку, а она смотрит на меня сквозь мутное стекло. «Пожалуйста, пусть это будет что-нибудь многозначительное, – думаю я. – Пожалуйста, пусть это будет что-то романтическое».

Но мгновение спустя он хмурится.

– Это просто обдираловка какая-то, – говорит он, и мои надежды разбиваются вдребезги. Он указывает на баскетбольный мяч, запрятанный где-то внизу. – Где это видано, чтобы такая ерунда стоила пятьсот билетов?

Мы складываем полученные билетки, и я их пересчитываю. За несколько часов игры мы набрали около ста пятидесяти на двоих.

– Может, получится доплатить деньгами? – предлагаю я, но Гриффин качает головой.

– Они куда больше зарабатывают, когда людям приходится играть, чтобы получить приз.

– Но все равно это очень мило с твоей стороны, – говорю я. – Подумать про Ноа.

– Это не для Ноа, – говорит он, не отрывая глаз от витрины. – А для меня.

– Ой, – говорю я, моргая. – Э-э... Я не...

– Энни, – говорит он, поворачиваясь ко мне лицом, и я вижу, что он улыбается. – Я шучу. Я с облегчением смеюсь.

– Прости. Просто ты обычно... В смысле, ты всегда такой... Я, видимо, не...

Он склоняет голову набок.

– Ты пытаешься сказать, что у меня не очень с чувством юмора?

– Нет, – быстро возражаю я, потом на секунду задумываюсь. – Ну, в общем, да.

Гриффин улыбается.

– Ничего. Это и правда так.

– Ну, зато у тебя куча других достоинств, – говорю я, глядя, как он стоит, упираясь обеими руками в витрину, и покачивается взад-вперед. – Ты особенный.

В его лице что-то мелькает, скулы слегка напрягаются.

– В хорошем смысле, – поспешно добавляю я. – Ты не такой, как все. Ты милый. Не притворяешься, а правда милый. И ты не задаешься, хотя...

Он искоса смотрит на меня с вопросом в глазах.

Я качаю головой.

– Не важно. Я просто пытаюсь сказать, что это здорово, что ты не играешь ни в какие игры, как другие парни. Ты честный. Возможно, самый честный человек из всех, кого я знаю...

– Энни.

– Я серьезно, – продолжаю я, слегка пьянея от собственного многословия. Мне не свойственно произносить такие пространственные речи, и я сама не верю, что говорю все это, но есть в Гриффине нечто такое, от чего мне хочется рассказать ему все, о чем я думаю. И я так и делаю.

– А еще ты невероятно повел себя вчера с Ноа. Я пыталась достучаться до него все лето, но мне так и не удалось, и тут появляешься ты, и...

– Это потому что у меня Аспергер.

– ...и ты так легко и естественно нашел с ним общий язык, и вы сразу сдружились... – Я умолкаю на середине фразы, сомневаясь, что правильно расслышала. – Что?

Гриффин поворачивается ко мне лицом, но продолжает смотреть в пол.

– У меня синдром Аспергера. Это что-то вроде аутизма. Так они сейчас это называют.

Повисает долгая пауза, и мне отчаянно хочется ее нарушить, но я не могу сообразить, что сказать. Надо очень тщательно подбирать слова. Я боюсь сказать что-то не то. Но в конце концов мне удается выдать только тихое «А-а-а».

Я тут же об этом жалею. Мое междометие повисает между нами, как знак пунктуации, прозвучавший слишком рано в разговоре, который, как я надеюсь, только начался.

– Ага, – говорит он с непроницаемым лицом.

– Так что...

– Так что, видимо, вот почему я так себя веду, – он засовывает руки в карманы джинсов. – У меня не всегда получается поддерживать беседу. Иногда я слишком прямолинеен, – он пожимает плечами. – Вот почему мне иногда сложно в школе, и у меня мало друзей, и я не люблю об этом говорить, и...

Когда он умолкает на полуслове, я закусываю губу. Мне хочется, чтобы он продолжал. Он никогда еще при мне не говорил столько слов подряд, и вдруг в моей голове все встает на свои места: вот почему.

Вот почему он так тихо себя ведет в школе. Почему обожает цифры и факты. Почему никогда не может определить, шучу я или нет. Почему он всегда такой настороженный и замкнутый. Вот почему ему так сложно смотреть мне в глаза.

Гриффин делает глубокий вдох, и когда он снова заговаривает, кажется, будто он подслушал мои мысли.

– Вот почему, – говорит он, поднимая глаза и встречаясь со мной взглядом, – я не особо хожу на свидания.

– Так это свидание? – спрашиваю я, не успев задуматься, и у Гриффина делается еще более смущенный вид.

– Нет, – говорит он, потом качает головой. – Я не знаю.

У меня вспыхивают щеки. Я почесываю лоб.

– Да я просто...

– Я не хотел рассчитывать...

– Да нет, я тоже...

Повисает короткая пауза, во время которой мы оба с интересом изучаем свои ноги, а потом Гриффин вздыхает.

– Я вроде как надеялся.

Я поднимаю глаза.

– Надеялся на что?

– Что это будет свидание, – говорит он, и в этот момент в зал заглядывает бармен, с очевидным подозрением переводя взгляд с меня на Гриффина и обратно.

– У вас тут все в порядке? – спрашивает он, и я не знаю, как на это отвечать.

Гриффин кивает:

– Все хорошо.

– У нас тут была пара инцидентов с кражами, – он указывает на витрину, будто она забита брильянтами, а не мармеладными браслетиками и йо-йо. – Так что, если вам нужен приз, подходите ко мне...

– Да нет, спасибо – отвечаю я, а Гриффин одновременно говорит:

– Мы уже уходим.

– Ладно, – отвечает бармен, явно довольный таким ответом. – До новых встреч.

– Конечно, – говорит Гриффин, но не особо убежденно.

По дороге обратно в машине повисает тягостная тишина, и мне кажется, что у меня есть отличное средство от нее, если только удастся подобрать правильные слова или задать правильный вопрос.

Но я слишком боюсь ошибиться.

Одна рука Гриффина лежит на руле, вторая – на рычаге переключения передач между нашими сидениями, и меня беспокоит то, как сильно мне хочется взять его руку в свою. Но я этого не делаю. Я просто смотрю на вены на тыльной стороне его ладони, на обломанный ноготь большого пальца, на костяшки пальцев, на изгиб кисти.

Обычно это моя сильная сторона. Кто-то силен в математике, кто-то в спорте, а я умею говорить нужные вещи в нужный момент. Я – тот, кто вам нужен, когда воздух в комнате еще наэлектризован после ссоры, или когда хочется, чтобы вам кто-то сочувственно улыбнулся и выслушал вашу проблему. Я могу сгладить даже самое неловкое молчание, утешить, когда вам плохо, разрядить обстановку усилием воли. Чтобы там ни случилось, я отличный слушатель, неутомимый союзник и неиссякаемый источник поддержки.

Но сейчас я в растерянности.

Мне хочется сказать «Это ничего не меняет».

Мне хочется сказать «Это не страшно».

Мне хочется сказать «Все будет хорошо».

Но это меняет. Это страшно. И не факт, что все будет хорошо.

Я откашливаюсь, не зная, с чего начать.

– Слушай, прости, если я...

Но Гриффин тянется к приборной панели и включает радио, выкручивая звук на полную мощность. Разговор, очевидно, окончен, и хотя он сидит ровно на том же месте и на том же расстоянии от меня, кажется, будто он отдаляется все больше, пока наконец его не становится почти невозможно различить вдали.

Он подвозит меня до школы, где стоит в желтом свете фонаря моя одинокая машина. Гриффин останавливается рядом с ней, и мы сидим в тишине, молча.

– Я хорошо провела время, – наконец говорю я, и даже в голубоватом сумеречном свете я вижу, как дергается уголок его рта. Очевидно, он мне не верит. – Правда, – упрямо настаиваю я. – Было очень весело.

Он ничего не отвечает, только неохотно кивает.

Я со вздохом открываю дверь машины и выхожу, но, закрыв ее, я наклоняюсь к окну.

– Серьезно, – говорю я. – Спасибо.

На этот раз он мрачно хмыкает, будто я сказала нечто абсурдное, и я вдруг понимаю, что это не я веду себя неправильно, а он.

Он дергает рычаг и начинает отъезжать, но я бегу вслед за машиной.

– Эй! – кричу я, цепляясь рукой за открытое окно, и он изумленно смотрит на меня и жмет на тормоз. Я снова склоняюсь к окну, пристально глядя на него, и на этот раз он тоже смотрит на меня, но с вызовом. Он только и ждет, чтобы я сказала что-то не то, и я понимаю, что так будет всегда, как бы я ни реагировала. Он так долго готовился к этому моменту, что теперь уже почти не важно, как все сложится на самом деле. Он уже решил для себя, что будет. Он уже решил, что почувствует, даже не дав мне шанса попробовать.

Но в кои-то веки мне не хочется делать то, чего от меня ожидают. Мне не хочется подыгрывать, быть всем приятной, изображать счастливое лицо.

В кои-то веки мне хочется быть честной.

– Я тоже думала, что это свидание, – говорю я, и мои щеки уже пылают. – Во всяком случае, мне этого хотелось.

– Тебе не обязательно...

– Гриффин, – говорю я так резко, что он поднимает глаза. В темноте трудно различить выражение его лица. – Я не просто так это говорю. Не из вежливости. Ты мне правда нравишься, ясно?

И это правда. Я говорю это не для того, чтобы его утешить. Не потому что мне его жалко, и даже не потому, что он так ошеломляюще красив. Я говорю это, потому что это факт. И если я так часто говорю людям что-то приятное, чего на самом деле не думаю, то почему бы не сказать то, что все-таки думаю?

– Ты нравишься мне с первого урока испанского, – продолжаю я, несмотря на то, что он опять отвернулся, и мне сложно определить, насколько по-идиотски я веду себя в данный момент. – *Te gustame*.

Он, нахмурившись, поднимает на меня глаза.

– *Me gustas*¹⁹.

– Спасибо, – я улыбаюсь ему, но его лицо сохраняет непроницаемое выражение, и моя улыбка гаснет. – Слушай, я хочу сказать, что я понятия не имела, что у тебя Аспергер, и все же не могла перестать думать о тебе. Так почему сейчас должно быть по-другому?

– Просто так и есть, – тихо отвечает он.

Я энергично мотаю головой.

– Не для меня.

– Но как так может быть?

– Потому что ты мне нравишься. Ты. Тот же ты, который нравился мне весь год. – Я смеюсь. Вся эта откровенность вскружила мне голову. Или дело в Гриффине? – Сколько еще раз мне надо это повторить?

– Все не так просто, – говорит он, но если он ждет, что я с ним соглашусь, то не на ту напал.

Я усмехаюсь, постукиваю по крыше машины и поворачиваюсь, чтобы уйти.

– А вдруг просто?

Как только я сажусь в машину, экран моего телефона загорается: сообщение от сестры.

Мерцающие в темноте белые буквы: «Свидание: да или нет?» Я отвечаю: «Непонятно». Но мгновение спустя передумываю и пишу: «Да».

¹⁹ Ты мне нравишься (*исп.*)

На следующий день я стою посреди площадки, а дети водоворотом нарезают круги вокруг меня. Вдалеке ребята постарше играют в кикбол. В другой день я бы позавидовала тому, как у них там все упорядоченно и спокойно. Но сегодня я не могу перестать смеяться над своей шумной, суетливой, перевозбужденной малышкой, которая вроде как должна рисовать мелками, но на самом деле только двое сидят на асфальте с толстыми кусками мела в руках. Илан Дуайер рисует слона с крыльями, Бриджит ДеБерг обводит свою ногу. Остальные затеяли игру в салочки, и носятся вокруг с довольным видом, покрасневшие, хихикающие и счастливые.

Все, кроме Ноа, который нашел баскетбольный мяч.

Я, пригнувшись, встаю рядом с ним, чтобы мы смотрели на кольцо с одного угла. Он уже запыхался от удушающей липкой жары и пахнет как все маленькие дети летом: спреем от насекомых, кремом от загара и потом. Он держит мяч в обеих руках, обдумывая следующий удар. Руки у него уже подгибаются от усталости.

Я с болью вспоминаю мини-мячик, который мы видели вчера.

– Как успехи? – спрашиваю я, а он продолжает, прищурившись, смотреть на корзину, будто не слышит меня. – Знаешь, – говорю я, показывая на кольцо, – фокус в том, чтобы найти правильную позицию.

– Нет, – раздается голос позади меня. – Фокус в том, чтобы забросить мяч в кольцо.

Я резко оборачиваюсь, и вижу, что на траве у края площадки стоит Гриффин в своей обычной одежде. В руке у него бело-зеленый мяч с витрины.

– Привет, – говорю я, переводя взгляд с него на мяч и обратно. – Ты что тут делаешь?

Он кивает в сторону Ноа, который тоже на него смотрит.

– Я подумал, что с этим лучше получится, – сказал он, протягивая мяч Ноа. Тот не двигается и продолжает смотреть на Гриффина. Кажется, что это длится очень долго. Но потом в нем будто щелкает переключатель, его лицо озаряется радостью, и он бросается за мячом.

– Что надо сказать? – кричу я ему вслед, а он уже бежит обратно к корзине, держа под мышкой мяч.

– Пожалуйста, – бросает Ноа через плечо, и я смеюсь.

– Ну, почти.

Гриффин все еще стоит в нескольких шагах от меня. Вид у него взволнованный и смущенный. Среди криков, смеха и топота он кажется оазисом спокойствия и сосредоточенности.

Он кашляет.

– Мы можем поговорить минутку?

– Конечно, – отвечаю я, оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с Грейс. Я показываю на угол здания и одними губами произношу: «Сейчас вернусь». Она кивает, и я поворачиваюсь к Гриффину. – Пойдем, – говорю я, и он идет за мной к кирпичной стене, где тенисто и прохладно, а голоса звучат приглушенно.

Мы стоим лицом друг к другу, и он делает шаг вперед, оказавшись совсем близко от меня. На этот раз я первой отвожу глаза, опускаю взгляд и замечаю пятно от яблочного сока на своей футболке. Я снова поднимаю голову, заставляя себя посмотреть ему в глаза, и удивляюсь, когда он не отворачивается.

– Это было очень-очень мило с твоей стороны, – говорю я, стараясь не растерять мысли под его пристальным взглядом, – пойти и купить ему этот мяч.

На лице Гриффина появляется тень улыбки.

– Я его не покупал.

– Что ты... – я останавливаюсь на полуслове и в изумлении открываю рот. – Не может быть!

Он кивает.

– Я вернулся туда после того, как тебя высадил.

– На это же, наверное, ушла куча времени!

– Точно.

– И куча четвертаков!

– Ага.

– Что ж, спасибо, – говорю я. – Понятия не имею, как ты умудрился это сделать, учитывая твои способности к мини-баскетболу, но...

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – перебивает Гриффин, и вдруг у него становится виноватый вид. – Прости, я не хотел... Вот видишь... О чем я и говорил. Вот почему у меня так мало друзей. Я часто перебиваю. И часто не обращаю на людей достаточно внимания. Я однажды забыл бабушку в магазине, потому что читал в телефоне про микологию.

– Что такое микология?

– Наука о грибах.

Я, прищурившись, смотрю на него.

– А при чем тут твоя бабушка?

– Ни при чем, – нетерпеливо говорит он. – Но я так увлекся, что, когда собрался уходить, забыл, что она была со мной.

– А.

– Я над этим работаю. Но я много над чем работаю и работал всю жизнь. Я не всегда слушаю, что мне говорят. И слишком много говорю о некоторых вещах...

– Вроде микологии?

– Это потрясающая наука, – говорит он с таким энтузиазмом, что я не могу не улыбнуться. – И я не всегда могу понять, когда люди чем-то расстроены. Так что если ты расстроишься, тебе придется мне об этом сказать. Потому что сам я скорее всего не спрошу. И еще мне трудно смотреть людям в глаза.

– Ага, – говорю я с ободряющей улыбкой. – Но ты же все равно это делаешь.

– Я знаю, но это сложно. Все равно что пытаться на чихнуть или вроде того. – Он быстро отводит взгляд, широко распахивает глаза, потом зажимивает их и снова поворачивается ко мне. – Не то чтобы мне не нравились твои глаза. Они мне нравятся. Они у тебя очень красивые. – Он коротко вздыхает, покачиваясь взад-вперед на пятках, а потом начинает говорить быстро-быстро. – И я слишком прямолинеен. И хотя ты говоришь, что тебе это нравится, ты не понимаешь...

– Гриффин.

– Что?

– Ты это хотел мне сказать? – Он смотрит на меня без всякого выражения. – Ты говорил, тебе нужно мне что-то сказать...

– Ах да, – говорит он и делает быстрый шаг вперед. – Только это.

Все происходит так быстро, что я даже не успеваю удивиться: Гриффин целует меня, нежным, робким и слишком коротким поцелуем. Он почти сразу же отстраняется и, моргая, смотрит на меня.

– Я не знаю, как это...

Не дав ему закончить, я хватаю его за рубашку, притягиваю к себе и на этот раз сама целую его. На долю секунды он напрягается, но так же быстро расслабляется, и потом, будто забыв, что есть причины для неуверенности, будто он делал это уже миллион раз, обхватывает меня рукой за талию, и пространство между нами исчезает, и все вокруг вместе с ним. Он вдруг становится просто мальчиком, который мне очень-очень нравится, а я – просто девчонкой, которая наконец набралась смелости его поцеловать. И все равно еще есть тысяча раскладов, при которых все пойдет не так. Но также и тысяча раскладов, при которых все пойдет как надо. И на мгновение больше ничего не имеет значения. Есть только он и я. Я и он. Только мы двое.

А потом нас вдруг уже не двое.

Услышав звонкое хихиканье, я заставляю себя оторваться от Гриффина. На мгновение я застываю как вкопанная, боясь обернуться. Он смотрит на меня, несколько раз моргнув, с ленивой улыбкой, но тут я вижу, что и он заметил звук. Он заглядывает через мое плечо.

– Упс, – говорит он со стеснительной улыбкой, и я закрываю лицо руками.

– Гадость какая! – говорит Никко Хейворд с очень довольным видом.

– Фу! – соглашается Джек Дойл.

– Мерзость, – вторит Генри Соренсон.

Позади них стоит Ноа и тоже смотрит на нас. Под мышкой у него подаренный Гриффином мяч. Он с надеждой протягивает его нам.

– Кабальо? – предлагает он, и Гриффин улыбается.

– Vamos!²⁰ – говорит он, снова качнувшись вперед. Потом хлопает в ладоши и бежит к баскетбольной площадке, а Ноа и остальные ребята за ним. – Vamos a jugar!²¹

Я стою на месте, глядя ему вслед: как он наклоняется к Ноа, чтобы дать ему «пять», как терпеливо ждет остальных детей, как оглядывается на меня и улыбается, от чего по мне пробегает электрический ток.

И я думаю: «Вот почему».

В тот момент, когда они подбегают к площадке – Ноа подбрасывает свой маленький мячик, тот отскакивает от кольца, и Ноа начинает радостно скакать, будто это был решающий бросок матча, – Гриффин со слегка обеспокоенным видом оборачивается и бежит обратно ко мне.

– Чуть не забыл, – говорит он и берет меня за руку.

²⁰ Давайте (*исп.*)

²¹ Давайте играть!

Лев Гроссман

Карта совершенных мгновений

На календаре было четвертое августа, причем, кажется, уже довольно давно. Если честно, сперва я ничего и не заметил: жизнь и так подсовывала мне один за другим душевные летние дни, похожие друг на друга как две капли воды... Возможно, более внимательный человек заметил бы быстрее. Ну, что я могу сказать, было лето. Было жарко. В общем, вот что случилось: время остановилось.

Или скорее не остановилось, а застряло в петле.

Пожалуйста, поверьте мне, когда я говорю, что это не метафора. Я не пытаюсь сказать, что мне было очень скучно и казалось, что лето никогда не кончится или что-то в этом роде. Я имею в виду, что летом после моего девятого класса календарь добрался до четвертого августа и на этом сдался: буквально каждый день после этого было четвертое августа. Я ложился спать вечером четвертого августа, а просыпался утром четвертого августа.

С космического колеса слетела цепь. В небесном «Айтьюнсе» нажали кнопку бесконечного повтора.

По меркам сверхъестественных происшествий это даже не очень-то оригинально, учитывая, что ровно то же самое случилось с Биллом Мюрреем в «Дне сурка». Вообще-то первое, что я сделал – восемь раз пересмотрел этот фильм. И хотя я оценил несколько искаженное, но милое представление о превратностях романтической любви, надо отметить, что в качестве практического пособия по извлечению себя из хронологической ловушки он оставляет желать лучшего.

Посмотрел я и «Грань будущего». Так что если бы мне встретился мимик Омеги, я бы точно знал что делать. Но этого так и не случилось.

Если и есть существенная разница между моей ситуацией и «Днем сурка», то она состоит в том, что, в отличие от Билла Мюррея, меня все это особенно не напрягало, во всяком случае поначалу. На улице не было дико холодно. Мне не надо было ходить на работу. И вообще я по натуре одиночка, так что я воспользовался возможностью, чтобы прочитать кучу книг и бессовестно много играть в видеоигры.

Единственный важный минус был в том, что больше никто не знал, что происходит, так что мне не с кем было это обсудить. Все вокруг считали, что переживают сегодняшний день впервые. Требовалось немало усилий, чтобы притворяться, будто я не знаю, что случится дальше, и всякий раз изображать удивление.

К тому же было удушающе жарко. Серьезно, как будто весь воздух в мире высосали и заменили горячим, прозрачным и липким сиропом. Как правило, моя рубашка успевала пропотеть насквозь еще до конца завтрака. Да, кстати, дело происходило в Лексингтоне, штат Массачусетс, где я и так застрял не только во времени, но и в пространстве, потому что мои родители не пожелали раскошиться на вторую смену в лагере, а моя летняя подработка в маминой бухгалтерской фирме должна была начаться только на следующей неделе. Так что я и так уже пытался убить время.

Только теперь, когда я его убивал, оно не умирало навсегда, а восставало из могилы и оживало. Время превратилось в зомби.

Лексингтон – это пригород Бостона, и состоит он преимущественно из больших участков серого гладкого асфальта, многочисленных зеленых лужаек и сосен, кучки псевдоколониальных особняков и нескольких нарядных лавочек в центре города. Ну, и парочки исторических достопримечательностей – Лексингтон сыграл запоминающуюся, хоть и тактически бессмыс-

ленную роль в революции, так что тут полно всякой исторически аутентичной фигни, о чем явственно свидетельствуют многочисленные информационные таблички.

Где-то неделю спустя у меня сформировался вполне четкий распорядок: по утрам я спал, пока мама собиралась на работу, захватывая с собой мою впечатляюще, но слегка настораживающе спортивную сестру, чтобы завезти ее в футбольный лагерь, после чего я оставался дома совершенно один. На завтрак я ел кукурузные хлопья с медом и орехами – казалось бы, они должны были мне быстро надоесть, но на самом деле с каждым днем я наслаждался ими все больше. У этих хлопьев, оказывается, есть множество вкусовых нюансов, которые открываются постепенно.

Я опытным путем установил, когда лучше смыться из дома. Я находил способы уйти с 17.17 до 18.03, когда моя сестра семнадцать раз подряд терзала сложный быстрый отрывок скрипичного концерта Вивальди. Обычно я ускользал из дома и после ужина, когда мои родители (они развелись пару лет назад, но отец зачем-то пришел – видимо, поговорить о деньгах) разводили особо громкий скандал на тему того, надо ли маме сдать машину в ремонт, потому что у нее глушитель гроыхает на кочках.

Это помогло мне более объективно посмотреть на вещи. На заметку: не стоит тратить всю жизнь на ссоры из-за пустяков.

В остальную часть дня моя стратегия, чем занять себя на оставшуюся вечность, состояла из: а) походов в библиотеку и б) походов в бассейн.

Обычно я выбирал вариант а). Библиотека, пожалуй, была единственным местом в Лексингтоне, где я чувствовал себя как дома, не исключая и мой реальный дом, где я спал по ночам. В библиотеке было тихо. Там работал кондиционер. Там было спокойно. Книжки не разучивают скрипичные концерты. И не скандалят из-за глушителей.

К тому же они очень приятно пахнут. Вот почему я не большой сторонник великой электронной революции. Электронные книжки ничем не пахнут.

Имея в распоряжении, по видимости, неограниченный запас времени, я мог себе позволить разгуляться на полную катушку, что я и сделал: я решил прочитать все книжки из раздела фэнтези и научной фантастики, одну за другой, в алфавитном порядке. В то время это было для меня, по сути, определением счастья (это определение вскоре изменилось, и очень круто, но не будем забегать вперед). На момент начала этой истории четвертое августа длилось уже примерно месяц, плюс-минус пара дней, и я как раз добрался до романа «Флатландия», написанного человеком по имени Эдвин Эбботт Эбботт (без шуток).

«Флатландия» была опубликована в 1884 году и повествует о приключениях Квадрата и Сферы. Идея состоит в том, что квадрат плоский, двухмерный, а Сфера круглая и трехмерная, так что, когда они встречаются, Сфере приходится объяснять плоскому Квадрату, что такое третье измерение. То есть каково это иметь помимо длины и ширины еще и высоту. Всю свою жизнь Квадрат жил в одном мире и никогда не высовывал из него носа, а когда высунул, его плоский маленький мозг, естественно, вынесло.

Потом Сфера и Квадрат вместе отправляются в путешествие и посещают одномерный мир, где все жители представляют собой бесконечно тонкие прямые Линии, а потом нулемерный, где живет единственная бесконечно малая Точка, которая вечно сидит на одном месте, напевая себе под нос и понятия не имея, что бывает нечто другое.

После этого они пытаются понять, что представляет собой четырехмерный мир. На этом месте мой мозг сдался, и я решил пойти в бассейн.

Тут вы могли встрять в мой рассказ и сказать: «Эй, чувак. (Меня зовут Марк.) Ладно, Марк. Если один день повторяется снова и снова, и каждое утро автоматически начинается заново, и все остается ровно как было, ты же мог делать что угодно, так? Конечно, можно пойти в библиотеку, но еще, например, можно пойти в библиотеку голым, и это не будет иметь ровно

никакого значения, потому что на следующий день это будет стерто, как рисунок в „Волшебном экране“. Можно было бы ограбить банк или залезть на грузовой поезд, или сказать всем, что ты о них на самом деле думаешь. Можно делать что угодно!»

Теоретически так оно и есть. Но, по правде говоря, в такую жару у кого найдется энергия на все это? Мне хотелось только сидеть в помещении с кондиционером и читать книги.

К тому же, знаете, всегда есть мизерный шанс, что однажды это не сработает, заклинание рассеется так же внезапно и необъяснимо, как появилось, и я проснулся пятого августа, столкнувшись с необходимостью разбираться с последствиями всей той безумной фигни, которую я только что натворил.

Итак, как я уже говорил, я отправился в бассейн. Это важно, потому что именно там я познакомился с Маргарет, а это в свою очередь важно потому, что после нашей встречи все изменилось.

Наш районный бассейн называется Пэйн-Рок. Там есть секция с дорожками, лягушатник и водяная горка, которая иногда даже работает, а также целая куча шезлонгов, где родители валяются и загорают, как стая моржей на берегу. (Или моржов? Почему нельзя сказать моржов? Вот о таких вещах у меня было время подумать.) Сам бассейн был сделан из невероятно грубого старого бетона, который сдерет с вас всю кожу, если вы на него упадете (и я не шучу).

Серьезно. Я тут вырос и падал в этом бассейне несколько тысяч раз. Эта штука живого места на вас не оставит.

Над всей территорией бассейна нависают огромные сосны, а значит, все вокруг усеяно сосновыми иголками и тонким слоем канареечно-желтой сосновой пыли. Если подумать, это следы того, как сосны занимаются сексом. Я предпочитаю об этом не думать.

Я заметил Маргарет, потому что она явно выделялась на общем фоне.

То есть сначала я обратил на нее внимание, потому что она была ни на кого не похожа. Большинство посетителей Пэйн-Рок приходили сюда регулярно и жили по соседству, но ее я никогда раньше не видел. Она была высокая, не ниже меня, сантиметров 178, худая и очень бледная, с длинной шеей, маленьким круглым личиком и густыми черными кудряшками. Она не была красива в общепринятом представлении – в смысле, таких не увидишь в кино или по телевизору. Но знаете, бывают такие люди, причем у каждого свои, на которых смотришь и не можешь оторвать глаз, и чувствуешь себя в десять раз живее, чем секунду назад, будто ты струна арфы, которую только что тронули?

Так вот для меня Маргарет была именно таким человеком.

Но и помимо этого было в ней что-то, чем она выделялась.

Первое правило временной петли состояло в том, что все вели себя совершенно одинаково каждый день, если только я не вступал с ними в контакт и не влиял на их поведение. Все принимали ровно те же самые решения и совершали те же самые действия. Это распространялось и на неодушевленные предметы: мячи отскакивали, капли капали, монетки падали в точности так же, как и в прошлый раз. Это наверняка нарушает какой-нибудь фундаментальный закон квантовой случайности, но, эй, с фактами же не поспоришь.

Так что каждый раз, как я приходил в бассейн, скажем, в два часа дня, я мог быть уверен, что каждый раз все будут находиться ровно на тех же местах и делать ровно то же самое. Это в каком-то смысле успокаивало. Никаких сюрпризов. Это, пожалуй, даже позволяло мне почувствовать некоторое могущество: я в буквальном смысле знал будущее. Я, царь и бог королевства Четвертого августа, совершенно точно знал заранее, кто и что будет делать!

Вот почему я бы в любом случае заметил Маргарет, даже если бы она не была Маргарет: ее я раньше никогда не видел. Она была новым элементом. Вообще-то, впервые увидев ее, я не мог в это поверить. Я подумал, что, возможно, какие-то мои действия в течение дня запустили

эффект бабочки, из-за которого эта девушка пришла в бассейн, хотя раньше никогда этого не делала. Но я не понимал, что же я такого сделал. Я не мог решить, сказать ли ей что-нибудь, а к тому моменту, как решил, что надо бы, она уже ушла. А на следующий день ее не было. И через день тоже.

В конце концов я решил об этом забыть. У меня ведь есть собственная жизнь. Мне есть чем заняться. Я мог лопать сколько угодно мороженого и не толстеть. Еще у меня была идея, что, имея неограниченный запас времени, я мог бы найти лекарство от рака. Правда, проведя за этим занятием несколько дней, я начал думать, что, возможно, у меня недостаточно ресурсов, чтобы изобрести лекарство от рака, даже при бесконечном запасе времени.

К тому же я и на сотую долю не так умен, как требует эта задача. Ну и вообще к этому всегда можно будет вернуться позже.

Но когда Маргарет появилась во второй раз, я твердо решил не упустить ее. К тому моменту я наблюдал тот же самый день у бассейна уже раз двадцать, и мне начинало надоедать. Нет покоя голове в венце. Я был готов к чему-нибудь неожиданному. Беседы с незнакомыми красивыми девушками нельзя назвать моей сильной стороной, но дело казалось важным.

К тому же, если я скажу какую-нибудь глупость, на завтра она просто об этом забудет.

Сперва я немного понаблюдал за ней. Одной из особенностей четвертого августа в бассейне Пэйнт-Рок было то, что каждый день в 14.37 один из ребят, игравших с теннисным мячом, закидывал его так далеко, что его нельзя было не только поймать, но и достать, потому что он перелетел через ограду, за которой была глубокая канава с крутым каменистым склоном, а за ней – шоссе 128. Все, что попадало за эту ограду, возвращению не подлежало.

Но не сегодня, потому что тут в дело включилась Маргарет: одетая в купальный топ, джинсовые шорты и соломенную шляпку, она расслабленной, и я бы даже сказал, ленивой походкой, прошла вдоль бассейна, и когда мальчишка бросил мяч, привстала на цыпочки, подняла длинную стройную руку, продемонстрировав еще более бледную бритую подмышку, и поймала мяч. Даже не взглянув на него, она бросила его обратно в бассейн и пошла дальше.

Как будто она точно знала, что это произойдет. Мальчишка смотрел ей вслед.

– Спасибо, – сказал он, странным образом почти в точности копируя интонации Апу из «Симпсонов». – Давай еще!

Я увидел, как двигаются ее губы. Она произнесла то же самое: «Спасибо, давай еще», прямо одновременно с ним. Как будто они читали эти слова по одному сценарию. Она уселась на шезлонг и откинула спинку до конца, потом передумала и слегка приподняла ее. Я подошел к ней и уселся на соседний. Да, вот такой я крутой.

– Привет.

Она повернула голову, заслоняя глаза от солнца. Вблизи она была еще красивее и еще сильнее зашипнула струну моей арфы. На переносице у нее была целая россыпь веснушек.

– Привет, – ответила она.

– Привет. Я Марк.

– Ясно.

Она как будто присудила мне очко: ну ладно, тебя и правда могут звать Марк.

– Слушай, не знаю, как бы это лучше сказать, – начал я, – но ты случайно не оказалась во временной аномалии? Вот прямо сейчас? Как будто со временем что-то не так?

– Я в курсе, что такое временная аномалия.

Солнце сверкало на сапфировой поверхности воды. Люди что-то кричали.

– Я имею в виду, что...

– Я знаю, что ты имеешь в виду. Да, со мной тоже это происходит. Повторяющиеся дни. День.

– Ой. Ни фиги себе! – На меня нахлынула огромная волна облегчения. Этого я никак не ожидал. Я откинулся на спинку шезлонга и на секунду закрыл глаза. Кажется, я даже рассмеялся. – Ни фиги себе. Ни фиги себе.

Видимо, до этого самого момента я не сознавал, насколько напуган, насколько одинок в своих переживаниях. Да, я весьма неплохо проводил время, но в то же время я уже начинал думать, что останусь в четвертом августа навсегда и никто кроме меня не будет об этом знать. Никто в это не поверил бы. А теперь это хотя бы знает еще кто-то.

Хотя она, похоже, была далеко не в таком восторге, как я. Я бы даже сказал, вид у нее был слегка скучающий.

Я вскочил на ноги.

– Меня Марк зовут, – снова представился я, забыв, что уже это делал.

– Маргарет.

Я зачем-то пожал ей руку.

– Это безумие какое-то, правда? Я сначала не мог в это поверить. В смысле, ты вот можешь реально в это поверить? – Меня понесло. – Это же какая ерунда? Правда? Магия какая-то. Просто с ума сойти можно. – Я сделал глубокий вдох. – Тебе попадался кто-нибудь еще, кто знает?

– Неа.

– Есть идеи, почему это происходит?

– Откуда мне знать?

– Не знаю. Не знаю! Прости, я немного не в себе. Я просто так рад, что ты тоже в курсе. Не в смысле рад, что ты тоже застряла во времени, но, черт возьми, я думал, я такой один! Прости. Мне надо пару минут, чтобы успокоиться. – Еще один глубокий вдох. – И чем ты занималась все это время? Помимо бассейна.

– В основном смотрела кино. И училась водить. Я решила, какая разница, если я разобью машину, все равно наутро все починится.

Я никак не мог понять, что она за человек. Конечно, я был в истерическом состоянии, а она совсем наоборот. На удивление спокойна. Как будто она меня ждала.

– И как? – спросил я. – Разбила машину?

– Вообще-то да. И еще наш почтовый ящик сбила. С задним ходом у меня все еще проблемы. Мама ужасно разозлилась, но ночью вселенная перезагрузилась, и она все забыла, так что не страшно. А ты что делал?

– В основном читал.

Я рассказал ей про свой проект в библиотеке. И про идею с лекарством от рака.

– Ух ты, я про это даже не подумала. Видимо, я недостаточно масштабно мыслю.

– Я не очень-то далеко продвинулся.

– И все-таки. Попытка засчитывается.

– Может, надо начать с чего попроще, типа грибка?

– Или конъюнктивита.

– Во-во.

Мы с минуту сидели в молчании. Вот, пожалуйста: мы – последние парень и девушка на земле, а нам не о чем поговорить. Меня все время отвлекали ее длинные ноги в шортах. На руках у нее ногти были не покрашены, а на ногах покрыты черным лаком.

– Значит, ты тут новенькая? – спросил я. – Недавно переехала?

– Пару месяцев назад. Мы живем в новом жилом комплексе на Тидд-Роуд, по ту сторону шоссе. Вообще-то мне не положено сюда ходить, раз это не мой район, но папа все устроил. Слушай, мне надо идти.

Она встала. Я тоже. Это мне еще предстояло узнать о Маргарет: даже при бесконечном запасе времени ей все время надо было куда-то идти.

– Можешь мне дать свой телефон? – попросил я. – В смысле, ты меня, конечно, не знаешь, но мне кажется, нам нужно быть на связи. Может, попытаемся разобраться во всем этом. Возможно, оно само пройдет, а может, и нет.

Она задумалась.

– Хорошо. Диктуй свой номер.

Я продиктовал. Она написала мне сообщение, чтобы у меня сохранился ее номер. В сообщении было написано «Это я».

Пару дней я ничего не писал Маргарет. У меня сложилось впечатление, что она дорожит своим личным пространством и вообще не особо рада перспективе провести вечность с таким безусловно придурковатым типом, как я. Я не из тех неисправимых ботанов, которые презирают сами себя, и вполне комфортно себя чувствую в своем социальном статусе. Но я прекрасно понимаю, что не каждый сочтет меня идеальной компанией для совместного проведения бесконечного количества времени.

Это продолжалось до четырех часов пятого дня П.М. (после Маргарет).

Именно в четыре часа повторяемость всего начала меня раздражать. В библиотеке все тот же старик ковылял к абонементному столу на своих ходунках. Тот же служащий библиотеки прошел мимо меня с той же скрипучей тележкой. Та же женщина с аллергическим насморком, безостановочно чихая, спорила насчет штрафа за не вовремя сданную книгу. Та же четырехлетняя девчонка закатила форменную истерику, после чего ее волоком вытащили из здания.

Проблема была в том, что окружающая действительность начинала казаться все менее реальной: бесконечное повторение будто высасывало ощущение реальности из всего. Все становилось менее значимым. Было прикольно все время делать то, что душе угодно, без всякой ответственности, но дело в том, что люди вокруг начинали казаться не совсем настоящими людьми, с реальными мыслями и чувствами, хотя я и знал, что это не так. Они все больше напоминали живых роботов.

Так что я написал Маргарет. Маргарет не была роботом. Она была настоящей, как и я. Бодрствующий в мире лунатиков.

«Привет! Это Марк. Как дела?»

Прошло минут пять, прежде чем она ответила. К тому моменту я снова взялся за «Ресторан в конце Вселенной» Дугласа Адамса.

«Не жалуюсь».

«А мне становится угрожающе скучно. Ты в бассейне?»

«Я училась водить. Заехала на тротуар. Сбила еще один почтовый ящик».

«Ох. Хорошо, что время сломалось».

«Точно».

Мне показалось, что на этом разговор закруглился, и я не ждал от нее новых сообщений, но минуту спустя на экране замигали три точки, свидетельствующие, что она пишет что-то еще.

«Ты в библиотеке?»

«Ага».

«Я заскочу мин через десять».

Стоит ли говорить, что этот поворот событий превзошел все мои ожидания. Я подождал ее на крыльце. Она приехала на серебристом «Фольксвагене»-универсале с полосой оранжевой краски на пассажирской двери.

Я был так рад, что мне захотелось ее обнять. Меня это снова удивило. Такое облегчение, что не нужно больше притворяться, что я не знаю, что будет дальше, что всего этого не было раньше, что я не пытаюсь всеми силами убедить себя, что что-то в этом мире имеет значение. Возможно, когда влюбляешься, всегда так: обнаруживаешь человека, который понимает то, чего никто больше не понимает: что мир сломан и его никак нельзя починить. Можно перестать притворяться, хотя бы ненадолго. Вы оба можете это признать хотя бы друг перед другом.

А может, это и не всегда так. Не знаю. Со мной такое случалось только однажды. Маргарет вышла из машины и села рядом со мной.

– Привет.

– Привет, – ответил я.

– Ну как, попадались хорошие книги в последнее время?

– Вообще-то да, но об этом потом. Смотри-ка.

Столкновение происходило каждый день, на этом самом месте. Я его видел уже по меньшей мере раз пять. Парень, уставившийся в телефон, идет навстречу другому парню, тоже уткнувшемуся в телефон и с собакой на поводке, маленькой таксой. Поводок запутывается между ног у первого парня, и тот размахивает руками, как мельница, и подпрыгивает на месте, чтобы удержать равновесие, отчего его ноги запутываются еще больше. Собака носится вокруг как бешеная.

Все прошло идеально – как всегда. Маргарет расхохоталась. Тогда я впервые увидел, как она смеется.

– А он когда-нибудь падает?

– Я никогда не видел, чтобы он падал. Однажды я им крикнул: «Берегись, такса!» И он на меня так посмотрел – типа, да ладно, конечно, я видел парня с таксой. Уж конечно, я бы на них не наткнулся! Так что теперь я просто смотрю. К тому же, по-моему, собака от этого просто в восторге.

Мы наблюдали за проезжающими машинами.

– Хочешь поводить машину?

– Не знаю, – я решил поломаться. Вот такой я ловкий обольститель. – Судя по твоим словам, это не самое безопасное занятие на свете.

– Ну что я могу сказать, жизнь полна неожиданностей, – Маргарет уже пошла к машине. – Не наша, конечно. Но жизнь в целом – да.

Мы садимся в машину. Там пахнет Маргарет, даже еще более насыщенно. Мы катаемся по центру Лексингтона мимо псевдостаринных магазинчиков.

– И вообще, – говорит она, – если даже мы погибнем в куче металлолома, наутро мы, вероятно, воскреснем.

– *Вероятно* – вот это меня и пугает.

– Вообще я об этом думала, и я почти уверена, что мы бы воскресли. Другие-то воскресают. Представь, сколько людей умирает в мире каждый день. Если бы они все не воскресали, они бы оставались мертвыми, когда мир перезагружается. Они бы исчезли, стерлись или что-то в этом роде. В любом случае, кто-нибудь бы заметил. Следовательно, они воскресают.

– А потом снова умирают. Черт, кому-то приходится умирать снова и снова. Интересно, сколько таких?

– Сто пятьдесят тысяч, – сказала она. – Я посмотрела в интернете. Столько людей в среднем умирают в день.

Я попытался представить себе этих людей. Тысяча человек стоят в ряд и строем бросается со скалы. И таких рядов – сто пятьдесят.

– Ох, а представь, если это очень болезненная смерть? – сказал я. – Или просто очень паршивый день, когда тебе плохо. Или тебя увольняют. Или кто-то тебя бросает. И тебя бросают снова и снова. Это же ужасно. Seriously, мы должны как-то это исправить.

Она, похоже, не заинтересовалась таким ходом мысли. Вообще при этих словах у нее сделалось каменное лицо, и я задумался – а может, и для нее четвертое августа не такой простой день, как для меня?

– Прости, это было немного депрессивно, – сказал я.

– Да уж, – ответила она. – Но, наверное, и много хорошего происходит снова и снова.

– Вот это правильный настрой.

Мы доехали до окраины города. Городок у нас небольшой. Маргарет свернула на шоссе 2.

– Куда мы едем? – спросил я.

– Да так, никуда.

Как всегда, стояла удушающая жара и шоссе было забито машинами.

– Раньше я слушала радио, – сказала она, – но меня уже тошнит от одних и тех же песен.

– Интересно, далеко этот эффект распространяется? В смысле, это только Лексингтон попал во временную петлю или вся планета? Или вся вселенная? Наверное, должна быть вся вселенная. Черные дыры, квазизвезды, экзопланеты и все такое выстраивается заново каждый день, а мы в эпицентре всего. И мы – единственные существа во вселенной, которые об этом знают.

– Несколько эгоцентричный подход, тебе не кажется? – сказала она. – Уж наверняка парочка инопланетян тоже в курсе.

– Возможно.

– Вообще я подумала, если это происходит только здесь, то, может, стоит отъехать достаточно далеко, и мы выйдем из этой зоны, и время снова пойдет вперед?

– Стоит попробовать, – сказал я. – Типа сесть в машину, вжать по газам и проверить, что будет.

– Я скорее думала сесть на самолет.

– Или так.

Хотя, если быть честным, в данный момент мне так нравилось просто ехать в машине с Маргарет, что я не был уверен, что хочу, чтобы время снова заработало как положено. Я был бы не против повторить эти пять минут пару сотен раз. Она свернула с шоссе.

– Я соврала. Насчет того, куда мы едем. Хочу тебе кое-что показать.

Она въехала на парковку. Под колесами зашуршал гравий. Я знал, где мы – на парковке у водохранилища Вачусет. Папа часто возил меня сюда в детстве и учил рыбачить. Водохранилище кишит рыбой. Правда, достигнув пубертата, я стал сочувствовать рыбам и перестал этим заниматься.

Маргарет глянула на часы.

– Черт. Побежали, а то все пропустим.

И она действительно пустилась бегом по редкому сосновому лесу вокруг водохранилища. Она бегала быстро – ох уж эти длинные ноги, – и мне не удавалось ее догнать, пока она вдруг не остановилась в нескольких ярдах от песчаного пляжа. Она положила руку мне на плечо. Это был первый раз, когда она ко мне прикоснулась. Я помню, во что она была одета: в старую оранжевую футболку, выцветшую до бледно-персикового цвета, с логотипом летнего лагеря. Пальцы у нее оказались неожиданно холодными.

– Смотри!

Вода сверкала золотыми вкраплениями предзакатного солнца. Вокруг было тихо, хотя где-то вдалеке слышался шум шоссе.

– Я ничего не...

– Погоди. Начинается.

И началось. С неба спикировал ястреб – стремительный и опасный сгусток темных перьев. Он резко вошел в воду, некоторое время судорожно хлопал крыльями, разбрызгивая вокруг россыпи искристых капель, а потом снова взмыл в небо с блестящей извивающейся рыбой в когтях и улетел прочь.

Душный летний вечер снова стал тихим и пустынным. Все действие заняло от силы секунд двадцать. Но это заставило меня вспомнить, что даже день, который ты прожил уже пятьдесят раз, способен удивлять. Маргарет повернулась ко мне.

– Ну как?

– Ну как?! Это было потрясающе!

– Правда же? – ее улыбка сама по себе способна была остановить время. – Я случайно увидела это на днях. В смысле, сегодня. Ну, ты понимаешь. В другой раз.

– Спасибо, что показала. Так каждый раз происходит?

– Всегда в одно и то же время – 4.22 и тридцать секунд. Я уже три раза смотрела.

– Ради такого почти не жаль застрять во времени.

– Почти. – Тут от какой-то мысли ее улыбка погасла. – Почти не жаль.

Маргарет высадила меня у библиотеки – я оставил там свой велосипед, – и на этом мы распрощались. Я не стал звать ее на свидание, ничего такого. Я решил, достаточно того, что она застряла во времени вместе со мной. Не то чтобы нам было куда друг от друга деться. Мы, как две жертвы кораблекрушения – только застряли не на необитаемом острове, а во времени.

Но, будучи человеком выдающейся силы воли, я написал ей только через два дня.

«Нашел еще одно. Встречаемся у заднего входа в библиотеку, где парковка, в 11.37.12».

«Еще одно что?»

«Еще одно. Приходи».

Она не ответила, но я все равно ждал ее, на всякий случай. Больше мне все равно было нечем заняться. И она приехала – ее громоздкий универсал вырулил на парковку в 11.30. Она остановилась в тени.

– Что это? – спросила она. – Что-то вроде ястреба?

– Говори тише, не хочу все испортить.

– Что испортить?

Я показал.

У заднего входа в библиотеку были бетонные ступеньки, которые вели на парковку. В ступеньках не было ничего необычного, но у них было некое загадочное пифагорейское свойство, манившее четырнадцатилетних скейтеров, как магнит притягивает металлическую крошку. Они слетались туда как стервятники на свежий труп. Они, наверное, начинали сюда приходить, как только просохнет асфальт.

– Это оно и есть? – спросила она. – Скейтеры?

– Просто смотри.

Подростки по очереди съезжали со ступенек, падали, поднимались пешком по рампе для инвалидов колясок и снова становились в очередь. И так без конца.

– Ну ладно, – сказал я. – Замечаешь что-нибудь особенное в этих скейтерах?

– В каком смысле? – Маргарет была явно заинтригована.

– Что у них у всех общего?

– Что, как это ни парадоксально, хотя скейтбординг – смысл их жизни, у них ни черта не получается?

– Вот именно! – ответил я. – Железный закон скейтбордистов всего мира – никому не удается тот трюк, который они все пытаются проделать. А теперь смотри.

Один из скейтбордистов подъехал к верхней ступеньке, согнул колени, прыгнул, и его скейтборд покати́лся под кривым углом без него. За ним поехал следующий. Потом еще один.

Я сверился с часами. 11.35.

– Еще две минуты, – сказал я. – Прости, я думал, ты задержишься. Как вообще дела?

– Неплохо.

– Как вождение?

– Отлично. Мне нужна новая задачка. Нечто среднее между жонглированием и электро-механикой.

– Надо мыслить практично. Будущее за жонглированием.

– Разумный выбор.

Очередная девчонка-скейтерша покатила вниз и едва не переломала себе ноги, но успела перевернуться и поднялась на ноги целая и невредимая. Следующий в очереди струсил, не добравшись даже до верхней ступеньки.

– Так, еще двое, – мимо. – Еще один, – мимо. – Ну вот! Представление начинается!

Следующим в очереди был круглолицый полноватый парнишка с плотной шапкой темных волос, который на наших глазах уже несколько раз потерпел неудачу. Лицо его выражало решимость. Он оттолкнулся, обрел равновесие, приготовился, пригнулся, доехал до ступенек и прыгнул.

Скейт перевернулся один раз и идеально приземлился на перила. Seriously, это было как в видеоигре. Трюк, достойный Всемирных экстремальных игр. Пацан, широко расставив руки, проскользил на скейте по всей длине перил, десять футов за одну долгую секунду. Когда я увидел это впервые, я думал, на этом все. Он сделал все идеально, его имя навсегда войдет в историю. Но нет, ему этого было мало. Он хотел забрать себе все лавры: переворот на 360 градусов.

С удивительной для своего рыхлого телосложения ловкостью он соскочил с перил, завис в воздухе, пока скейт крутился вокруг своей оси, и – бам! – приземлился на него обеими ногами. И устоял.

Он устоял! Скейт так прогнулся под ним, будто вот-вот сломается, но он твердо стоял на ногах и выпрямился... А его лицо! Он не мог в это поверить. Это было счастливейшее выражение, на какое анатомически способно человеческое лицо.

– Фига! – он вскинул к небу оба кулака. – Ну ни фига ж себе!

Скейтеры посыпались со ступенек и обступили его со всех сторон. Это был счастливейший момент в его жизни – и, вполне возможно, таковым и останется.

– Ну скажи, что это того стоило, – обратился я к Маргарет.

Она торжественно кивнула. Она смотрела на меня иначе, чем прежде. Казалось, теперь она действительно меня видела, впервые за время нашего знакомства.

– Это того стоило. Ты был прав. Это совершенное мгновение.

– Как ястреб.

– Как ястреб. Пойдем, съедим что-нибудь дорожное и вредное.

Мы съели самое ужасающе жирное, что смогли найти, – чизбургеры с двойным сыром и двойным беконом. Именно в тот день нам пришла в голову идея составить карту совершенных мгновений.

Трудно искать в повседневной рутине вещи, которыми можно насладиться, – и это в обычной жизни, где каждые двадцать четыре часа вам дается совершенно новый день. Наше же положение было еще сложнее, потому что нам приходилось иметь дело с одним и тем же днем, ресурсы которого уже были на исходе.

Так что мы решили подойти к делу серьезно. Ястреб и скейтеры – это только начало. Нашей целью было найти все до единого совершенные мгновения, какие могло предложить это конкретное четвертое августа. Более того: это должны быть моменты, когда заурядный уголок повседневной реальности под давлением случая превращается в восхитительный бриллиант. Чтобы не сойти с ума, нам нужно найти их все. Мы добудем из шахты четвертого августа каждую крупину совершенства, которая в нем скрыта.

– Надо быть супервнимательными, – сказала Маргаретю – Сосредотачиваться на настоящем. Не просто жить, а быть суперживыми.

Кроме того, нам нужно было быть суперорганизованными. Мы купили шикарную перьевую ручку и большую складную карту Лексингтона, и разложили ее на столе в библиотеке. Маргарет нашла то самое место у водохранилища и пометила его: «Ястреб». И приписала внизу выпендрожными фиолетовыми чернилами: 16.32.30 (в 24-часовом формате выглядит более официально). На месте, где находятся ступеньки библиотеки, я написал «11.37.12. Скейтеры».

Мы отодвинулись, любуясь своей работой. Начало положено. Мы команда: Марк и Маргарет против вселенной.

– Ты же понимаешь, что, когда утром мир перезагрузится, с карты все сотрется? – спросила она.

– Придется запоминать. И рисовать все заново каждый день.

– И как их искать? Совершенные мгновенья?

– Не знаю, – ответил я. – Просто смотреть во все глаза, наверное.

– Жить сегодняшним днем.

– Только потому, что это клише, оно не перестает быть правдой.

– Может, работать по секторам? – предложила она. – Поделить город на участки, распределить их между собой и обследовать каждый из них в каждый час, чтобы ничего не упустить.

– А можно просто бродить по городу.

– Тоже неплохо.

– Знаешь, что мне это напоминает? – сказал я. – Ту карту из «Бандитов во времени».

– Понятия не имею, что это значит.

– Да боже мой! Если вселенная остановилась только для того, чтобы я показал тебе «Бандитов во времени», это того стоило!

Потом я начал объяснять ей про четвертое измерение из «Флатландии», но оказалось, что я ее недооценивал: она не только читала «Флатландию», но и, в отличие от меня, поняла смысл. Так что в итоге она стала объяснять мне.

– Мы живем в трехмерном пространстве, так?

– Пока понимаю.

– А теперь посмотри на наши тени, – сказала она. – Они плоские. Двухмерные. У них на одно измерение меньше, чем у нас, а в двухмерном пространстве тенью плоского предмета будет одномерная линия. У теней всегда на одно измерение меньше, чем у предметов, которые их отбрасывают.

– Все еще понимаю. Вроде бы.

– Так что, если хочешь представить себе четвертое измерение, просто представь нечто, что отбрасывает трехмерную тень. Мы как бы тени четырехмерных существ.

– Ух ты, – мой крошечный плоский мозг взорвался, точь-в-точь как у бедного Квадрата. – Я думал, четвертое измерение – это время.

– Ага, но оказалось, что это все выдумки. Кто-то даже разработал модель четырехмерного куба. Называется гиперкуб. Давай нарисую. Только делай скидку на то, что мой рисунок всего лишь двухмерный.

Я это учел. Вот что она нарисовала:

Я долго пялился на рисунок. Выглядел он не очень-то четырехмерным, но, с другой стороны, что я в этом понимаю?

– Как думаешь, – спросил я, – может, вся эта временная петля – дело рук четырехмерных существ, которые могут манипулировать пространством и временем трехмерного мира? Что, если они могут свернуть нашу вселенную в петлю так же легко, как мы сворачиваем бумажку в ленту Мебиуса?

Маргарет сжала губы, восприняв мою идею куда серьезнее, чем она того заслуживала.

– В таком случае я была бы немного разочарована, – наконец сказала она. – Хочется думать, что у них есть дела поинтереснее.

Два дня спустя она написала мне.

«Угол Хестон и Гранд, 7.27.55».

Я пришел туда в 7.20 на следующее утро, захватив с собой кофе. Она уже была на месте.

– Ты рано встала, – заметил я.

– Я вообще не спала. Хотела проверить, не происходит ли чего странного ночью.

– Странного в каком смысле?

– Ну, ты понимаешь. Я хотела не проспать тот момент, когда мир откатывается назад.

Удивительное дело, сам я никогда этого не пробовал. Я всегда в этот момент спал. Наверное, я скорее жаворонок.

– Ну и как?

– Это ужасно странно. Каждый день должен начинаться в точности одинаково, так что, если ты проснулся утром четвертого августа в собственной постели – что, я предполагаю, ты и сделал, если только я тебя не недооцениваю...

– Не недооцениваешь.

– Так вот, если в первый раз ты проснулся в своей постели, то и в остальные разы должно быть то же самое, чтобы день начался точно так же. А это значит, если ты не в постели к полуночи, ты автоматически там оказываешься. Только что я сидела на полу, играя в телефон, а в следующий момент свет погас, и я уже под одеялом. Как будто какая-то невидимая космическая нянька уложила меня в постель.

– И правда, очень странно, – согласился я.

– К тому же в полночь дата в телефоне не меняется.

– Точно.

– Ну, это не так уж и странно.

– Так чего мы ждем?

– Не хочу портить эффект, – сказала она. – Мне кажется, это должно быть частью правил игры. Надо смотреть свежим взглядом.

Перекресток улиц Хестон и Гранд довольно оживленный – во всяком случае, достаточно оживленный, чтобы там поставили светофор. Странно было наблюдать за ним в час пик – все спешат на работу, озабоченные и сосредоточенные, со своими фрапуччино в подставках для стаканчиков. Торопятся делать все то же самое, что делали вчера, и что в полночь сведется на нет. Торопятся зарабатывать деньги, которые они, сами того не сознавая, ночью вернут обратно.

7.26.

– Не знаю, почему я так нервничаю, – сказала Маргарет. – В смысле, оно же все равно должно случиться.

– Оно случится. Что бы это ни было.

– Ладно, жди, пока поток машин не прервется. О, вот оно.

Где-то выше по дороге переключился светофор, и дорога опустела. С боковой улочки свернул одинокий черный «Приус» и остановился на светофоре прямо напротив нас.

– Это оно?

– Ага. Смотри, кто за рулем.

Я прищурился. Водитель показался мне смутно знакомым.

– погоди. Это не?...

– Почти уверена, что именно он.

– Это же этот, как его, Харви Дент из «Темного рыцаря»!

– Нет, – терпеливо возразила она, – это не Аарон Экхарт.

– погоди. Сейчас я вспомню, – я пару раз щелкнул пальцами. – Это тот чувак, которому отрубили голову в «Игре престолов»!

– Точно!

Это был Шон Бин. Самый настоящий Шон Бин, актер. Заметив, что его узнали, он улыбнулся своей фирменной кривоватой ухмылкой и помахал нам рукой. Включился зеленый свет, и он поехал дальше.

Мы смотрели ему вслед.

– Странно видеть его с головой на плечах, – сказал я.

– Это да. Ну так что думаешь?

– Мне он больше понравился в роли того чувака, которого стошнило в «Ронине».

– Я имею в виду, что ты об этом думаешь? Достойно карты?

– О, определенно. Давай запишем.

Мы пошли к ней домой, заново нанесли отметки на карту и стали смотреть «Бандитов во времени», которых она так и не видела. Ее родителей дома не было: мама тем утром уехала в командировку, а папа навсегда застрял на йога-курорте.

Но она утомилась, поскольку не спала всю ночь, так что заснула на диване через пять минут после начала фильма – еще до того, как появились гномы. Еще до того, как мальчишка понял, что живет в волшебном мире.

Все это напоминало масштабную охоту за пасхальными яйцами. Следующее тоже нашла Маргарет: маленькая девочка делала мыльные пузыри штукой с двумя палочками и кольцом из лески, и один получился огромным, но, против обыкновения, не лопался. Он был размером почти с нее и полетел над Лексингтон-Грин, колыхаясь, как гигантская прозрачная амеба, двигаясь все дальше и дальше, так что уже невозможно было поверить, что он до сих пор не лопнул. Наконец он пересек тротуар и завершил свою жизнь, натолкнувшись на припаркованную машину.

Я нашел еще одно совершенное мгновение два дня спустя: одинокое облако почти целую минуту висело над перекрестком Хэнкок и Грин в форме знака вопроса. Абсолютно идеального. Как будто его кто-то напечатал в небе.

Пять дней спустя Маргарет заметила, как на светофоре остановились одна за другой две машины, с номерами 997 ЧУ и ДО 799. На следующий день я нашел в поле за зданием своей начальной школы четырехлистный клевер, но его мы дисквалифицировали: это не совсем мгновение, так что не считается.

Но в тот же вечер, около восьми часов, я катался на велосипеде по улицам и вдруг увидел одинокую женщину. Лет тридцати, плотного телосложения, одета как секретарша в риелторской конторе. Видимо, ей кто-то написал сообщение, потому что она вдруг остановилась как вкопанная, уставившись в телефон. На одну ужасную секунду она согнулась, усевшись на корточки, и закрыла глаза рукой, будто новость так ее оглушила, что она не могла устоять на ногах.

Но потом она снова выпрямилась, вскинула вверх кулак и побежала прочь, во весь голос распевая песню «Eye of the Tiger». Голос у нее, кстати, был что надо. Я так и не выяснил, что было в том сообщении, но это и не важно.

Это мгновение было хрупким: в первый раз, когда я показывал его Маргарет, мы в итоге отвлекли женщину, и она даже не заметила сообщение. Во второй раз она его прочла, но, видимо, не захотела петь при нас. В итоге нам пришлось спрятаться за живой изгородью, чтобы Маргарет увидела эту сцену во всей красе.

Мы записывали все увиденное. «Кошка на качелях (10.24.24)». «Эрудит (14.01.55)» – какой-то парень во время игры в парке составил слово «эхинацея» и попал на клетку утروения очков за слово. «Мальчик улыбается (17.11.55)» – он просто сидел и улыбался чему-то: это надо было видеть, чтобы понять.

Мы не только коллекционировали совершенные мгновения, но и занимались всякими другими вещами, никак с этим не связанными. Устраивали конкурсы: кто соберет больше всего наличных за день, не заходя в банк (я выиграл, продав мамину машину в интернете, пока она была на работе. Прости, мам!) Кто за один день научится делать что-нибудь новое (тоже я: очень паршиво сыграл рождественский гимн на саксофоне, а она весь день безуспешно пыталась освоить одноколесный велосипед, с каждой попыткой все больше раздражаясь). Кто попадет на телевидение (тут выиграла она: пробралась в местную телестудию, притворившись ста-

жером, а потом «случайно» вошла в кадр во время эфира. К концу дня канал получил столько писем от тех, кому понравилось ее спонтанное выступление, что ей на самом деле предложили поработать стажером. В этом вся Маргарет).

Мне было совершенно безразлично, кто выиграет. При всем сочувствии к остальному человечеству, которому приходилось проживать четвертое августа снова и снова, как заводные игрушки, один бесконечный день, проведенный с Маргарет, мне нравился гораздо больше, чем любой из дней моей жизни до этого. Я был как Квадрат из «Флатландии»: я наконец встретил Сферу, и впервые в жизни поднял глаза и увидел, в каком удивительном, безумном, огромном и прекрасном мире я жил все это время, сам того не сознавая.

Маргарет тоже наслаждалась происходящим, я был в этом уверен. Но для нее все было иначе. Со временем – то есть время-то, конечно, стояло на месте, но вы понимаете, о чем я, – я стал гадать, не происходило ли в ее жизни что-то еще, о чем она не рассказывала, а я не знал, как спросить. Это было заметно по всяким мелочам. Она часто смотрела на телефон. Иногда ни с того ни с сего рассеянно смотрела вдаль. Всегда торопилась куда-то идти. Я в ее обществе не думал ни о чем, кроме нее, но у нее было не так. Ее мир был сложнее.

В конце концов мы все-таки посмотрели «Бандитов во времени». Было здорово, хотя не думаю, что ей понравилось так же, как мне. Возможно, его надо первый раз смотреть в детстве. Но Шон Коннери ей понравился.

– В сценарии, видимо, было написано: «Этого персонажа должен играть актер, похожий на Шона Коннери, но с запросами поменьше», – предположил я. – А потом Шон Коннери прочитал сценарий и сказал: «Я в деле».

– Вот это, наверное, было совершенное мгновенье! Но я не понимаю, почему он возвращается в...

– Молчи! Этого никто не знает. Это одна из величайших загадок вселенной. Запретное знание. Мы не должны даже говорить об этом.

Мы лежали на диване в гостиной у нее дома, где бетонный пол был покрыт тонким ковролином и стеклянная стена выходила в большой сад. Весь предыдущий час я провел, незаметно, нанометр за нанометром, двигаясь вбок по дивану, а потом аккуратно подвинулся так, чтобы прислониться своим плечом к ее, так что мы как бы опирались друг на друга. Казалось, из нее в меня перетекала какая-то сияющая энергия, зажигающая меня изнутри. Мне казалось, я сияю. *Мы* сияем.

Не думаю, что кто-либо в истории кино наслаждался фильмом так, как я в тот вечер «Бандитами во времени». Роджер Эберт за просмотром «Касабланки» не получил бы и десятой доли моего удовольствия.

– Маргарет, можно тебя кое о чем спросить?

– Конечно.

– Ты когда-нибудь скучаешь по родителям? В смысле, я-то со своими могу побыть в любое время, да и вообще, мы с родителями редко проводим много времени вместе. Но ты своих почти не видишь. Это, должно быть, тяжело.

Она кивнула, уставившись на свои коленки.

– Ага. Довольно тяжело.

Тугие кудряшки спадали ей на лицо. Они напомнили мне двойную спираль ДНК, и мне подумалось, что где-то внутри них действительно кроются спиралевидные молекулы, содержащие волшебную формулу этих спиралевидных кудряшек. Формулу Маргарет.

– Хочешь найти их? Мы могли бы успеть выследить их за двадцать четыре часа. Съездить на этот курорт.

– Забудь, – она покачала головой, не глядя на меня. – Просто забудь. Это совсем не обязательно.

– Я знаю, что не обязательно, я просто подумал...

Она все еще не поднимала глаз. Я явно задел какой-то чувствительный нерв, соединенный с чем-то, чего я не понимал. Мне было немного обидно, что она не хочет или не может рассказать, с чем именно. Но ведь она не обязана ничего мне объяснять.

– Ну как скажешь. Я просто хотел бы, чтобы у тебя был более счастливый день. Не знаю, кто выбрал именно этот, но его вкус в этом вопросе весьма сомнителен.

На ее лице мелькнула полуулыбка в буквальном смысле: одна половина рта улыбалась, вторая – нет.

– У кого-то же должен был выдаться плохой день, – сказала она. – В смысле, статистически. Иначе кривая нормального распределения бы сломалась. Я просто играю свою роль.

Она взяла меня за руку – подняла ее с моих колен обеими ладонями и пожала. Я тоже пожал ее руку, стараясь нормально дышать, хотя у меня в груди сердце разорвалось на части уже сотню раз. Все вокруг замерло, и мне даже показалось, будто что-то происходит, будто это *тот самый момент*. Но я тут же все испортил.

– Слушай, – сказал я, – у меня есть одна идея.

– Она не связана с одноколесными велосипедами? Потому что, клянусь тебе, я никогда больше и близко не подойду к этим дьявольским штукам.

– Не думаю.

Я все ждал, что она отпустит мою руку, но она этого не делала.

– Помнишь, у тебя как-то была мысль уехать как можно дальше отсюда, чтобы проверить, где заканчивается зона временной петли? То есть если допустить, что у нее есть определенная зона.

Она не сразу ответила, просто продолжала смотреть в сад, который в сгущающихся сумерках становился все темнее и темнее.

– Маргарет? Ты в порядке?

– Да нет, я помню, – она отпустила мою руку. – Это неплохой план. Надо попробовать. Куда поедет?

– Не знаю. Мне кажется, это не особо важно. Наверное, надо поехать в аэропорт и сесть на самый дальний рейс – в Токио или в Сидней. Но ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Абсолютно. Я в полном порядке.

– Мы не обязаны это делать. И вообще это скорее всего не сработает. Я просто подумал, стоит испробовать все.

– Это точно. Все. Абсолютно все. Только давай не завтра.

– Без проблем.

– Может, послезавтра.

– Когда захочешь.

Она трижды быстро кивнула, будто принимая решение.

– Послезавтра.

Мы не могли отправиться в путь до полуночи из-за эффекта космической няньки, но договорились, что выскочим из постелей, как только пробьет полночь, и она сразу же забронирует нам билеты на рейс «Турецких авиалиний» в Токио, который вылетает из аэропорта Логан в 3.50 утра – это был самый ранний из дальних рейсов, какой нам удалось найти. Это должна была сделать Маргарет, потому что у нее была дебетовая карточка, привязанная к родительскому счету, чего у меня не было. Я обещал вернуть ей деньги, если наш план сработает.

Я потихоньку выбрался из дома и вышел в теплую и пахнущую травой летнюю ночь, и стал ждать ее, подвергаясь нападениям комаров. Луны в небе не было: четвертого августа было новолуние. Маргарет подъехала на машине с выключенными фарами.

Сидеть с ней в машине посреди ночи казалось очень интимным занятием. Пожалуй, из всех наших встреч эта больше всего походила на свидание, и хотя это не было настоящим свиданием, ощущения были фантастические. Мы молчали, пока не выехали на пустое шоссе,

помчавшись по холмистой местности в сторону Бостона, под безразличными и безжизненными взглядами оранжевых натриевых фонарей.

– Если сработает, мои родители решат, что мы сбежали вместе, – сказала она.

– Я про это даже не подумал. Я своим оставил записку, что поехал на автобусе в Бостон на денек.

– Я прямо представляю, как папа снова и снова повторяет, что, если я беременна, ничего страшного, он все понимает, только нужно об этом поговорить.

– Самым странным будет выглядеть, что мы рванули в Токио. С чего бы вдруг?

– Я скажу, что это была твоя идея, – сказала Маргарет. – Что тебе надоело читать манги, привезенные из-за границы, и ты решил отправиться к истокам.

– Так мило, что ты поддерживаешь меня в моих увлечениях.

Мы просто шутили, но я знал – я понял это в тот самый момент, – что я правда влюблен в Маргарет. И я не шутил, я был совершенно серьезен. Я бы сбежал с ней в Токио и при других обстоятельствах, ни секунды не раздумывая, без всякой причины. Но я сказал себе, что не буду ей ничего говорить и не буду ничего предпринимать, пока время не починится. Я не хотел, чтобы она чувствовала, что ей некуда от меня деться. Я хотел, чтобы все было по-настоящему.

Да, и еще я был до смерти напуган. Я никогда раньше не влюблялся. Никогда раньше не ставил на карту свое сердце. И каким бы сильным ни было желание выиграть, страх проиграть был ничуть не меньше.

Глядя из окна на черные деревья на фоне засвеченного фонарями грязно-серого неба, я размышлял, как сильно буду скучать по четвертому августа, если план сработает. Это наш день. День Марка и Маргарет. Бассейн, библиотека, совершенные мгновенья. Может, это безумная затея? Ведь у меня была любовь и было время. У меня было все, и я готов был выбросить это на ветер, и ради чего? Реальной жизни? Ради того, чтобы состариться и умереть, как все остальные?

Но в том-то и дело: все остальные. Все, кто не мог сейчас жить своей жизнью. У них украли все, каждый день их жизни. Мои родители день за днем просыпались и делали одно и то же снова и снова. Затевали свой дурацкий спор из-за машины. Моя сестра разучивала своего Вивальди, не продвигаясь ни на шаг. Имело ли это значение, если они об этом не знали? Мне хотелось думать, что нет. Но я знал, что на самом деле да.

И в глубине души я знал, что мне надоела жизнь без последствий. Жизнь с нулевыми ставками, где ничто не имеет значения, и где наутро все раны затягиваются, не оставляя шрамов. Мне нужно было нечто большее. Я был готов вернуться к реальной жизни. Я был готов отправиться куда угодно, главное, чтобы со мной была Маргарет.

И еще было бы здорово снова увидеть луну.

В столь поздний час в аэропорту было почти пусто. Мы забрали свои билеты у стойки и прошли досмотр. Никаких очередей. 3.50 утра – лучшее время для перелетов. У нас не было багажа, так что мы легко проскочили досмотр и уселись у своего выхода на посадку. Маргарет была не в настроении разговаривать, но положила голову мне на плечо. Она сказала, что устала. И не любит летать.

Через некоторое время я пошел прогуляться по залу ожидания в поисках диетической «колы». Объявили посадку. Мы прошли по трапу вместе с остальными заспанными и помятыми пассажирами.

Нам достались места рядом. Маргарет выглядела все более отрешенной: она погрузилась в себя и сидела, уставившись на спинку кресла перед ней. Казалось, она где-то далеко-далеко, хотя мы и сидели рядом.

– Ты боишься летать? – спросил я. – Потому что знаешь, даже если мы разобьемся, у нас же есть эта штука с реинкарнацией. И вообще, если бы четвертого августа разбился самолет, мы бы об этом слышали.

– Не сглазь.

– Знаешь, отчасти я надеюсь, что это не сработает, потому что иначе окажется, что мы потратили кучу денег. Ты билеты покупала туда и обратно?

Я нес околесицу, как в день нашего знакомства.

– Я об этом даже не подумала, – сказала она. – Хотя, в качестве бонуса, если сработает, мы хотя бы спасем мир.

– Хотя бы так.

Я закрыл глаза. Многочисленные комариные укусы чесались. Мы оба не выспались. Мне нравилась идея заснуть рядом с Маргарет.

– С другой стороны, – сказал я, все еще сидя с закрытыми глазами, – а что, если пятого августа наступит конец света? Что, если в этом все дело? Что, если кто-то нарочно заставил время ходить по кругу, потому что в нас должен был врезаться астероид или что-то в этом роде? И этот кто-то, по сути, спас человечество, навсегда остановив время, хотя и ужасной ценой, а если мы сломаем временную петлю, то приговорим планету к верной гибели?

Она ничего не ответила. Впрочем, это был риторический вопрос. Открыв глаза, я увидел, как стюардессы-турчанки закрывают двери самолета. Я не сразу заметил, что Маргарет больше не сидит рядом со мной. Я подумал, что она вышла в туалет, но когда пошел проверить, суетливые работники «Турецких авиалиний» тут же отправили меня на место.

Пять минут спустя мне пришлось признать: Маргарет сошла с самолета. Наверное, выбежала, пока закрывали двери. У меня зазвонил телефон. Новое сообщение.

«Прости, Марк, я просто не могу. Прости».

Не может чего? Лететь в Токио? Лететь в Токио со мной? Вырваться из временной петли? Что именно? Я начал писать ответное сообщение, но тут стюардесса попросила меня выключить все телефоны и мобильные устройства или перевести их в авиарежим. Для пущего эффекта она повторила все это по-турецки. Я выключил телефон.

Самолет вырулил на взлетную полосу и взлетел. До Токио лететь долго – четырнадцать часов. Я успел трижды посмотреть «Грань будущего».

В итоге план не сработал. Я подождал некоторое время в зоне прилета в аэропорту Нарита (который, кстати, на удивление похож на все остальные аэропорты мира, разве что везде надписи на японском, а торговые автоматы выглядят более футуристично), пока в Массачусетсе не наступила полночь и космическая нянька не дотянулась до меня с другого конца света, уложив меня в мою собственную постель.

Проснувшись утром, я написал Маргарет, но она не ответила. И на следующий день тоже. Я попробовал ей позвонить, но она не брала трубку.

Я не знал, что и думать. Ясно было только одно: она не хочет, чтобы временная петля закончилась, и, какой бы ни была причина, она никак не связана со мной. Мой мир был просто маленьким пузырем, в котором жили только мы с ней, но ее мир был шире. Возможно, у нее был кто-то еще. Это все, до чего я смог додуматься, потому что, конечно, все должно было вращаться вокруг меня. У нее был кто-то другой, кого она не хотела оставить. Мне наша жизнь вместе казалась идеальной, и я не мог представить себе, что захочу чего-то еще. А она могла.

Было больно. Я мельком заглянул в восхитительное третье измерение, а теперь обречен навеки остаться в своем плоском мире.

Впервые мне захотелось стать обычным, одним из тех зомби, которые наутро все забывали и продолжали заниматься своими делами, как будто все происходило впервые.

«Отпусти меня, – умолял я космическую няньку. – Позволь мне забыть. Позволь стать одним из них. Я больше не хочу быть одним из нас. Я хочу быть роботом». Но я не мог забыть.

Я вернулся к своему старому распорядку, снова стал ходить в библиотеку. У меня оставалось два тома «Автостопом по Галактике», а секция А еще далеко не закончилась: впереди были Ллойд Александр и Пирс Энтони, а за ними на очереди – непаханное поле Айзека Азимова. Я проводил в библиотеке весь день, выходя только в 11.37.12, чтобы посмотреть, как скейтер в очередной раз идеально исполняет свою комбинацию.

Вообще, я завел привычку смотреть на парочку совершенных мгновений каждый день, что, очевидно, было легко, ведь мы составили отличную карту. Иногда я заново отмечал их на карте, иногда шел по памяти. Смотрел, как ястреб пикирует за своей рыбой. Махал Шону Бину на углу Хестон и Гранд. Наблюдал, как девочка отпускает в полет гигантский мыльный пузырь. Я всегда надеялся встретить Маргарет, но никогда не встречал. Однако все равно ходил. Это помогало мне грустить, что, видимо, является частью процесса, когда пытаешься кого-то разлюбить. Что мне явно пора было сделать. У меня начало хорошо получаться грустить.

А может, я просто упивался жалостью к себе. Грань тонка.

Однажды я случайно мельком увидел Маргарет. Я знал, что рано или поздно это произойдет, это было вопросом времени (или отсутствия такового). Я проезжал по центру города по дороге в парк, где играли в «Эрудит», как вдруг заметил серебристый «Фольксваген», сворачивающий за угол в квартале от меня. Благороднее было бы ее отпустить, потому что она, очевидно, не хотела иметь со мной ничего общего, но я не стал поступать благородно. Я поступил ровно наоборот. Вжал по газам и свернул за угол как раз вовремя, чтобы увидеть, как она поворачивает направо на проспект Конкорд. Я снова прибавил газу. Следуйте за этой машиной.

Я выехал вслед за ней на шоссе 2, а по нему мы доехали до больницы Эмерсон.

Я не знал, что Маргарет ездила в больницу. Она никогда об этом не говорила. Меня это напугало. У меня внутри все похолодело, и чем ближе мы подъезжали, тем холоднее становилось. Я не мог поверить, каким я был ревнивым болваном. Может, Маргарет больна? Может, она была больна все это время и просто мне не говорила. Не хотела на меня это взваливать. Боже мой, может, у нее рак? Надо было продолжать заниматься поисками лекарства. Может, в этом и заключается смысл всего происходящего? У Маргарет какая-то редкая болезнь, и мы должны вместе найти лекарство, потому что у нас есть сколько угодно времени, и потом она в меня влюбится...

Но нет, дело было не в этом. Дело в другом. Я подождал, пока она пойдет внутрь, припарковался и пошел следом за ней. Слушайте, я знаю, что вел себя как последний придурок, но я просто не мог удержаться. «Пожалуйста, пусть она не будет больна, – умолял я про себя. – Пусть она со мной не общается, пусть не обращает на меня внимания всю оставшуюся бесконечность, только бы она не была больна».

В приемной было тихо и деловито. Маргарет нигде не было видно. Я прочитал таблички у лифта: радиология, хирургия, родильное отделение, центр лечения суставов, травматология... После стольких недель пребывания вне времени странно было оказаться здесь, где столько боли и разрушения. Нет ничего менее вневременного, чем больница.

Я обошел все отделения и наконец нашел ее в онкологии.

Я не стал заговаривать с ней, просто смотрел. Она сидела на банкетке рядом с женщиной в инвалидной коляске, которая была явно слишком молода, чтобы выглядеть такой старой. Лысая и отчаянно худая, она скукожилась в уголке кресла, как сброшенное платье. Голова безжизненно повисла. Маргарет склонилась к ней, тихонько что-то говоря, хотя я не мог понять, в сознании женщина или нет. Ее худые сероватые ладони были зажаты в молодых и полных жизни руках Маргарет.

Больна была не Маргарет, а ее мама. Она не уехала в командировку. Она умирала.

Я медленно поехал домой. Я знал, что мне не следовало ехать за Маргарет в больницу, что я не имел никакого права вторгаться в ее личную трагедию, но по крайней мере теперь я все понял. Теперь все встало на свои места: почему Маргарет всегда надо было куда-то идти.

Почему она казалась такой рассеянной. Почему не хотела вырваться из временной петли. Временная петля была единственной причиной того, что ее мама все еще жива.

Я все еще не мог понять, почему Маргарет держала это в тайне, но это было не так уж важно. Это не моя история. Я-то думал, что я в этой истории главный герой, во всяком случае один из двух, но это даже близко не было так. Я был просто эпизодическим персонажем. Статистом.

Я не знал, чем себя занять, так что остановился в центре города, купил карту, поехал домой и заполнил ее. Я смотрел на совершенные мгновенья и пытался понять, что еще осталось. Для «скачущего мячика (09.44.56)» уже слишком поздно. Для «стройки (10.10.34)» тоже. Еще можно успеть на «вращающуюся дверь (17.34.19)». Ну и на старую добрую «падающую звезду (21.17.01)».

Я понял, что уже давно не видел новых совершенных мгновений. В какой-то момент я просто перестал искать. Я уже не был суперживым. Я перестал жить настоящим. Провалился в прошлое.

Но какой в этом смысл? Все это вдруг стало казаться глупым. Совершенные мгновенья, что они вообще значат? Это банальная удача, и все. Совпадения. Статистические аномалии. Я погуглил и выяснил, что кто-то даже просчитал все это – некий математик из Кембриджа по имени Джон Литтлвуд (1885–1977, спасибо «Википедии»). Он утверждал, что если считать чудом события с вероятностью один к миллиону, то при должном внимании к окружающему миру в течение восьми часов ежедневно и частоте маленьких событий одно в секунду, можно каждый день увидеть около тридцати тысяч событий в день, то есть примерно миллион в месяц. Так что, в среднем, вы будете видеть чудеса раз в месяц (или раз в тридцать три дня и одну треть, если быть предельно точным). Это называется «закон Литтлвуда».

Вот вам, пожалуйста, по одному чуду в месяц. Не так уж они и редко встречаются. Но я все равно продолжал смотреть на карту, уделяя особое внимание тем мгновеньям, которые нашла Маргарет. Такова любовь. А я правда любил ее. Мне стало легче, когда я понял, почему она не могла полюбить меня сейчас, а возможно, и никогда, но не стану притворяться, что мне не было больно.

Совершенные мгновенья были распределены на удивление равномерно. Ночью их было меньше, потому что ничего не происходило, да мы особо и не искали, но в остальном день был заполнен равномерно. В расписании был только один пробел, прямо перед рассветом – пустое место, где статистически должно было бы быть еще одно маленькое чудо, просто мы его так и не нашли.

Чем дольше я смотрел на карту, тем сильнее мне начинало казаться, что в ней есть какая-то закономерность. Я стал играть в игру: притворись, что точки на карте – это звезды в созвездии. На что оно похоже? Слушайте, ну никто не должен извиняться за вещи, которые он делает, когда любимый человек покинул его жизнь, а у него вдобавок слишком много свободного времени. А у меня его было бесконечное количество. Я стал соединять точки линиями. Вдруг получится что-нибудь. Но что? Ее имя? Ее лицо? Наши инициалы, сплетенные в красивый романтический вензель?

Но нет. Когда я соединил все точки, получилось вот что:

Но не совсем. Не хватало одной точки в нижнем левом углу.

Я усталился на это место, и мне пришла в голову забавная идея: а что, если карту можно использовать не только для записи того, где и когда случились совершенные мгновенья, но и для их предсказания? Это была дурацкая, ужасная идея, но я все равно взялся за линейку и принялся чертить. Недостающая точка приходилась на холм Блу-Нан, который я хорошо знал, потому что оттуда было здорово кататься на санках зимой, которая при нынешнем раскладе

вряд ли когда-нибудь наступит. Там наверняка должно что-то происходить, и, судя по расписанию, незадолго до рассвета.

Так сложилось, что я знал: солнце четвертого августа вставало в 5.39 утра. Я дождался полуночи, поставил будильник на пять, чтобы проснуться к последнему недостающему совершенному мгновению.

Я доехал до холма в теплой летней темноте. На улицах было пусто, фонари все еще горели, в домах спали люди, отдыхавшие, чтобы наутро проснуться бодрыми и веселыми и бродить лунатиками еще один день. Было совсем темно, ни намека на просветление на горизонте. Я припарковался у подножия холма.

В этот ранний час бодрствовал не только я. На парковке стоял серебристый «Фольксваген».

Я вообще-то никогда не видел, как морские пехотинцы или другие военные форсируют холм, но уверен, что я взлетел на него в точности как морпех. На вершине был большой валун, который десять тысяч лет назад, во время Ледникового периода, небрежно обронил проходивший мимо ледник. На нем сидела Маргарет, притянув колени к подбородку и задумчиво глядя на темный город.

Она услышала, как я подхожу, потому что после пробежки по холму я задыхался и пыхтел совсем не как морпех.

– Привет, Марк, – сказала она.

– Маргарет, – ответил я, когда отдышался достаточно, чтобы хоть что-то сказать. – Привет. Рад тебя видеть.

– Я тоже тебя рада видеть.

– Можно я побуду с тобой?

Она похлопала по камню рядом с собой. Я приободрился. Холм был повернут на восток, и горизонт стал окрашиваться в глубокий лазурный цвет. Некоторое время мы сидели молча, но молчание не было неловким. Мы просто готовились заговорить.

– Прости, что сбежала вот так, – сказала наконец она.

– Ничего, – ответил я. – Имела право.

– Нет, я должна все объяснить.

– Это необязательно.

– Но я хочу.

– Хорошо. Но прежде, чем ты это сделаешь, я должен тебе кое в чем признаться.

Я рассказал, как проследил за ней до больницы и видел ее с мамой. Когда я произнес это вслух, прозвучало еще хуже.

– Хм, – она задумалась. – Да нет, я все понимаю. Я бы, наверное, сделала то же самое. Хотя звучит жутковато.

– Знаю. Мне тоже в тот момент так казалось, но я не мог остановиться. Послушай, мне правда очень жаль. Насчет твоей мамы.

– Все в порядке.

Но на последнем слове Маргарет запнулась, ее лицо исказилось, и она уткнулась лбом в колени. Ее плечи беззвучно сотрясались. Я погладил ее по спине. Больше всего на свете мне хотелось отдать все свои ежемесячные чудеса разом и навсегда, лишь бы помочь ее горю. Но так это не работает.

– Маргарет. Мне так жаль. Так жаль.

Вокруг нас радостно и бестактно защелкали птицы. Маргарет деловито вытерла слезы тыльной стороной ладони.

– Я бы хотела еще кое-что объяснить, – сказала она. – Накануне того, как все это началось, я навещала маму в больнице, и врачи сказали, что прекращают лечение. Было бессмысленно...

На последнем слове она всхлипнула. Ее снова накрыло горем, и она была не в силах продолжать. Я обнял ее за плечо, и она заплакала, уткнувшись мне в шею. Я вдыхал запах ее волос. Она казалась такой хрупкой и драгоценной, с этим огромным горем внутри. Она держала его в себе все это время. Мне хотелось забрать его себе, но я знал, что это невозможно. Это ее ноша. Только она может ее нести.

– В ту ночь, ложась спать, я думала только о том, что не готова. – Она сглотнула. Ее глаза были все еще красными, но уже сухими, а голос звучал твердо. – Я была не готова ее отпустить. Мне всего шестнадцать, и я не готова жить без мамы. Она мне так нужна. В ту ночь я думала только о том, что завтра не может наступить. Время не может идти вперед. Мне хотелось нажать на аварийный тормоз времени. Я даже сказала это вслух: «Завтра не может наступить».

– И когда я проснулась утром, это оказалось правдой. Был опять тот же день. Время для меня остановилось. Не знаю, почему. Наверное, оно просто пожалело меня. Кто-то где-то решил, что мне нужно еще немного времени с ней. Вот почему я сбежала с того самолета. Я боялась, что это сработает, а я не готова.

Мы некоторое время помолчали. Я думал о любви в сердце Маргарет, о том, как много ее должно было быть, раз даже время не смогло ей противостоять. Нет никаких четырехмерных существ. Это просто сердце Маргарет. Оно было таким сильным, что сломало время.

– Но я знала, что тут есть подвох. Я всегда это знала. Подвох был в том, что, если я влюблюсь, все закончится. Время снова пойдет своим чередом, как всегда, и заберет маму с собой. Не знаю, откуда, но я знала, что таковы условия сделки. Когда я полюблю кого-то, я пойму, что настало время попрощаться навсегда. Я думаю, именно поэтому ты здесь. Чтобы я влюбилась в тебя. Вот почему тебя втянуло во все это. Я поняла это, как только увидела тебя.

Солнце почти встало, небо светлело, и мне казалось, что внутри меня тоже встает солнце, теплое и яркое, заполняя все мое существо любовью. Потому что Маргарет меня любила. И в то же время я плакал – печаль никуда не делась, вовсе нет. Я был счастлив и несчастен одновременно. Я размышлял о том, что такое время: как оно ломает нас каждую секунду, как мы все время теряем мгновения, как они вываливаются из нас, будто набивка из мягкой игрушки, до тех пор, пока не кончатся и мы не потеряем их все. Навсегда. Но в то же время мы набираем мгновенья, секунда за секундой. Каждое из них – подарок, и к концу жизни мы накапливаем огромное богатство из таких мгновений. Невообразимое богатство. Время и отнимает у нас мгновенья, и дарит их.

Я взял Маргарет за руки.

– Уже пора? Сегодня последний день?

Она торжественно кивнула.

– Последний. Последнее четвертое августа. Во всяком случае, до следующего года. – По ее щекам снова потекли слезы, но она улыбалась сквозь них. – Теперь я готова. Пора.

Солнце проклюнулось сквозь линию горизонта и начало подниматься.

– Знаешь, что забавно? – сказала Маргарет. – Я все ждала этого. Ну знаешь, последнего совершенного мгновенья. Как положено по карте. Но, наверно, мы пропустили его, пока разговаривали.

– Не думаю, что мы его пропустили.

Я поцеловал ее. Можно всю жизнь искать совершенные мгновенья, но иногда их нужно создавать самому.

Спустя несколько секунд – лучших секунд в моей жизни – Маргарет отстранилась.

– погоди, – сказала она. – Мне кажется, это не оно.

– Не оно?

– Не совершенное. У меня во рту был волос, – она откинула волосы в сторону. – Ну давай, поцелуй меня еще раз.

И я поцеловал ее. И на этот раз получилось совершенно.

Благодарности

Спасибо каждому читателю, который взял в руки мою первую антологию, «12 историй о настоящей любви». В наши дни сложно найти того, кто любит рассказы, и я очень рада, что так много людей дали им шанс. Я надеюсь, вам понравится и этот сборник. Я невероятно им горжусь.

Спасибо Кейт Тестерман – за все. Спасибо Саре Гудман за ее безупречный стиль и за то, что научила меня столь многому в моей профессии. Спасибо Мишель Кэшман, Алише Клэнси, Энджи Джаммарино, Анне Горовой, Ольге Грлич, Бранту Джейнвэю и Джессике Катц за поддержку и упорный труд. Спасибо Венеции Гослинг, Кэт Маккенна и Рэйчел Петти за наш успех в Великобритании. Спасибо всем авторам моего первого сборника за постоянную поддержку. И отдельное спасибо всем авторам за ваш талант, юмор, амбиции и доброту. Брэнди, Вероника, Джен, Джон, Кэсси, Лев, Ли, Либба, Нина, Тим и Франческа – мне очень понравилось работать со всеми вами.

Спасибо моей семье. Всегда.

И спасибо Джерроду Перкинсу.

Всегда + всегда × всегда.